

А. Богданов

СУВОРОВ

ПОБЕДИТЕЛЬ ЕВРОПЫ

Аннотация

В этой книге впервые рассказывается правда о формировании военной мысли и источниках побед лучшего полководца России и Европы. Личность Суворова кажется хрестоматийной, деяния его общеизвестны, все его документы и письма опубликованы. Автор этой книги, крупный российский историк, одним из первых их внимательно изучил и рассказал читателю – вместо множества легенд и баек о великом полководце – как сам Александр Васильевич Суворов понимал войну и армию, задачу и личность солдата. Суворов окажется остроумным мыслителем и глубоким философом, каким вы его не знали. А те, кто считает себя знатоками военного дела, просто не хотят знать. Ведь мысли, взгляды и дела полководца XVIII века всем им – живой укор. Не имея соперников среди людей, он бросил вызов самой войне. И этот бой его мысль ведёт до сих пор.

Андрей Петрович Богданов Суворов Победитель Европы

Введение Непобедимый полководец

«Победитель Европы» – не слишком ли сильно сказано о человеке, который большую часть побед одержал над турками, и то благодаря необычайной силе духа и особой, русской доблести своих солдат? Разве суворовская армия «чудо-богатырей» не была исключительно национальным явлением? И разве Суворов Европу победил? Мог ли он вообще победить армии Запада, среди которых в то время ярко выделилась армия революционной Франции?

Нет, дорогой читатель, заглавие этой книге дано справедливо. «Победитель Европы» сказано о Суворове вовсе не слишком сильно, во всех смыслах. Нам нет резона прикрываться фактом, что все его войны велись на территории Европейского континента. Европа уже в XVIII в. была чётко очерченной культурно-экономической и военной общностью, в которой лидирующее положение принадлежало Западу. Ни Османская империя, ни Крым, ни Кавказ, ни Дунайские княжества в эту общность не входили. В войнах против турок-осман и их союзников Суворов вёл в бой европейские войска, превосходившие противника силой Запада, обрушившейся на Восток.

Непобедимый полководец сам был европейцем по культуре. Военная наука, которую он создал, сознательно формировалась им на основе европейских достижений в области вооружений, организации и тактики войск. Именно в сражениях против пруссаков и поляков родилась его новаторская тактика и революционная стратегия, рассчитанная на скорейшее завершение войны путём лишения неприятеля средств продолжать боевые действия. И именно в войне против революционной Франции достижения Суворова были сурово проверены – путём разгрома её лучших армий и полководцев.

Поражения избежал только Наполеон. «Бог в наказание за мои грехи, – сетовал в Итальянском походе Суворов, – послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его». Наполеон, как известно, бросил свою армию в Египте и устремился в Париж, получив письмо Талейрана: «Суворов каждый день торжествует новую победу; покоритель Измаила и Варшавы, впереди которого идет фантастическая слава, ведет себя, как проказник, говорит, как мудрец, дерётся, как лев, и поклялся положить оружие только в Париже... Франция гибнет, не теряйте времени». Нет сомнений, что и генерал Бонапарт, попытавшись

остановить тщательно продуманный Суворовым марш из Северной Италии на Париж, был бы разгромлен, подобно генералам Макдональду, Жуберу и Моро.

Даже военный гений Наполеона был не в силах изменить ситуацию, созданную бездарной политикой прогнившей Директории, заправлявшей делами Франции. К этому моменту в Лондоне, Вене и самом Париже прекрасно понимали, что у суворовских войск нет противника, способного не то что остановить, но даже задержать их наступление на столицу Франции. Понимал это и Наполеон, который, едва опасность для Парижа миновала, сверг Директорию и принялся создавать для Франции новую, Великую армию. Суворова остановило и отправило в Альпы прямое и неприкрытое предательство союзников России: Англии и Австрийской империи.

Полководец был поставлен в самое невыгодное положение. Он был окружён в горах многократно превосходящими силами неприятеля, линии его снабжения были перерезаны, войска не имели боеприпасов, продовольствия и даже сапог. Ему противостоял, во главе опытных и победоносных войск, едва ли не лучший революционный генерал Массена, под началом которого были прекрасные генералы Мортье, Сульт, Лекурб и Молитор (будущие маршалы и пэры Франции).

«Теперь идти нам вперед... невозможно, – говорил сам Суворов, по рассказу его лучшего ученика Багратиона. – У Массена свыше шестидесяти тысяч, а у нас нет и полных двадцати. Идти назад – стыд!.. Русские и я никогда не отступали! Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей на пищу, а менее того боевых артиллерийских снарядов и патронов. Перед нами враг сильный, возгордившийся победою... Победою, устроенной коварной изменой!.. Нет, это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, разумное, рассчитанное предательство русских, столько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь нам ждать не от кого. Одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых... Мы на краю пропасти... Но мы русские! Спасите, спасите честь и достояние России и ее самодержца!»

У Суворова оставался один резерв – нравственное превосходство его солдат, которое он с войны против Фридриха Великого тщательно воспитывал. Это была вовсе не отчаянная храбрость и презрение к смерти. «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, – убеждал Суворов, – только тщетны они, если не будут истекать от искусства». Суть военного искусства состояла в том, что Суворов первым и наиболее громко признал, что солдат – человек, сознательно, благодаря воспитанию, побеждающий вначале противника в себе, а затем и врага на поле боя.

Этой истины не только многие современники Суворова, но и историки долго осознать не могли. Даже его знаменитое, многократно повторённое изречение: «Каждый воин должен понимать свой маневр» – цитировалось упрощённо: «Каждый солдат должен знать свой манёвр». «Знать» и «понимать» – колоссальная разница! Армия Суворова, до последнего солдата, способна была принимать сознательные решения. На каждого своего офицера и унтер-офицера, ещё со времён первой польской кампании, полководец мог положиться как на самого себя, потому, что те могли положиться на солдат. Такого упора на личность и нравственные качества солдата ни в одной европейской армии ещё не было. «Без добродетели нет ни славы, ни чести», – твердил Суворов, имея в виду, что без добродетели нет самой победы.

В 1799 г. в Альпах созданная и одухотворённая Великой революцией армия окружила попавших в западню суворовских солдат. Никогда впоследствии французские войска, которые многократно умножит, прекрасно вооружит и обучит Первый консул, а затем император Бонапарт, не будут пылать столь возвышенными чувствами и столь искренне верить в свою мировую миссию. Наполеон разгромит всю Европу имперской, откровенно грабительской армией. В Россию он приведёт, по словам Багратиона, «не иное что, как сволочь со всего света», которую он не сможет противопоставить духу солдат, защищающих Отечество. В этой, как говорил Суворов, «внутренней человечности» и будет состоять

различие русских войск с армией «двунадесяти язык», которая почти целиком останется лежать под снегами России.

При равенстве вооружений, тактики и стратегии, даже сходстве военной формы, Наполеон, случись сразиться против Суворова, не мог победить. Он сам это, хоть и не желая, признавал, отзываясь о русском полководце злобно-завистливо. Признавая силу его воли и характера, Наполеон отказывал Суворову в военном таланте и причислению к великим полководцам. Гуманнейшего из современных ему военачальников он, не понимая причины «блестящих успехов» русских, именовал кровожадным «варваром». Такое отношение ясно выдает замешательство Наполеона и его страх перед сравнением с Суворовым. Александр Васильевич, напротив, высказывался о Бонапарте в высшей мере уважительно, как того заслуживал молодой генерал, гениально применивший в военном деле достижения Французской революции¹. Он ещё перед Итальянским походом тщательно изучал со своим штабом действия французов, добываясь того, чтобы русские командиры всегда умели предугадать шаги возможного противника.

Так и случилось. В Итальянском и Швейцарском походах каждый русский генерал, офицер и солдат действовал лучше неприятеля, опережая его в военной науке. В Италии все революционные армии были биты. Суворов, усиленно занимаясь обучением русских и австрийских войск, нисколько не сомневался в своём полном превосходстве над сильным неприятелем. Битва при Адде, против мудрого Моро, была жаркой. Но Суворов не отметил возможной задержки из-за неё в планах движения на Милан. Победа малыми силами была предусмотрена. Для большей части войск, не участвовавших в сражении, вечером были проведены манёвры. А при Нови 15 тыс. русских, используя преимущества своего строя и плотного взаимодействия, взяли укрепленные в горах позиции 35–45 тыс. французов, истребив половину неприятельской армии и потеряв убитыми 353 человека.

И в Альпах превосходное по боевому духу 60-тысячное французское воинство, имевшее все стратегические и тактические преимущества, было разгромлено 20-тысячной оборванной и голодной армией Суворова. Победа была одержана суворовской школой, благодаря которой в 2-дневном сражении в Муттенской долине 7 тыс. русских одним левым флангом опрокинули и начисто разгромили 15 тыс. французов. Массена бежал, оставив в руках казаков свой эполет, храбрый генерал Ле Кур Гюйо попал в плен. Разбив все противостоящие войска, не проиграв ни одного боя, Суворов победоносно вышел из Швейцарии. «Русский штык прорвался сквозь Альпы», – записал он.

Все участники похода признавали, что лучшая армия Европы была побеждена Суворовым вовсе не благодаря обычной военной науке, в которой французы не уступали великому полководцу. А благодаря её сердцевине, сформированной Суворовым, которую остальная Европа ещё долго не сможет вычислить, а в русской армии многие забудут. Начиная с генералов штаба все солдаты Суворова приняли сознательное решение любой ценой разгромить врага. Полководец детально изложил им ситуацию и получил ответ:

«Отец наш Александр Васильевич! Мы видим теперь и знаем, что нам

¹ За Суворовым были записаны такие высказывания о Наполеоне после его блестящей Итальянской кампании: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей. Он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе. Он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея всюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введомая неодолимая сила натиска – более не надобно. Сопротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей! Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем. Великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет».

предстоит. Но ведь и ты знаешь нас... Все перенесем и не посраим русского оружия. А если падём, то умрем со славою. Мы русские! Клянемся в том пред всесильным Богом!» – «Надеюсь! Рад!» – ответил Суворов. – Помилуй Бог, мы русские! Благодарю, спасибо! Разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством будет! Победа! С Богом!»

Старшим генералом, отвечавшим Суворову, был прибалтийский немец Вилим Христофорович Дерфельден. Нам эти речи на военном совете в Муттенской долине передал чистокровный грузин князь Пётр Иванович Багратион. Все они, пройдя школу Суворова, искренне ощущали в себе русский дух – ту высокую духовность, значение которой полководец осознал ещё в молодости, сражаясь с пруссаками и поляками. «Одна лишь сила воли русского человека, с любовью к Отечеству и Александру Васильевичу могла перенести всю эту пагубную напасть», – утверждал Багратион.

Лучшую армию Западной Европы разгромили не отчаянно храбрые варвары, а европейские солдаты, превосходящие противника духом. Значение победы Суворова над Европой поняли тогда все смыслящие в военном деле люди. Первый из плеяды лучших революционных полководцев, Моро, говорил: «Суворов есть один из величайших генералов. Никто лучше его не умел воодушевлять войска, никто не соединял в себе в высшей степени качеств военачальника». Такого же мнения о Суворове были талантливые французские генералы Массена и Макдональд. Массена признал, что с радостью отдал бы все свои виктории за один Швейцарский поход Суворова. На другой стороне Ла-Манша «великими и блистательными подвигами» Суворова и его духовными качествами восхищался лорд Горацио Нельсон. Лично знавший полководца национальный герой США Джон Поль Джонс ставил «величайшего воина» Суворова в ряд с Александром Македонским, Ганнибалом, Цезарем, Густавом Адольфом и Фридрихом Великим.

Джонсу принадлежит едва ли не самая глубокая среди современников характеристика Александра Васильевича: «Это был один из немногих людей, встреченных мною, который всегда казался мне сегодня интереснее, чем вчера, и о котором завтра я рассчитывал – и не напрасно – открыть для себя новые, еще более восхитительные качества. Он неожиданно храбр, безгранично великодушен, обладает сверхчеловеческим умением проникать в суть вещей под маской напускной грубоватости и чудачеств... Он не только первый генерал в России, но, пожалуй, наделен всем необходимым, чтобы считаться первым в Европе».

Русским авторам, писавшим о Суворове в ещё более возвышенных выражениях, он представлялся урождённым военным гением, чем-то вроде бронзовой статуи. Великая беда всех имеющих книги о полководце именно в том, что никто не ставил себе чёткой задачи проследить развитие его военной мысли. В самом деле – не мог же Александр Васильевич родиться со столь ясными военными взглядами или почерпнуть их в детстве из книг. Не мог – и не родился. В книге, которая лежит перед вами, мы впервые разберёмся в том, как и в каких обстоятельствах постепенно складывалась военная концепция, а затем военная философия победителя Европы.

Для этого у нас есть великолепный, абсолютно достоверный источник: рапорты, распоряжения и письма Суворова, описывающие его военные действия и, главное, ход его мысли по годам, месяцам и даже дням. В них он сам последовательно рассказывает не просто о ходе событий, а о более важном – о мотивах своих решений. Разумеется, я использую в рассказе множество других материалов, позволяющих видеть события «со стороны», в том числе с позиций противников. Но это не главное.

Самое важное свойство суворовских писем и документов в том, что через них насквозь, на протяжении десятилетий, проходит одна и та же мысль: какой урок следует извлечь офицеру и солдату из реального, тщательно анализируемого автором опыта боевых действий? Полководец всегда задавал этот вопрос себе, адресуя ответы своим современникам. Его мысли, судя по документам и результатам боёв, в XVIII в. встречали полное или частичное понимание. «Непробиваемым» оставалось лишь сознание историков, которые просто не хотели рассмотреть ход и развитие мысли Суворова так, как он вполне

ясно нам изложил.

Мы с вами исправим это упущение, впервые рассмотрев развитие военной мысли Суворова с его первых шагов до величайших побед. И главным источником суворовских идей окажется Европа. Труды Цезаря, маршала Тюренна, полководцев XVIII в. Евгения Савойского и Морица Саксонского, прочитанные в детстве, приведут его на поля сражений в Пруссии и Польше. Именно тут сложится и разовьётся в стройную систему его тактика и система обучения солдат. Здесь родится его стратегия и возникнет философия военных действий, соединившая опыт европейских войн с православной русской культурой.

Многолетние турецкие войны, действия Суворова в Крыму, на Кубани, на Кавказе, в созданной им Новороссии и в Дунайских княжествах рассматривались Александром Васильевичем как частные случаи применения более широкого европейского опыта ведения войн. Именно так – вслед за Суворовым – мы и рассмотрим их, перед тем как снова вернуться в Польшу, которую полководец вновь устремился спасти. Квинтэссенцией его военной мысли стала кампания 1799 г. в Италии. А проверкой его идей на прочность – Швейцарский поход, увенчавший карьеру непобедимого полководца.

Суворов – мыслитель и даже философ: звучит необычно. Все знают его именно как человека действия. Что ж, действий в книге будет предостаточно! Но нам они интересны с той же стороны, с какой сам Суворов подходил к солдату: с точки зрения его мысли, его видения и понимания мира, развития его духа. От подчинённых полководец всегда требовал осмысленных действий – так не будем отказывать в них ему самому.

Не будет в этой книге одного – домыслов, которыми биография генералиссимуса окружена в великом изобилии. В мусорную корзину у нас вылетит огромная масса записанных и изданных в первой половине XIX в. анекдотов и «солдатских» баек о Суворове, его непонятого происхождения «изречений» (за исключением его слов, переданных верными и понимающими учениками) и море рассуждений позднейших историков.

Мне не очень понятно наполнение книг о Суворове этим мусором, если его собственные достоверные рассказы почти обо всём, что он делал, составляют очень толстый том писем и несколько таких же объёмистых томов его документов! Кроме того, признаюсь, очень трудно писать лучше, чем сам Суворов. Слово Александра Васильевича столь ёмко, мощно и талантливо, что филологи сравнивают его с пушкинским. Оно настолько сильно, что часто доходит до широкого читателя ослабленным и урезанным, до неузнаваемости искаженным.

Сравните только хрестоматийное: «глазомер, быстрота, натиск», – с подлинным изречением полководца, ставившего на первое место дух, на второе – ум, затем – дисциплину, а целью стремительного разбития неприятеля полагавшего гуманный мир:

Вот моя тактика:

отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

Слово Суворова – главный враг придуманных историками мифов о нём. Вместо туповато-прямолинейного солдафона, каковым его делает историческая легенда, перед нами предстает мудрый военачальник и добрейший, по обстоятельствам ироничный человек, понимающий, почему слава его побед вызывает у людей зависть, естественно выраженную в клевете. «Сегодня – счастье, завтра – счастье, помилуй Бог, надо же когда-нибудь и уменье!» Ирония Суворова сильна, но он никогда не опускается до уничижения противников, признавая сильные качества даже за придворными интриганами: «Для двора потребны три качества: смелость, гибкость и вероломство».

В этом изречении видна продуманная звукопись. Да – Александр Васильевич и силу смысла слова прекрасно понимал, и мощь звукового его выражения – не только в командах – тщательно пестовал. В достоверных цитатах голос Суворова, как и гул его побед,

продолжает звучать сокрушительно, как Иерихонская труба. Время над ним не властно.

Не случайно враги полководца ещё при жизни пытались представить Александра Васильевича косноязычным чудачком, выражавшимся подчёркнуто простонародно. Слова его неприятели боялись не менее чем «стремглавного меча». Великолепно зная русскую и иностранную, древнюю и новую литературу, свободно изъясняясь на нескольких европейских языках, полководец пользовался словом столь же неотразимо, как оружием.

«Господа Пулавские невинности лишились, – написано в 1769 г., – в самом деле, никогда их так не разбивали... Тут-то и пришел бы им конец... но малая часть моих войск, сплошь пехота, их спасла. Я кончил дело». Там же, в Польше, сделано признание внимания к языку и литературному стилю, обычно скрываемое: «“Сикурс” есть слово ненадежной слабости, а “резерв” – склонности к мужественному нападению; “опасность” есть слово робкое... и от меня заказанное, а на то служит “осторожность”... Сикурс, опасность и прочие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть... а ленивым, роскошным и тупозрячим – для подлой обороны».

Полководец использовал слово как могучую духовную силу, как знамя русское, ведущее в бой его «чудо-богатырей». «На походе, встретясь с басурманами, их бить!.. Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная, дальняя погоня!» Это не поэма, а самая передовая по тактике диспозиция сражения, за которое Александр Васильевич получил титул «граф Рымникский».

Вот не менее поэтичное письмо «Любезной Суворочке» – дочери в Смольный институт – из Кинбурнского ада: «У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцевали, то я с балета вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили с театра». Но чтобы девочка не волновалась – пишет, будто уже оправился от ран и объезжал Днепровский лиман верхом: «Как же весело на Чёрном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики... Прости, мой друг Наташа; я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту “За Веру и Верность”. Вот каков твой папенька за доброе сердце!»

И тут же, дабы потомки не слишком умилялись, – язвительный отзыв о военных, которые «купались в чаю, пока мы купались в крови!» Полные сарказма стихи и эпиграммы Суворова поражают точностью образов. Вот весь, как на ладони, князь Потемкин:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

В архиве полководца целая груда «всеподданнейших» обращений к власти имущим – и тут же: «Вы знаете меня, унижу ль я себя? Лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести». «На что моё достоинство поручать зависимости? Искусство не может терпеть порабощения». Искусство! Вот как он смотрел на командование войсками.

В личных письмах и записках – резкий разрыв между невозможностью «ползть» и жаждой продвижения, которое одно лишь могло дать поле деятельности гиганту военного искусства: «Дайте волю быстроте разлива моего духа, благумудро исправьте шлюз... Истинно не могу утолить пожара в душе моей!» Но: «Я ползть не могу, вались хоть Вавилон». Императору из ссылки: «Повергая себя к освященнейшим стопам». Тогда же другу: «Я тот же, дух не потерял. Обманет меня всякий в своем интересе, надобна кому моя последняя рубашка, ему её отдам, останусь нагой. Через то ещё не мал».

Сердечная благодарность Господу за победы и правительству за награды – и «Miscelania моя», заметки для себя: «Без денег, без мызы и саду, без экипажа и ливреи, без банкета... без друзей и без гласа – никому не равен, желать ли мне быть равным? Какая новая суета – мне неведома! Без имения я получил имя свое. Судите – никому не равен».

Ирония, игра смыслами? Да. Но и спокойная мудрость военачальника, не потерпевшего ни одного поражения благодаря полководческому дару, мастера, уверенного в своем искусстве.

Искусстве – и человечности, той добродетели, без которой, как был уверен Суворов, «нет ни славы, ни чести». «Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны; но внутреннее человечество мое скрыто, – говорил полководец художнику, писавшему его портрет. – Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей».

Как же так, спросят читатели, наслышанные о свирепых казнях и расправах, которые великий полководец якобы устраивал и внутри страны, при подавлении восстания Пугачева, и вовне её, во время польских восстаний. Прочитав эту книгу, вы увидите, что слово Суворова – правда, а то, что написали о нём не столь совестливые историки, – ложь. Ни один человек не был убит полководцем или по его приказу иначе чем в бою, ни один не был даже жестоко наказан им за всю его долгу и бурную жизнь.

Понимаю, в это сложно поверить, имея даже приблизительное представление о нравах XVIII века. Мало кто в те жестокие времена мог возвыситься до подлинно христианской добродетели. Для этого требовалась незамутнённая вера и великая сила духа, как, например, у святого адмирала Фёдора Ушакова. Но ведь история Руси знает таких подвижников и в более грозные времена: вспомним хотя бы святого князя Александра Невского, любившего и прощавшего страшных врагов...²

Мы с вами много раз убедимся, насколько слово Суворова точно и ёмко выражает величие его дел и его личности. Через все его подвиги – до конца. На могиле Александра Васильевича в Александро-Невской лавре написаны по его воле три слова: «Здесь лежит Суворов». Лучше о нём не скажешь!

Взглядом на мир моего искренне любимого героя можно было бы ограничиться. Но... фигура Суворова в общественном сознании – это целый клубок домыслов и легенд, которые предстоит развеять, чтобы добродетельный человек, великий полководец и одухотворенный искренней верой государственный деятель предстал перед читателем в своём истинном облике. И здесь правда сияет столь ярко, что злобной лжи и клевете трудно будет отыскать себе хоть малый кусочек тени, чтобы укрыть свои короткие ножки.

Основные источники о жизни и мысли Суворова изданы: А. В. Суворов. Документы. В 4 томах. М., 1949–1953; А. В. Суворов. Письма / Изд. В. С. Лопатин. М., 1987. Ссылки на них даются в тексте, например: Д I.176 – Документы. Т. I. № 176: П 3 – Письма. № 3. Ссылки на номера документов и писем облегчают их поиск в многочисленных компьютерных изданиях. Страницы указываются только для очень обширных текстов.

Глава 1 Первые шаги

Был счастлив потому, что повелевал счастьем.

«Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины», – писал Суворов на склоне дней. Однако и после двухсот лет изучения биографии полководца о происхождении и первых трех десятилетиях его жизни мы знаем немного.

Александр родился 13 ноября 1730 г. в Москве, видимо, в доме своего отца Василия

² Даже о нём бессовестные историки и публицисты распространили столько сплетен, что я обязан порекомендовать тем, кто желает узнать истину, свою книгу, включившую все без исключения подлинные источники и позволяющую каждому читателю вынести своё обоснованное суждение о святом князе: *Богданов Андрей*. Александр Невский. М., 2009.

Ивановича Суворова на Арbate. Отец его был по тем временам немолод – ему уже исполнилось 25 лет, но учёба за границей и суматошная служба денщиком при Петре I долго не давали жениться и завести детей. Впрочем, близость к царю позволила выходцу из незнатного рода московских подьячих завести важные для последующей карьеры связи при дворе.

Александр Васильевич при возведении в графское достоинство в 1791 г. утверждал, что его род «происходит из древней благородной шведской фамилии, из которой именуемый Сувор, выехав в Россию в 1622 г. при царе Михаиле Феодоровиче, принят в российское подданство, предки же его за крымские и другие походы жалованы были поместьями». Эта семейная легенда не выдержала исторической проверки. Даже дядя Александра Васильевича по отцу, Сергей Иванович, при определении в службу сына в 1756 г. не смог доказать дворянское происхождение своих предков и предъявить жалованные грамоты на вотчины, якобы приобретённые в XVII в.

Дворяне по фамилии Суворов (от распространённого прозвища Сувор – суровый, угрюмый) на Руси известны с XVI в., но их родство с будущим генералиссимусом не прослеживается. Зато историкам известен его дед, московский подьячий (чиновник средней руки) Григорий Суворов, служивший в приказе Большого дворца (который ведал продовольствием царского Двора) и имевший в 1665 г. денежный оклад в 23 рубля и поместный оклад в 200 четвертей (50 га пахотной земли). Поместный оклад в те времена означал право на владение землёй с крестьянами, а не обязательно наделение ими. Но Григорий Суворов умело использовал это право, «кормясь от дел» и покупая себе во владение то сёла, то деревеньки, то отдельные крестьянские дворы.

Суворовых тогда в числе подьячих значилось несколько. Дед Александра Суворова владел купленными и выменянными вотчинами во Владимирском, Нижегородском, Пензенском, Переяславль-Залесском, Суздальском и Ярославском уездах. Его старший сын Иван женился на дочери московского гостя (богатого купца) Сырейщикова. Отец полководца Василий женился на дочери подьячего, затем дьяка Поместного приказа, наконец – Санкт-Петербургского воеводы Федосея Манукова. Третий сын, Александр, женился на графине Зотовой, из известной семьи дьяка, ставшего учителем царя Петра. Московская административная среда вместе с аристократией стала опорой преобразований, начатых старшим братом Петра царём Фёдором (1676–1682)³ и продолженных самим Петром.

Иван Григорьевич Суворов был определён подьячим в штаб формируемых Петром «потешных», затем гвардейских полков. Заняв не видную на первый взгляд должность ротного писаря Преображенского полка, он стал затем подьячим Преображенского приказа (ведавшего помимо прочего политическим розыском) и дослужился до звания генерального писаря лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков. Его сын Василий, родившийся в 1705 г. от второй жены, Марфы Ивановны (видимо, урождённой Кайсаровой), был послан своим крёстным отцом – царём Петром – для обучения за границей на государственном коште. В инструкции Зотову, в то время агенту Адмиралтейства по найму иностранных специалистов, Петр написал о Василии Ивановиче: «Суворова отправить в Мардан, где новый канал делают, также и на тот канал, который из океана в Медитеранское (Средиземное. – *Авт.*) море приведён, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починяют и чистят, чтобы он мог присмотреться к машинам и прочему, и мог бы у тех фабрик учиться».

Учился Василий Иванович военно-инженерному делу. В 1724 г., вскоре по возвращении в Россию, он опубликовал перевод классической книги по новейшим тогда способам фортификации: «Истинный способ укрепления городов, издание славного инженера Вобана»⁴. По ней он впоследствии учил сына. «Покойный батюшка, – вспоминал

³ Богданов А. П. Несостоявшийся император Фёдор Алексеевич. М., 2009.

⁴ Маршал Франции Себастьян де Вобан (1633–1707) – руководитель военно-инженерных работ во Франции

Александр Васильевич, – перевёл способ Вобана с французского на русский язык и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода изволил сам меня руководствовать к познанию сей столь нужной и полезной науки», как фортификация.

С этими знаниями Василий Иванович и устроился (по словам сына) денщиком и переводчиком к царю Петру. Тот вскоре умер, а на престол вступила его вдова Екатерина I. При ней Василий Иванович был «выпущен лейб-гвардии от бомбардиров сержантом», произведен в первый офицерский чин прапорщика и назначен в Преображенский полк, в котором дослужился до капитана гвардии. В начале этой службы он женился на Авдотье, дочери бывшего подьячего и дьяка, а ныне офицера Преображенского полка Федосея Манукова. По звучанию его фамилии, близкой к армянской фамилии Манукян, предполагают, что по материнской линии Александр Васильевич получил часть армянской крови. Это возможно: в Москве XVII в. проживало немало армян, прекрасно адаптировавшихся в русской православной среде. Дед генералиссимуса Семён Мануков, кем бы он ни был по роду, служил подьячим в Монастырском приказе, то есть принадлежал к той же среде, что и предки Суворова со стороны отца.

Наиболее вероятным местом рождения Александра Васильевича считают дом на Арбате, неподалеку от Серебряного переуллка, возле церкви Николая Явленного. Он был получен Василием Суворовым в качестве приданого от отца невесты, Федосея Семёновича Манукова. В Никольском храме, вероятно, младенец Суворов и был крещен в честь св. Александра Невского, память которого празднуется 23 ноября.

Мальчику было 10 лет, когда семья переехала за город, в дом на берегу Яузы, в Покровской слободе, в приходе церкви Николая Чудотворца. Лишь после того, как Александр начал действительную службу в гвардии, в 1752 г., село Покровское было включено в пределы г. Москвы.

Свежий воздух и просторы слободы были избраны родителями не зря. Ребенком Александр был слабым и болезненным, но, с детства мечтая защищать Отечество, закалял себя с редкостным упорством. Он обливался холодной водой, спал на жесткой постели; в любую погоду, хоть под проливным дождем, скакал на коне; всю жизнь ел простую и здоровую пищу и ходил в одном мундире, не одевая ни плаща, ни шубы, ни перчаток. В результате о его выносливости ходили легенды, хотя личные письма свидетельствуют, что видимая неутомимость полководца была связана с преодолением им тяжелых недугов и последствий множества ранений.

К физической слабости, которую не могли изменить никакие тренировки, надо прибавить тот факт, что Суворов поздно поступил в службу и почти всегда был намного старше своих соратников. Что он воистину хорошо в себе воспитал, так это умение, стиснув зубы и не подавая вида, переносить чрезмерные для него нагрузки и преодолевать лишения. Временами болезни и раны буквально валили его с ног. Но, едва поднявшись с постели, он реализовал свои планы, которые Фортуна хотела сорвать, с удвоенной энергией.

Стремительные марши, которые совершали по бездорожью, по грязи и мокрому снегу его войска, давались полководцу тяжелее, чем его солдатам и офицерам. Лишь силой духа Суворов заставлял себя не отставать, но быть впереди, да ещё ободрять уставших товарищей. В Швейцарском походе через вершины Альп, потребовавшем от русской армии сверхчеловеческого напряжения сил, когда солдаты падали и замерзали от усталости и холода, 79-летний Александр Васильевич уже умирал – и только поэтому позволил везти себя на коне, а не месил грязный снег вместе со всеми.

Умерщвление плоти, коим на протяжении тысячелетий гордились иноки, было для полководца обычным бытовым правилом. Не давая никаких обетов, Суворов всю жизнь не позволял себе вкусно есть и мягко спать. Постелью его была в лучшем случае жесткая

(с 1677), гениально сочетавший разработанную им теорию защиты и взятия крепостей с практикой, заслуженно считается отцом военно-инженерного искусства Нового времени. Его идеи широко применялись до начала XX в.

походная кровать, которая стояла и в палатке, и во дворцах, где ему частенько случалось жить. В пищу он употреблял в основном каши, иногда добавляя в рацион рыбу и мясо. Он строго соблюдал посты, предлагая всем для здоровья поститься и в неурочное время. Питьём ему служили квас и ягодные напитки. Солдатам тогда был предписан алкоголь, но Суворов и здесь ограничивал себя от «роскошеств»: принимал в лекарственных дозах лишь анисовую настойку.

Под мундиром будущий генералиссимус носил простое солдатское бельё. В нём, – а не в шикарных батистовых рубашках с жабо, как обыкновенно изображают, – он нередко скакал в бой, сняв сковывающий его тщедушное тело мундир. Скакать полководцу приходилось на неприхотливых и низкорослых казачьих лошадаках: крупную лошадь его коротенькие ноги не могли крепко охватить. Конечно, Александр Васильевич в зрелые годы мог завести и роскошные одеяния, и породистых (при этом небольших) арабских коней, и иные «лакомства». Но, каждодневно борясь с физической немощью за право переносить тяготы наравне с вверенными ему солдатами и офицерами, он не давал себе никаких поблажек.

В глазах людей XVIII в., когда мода на роскошь у состоятельных мужчин достигла наивысшей точки, а идеалы святых подвижников были отодвинуты салонными идеями Просвещения, сибаритства и вседозволенности, такое поведение выглядело чудачеством. Зачем месить грязь с солдатами, если штаб-офицер и тем более генерал мог добраться до места в карете или просто не участвовать в учебном походе? Зачем Суворову вообще понадобилось учить солдат совершать изнурявшие и перенапрягавшие его самого марш-броски?! Зачем идти в атаку на самом опасном участке, если можно командовать боем с предписанного генералу места в тылу?!!

Прямого ответа на эти вопросы Суворов никогда и никому не давал. Все его слабости, с которыми полководцу приходилось каждодневно бороться, были надёжно скрыты даже от ближнего окружения, кроме денщика, взятого Суворовым в услужение из крепостных крестьян. Именно на него падала обязанность лечить отбитый зад и стёртые седлом ноги полководца, унимать кровь из открывшихся старых ран и вообще приводить измученного Суворова в состояние, годное к «действительной службе».

Однако, начав подвиг борьбы с плотью стремлением «стать, как все», настоящим солдатом, Александр Васильевич достиг в преодолении своей немощи невиданных высот. Сделав этот подвиг повседневным, он устремился к пределу самоотвержения, равно в труде и в бою. Равнясь на простого солдата, он постоянно, день за днём, поднимал «планку» физических и моральных нагрузок, равно на подчинённых и самого себя. Это делалось не с конкретной целью научиться тому и сему, это было постоянным процессом самоусовершенствования. Прежде всего, усовершенствования духа Александра Васильевича, привыкавшего повелевать материей.

В постоянных тренировках рождались и всемирно известные суворовские «чудо-богатыри», для которых не было ни природных преград, ни слишком сильного противника. Слова «тяжело в ученье – легко в бою» звучат в этом контексте не столь уж хрестоматийно. Появляясь там, где по физическим законам и испытанным правилам войны он никак не мог быть, бросая своих солдат в бой на многократно превосходящего неприятеля, требуя от них: «Делайте на войне то, что противник почитает за невозможное», Суворов всего лишь пользовался плодами того, как он воспитал самого себя, а вместе с собой – и своих богатырей.

К тому, что Суворов стал солдатом и генералиссимусом вопреки своим физическим данным, но исключительно благодаря силе духа, следует добавить, что он отнюдь не был «золотым мальчиком», начавшим военную карьеру благодаря влиятельным родителям.

Его более-менее влиятельный дед Иван Григорьевич умер в 1715 г., ещё до отправки отца на учёбу за границу. Из всей семьи важные должности занимал дед Александра по матери, служивший в 1711–1719 гг. вице-губернатором Санкт-Петербурга, а с 1722 г. – президентом Вотчинной коллегии (ведомства по земельным владениям дворян). Но к

моменту записи Александра в службу умер и Федосей Семёнович Мануков (1742).

В отношении якобы мешавшего Суворову «засилья иноземцев» легенда о юности полководца тоже полна заблуждений. Считают, что отец Александра не хотел записывать его в военную службу по слабости здоровья, а также в связи с всевластием иностранцев при дворе и в армии императрицы Анны Иоанновны. Только после прихода к власти Елизаветы Петровны (и то не сразу) он был в числе других дворянских недорослей зачислен сверх штата в лейб-гвардии Семёновский полк. Это произошло 22 октября 1742 г.

* * *

У этого наемника-историка два зеркала: одно увеличительное для своих, а уменьшительное для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба.

При чем здесь иноземцы, особенно армейские, неясно. Полководец, не раз говоривший: «Горжусь, что я русский», – всю жизнь высоко ценил разнонациональных офицеров и генералов, верно служивших России. В его глазах Багратион и Кутузов, Дерфельден и Милорадович, Розенберг и Ермолов были одинаково русскими. Возмущение Суворова вызывали лишь попытки принизить славу России, русского оружия, слепо подражать порядком битым этим оружием противникам. Вслед за Петром I он с законной гордостью писал: «Природа произвела Россию только одну – она соперниц не имеет».

В отличие от «ура-патриотических» историков Суворов никогда не уничижал своих иностранных союзников. Даже после Швейцарского похода, когда австрийское правительство предало Россию и поставило ее армию на край гибели, генералиссимус писал старому боевому товарищу принцу Кобургу: «Мы обязаны всеми подвигами соединению двух первых армий в Европе в непобедимую Российско-Австрийскую армию. И если снова начинать кампанию, то необходимо сблизиться в системах. Иначе не может быть ни спасения для человечества, ни восстановления угнетенных государей и религии» (П 665).

Мало того – полководец всегда воздавал должное доблестному противнику независимо от подданства и национальности. Обычно его уважение к иноземцам не было взаимным. Объективность встречается в мире столь же редко, как талант и великодушие. Русские и иностранные недоброжелатели, равно как и недалекие хвалители, распространяли о полководце бесчисленные сплетни ещё при жизни Суворова. На выпад одного из них лично ответила императрица Екатерина Великая:

«В 123 номере геттингентской газеты напечатана величайшая нелепость, какую только возможно сказать. В ней говорится, что генерал граф Суворов – сын гильдесгеймского мясника. Я не знаю автора этого вымысла, но не подлежит сомнению, что фамилия Суворовых давным-давно дворянская, спокон века русская и живет в России. Его отец служил при Петре I... это был человек неподкупной честности, весьма образованный, он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых или живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особого уважения».

* * *

Жизнь короткая, а наука длинная.

Того факта, что честнейший Василий Иванович Суворов (дослужившийся позже до чина генерал-аншефа и звания сенатора) успешно нес службу при Анне Иоанновне, было бы историкам довольно, чтобы отместить «засилье иноземцев» как причину «задержки» зачисления Александра в полк. Тем более что на самом деле «засилья» не было. Помимо фаворита Анны Бирона, державшегося в тени, на политической сцене были заметны

иностранные специалисты, призванные ещё Петром I (Миних, Левенвольде, Ласси и др.). Однако виднейшими министрами были Остерман, Головкин, Черкасский, Волынский и Бестужев-Рюмин, которых трудно обвинить в симпатиях к Западу. Сама Анна Иоанновна опиралась на мощную поддержку патриотически настроенной гвардии и московского дворянского общества.

Эта поддержка позволила новой императрице 25 февраля 1730 г., почти ровно за 9 месяцев до рождения Александра, разорвать составленные властолюбивыми аристократами «Кондиции» и восстановить в России самодержавие. Именно гвардия и московские служилые люди были в первых рядах сторонников Анны Иоанновны. Как заметил про аристократическую камарилью французский наблюдатель: «Счастье их, что они тогда не двинулись с места; если бы они показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства (дворянства. – *Авт.*), гвардейцы побросали бы их за окно». Те же самые люди, гвардейцы и московские дворяне, горячо приветствовали нововведения Анны Иоанновны: отмену в России смертной казни⁵ и закона о единонаследии, ограничение срока дворянской службы 25 годами и учреждение Шляхетского корпуса для обучения дворянских детей.

Отец Александра стал одним из ревностных сторонников новой императрицы. В 1738 г. Василий Иванович, состоя «в полевых войсках прокурором», был послан в Тобольск для расследования «важнейшего дела». Следственная комиссия во главе с начальником Канцелярии тайных и розыскных дел, сенатором и гвардии капитаном Андреем Ивановичем Ушаковым, жестоко пытала на дыбе одного из всесильных прежде временщиков, князя И. А. Долгорукова. Гвардии поручик Суворов активно участвовал в получении сведений о придворном заговоре с целью захвата власти группой аристократов.

Неясно, зачем историки голословно «отмазывали» отца Суворова от жестокостей этого процесса, завершившегося четвертованием обвиняемого в ноябре 1739 г. Заговор аристократов, едва не увенчавшийся успехом⁶, был с точки зрения искреннего и пылкого сторонника самодержавия ужасным преступлением против основ русской государственности. Как раз участие в розыске Суворова, не имевшего, в отличие от Ушакова, личных счётов с обвиняемым, делало результаты следствия достоверными в глазах дворянства, а приговор – справедливым. Соответствовала репутации Василия Ивановича и должность военного прокурора, призванного защищать законность и порядок, бороться со злоупотреблениями: всем было известно, что взятки он не брал.

Лишь после кончины Анны Иоанновны, в царствование Иоанна Антоновича, отец Суворова был 2 февраля 1741 г. уволен от должности войскового прокурора и определен к «гражданским делам» с невысоким чином коллежского советника. Но в том же году дочь Петра I Елизавета с воинами Преображенского полка, среди которых, видимо, был и Василий Иванович, арестовала малолетнего императора и низвергла захватившую при нём власть камарилью. Суворов-старший получил чин полковника и был назначен прокурором Берг-коллегии: горного ведомства, где царили взяточничество и произвол.

Уже в 1742 г., едва записав сына в службу, Василий Иванович просил Сенат запретить президенту Берг-коллегии единолично и бесконтрольно подписывать важные документы и

⁵ Смертная казнь отменялась за обычные уголовные преступления (то есть для основной массы осуждённых). Отмена не распространялась на преступления против высшей государственной власти, за которые по действующему тогда Соборному уложению 1649 г. полагались квалифицированные (особо жестокие) публичные казни. Но даже в этом случае при Анне Иоанновне, как и в XVII в., приговор обычно смягчался по сравнению с суровыми нормами Уложения, утверждёнными представителями сословий (дворян, духовенства, горожан и свободных крестьян) на Земском соборе в целях защиты российской государственности.

⁶ Накануне смерти Петра II И. А. Долгоруков с сородичами принял участие в составлении подложного завещания, оставившего престол сестре князя, наречённой невесте императора княжне Е. А. Долгоруковой, причём лично подделал императорскую подпись. Целью аристократического клана был захват верховной власти в стране.

назначать чиновников. Тем самым Суворов пытался сломать систему коррупции, пронизывавшую горное ведомство до самых верхов. Невзирая на давление владельцев железных заводов и солепромышленников, прокурор пресекал их попытки обмануть казну, одобряемые (очевидно, не безвозмездно) коллегией. Ситуация в горном ведомстве мало отличалась от современной. Довольно вспомнить случай, когда один из первых русских нефтепромышленников Прядунов с одобрения Берг-коллегии продавал нефтепродукты беспощинно, как... лекарственные средства. Эту аферу по докладу Суворова-отца пресёк только Правительствующий Сенат.

В своей видной, хотя хлопотной, не почитаемой среди военных «штатской» должности полковник Суворов, используя дружеские связи в гвардии, записал сына в группу из 20 дворянских детей, числящихся в Семёновском полку. Первый документ, с которого началась военная биография будущего генералиссимуса, гласил:

«1742 году октября 22-го дня по указу ея императорского величества, лейб-гвардии Семёновского полку господа полковые штабы (штаб-офицеры. – *Авт.*) приказали: явившихся с прошениями нижеозначенных недорослей, а именно... Александра Суворова... написать лейб-гвардии в Семёновский полк в солдаты сверх комплекта без жалованья, и для обучения указных наук, по силе состоявшегося... в прошлом [1] 736 году декабря 16-го дня именного указа (императрицы Анны Иоанновны. – *Авт.*), со взятием обязательств от отцов или от сродников их... отпустить в дома их на два года...» Любопытно, что первым из трёх штаб-офицеров этот документ подписал Андрей Ушаков, сослуживец Суворова по розыскному делу Долгоруковых⁷.

25 октября недоросль Александр предстал перед офицерами созданного и прославленного при Петре I полка, дав в московской полковой канцелярии ответ на обязательные вопросы: «От роду ему 12 лет; в верности её императорского величества службы у присяги был; отец его ныне обретается в Берг-коллегии при штатских делах прокурором; а он, Александр, донныне живёт в доме помянутого отца своего и обучается на своём коште французскому языку и арифметики; а в службу никуда не определён, также и для обучения наукам в Академиях записан не был. А во владении за означенным отцом его крестьян мужского пола в разных уездах... триста девятнадцать душ». Под документом мы видим автограф юного солдата, написанный чётким и твёрдым почерком: «К сей скаске недоросль Александр Суворов руку приложил»⁸.

26 октября В. И. Суворов дал письменное обязательство обучать сына-солдата «указным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и частью инженерии и фортификации, а также из иностранных языков и военной экзерциции». Об успехах учёбы прокурор обязался сообщать в полковую канцелярию каждые полгода. 8 декабря будущий полководец получил первый в своей жизни военный документ: «Подлинный паспорт я, солдат Александр Суворов, взял и расписался»⁹.

Почему отец стал хлопотать о службе сына именно в 1742 г., понятно. Александру Суворову исполнилось 12 лет, время обязательной записи дворянских сыновей в службу, от которой по закону нельзя было уклониться (тогда как аристократы могли записывать своих детей в службу чуть ли не сразу после рождения). На жизнь полководца сильно повлияло сравнительно позднее поступление на действительную службу и ещё более позднее получение первого офицерского чина. Ведь с этого момента начинался отсчет «старшинства», бывшего обязательным условием при производстве в более высокий чин.

⁷ Геруа А. Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 5.

⁸ Цит. по факсимиле документа в альбоме: А. В. Суворов. М., 1986. С. 35. В советских изданиях документов сведения о владении Суворовым крепостными опускались.

⁹ Из прошлого: Исторические материалы лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1911. С. 157.

Получая очередное звание, офицер в буквальном смысле занимал «очередь» за последним человеком, произведённым в этот чин до него, и не мог получить следующий чин раньше, чем его пожалуют всем «старшим» товарищам. Чем более высоким был следующий чин, тем это правило соблюдалось строже. Александр Суворов на несколько лет отстал от сверстников, не говоря уже о детях аристократов, записанных в службу с малолетства и получавших офицерские чины раньше других дворян.

Насколько Суворов отстал в порядке чинопроизводства, видно по тому, что фельдмаршал Румянцев-Задунайский, который обычно представляется нам человеком другого поколения, был старше его всего на 5 лет. Сама Екатерина Великая, в 1794 г. вне очереди произведя Суворова из генерал-аншефов в фельдмаршалы, остро сознавала, что нарушила строгий порядок. По воспоминаниям адмирала Чичагова, самодержица сочла необходимым лично извиниться перед «обойденными» генералами, попытавшись обратить дело в шутку: «Что делать, господа, звание фельдмаршала не всегда даётся, иной раз у вас его и насильно берут».

Суворов ещё более серьёзно отстал от сверстников, свыше 5 лет после записи в полк (вместо 2-х) находясь в отпуске (для изучения «указных» наук), который несколько раз продлевался по просьбе его отца¹⁰. Видимо, все же Василий Иванович, оттягивая начало действительной службы Александра, опасался за здоровье сына. Но это время не было потеряно. Помимо обязательных (по требованиям офицерского совета Семёновского полка) предметов: математики, геометрии, картографии, инженерного дела, артиллерии и воинского обучения, – он блестяще изучил в доме отца древние (латынь и греческий) и новые языки, историю, литературу, философию, стратегию и тактику. Он научился наблюдать и осмысливать действительность, думать, сравнивать, делать точные и справедливые выводы.

Данные о круге чтения Александра Суворова показывают, что он интересовался разными течениями человеческой мысли, умея подходить к прочитанному критически. Священное Писание и труды отцов церкви соседствовали среди его книг с «Илиадой» Гомера и трактатами Аристотеля, военные уставы с сочинениями выдающихся полководцев, от «Записок» Юлия Цезаря до мемуаров полководцев Нового времени: Евгения Савойского, маршала Тюренна и Морица Саксонского. Суворова интересовали научные труды Ломоносова, Локка и Лейбница. Социально-политические суждения отца научного либерализма Монтескьё он, оставаясь истинным монархистом, сопоставлял с рассуждениями демократа Руссо. Изучение взглядов Вольтера и французских материалистов не поколебало православных убеждений Суворова. А легкомысленные современные пьесы и журналистика (всерьёз увлекавшие и Екатерину Великую), басни Лафонтена и популярные романы (включая новомодного, хотя и не вполне цензурного Фильдинга) развлекали Александра, не увлекая его на стезю порока.

Самообразованием Александр Васильевич упорно занимался всю жизнь, поражая собеседников глубиной знаний в самых различных областях. В этом весьма помогло изучение восьми языков, в особенности французского и немецкого, на которых он не только свободно говорил, но и писал, в том числе стихи. Полководец владел итальянским, польским и турецким языками, осваивая новые наречия с изумлявшей его окружение легкостью.

Помимо учебы дома, Суворов, «непрестанно совершенствуя себя науками», посещал в 1750–1751 гг. старшие классы кадетского корпуса и собрания «Общества любителей российской словесности». «Я всегда был бережлив и трудолюбив, с драгоценнейшим на земле сокровищем, с временем, – как на обширном поле деятельности, так и в жизни уединения, – которым всегда умел пользоваться».

* * *

¹⁰ До 1 января 1746 г., затем 1747 и 1748 гг. См.: *Геруа А.* Суворов-солдат. С. 6–7, 10.

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекать от искусства.

Действительная служба Суворова, продолжавшаяся более 50 лет, началась с 1 января 1748 г., когда «явившийся из отпуска 8-й роты капрал Суворов» получил должность в 3-й роте и прибыл в Санкт-Петербург. Он поселился в казармах, а с сентября (8 месяцев спустя) – в доме своего дяди, лейб-гвардии поручика Преображенского полка А. И. Суворова. Как раз в канун нового 1748 г. дядя был пожалован в капитан-поручики: в гвардии немалый чин, – сама императрица однажды избрала такой мундир для выхода на один из маскарадов. Впрочем, у всех чинов Семёновского полка мундиры были завидные: белые кюлоты и гетры, длинный ярко-красный камзол и надетый поверх него зелёный кафтан создавали яркую и праздничную композицию.

Сведения о жизни Александра Суворова в Семёновском полку скудны и смутны, ибо относятся к источникам весьма поздним. Интересен лишь их лейтмотив: что молодой капрал чистил оружие и нёс службу сам, не передоверяя никому воинских обязанностей. Это считалось необычным. В Семёновском полку более половины солдат были дворянского сословия. Дворяне держали при себе от двух (как у капрала Суворова) до 20 с лишним слуг мужского и женского пола. На них хозяева возлагали все работы, а в очередные караулы и на регулярные экзерциции (учения, проводившиеся, впрочем, лишь в хорошую погоду) нанимали вместо себя солдат из крестьян.

Существенной обязанностью дворян-семёновцев было участие в придворных праздниках и развлечениях, следовавших одно за другим. Устраиваемые с чрезвычайной роскошью, увеселения 29-летней красавицы-императрицы и её фаворитов считались делом государственным и для гвардии служебным. Пока одни гвардейцы красиво стояли на карауле в общественных местах, другие должны были заполнять весёлыми разодетыми толпами места развлечений императрицы и сопровождающих её дам.

Суворов, с дамами ещё в те времена неловкий, предпочитал общению с ними чистку мушкета. Он высоко ценил привилегию караульного молчать на посту, избавляющую от необходимости говорить комплименты шустрым девицам двора «прекрасной Елисавет» и оказывать внимание сонмам юных петербургских дам, ищущих модных приключений с молодыми военными.

При этом нет оснований считать, что капрал Суворов не участвовал в общественной жизни гвардии: трёх полков пехоты (Преображенского, Семёновского и Измайловского) и конногвардейцев, чьи полковые слободы, разделённые на проспекты-«перспективы» и улицы-«роты», занимали большие районы в центре Северной столицы, застроенные не столько казармами, сколько частными особняками.

Гвардия была прекрасным местом для увеселений и великолепным трамплином для придворной карьеры. Она предоставляла все удобства для удачной женитьбы и позволяла выйти в отставку с довольно высоким чином (при переводе в армию гвардейские чины повышались на две ступени). Наконец, гвардия служила школой для армейских офицеров – причём весьма плохой, поскольку гвардейцы не воевали с петровских времён. Впрочем, и русская полевая армия из 50 пехотных и 32 кавалерийских полков, не говоря о 49 с лишним пехотных и 7 драгунских полках сонной гарнизонной службы, наслаждалась милой императрице «возлюбленной тишиной» целых 17 лет.

Любовь Суворова к службе и нелюбовь к придворным увеселениям не способствовали его карьере. Номинально командовавший Семёновским полком (ибо посещал службу редко) генерал-аншеф С. Ф. Апраксин выдвинулся благодаря дружбе с правившими при Елизавете Петровне канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым и братьями Шуваловыми. Чины и высокие награды жаловались даже малолетним детям лиц, заработавших хорошие связи «на паркете». А уж ловкость в обращении с дамами награждалась сверх меры!

Перед глазами Суворова был пример простого украинского казака Алексея Григорьевича Разумовского, заслужившего в спальне императрицы чин

генерал-фельдмаршала, и его брата Кирилла, ровесника нашего капрала, ставшего в 20 лет подполковником гвардии (1748), а вскоре и гетманом Малороссии (1751). Он видел, как достигли высших военных чинов никогда не воевавший Н. Ю. Трубецкой и называвший себя «фельдмаршалом мира» А. Б. Бутурлин. Вероятно, Суворов понимал, что своим поведением лишает себя возможностей сделать быструю военную карьеру. И всё же упорно учился воинскому делу и терпеливо ждал, когда его труд понадобится Отечеству.

В чине капрала, подпрапорщика, затем сержанта Семёновского полка Александр исправно нес караульную службу, сопровождал императрицу в Петербурге и Москве, побывал дипломатическим курьером в Дрездене и Вене, укрепляясь во мнении, что «дисциплина – мать победы». Довольно долго он был ординарцем майора Н. Ф. Соковнина. Шесть с половиной лет, проведенных в нижних чинах, полководец впоследствии оценил словами: «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими». Лишь на 24-м году жизни получил он долгожданный офицерский чин поручика с назначением в Ингерманландский пехотный полк¹¹.

Похоже, однако, что это была отставка, вернее – обычное для гвардейцев преддверие её. Действительно, Александр был выпущен поручиком в полевую армию 25 апреля 1754 г., 10 мая получил назначение в полк, а уже 14 мая взял в Военной коллегии, где служил отец, отпуск домой на один год. За этим обыкновенно следовали увольнение дворянина со службы и мирная жизнь в помещичьей усадьбе или городском доме. Для Суворова это было закономерным крушением мечты. Он получал повышения быстрее многих сверстников, по 10 и 15 лет остававшихся гвардии рядовыми, но, в общем-то, огромными стараниями к 26 годам ничего значительного не выслужил.

Мог ли отец способствовать ускорению его карьерного роста? Разве что отчасти. Больших денег и влияния у Василия Ивановича не было, а карьера слишком честного по тем временам прокурора хромала. В 1751 г. Суворов в качестве прокурора Сената пытался унять незаконные действия чиновников сенатского аппарата. В 1753 г. Сенат представил его на должность обер-прокурора Святейшего Синода, но утверждения в этой должности Василий Иванович не получил. Вместо этого он был пожалован в бригадиры, а к концу 1753 г. получил чин генерал-майора и должность члена Военной коллегии: ведомства, занимавшегося вопросами обеспечения армии. Легко заметить, что вскоре сын его получил долгожданный офицерский чин, назначение в Ингерманландский полк, и, наконец, отпуск домой.

На этом военная карьера великого полководца могла застыть навсегда. Производство в чины, особенно для армейских офицеров, было крайне медленным, а военных побед, о которых с малолетства мечтал Александр Васильевич, одерживать было негде: красавица-императрица Елисавет любила гвардию, но не любила воевать. Укрепивший своё положение отец мог способствовать продвижению сына, но только по интендантскому ведомству. Так что после годового отпуска Александр в назначенный ему полк не вернулся. С начала 1756 г. Суворов-младший служил в Новгороде в качестве обер-провиантмейстера, усвоив тонкости и значение правильной организации снабжения армии.

Тщательная ревизия провиантских и фуражных магазинов позволила ему осенью занять пост генерал-аудитор-лейтенанта Военной коллегии. Это была должность первого помощника генерал-аудитора, представлявшего военно-судебную власть над армейскими чинами до полковника. Как генерал-аудитор-лейтенант, Суворов с несколькими подчинявшимися ему обер-аудиторами рассматривал дела и утверждал приговоры военных судов, вплоть до разжалования в солдаты. Нестроевая служба была недолгой, но открыла будущему полководцу бездну безобразий и несправедливостей, царящих в армии. Александр Суворов и из этого печального опыта извлёк пользу для будущего управления войсками. Но,

¹¹ По представлению генерал-аншефа и гвардии подполковника С. Ф. Апраксина указом императрицы в армию было выпущено 175 гвардии рядовых, капралов, унтер-офицеров и сержантов гвардии, из которых лишь 34 (включая Суворова) удостоились чина поручика (остальные стали подпоручиками и прапорщиками).

главное – получил наконец-то трамплин для продвижения в армии.

Глава 2 Первые бои

*Я лучше прусского покойного великого короля!
Я, милостью Божией, баталий не проигрывал.*

Когда началась Семилетняя война (1756–1763), Суворов был «выпущен в премьер-майоры» для определения в пехотные полки команды генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина. В армии это был высокий чин, позволяющий командовать батальоном или эскадронам. Увы, надежда Александра Васильевича попасть на театр военных действий не сбывалась. Русские войска выступили на запад под командой фельдмаршала Апраксина. Бутурлин же, в подчинение коему попал Суворов, был одним из пяти членов Конференции министров, силившейся управлять боевыми действиями из Петербурга.

Правительство Елизаветы Петровны недооценило противника и имело преувеличенное представление о собственных силах. Россия располагала тогда самой большой в Европе армией, содержание которой ежегодно поглощало более $\frac{4}{5}$ бюджета. Однако из четверти миллиона солдат, имевшихся на бумаге, в полевых войсках служило менее 200 тыс., а с учетом значительного некомплекта – около 150 тыс.

Не давала поводов для восторга и боеспособность войск. Их рядовой состав пополнялся за счет денежной рекрутской повинности: в рекруты нанимались на деньги, собранные с определенного числа «ревизских душ», охочие люди, которые «в большем числе заключали в себе худшую, безнравственную и нередко преступную часть населения» (по оценке военного историка). Служба их была бессрочной, дисциплина поддерживалась жестокими избиениями. Офицерами становились неопытные дворянские юноши и иностранные наемники, часто не лучшего разбора. Качество вооружения и обучения оставляло желать лучшего (за исключением артиллерии и военных инженеров). В кавалерии не хватало защитного вооружения и даже холодного оружия. Пехота вступила в войну в разгар реформирования полков и перехода на мушкеты нового образца. Инициатива солдат и даже офицеров не приветствовалась: решения должны были принимать генералы. При этом из четырех генерал-фельдмаршалов двое получили звания при дворе...

Располагая такими силами, петербургские политики думали запугать военной демонстрацией прусского короля Фридриха II Великого – талантливого государственного деятеля и лучшего западного полководца XVIII в. (до Французской революции). Его 155-тысячная армия была тщательно подобрана, вооружена и образцово вымуштрована по господствовавшей тогда в Европе системе, не случайно названной современниками прусской (подобно существовавшей ранее испанской, а затем шведской). При этом Фридрих, доведя линейную тактику боя до совершенства, относился к ней творчески. Так же, как он приказывал печатать неверные топографические карты, многие из его объявленных «правил» были рассчитаны на обман и разгром слепых подражателей. Даже при подготовке войск он сделал ставку не на пехоту (которая по канону должна была образовывать главные огневые линии), а на высокоманевренную кавалерию.

К весне 1757 г., когда 128-тысячная русская армия с огромным обозом выступила в поход на запад, Фридрих успел отвоевать Саксонию у союзной России Австрии. С присущей ему энергией нанося удары то австрийцам, то французам, то (с помощью своих генералов) шведам, король счёл достаточным выставить против русских 30-тысячную армию фельдмаршала Левальда. Фельдмаршал Апраксин, как и предполагал Фридрих, в соответствии с военными канонами расплыл значительную часть сил, а оставшиеся не умел использовать.

В генеральном сражении при Грос-Егерсдорфе смогли принять участие лишь 15 полков растянувшейся в походе русской армии. Но атакованные на марше колонны генерал-аншефа

Фермора нежданно для врага перешли в наступление; генерал-майор Румянцев провёл полки через лес и ударил в штыки. Левальд потерпел поражение, но не был разгромлен, поскольку Апраксин не организовал преследование. Затем Апраксин вообще убрался из Пруссии, потеряв (в основном от болезней) более 10 тыс. солдат.

Больше года Александр Суворов латал в армии дыры, формируя маршевые батальоны для отправки в Пруссию, и служил комендантом г. Мемеля, показав начальству отменную распорядительность. В полках тогда катастрофически не хватало не только солдат, но и офицеров. Тем не менее получить командование щупленький, невзрачный с виду офицер никакими силами не мог. Начальство просто не представляло себе, как посылать такого маленького человечка в бой против могучих пруссаков Фридриха Великого.

Отец Александра занимался снабжением армии и, благодаря своей «неподкупной честности», заслужил в январе 1758 г. чин генерал-поручика. Однако и он видел перспективы службы сына в интендантском ведомстве, а не на полях сражений. Тем не менее Василий Иванович должен был способствовать стремлению сына оказаться наконец в действующей армии.

Получив 9 октября 1758 г. чин подполковника Куринского пехотного полка, к которому был заранее приписан, Александр Васильевич достиг вождя военного театра военных действий, но... без личного состава под своей командой. Суворов отметил в своей автобиографии, что участвовал во взятии прусского городка Кроссена, надо полагать, в составе бригады генерал-майора князя Михаила Никитича Волконского, отличившейся затем при Пальциге и Кунерсдорфе¹².

В последнем, величайшем, сражении войны Александр Васильевич участвовал в должности дежурного офицера при командующем 1-й дивизией генерал-аншефе Ферморе. Родившийся в России сына англичанина, благодаря личным военным заслугам за 36 лет прошедший путь от бомбардира полевой артиллерии до генерал-аншефа, Вилим Христофорович Фермор был образцовым русским офицером: отважным, распорядительным, всегда подтянутым и даже – что странно по тем временам – не слишком честолюбивым.

Не его вина, что русская армия, которой Фермор командовал более полугода, не смогла одолеть войска Фридриха Великого при Цорндорфе 14 (25) августа 1758 г. Сражение, на которое Суворов не успел, превратилось в колоссальную резню. Русские понесли большие потери, чем пруссаки (16 тыс. убитых против 11), и вынуждены были отступить. Обвиняя в этом Фермора, офицеры помнили, что, разгромив пруссаков у Грос-Егерсдорфа, Вилим Христофорович отступил лишь по приказу свыше, и подозревали, что летнее отступление 1758 г. тоже санкционировано из Санкт-Петербурга.

У Фермора – единственного из тогдашних военачальников, смевшего сражаться с пруссаками на равных и даже побеждать признанного военного гения, короля Фридриха II, – молодому офицеру было чему поучиться. «У меня два отца, – говорил позже Александр Васильевич, – Суворов и Фермор». Чему же мог научиться Суворов у Вилима Христофоровича?

Именно Фермор сумел выполнить приказ из Петербурга, повелевающий находящейся в плачевном состоянии армии перейти в решительное наступление зимой 1757/58 г. Тогда полки шли в сильный мороз, нередко без ночевки, оставляя больных в городах и деревнях, но сохраняя порядок в своих рядах. Скорость наступления Фермора – 20 км в сутки – вдвое превышала принятую в европейских армиях (и продемонстрированную в текущей войне). Не ожидавший зимнего наступления Фридрих не успел перебросить против русских отозванные

¹² Автобиография А. В. Суворова от 28 октября 1790 г., представленная им в Герольдмейстерскую контору по случаю пожалования ему графского достоинства и нового герба, опубл.: Генералиссимус Суворов. Сб. документов и материалов. Л., 1947. № 4. С. 17–73. Далее, кроме оговоренных случаев, используется она. Более ранняя автобиография от 22 сентября 1786 г. опубл.: Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). М., 1848. № 9. С. 534–552. Автобиография 1790 г. и формулярный список с 23-го октября 1742 г. по 6-е мая 1800 г.: Д I. 1–2.

им на запад войска.

Заняв Восточную Пруссию и её столицу – Кёнигсберг, армия Фермора продолжила наступление. Был открыт путь к р. Варте, правому притоку Одера, и крепости Кюстрин, через которую русские (как и позже, в 1945 г.) были намерены двинуться на Берлин. Наступление в Померании затруднялось весенними паводками и плохими дорогами, но Фермор, уточняя маршруты колонн, вывел 42 тыс. солдат при 134 орудиях к окруженному болотами Кюстрину. Фридрих, спешно собирая войска со всех фронтов, устремился на спасение сосредоточенных в Кюстрине запасов провианта, запретив гарнизону под страхом смерти «заикаться о сдаче».

Фермор с помощью артиллерии успел уничтожить кюстринские склады, а замечательный полководец Румянцев сжёг мост через Одер. Фридрих под покровом ночи навел понтонный мост и внезапно появился между главной русской армией и корпусом Румянцева. Союзники-австрийцы, которым полагалось преследовать Фридриха, не пытались этого сделать. Численностью пруссаки уступали русским (их было чуть более 32 тыс.), но это были отборные, испытанные во многих сражениях полки. В то время как у Фермора целый Обсервационный корпус состоял из необстрелянных солдат, новоприбывших на поля сражений, которые к тому же исхитрились употребить перед боем «потаённо сверх одной чарки, которую для ободрения выдать велено».

Фермор успел отступить от Кюстрина и стянуть силы на пересеченной местности у деревни Цорндорф. Утром 25 августа 1758 г. развернулось кровопролитнейшее сражение Семилетней войны. Поле боя было иссечено оврагами и сплошь окружено лесами, а с трёх сторон – ещё реками и болотами. Поражение означало гибель. Понимая это, Фридрих велел объявить офицерам при переправе через Одер: «Мой девиз победить или умереть, и тот, кто так не думает, может оставаться на этой стороне и лететь к чёрту!»

Вполне осознавали свое положение и русские войска. Отчаянная ситуация показала, что масса офицеров готова проявлять личную инициативу. О феноменальную стойкость русского солдата, занявшего оборону, разбилось превосходное военное искусство Фридриха, который переиграл Фермора по всем статьям. В огненном аду главнокомандующий был контужен и выбыл из боя, многие офицеры погибли, генералы получили тяжкие раны, но войска держались. Неистовые атаки пруссаков отбивались ещё более отчаянными контратаками. Весь ход битвы при Цорндорфе не укладывался в военные каноны. Ни знакомые тактические схемы, ни разработанные Фридрихом для их опровержения приёмы не сработали. Русская армия устояла.

Никто в армии не знал, отчего Фермор, после торжеств и пролившихся на него наград в Санкт-Петербурге, был снят с поста командующего. Прибывший в его штаб Суворов смог поучиться и смирению, с которым Вилим Христофорович принял отставку, оставшись в армии во главе дивизии. Но самое сильное впечатление на Александра Васильевича, ощущавшееся всю его долгую полководческую жизнь, произвёл новый командующий: 61-летний генерал-аншеф Петр Семёнович Салтыков. Этот мудрый старик, тщательно изучавший тактику Фридриха и боевые свойства русских войск под началом Фермора, разительно отличался от военачальников, с которыми был уже знаком молодой Суворов.

* * *

Будьте ж войском так любимы, как Ваш родитель. Будьте так для Отечества добродетельны и снисходительны до верных его деток.

Суворов сыну Салтыкова

Прибытие Петра Семёновича к войскам прошло без всяких торжеств. В отличие от Апраксина и Фермора он не признавал внешних признаков высокой должности. Офицер (впоследствии видный учёный) Болотов с изумлением описывал вступление Салтыкова в Кенигсберг: «Старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком

кафтани¹³, без всяких дальних украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек в последствии. Привыкшим к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего незначащему старичку можно быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ею против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущей курочкой, и никто и мыслить того не отваживался, чтоб он мог учинить что-нибудь важное. Генерал наш (губернатор Восточной Пруссии Корф. – *Авт.*) хотел было, по обыкновению своему, угостить его великолепным пиром, но он именно истребовал, чтоб ничего особенного для него предпринимать не было, и хотел доволен быть наипростейшим угощением и обедом. А сие и было причиною, что проезд его через наш город был нимало не знаменит и столь негромок, что, хотя он пробыл у нас два дня и исходил пешком почти все улицы, но большая половина города и не знала о том, что он находился в стенах его. Он и поехал от нас столь же просто, как и приехал».

Штабные офицеры Фермора, к которому Салтыков, прибыв в полки, отнёсся с подчеркнутым уважением, были в курсе хитроумных планов петербургской Конференции министров, которые поручалось выполнить Петру Семёновичу. Летом 1759 г. союзники намеревались двинуться на Фридриха со всех сторон и задавить его превосходящими силами. На Рейне и Майне собиралась 125-тысячная армия маршала Франции Контада; 150-тысячная австрийская армия фельдмаршала Дауна концентрировалась в Богемии и 45-тысячная – во Франконии. 16 тыс. шведов стояли у Штральзунда. 60-тысячная русская армия на Нижней Висле, по замыслу петербургских кабинетных стратегов, должна была действовать в составе этих почти 400-тысячных сил: маневрировать вдоль Одера во взаимосвязи с австрийцами, захватывать предписанные города, совершать диверсии.

Понимали офицеры и то, что прусский орёл не даст себя задушить. До сей поры Фридрих Великий бил все войска, кроме русских. Но в армии (возможно, поначалу и у Суворова) не сложилось впечатления, что «курочка» может клевать прусского орла. Прибыв в Познань 18 мая, командующий одобрил состояние готовых к походу полков, насчитывавших (за вычетом гарнизонов и отдельно действующих частей) около 39 тысяч. За сим, наладив тщательную разведку, повёл войско от Варты к Одера столь благоразумно, что «прекрасная и подвижная армия Дона», как сообщили Фридриху, была принуждена к «позорному отступлению перед преследующим врагом».

На смену Дона король прислал своего любимца Веделя. Позиции его 27-тысячного войска в Цюллихау, как Салтыков убедился на рекогносцировке, были очень хороши. В ночь на 12 июля русская армия обошла пруссаков и к середине дня заняла удобную для обороны местность у деревни Пальциг. Русские построились в две линии, с резервами и артиллерией между ними. Особенно хорошо защищен был правый фланг русской армии, но Салтыков именно за ним поставил в резерве основную часть кавалерии. На дальних подходах к левому флангу командующий приказал разрушить переправу и зажечь деревню, так что наступавший там неприятель попросту не успел на поле боя. Суворов, имевший возможность осмотреть поле боя, координируя действия стоявшей в первой линии дивизии Фермора, получил важные уроки использования местности и стратегии упреждения действий противника.

С 16 до 18 часов прусская пехота и кавалерия под командой Веделя отчаянно атаковали правый фланг Салтыкова, каждый раз откатываясь назад под мощным огнем и короткими фланговыми атаками казаков и кирасир. Командующий по мере надобности перебрасывал к правому флангу подкрепления, а как только пруссаки начали общее отступление – ударил всей конницей. Полки Веделя спаслись от преследования только за Одером. Они потеряли более 4 тыс. человек убитыми и 1 тыс. ранеными (не считая тысячи пленных и еще большего

¹³ Салтыков перед назначением командующим организовывал местные ополчения – ландмилицию.

числа дезертиров), а русские – в обратной пропорции (900 убитых и 4 тыс. раненых). В победной реляции Салтыков, помимо стойкости и доблести своих солдат, отметил их милосердие к побежденным. И этот урок Суворов запомнил крепко.

Отбросив Веделя, русские в согласии с первоначальной кабинетной диспозицией двинулись к Франкфурту-на-Одере: важному городу в 80 км от Берлина, с большими военными складами. Туда же направлялся 18,5-тысячный австрийский корпус Лаудона. Салтыков поспешил выслать авангард под командой генерал-поручика Вильбуа, чтобы заранее занять город и оприходовать в казну прусские запасы. Объединение сил с подходившим Лаудоном требовало от командующего изрядного дипломатического искусства вследствие неясных предписаний на сей счет из Петербурга и скрытых, но серьезных противоречий между союзниками. Остановимся на них, поскольку и Суворову предстоит впоследствии решать подобные ребусы.

Салтыков вроде бы не мог принять австрийцев под свою команду. В то же время предписание принимать советы и предложения от Лаудона было дано вместе с рекомендацией во всем советоваться с Фермором и согласовывать с ним свои действия. Генерал-аншеф граф Римской империи Фермор был по чину старше Лаудона, а в этой кампании служил подчиненным генерал-аншефа графа Салтыкова. Опытный царедворец Петр Семёнович учёл трепетное отношение современников к внешним признакам общественного положения и соответствующим правилам обращения. Он организовал торжественную встречу с австрийцами в точном соответствии с чинами и титулами её участников. 24 июля 1759 г. был устроен смотр войск генерал-поручика барона Лаудона с отдаением Салтыкову воинских почестей, преклонением знамен и пушечной пальбой.

На военном совете командующий отклонил предложение Лаудона оставить во Франкфурте обоз с 10-тысячным отрядом для охраны и поспешить в Силезию на соединение с фельдмаршалом Дауном, на которого якобы идет Фридрих. Вместо разделения и без того небольших русских сил Салтыков предложил ожидать подхода Дауна, который по договоренности между Веной и Петербургом должен был следовать за Фридрихом, пока русские мешают королю объединить его армии. Все эти бумажные планы, разумеется, ничего не стоили, поскольку смелых наступательных действий от Дауна Салтыков не ждал, а сам помешать маневрам Фридриха и его генералов не мог.

Именно спасительное понятие о неспособности наличной русской армии настигать и победно атаковать пруссаков оказалось залогом победы в сражении, которого Петр Семёнович предпочел бы избежать. Он проведал, что король объединил армию с войсками своего брата принца Генриха, генералов Веделя и Финка к юго-западу от Франкфурта. Затем с северо-запада пришло сообщение о поражении 54-тысячной армии маршала Франции маркиза де Контада, угрожавшей Ганноверу. В битве под Минденом ганноверцы, англичане и пруссаки истребили, ранили и взяли в плен 7 тыс. французов (столько же, сколько Салтыков – пруссаков при Пальциге). Нетрудно было догадаться, по кому из двух оставшихся крупных противников ударит теперь Фридрих. На военном совете Салтыков предложил отступить, но вести о приближении короля озаботили его выбором позиции для сражения.

В августе 1759 г. Суворов участвовал в решающем сражении Семилетней войны. На восточном берегу Одера напротив Франкфурта, примерно перпендикулярно реке, тянулась с запада на восток цепь холмов, к которым приткнулась деревня Кунерсдорф. На них Петр Семёнович устроил редут и батареи 248 орудий, а также окопы и за ними укрепления – ретраншемент – вдоль всего расположения 59-тысячной армии, обеспечивающий сообщение между флангами. Он ждал Фридриха с северо-запада, со стороны Франкфурта, но знал, что король может ударить с любой стороны и обязательно по флангу. Что касается силы натиска, то Салтыков готовился к худшему, предпочитая тактическим выгодам надежность.

На наиболее защищенном и высоком западном холме Юденберг он поставил дивизию Фермора и корпус Лаудона (всего 20 полков) с пятью батареями. Отсюда Суворову было отлично видно всё поле сражения, в ходе которого он смог оценить замысел Салтыкова. У

подножия холма, прикрытые со стороны реки усиленной редутом возвышенностью, сосредоточились у большой дороги ударные силы союзной кавалерии. Вести ее в бой должен был Лаудон, в то время как артиллерист Фермор был озабочен управлением огнём новейшей русской артиллерии: шуваловских гаубиц и скорострельных единорогов, только что освоенных в войсках. Граф и его офицеры были обязаны любой ценой удержать господствующую над полем боя позицию.

На центральном холме Грос-Шпицберг под общей командой Румянцева стояло 17 полков с сильной артиллерией. Передовыми частями у подножия командовал генерал-поручик Вильбоа. Восточнее, на самом низком и пологом холме Мюльберг, располагались 5 полков набранного из едва обученных рекрут Обсервационного корпуса и всего 4 батареи под командой генерал-поручика (будущего фельдмаршала) князя Голицына. С северо-востока, востока и юго-востока Мюльберг обступали высоты, удобные для устройства батарей противника. Невооруженным глазом можно было видеть, что позиция Голицына является слабейшим местом в построении союзной армии.

Внятное объяснение этого факта в военно-исторической литературе отсутствует. Нельзя сослаться на неопытность Салтыкова, имевшего в высшей степени компетентный военный совет. Ни Фермор, ни Румянцев, ни сам Голицын, ученик принца Евгения Савойского, не оспаривали правильность расстановки сил при Кунерсдорфе. Голицын, сын знаменитого полководца и дочери видного дипломата Петра I князя Б. И. Куракина (бывшей при Елизавете Петровне обер-гофмейстриной двора), никак не подходил для принесения в жертву. Правда, союзники ожидали появления Фридриха со стороны Юденберга, но когда король нагрянул с северо-востока и атаковал Мюльберг, Салтыков ещё раз передвинул войска, продолжая укреплять позиции Фермора и Румянцева!

Суворов, наблюдая с Юденберга перемещения войск, прекрасно понимал, что «курочка» ломает стереотипы военной науки, откровенно подставляясь под излюбленную Фридрихом «косую атаку». Бросая превосходящие силы по касательной на один из флангов противника, окружая его и добывая натиском вдоль фронта, король выиграл уже не одно сражение. Он должен был клюнуть на столь лакомую приманку, как слабый фланг под командой Голицына, в полной мере использовав превосходство прусских войск в выучке, маневренности и управляемости на поле боя. Лишь стойкость русских солдат могла сделать их непобедимыми при выборе хорошей оборонительной позиции с возможностью гибко пользоваться резервами для ответного массирования сил и контратаки. Иная тактика была губельна для русской армии, пока она не прошла школу Румянцева и Суворова.

Первая атака Фридриха утром 1 августа 1759 г. была произведена на позицию Голицына с севера. Она имела демонстративный характер и была легко отбита. К полудню главные силы пруссаков дугой охватили Мюльберг, выдвинули на высоты батареи и после яростного обстрела пошли в атаку. Русские пушки ответили неприятелю, а Салтыков предпринял меры, чтобы помешать королевским войскам обтекать его позицию в западном направлении. Разгром сил Голицына был неизбежным. Князь получил тяжелую рану, его поредевшие полки в беспорядке отступили к северному подножию Грос-Шпицберга, 70 пушек было потеряно. Только атака свежих русских и австрийских полков, переброшенных вдоль фронта, задержала пруссаков на Мюльберге, пока Салтыков и Румянцев устраивали из полков центра и подкреплений новый фронт на восточном склоне Грос-Шпицберга.

На этом этапе Фридрих счел битву выигранной и, двинув войска на Грос-Шпицберг, послал в Берлин сообщение о своей победе. В отправленной императрице после сражения реляции Салтыкова говорилось, что неприятель, «сделав из всей своей армии колонну, устремился всею силою сквозь армию Вашего величества до самой реки продраться». Наступавшую с востока колонну под командой короля сдерживал генерал-поручик Панин: построившись в несколько линий, его солдаты вели ураганный огонь по лезущим на холм пруссакам, которые из-за тесноты не могли эффективно стрелять. Картечью, ружейным огнем и гранатами русские сбили волны неприятеля, хлынувшие с севера и юга на Грос-Шпицберг. Салтыков непрерывно усиливал оборону своего центра, перебрасывая

войска и артиллерию с Юденберга. Вероятно, в этой операции участвовал, среди дежурных офицеров Фермора и Суворов.

Фридрих, под которым убили двух лошадей и прострелили мундир, расширил фронт атаки и ввёл в дело кавалерию. Он приказал Зейдлицу обойти горящий Кунерсдорф и сокрушительно ударить по центру русских с юга. Заслуженный генерал доказывал, что атака через узкие проходы между прудами под дулами мощных батарей Грос-Шпицберга невозможна. Но... выполнил повеление короля и понес тяжелейшие потери на подступах к холму. Во фланги прорвавшейся сквозь огненный ад прусской кавалерии ударила русская и австрийская конница. Жалкие остатки некогда лучших в Европе эскадронов обратились в бегство.

Удачнее атаковали с севера, со стороны болот, драгуны и гусары принца Вюртембергского. Части их удалось прорваться сквозь ретраншемент и достичь вершины Грос-Шпицберга. Но Румянцев, только что руководивший разгромом Зейдлица, подоспел с кавалерией. При поддержке Лаудона русские выбили пруссаков с холма и расстреляли отступающих из пушек. Принц получил рану и едва спасся, командир гусар генерал Путткаммер был убит.

В это время пехота Фридриха, атакующая с удивительным упорством, добралась до центральной батареи и захватила несколько пушек. Казалось, ещё усилие – и русские будут сброшены с Грос-Шпицберга. Главнокомандующий сохранял полное хладнокровие и даже шутил, отмахиваясь хлыстиком от вражеских ядер, которые пролетали совсем близко. Несмотря на отчаянные усилия короля, союзные войска продолжали удерживать центральные позиции. Пруссаки почти исчерпали резервы, а Салтыков, перебросив войска от Одера, вытянул боевые линии на флангах, по склонам и обеим сторонам холма. Около 5 часов вечера он начал контрнаступление.

Первой пошла в атаку кавалерия под командой Лаудона. За ней двинулась в штыки русская и австрийская пехота. Последние батальоны Фридриха, брошенные им в тыл наступающих, сами были охвачены с флангов и бежали. Теснимая повсюду, прусская пехота сгрудилась на Мюльберге и подверглась страшному удару русской артиллерии. Фридрих, оставаясь под свирепым огнем, кричал: «Неужели ни одно ядро не поразит меня!» Между тем на холме уже сверкали штыки пехоты Салтыкова, к королю прорубались русские кавалеристы. Верные гусары окружили Фридриха, а капитан Притвиц, схватив поводья его лошади, увлек короля с поля битвы. Два эскадрона лейб-кирасир полегли, пытаясь прикрыть беспорядочное бегство прусской армии. Конница Лаудона и Тотлебена преследовала неприятеля до Одера.

Под Кунерсдорфом пруссаки потеряли убитыми, ранеными и пленными около 20 тыс., потери русских и австрийцев простирались до 15 тыс. Фридрих оставил на поле боя 172 орудия, 26 знамен и 2 штандарта, огромное количество оружия, снаряжения и припасов. Остатки его армии разбежались. «Я несчастлив, что еще жив, – диктовал король. – ...Из армии в 48 тысяч человек у меня не остаётся и 3 тысяч. Когда я говорю это, всё бежит, и у меня больше нет власти над этими людьми... Жестокое несчастье! Я его не переживу... я считаю всё потерянным».

Фридрих покинул армию, Берлин готовился сдать на милость победителей. Война на континенте была выиграна.

«Это не я, матушка! – отвечал Салтыков императрице, пожелавшей чествовать победителя непобедимого Фридриха чином фельдмаршала. – Всё это сделали наши солдатики!» Суворов, как и каждый участник битвы, получил медаль с портретом императрицы Елизаветы Петровны и надписью «Победителю над пруссаками». Однако радость от одоления Фридриха Великого вскоре сменилась недоумением по поводу бездействия командующего.

Историки убедились, что полководческая карьера Салтыкова завершилась бесславно благодаря близоруко-корыстолюбивой политике Венского кабинета. Австрийцы задерживали наступление своей свежей и многочисленной армии, стремясь переложить

тяготы завершения войны на русское воинство (потерявшее убитыми и ранеными 480 одних старших офицеров) и даже не поддерживая его снабжением. Салтыков знал, что угрозы австрийского двора сменить его более покладистым военачальником опираются на сильную поддержку в Петербурге, но отвечал твёрдо: «Если граф Даун не станет действовать наступательно, то российская армия непременно пойдёт обратно в Познань». При известии об окончательном отходе австрийцев Салтыков увёл армию в Польшу. Этот пример предательства австрийцами общих интересов Суворову пришлось вспоминать неоднократно.

Зимой Петр Семёнович тщательно готовил кампанию 1760 г. Но летом совместные действия с союзниками не сложились. Салтыков опасно заболел и 1 сентября сдал командование Фермору. Тот занял Померанию, а подчиненный ему корпус Чернышева вскоре взял Берлин, но отступление союзников вновь заставило русских уйти восвояси.

Александр Васильевич участвовал в этих операциях как дежурный офицер при штабе главнокомандующего. Даже это ему далось нелегко. После Кунерсдорфа он был назначен обер-кригс-комиссаром, проще говоря, интендантом. Назначение явно прошло по воле отца, весной 1760 г. направленного в действующую армию главным снабженцем: «генерал-губерпровиантмейстером». Естественно, что честный и распорядительный отец хотел иметь помощника, которому мог безраздельно доверять.

Поприще, на котором трудились отец и сын Суворовы, было стратегически важным: без провианта, который они собирали по разорённому войной краю, армия бы погибла. Василий Иванович не раз заслужил благодарности командования. 25 июля он стал кавалером ордена Александра Невского, а 16 августа 1760 г. был пожалован в сенаторы. Но его сын, сознавая важность своей миссии, всё равно рвался на передний край, мечтая о полях сражений.

Лишь после настойчивых просьб младший Суворов был рескриптом императрицы освобождён от ненавистной тыловой должности «и определён по-прежнему в полк при заграничной армии». «В полк» он был назначен условно, так как команды вновь не получил, и лишь по знакомству состоял при Ферморе во время операций 1761 г. в Силезии, Померании и взятии Берлина.

* * *

Конница, руби, гони!

В кампании 1761 г. русское воинство под командой Бутурлина совместно с австрийцами окружило, а затем благополучно упустило армию Фридриха. Лишь корпус Румянцева поддержал славу русского оружия, овладев к концу года сильной крепостью Кольберг. Суворов успел поучаствовать и здесь, неведомо какими путями попав в офицеры при новом командующем лёгким кавалерийским корпусом генерал-поручике Густаве Густавовиче Берге.

Именно Бергу довелось первым оценить боевые качества 30-летнего «молодого» офицера Суворова. 44-летний прибалтийский немец, участвовавший в своей первой войне и выдвинувшийся отважной атакой во главе драгунского полка под Кунерсдорфом, решил дать Александру Васильевичу команду над сводным отрядом лёгкой конницы – гусар и казаков, – с которым Суворов совершил первые подвиги.

Корпус Берга успешно наступал в Силезии. Суворов участвовал во многих битвах (под Бригом, Бреслау, Штригау, при Грос- и Клейн-Вандриссе), а в сражении под Вальштадтом два дня возглавлял наступление 2-тысячного отряда, на четыре мили отбросившего королевские войска.

В боях под крепостью Швейдниц Александр Васильевич с отрядом казаков трижды ходил в атаку на ключевую высоту, взял её и несколько часов удерживал против многократно превосходящего неприятеля. Донские казаки, имевшие на вооружении пики, сабли и карабины, были иррегулярным войском. Они смело атаковали рассыпного

противника на конях и сами сражались пешими в рассыпном строю. Метко стреляя, используя для укрытия от ответного огня рельеф местности, они предвосхитили появление в европейских армиях егерей.

Отбив атаки противника, Суворов получил подкрепление из двух казачьих полков и сам атаковал прусскую кавалерию, маневрировавшую у подножия высоты. Четыре полка прусских гусар и драгун были опрокинуты, разбиты и загнаны в королевский лагерь. Господствующая высота осталась в руках казаков. «Отсюда, – вспоминал Александр Васильевич в автобиографии, – весь прусский лагерь был вскрыт, и тут утверждена легкого корпуса главная квартира».

Установив соединение форпостами с бездействующими русской и австрийской армиями, Берг с занятой Суворовым высоты атаковал то и дело выходившую из лагеря Фридриха кавалерию. В одной из таких стычек, в которых участвовал Суворов, русские кавалеристы гнали четыре прусских полка до самого королевского шатра! «Сверх разных примечательных (дел), – с удовольствием вспоминал много лет спустя Александр Васильевич, – единожды под королевскими шатрами разбиты были драгунские полки, при моём нахождении, Финкенштейнов и Голштейн, (и) гусарские – Лоссов и Малаховский, с великим для них уроном».

В отличие от всей европейской кавалерии того времени ведомые Суворовым гусары с саблями и казаки с пиками атаковали на полном галопе. Даже вымуштрованные прусские кавалеристы, приученные своими командирами не только стрелять с шага, но и атаковать холодным оружием на замедленном маневрном галопе (позволяющем сохранять стройные ряды), были поражены молниеносными атаками и сокрушительным натиском суворовских конников. Впервые пруссаки встретили противника, который не только бился с ними на равных, но и побеждал их в открытом кавалерийском бою.

Для многих командиров конная сшибка на «белом» оружии была хорошо забытым прошлым. Кавалерия, как элитный род войск, тогда вооружалась до зубов. Даже лёгкие конники-гусары имели, помимо сабли, по два седельных пистолета, нередко дополненные ещё и висевшим на перевязи карабином, обязательным в тяжёлой кавалерии, одетой в стальные кирасы и шлемы. Линейная тактика, которую ниспровергал в боях Фридрих Великий и никогда не принимал Суворов, подразумевала максимальное повышение огневой мощи выстроенной в чёткие порядки и медленно, чтобы не сбивать прицел, надвигающейся на противника конницы.

Вера в силу залпового огня была столь велика, что его максимальное использование стало основой военных теорий и инструкций. Лишь немногие, в их числе наблюдательный Суворов, усомнились в его губительности. Действительно, залп из весьма неточных мушкетов и ещё менее способных попасть в цель пистолетов мог нанести сильный урон только большой по площади и малоподвижной мишени. Можно сказать, что он был смертелен, только если обе стороны «играли по правилам», сметая залпами линию противника и подставляя свою линию под столь же губительные залпы.

На деле огневой залп из пистолетов, мушкетов и даже пушек по стремительно движущейся цели был, как обнаружил Суворов, крайне неэффективен. Кавалерия Зейдлица была расстреляна на его глазах при Кунерсдорфе лишь потому, что атаковала под прицельным огнём русских пушек медленно и крайне скученно, по узким и топким проходам между озёрами.

При этом ускоренное, относительно практики и военных руководств, движение вперёд, на врага, способное принести победу, оказалось менее опасным, чем бессмысленные в глазах Суворова перестроения и «шатания» вдоль фронта, не говоря о губительной и впоследствии строго запрещённой Александром Васильевичем «ретираде» – отступлении.

Вы спросите, как можно говорить о «смысле» в человекоубийстве?! Суворов тоже всю жизнь задавал себе этот вопрос, и отвечал на него делом: стремительная и победоносная атака, ставшая в его глазах залогом победы, сберегала огромное число жизней. Причём не только своих бойцов, но и солдат противника. Ошеломлённого и разгромленного врага

следовало шадить и брать в плен. Не случайно Суворов с этих дней на германской земле и на всю жизнь запомнил (рассказав в автобиографии), сколь малые потери он нёс сам, и сколько пруссаков спас, забрав в плен.

Русские и австрийские войска под командой Бутурлина и Лаудона бесславно отступили от Швейдница, предоставив Фридриху Великому полную свободу. Пока русская и австрийская армия совершали сложные и бесполезные манёвры, корпус Берга был брошен наперерез 12-тысячному отряду генерала Платена, пытавшегося деблокировать обложенный Румянцевым Кольберг. Генерал был достойнейшим противником. Получив приказ помешать русским операциям в Померании, он стремительным рейдом разгромил русские магазины в Польше, прорвался в Познань и через Бреслау устремился Румянцеву в тыл. Фридрих Великий надеялся, что остановить или задержать его неповоротливые русские войска не смогут.

Берг мог выполнить приказ, лишь противопоставив прусской инициативе офицеров, которые не станут ждать дополнительных приказов и инструкций. Выступая в поход, он специально просил командование оставить Суворова в его корпусе. Приказ по заграничной армии свидетельствует, что Густав Густавович высоко оценил военный талант Александра Васильевича: «Так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского полка Суворова, то явиться ему в команду означенного корпуса».

Подполковник полетел в штаб Берга как на крыльях. Много позже, будучи генерал-аншефом и одержав великие победы под Кинбурном, при Фокшанах и Рымнике, Александр Васильевич с особым удовольствием вспоминал свои действия во главе небольших кавалерийских отрядов, которые ему доверял Берг. Ещё бы: впервые начинающий полководец мог в полной мере проявить инициативу, не будучи связанным вышестоящим начальством.

Берг сделал Суворова своей правой рукой, позволяя ему брать под команду отряды, находившиеся ближе всех к противнику. Задачей было постоянно связывать противника боем, сковать его манёвры и нанести максимальный урон. Разгромить корпус Платена Суворов с имеющимися силами не мог, но сделать его бесполезным в стратегических планах Фридриха Великого был способен.

Русские нагнали пруссаков ночью, при местечке Костяны в Польше. Суворов вышел на лагерь Платена с тыла, сквозь густой лес, и, вопреки всем уставам и традициям, повёл кавалерию в атаку по неизвестной пересечённой местности в темноте. Понеся «знатный урон», противник спешно снялся с лагеря и постарался оторваться от русских. Через два дня Суворов нагнал его и нанёс новый удар.

12 сентября 1761 г. Бергу стало известно, что корпус Платена приближается к Ландсбергу, собираясь форсировать Варту по ведущему в город мосту. Перехватить противника основными силами Берг не успевал. Помешать переправе мог только Суворов. «Взял я с собою слабый, во ста конях, Туроверова казачий полк», вспоминал Александр Васильевич о том, как рождалась его «Наука побеждать». Ночью сотня донцов Туроверова с Суворовым во главе переплыла на конях речку Нетце и проскакала по противоположному берегу Варты до Ландсберга. Внезапным броском через ров казаки захватили городские ворота. Предусмотрительно посланные сюда Платеном две прусские команды были взяты в плен¹⁴.

Суворов сжёг «Ландсбергский большой мост» как раз к моменту, когда на противоположном берегу показались основные силы Платена. К сожалению Александра Васильевича, пруссаки всё равно сумели переправиться на понтонах, «за нескорым прибытием нашего лёгкого корпуса». Не в силах ускорить его марш, Берг дал Суворову все

¹⁴ Текст автобиографии Суворова подтверждается Журналом боевых действий армии генерала А. Б. Бутурлина за 1761 г. О взятии Ландсберга 12 сентября там уточнено, что «по вступлении в город взяты в полон гусарский ротмистр один, подпоручик один, вахмистр один, трубач один и гусар 24 человека». См.: Генералиссимус Суворов. С. 110.

свои мобильные силы: семь казачьих (неполного состава) полков под командой полковника Попова и три гусарских полка под началом полковника Зорича. С этими силами Александр Васильевич 15 сентября настиг пруссаков при выходе из Фридебергского леса, уже на самой границе Померании.

Крепкий профессионал Платен был вполне готов к отпору. Его основные силы совершали марш по высотам, с которых вся прусская артиллерия открыла по русским огонь. Но казаки и гусары атаковали стремительнее, чем меняли прицел пушкари. Проскочив «под огнём», русские порубили фланговые эскадроны Платена, положив на месте сотню драгун и взяв 71 пленного, в том числе офицера штаба корпуса¹⁵. Суворов навсегда запомнил, что, несмотря на ужасающую канонаду «всей» (это им подчёркнуто) прусской артиллерии и знаменитую выучку прусских драгун, стремительно атаковавшие силы почти не понесли потерь: пять раненых было у казаков и несколько среди гусар.

«Останавливал я Платена на марше сколько возможно», – констатировал Суворов, до тех пор, пока прусский корпус не вошёл в зону ответственности командира 3-й дивизии генерала Василия Михайловича Долгорукова. Корпус Берга был остановлен под Старгардом на кратковременный отдых. Платен всё же сумел прорваться под Кольберг, где соединился с войсками принца Вюртембергского. Однако Долгоруков прибыл к Кольбергу раньше, усилив осаждающие крепость войска Румянцева, а кавалерия Берга, выступив на Регенвальде, парализовала коммуникации противника.

В начале октября Берг атаковал и пленил отряд майора Подчарли в деревне Вейсентин. Суворов участвовал в атаке во главе отряда лёгкой кавалерии, а при отходе прикрывал тыл русских войск. Отважный подполковник де Корбьер (будущий фельдмаршал) преследовал Берга во главе пяти прусских эскадронов с конной артиллерией. Имея меньше ста донских казаков и «желтых» сербских гусар¹⁶, Суворов стремительной контратакой отбросил противника и взял много пленных.

Вскоре ему повезло, наконец, получить под команду собственный regiment. Командир Тверского драгунского полка заболел, а на его заместителя, «по недавнему вступлению из итальянцев в нашу службу», по мнению генерал-майора Берга, было «положиться невозможно». По просьбе Берга командование полком было возложено на Суворова, чья «способность ему, генерал-майору, весьма известна». Ордер о назначении подполковника Суворова командиром полка был записан в журнал боевых действий 17 ноября¹⁷.

20 ноября под Наугардом Александр Васильевич в составе одной колонны корпуса Берга атаковал деревню, занятую батальоном прусских гренадёров (помимо мушкета, вооружённых ручными гранатами) и двумя батальонами знаменитого впоследствии полководца принца Фердинанда, с приданным им «слабым» (по оценке Суворова) полком драгун из Голштейна¹⁸. Суворов лично повёл Тверской полк в атаку с правого фланга, а полковник Зорич с гусарами Венгерского и Хорватского полков – с левого; казаки бригадира Краснощёкова маневрировали по фронту.

Драгуны имели, кроме сабель, карабины и теоретически были обучены сражаться и в конном, и в пешем строю. На деле они в том и другом уступали по выучке пруссакам, и уж

¹⁵ Ср.: Там же. С. 110–111.

¹⁶ Сербь под командой полковника Хорвата начали переселяться в Россию, с обязательством сформировать гусарский полк, ещё в 1751 г., и получили земли в бассейне Южного Буга. За ними сюда потянулись и другие балканские христиане.

¹⁷ А. В. Суворов. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 61.

¹⁸ Он насчитывал 6 эскадронов вместо штатных 10, то есть (штатно) 930 человек вместо 1550. Штат во время войны полон не был, так что конных голштинцев могло насчитываться столько же, сколько русских драгун и гусар, или меньше.

точно не могли на равных драться с отборными гренадёрами короля Фридриха. Но местность была пересечённая, непригодная для наступления ровным строем, удобным для вымущтрованных пруссаков. Суворов бросил полк в стремительную атаку на саблях: «Тверской полк, около двухсот пятидесяти человек, врубился в пехоту на неровном месте и сбил драгун. Урон прусской в убитых и пленных был велик, и взята часть артиллерии».

Вновь быстрота и смелость атаки позволили одолеть многократно превосходящие силы противника. Прусский батальон полного состава насчитывал 810 солдат и офицеров. Суворову противостояло если не 2,5, то, с учётом обычного на войне некомплекта, не менее 1,5 пехотинца и шесть эскадронов драгун плюс артиллеристы: около 3 обороняющихся пруссаков на одного наступающего русского, даже если гусар у Зорича было вдвое больше, чем у Суворова драгун! «Подо мною расстреляна лошадь и другая ранена», – так Александр Васильевич обозначил ярость схватки¹⁹. И всё-таки русские, вопреки европейской военной науке и практике, победили! Значит, что-то неладно было с военной наукой, и был какой-то неведомый миру источник победы, позволявший Суворову бить врага при любом соотношении сил.

Русское и прусское командование о начавшейся революции в военном деле не ведали и продолжали воевать по старинке, дополняя линейную тактику кордонной. Обе стороны боролись за пути сообщения между Кольбергом и Штеттином, маневрируя вокруг стоявшей на этой операционной линии крепости Трептов. С прусской стороны действовал хорошо знакомый Суворову корпус Платена. С русской – корпус Берга, соединившийся с отрядом тяжёлой кавалерии князя Михаила Никитича Волконского. Князь, заслуживший чин генерал-поручика смелыми атаками при Пальциге и Кунерсдорфе и уже проводивший полки своих конных гренадёр и кирасир парадом по Берлину, действовал в наступательном духе.

Русский и прусский авангарды сошлись у Регенвальда. Волконский немедленно повёл конных гренадёр в атаку «на палашах» (тяжёлая кавалерия была вооружена длинными и тяжёлыми прямыми палашами вместо сабель). Прусская пехота авангарда де Корбиера была смята. Тем временем «гусары сразились с гусарами». «Весь сильный авангард под полковником Курбьером взят был в плен, – вспоминал Суворов, – и его артиллерия досталась в наши руки». В рапорте императрице Елизавете Петровне Румянцев отметил, что корпус Берга, не потеряв ни единого человека, «до тысячи рядовых и с предводителем подполковником Корбиером в плен взял».

Особенно Александр Васильевич вспоминал на первый взгляд беспорядочную, но, с его точки зрения, весьма поучительную баталию у Регенвальда, когда «осенью, в мокрое время», корпус Берга разделился. «Регулярная конница его просила идти окружной, гладкой дорогой. Он (Берг. – *Авт.*) взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков и закрывал корпус поодаль справа». Суворов был в отряде, максимально близком к неприятелю. «Выходя из лесу, – вспоминал он, – вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях». Силы были неравны даже для Суворова. Решение надо было принимать мгновенно.

Пока противник не опомнился, русская кавалерия поскакала вдоль его фронта влево. Этот выбор оказался правильным. Посланный в разведку офицер донёс, «что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка. Мы устремились на неё. Погнались за нами вначале прусские драгуны на палашах, за ними – гусары. Достигнув переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузили в ней почти по луку (седла. – *Авт.*). Нашим надлежало прежде насухо выйти. За ними вмиг – несколько прусских эскадронов, которые вмиг построились. Генерал (Берг. – *Авт.*) приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабый желтый Сватченков; я его пустил. Он опроверг все прусские эскадроны обратно в болото.

¹⁹ Пруссаки, согласно Журналу боевых действий корпуса генерала П. А. Румянцева, потеряли, «кроме побитых», 80 человек пленными и одну пушку; «с нашей же стороны урон весьма мал». Там же. С. 111–112.

Через него, между тем, нашли они слева от нас суше переправу. Первый их полк перешёл драгунский Финкенштейнов, весьма комплектный (около 1500 всадников. – *Авт.*). При ближних тут высотах было отверстие на эскадрон, против которого один (полк. – *Авт.*) Финкенштейнов встал».

Атаковать противника, пока он сам не приготовился к атаке, мог сквозь узкое дефиле между холмами лишь один эскадрон. Но что он мог сделать против комплектного полка в 10 эскадронов, даже если переправу из них (как пишет дальше Суворов) перешла лишь половина? «Невозможно было время тратить; я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону. Его капитан Жадр бросился в отверстие (между холмов. – *Авт.*) на саблях. Финкенштейновы дали залп из карабинов. Ни один человек из наших не упал, но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновение были опрокинуты, вырублены, потоптаны и перебежали через переправу назад».

Не встретив храбрых сербов контратакой и пытаясь, по уставу, дружно стрелять, прусские кавалеристы проиграли схватку, а вместе с нею весь бой. С нашей стороны «сербский эскадрон был подкрепляем одним венгерским, который в деле не был. Финкенштейновы же были подкрепляемы, кроме конницы, батальонами десяти пехоты. Вся эта пехота – прекрасное зрелище с противной черты – на полувыстреле давала в нас ружейные залпы», – с удовольствием вспоминал Александр Васильевич.

Несмотря на идеальное расстояние для залпового огня лучшей в Европе линейной пехоты, гарцующие на нашем берегу заболоченной речушки сербы и венгры оставались неуязвимыми. И многократно более сильный по численности противник, потеряв лишь мгновение при принятии решения об атаке в карьер, не мог сделать больше ничего!

«Мы почти ничего не потеряли, – констатировал Суворов, – от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников». А ведь пруссаками командовали не новички: «при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым полком командовал подполковник и кавалер Рейценштейн – весьма храбрый и отличный офицер. Потом оставили они нас в покое».

Торжество идеи, что кто быстрее и энергичнее атакует, тот побеждает, было полным. Однако годится ли эта мысль для пехоты? Суворов проверил это на себе в самых жестких условиях, при первой же возможности возглавив атаку пехоты на укрепленный по средневековому образцу городок Гольнау (Голнов). Штурм вышел кровавым, но успешным, а потери оказались не столь велики, как при «правильной» осаде. Но предоставим слово самому полководцу, вспоминавшему в автобиографии о событиях осени 1761 г.:

«В ночи прусский корпус стал за Голновым, оставив в городе гарнизон. Генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторой пехотой. Я с одним гренадёрским батальоном атаковал ворота, и, после сильного сопротивления, вломились мы в калитку, гнали прусский отряд штыками через весь город за противные ворота и мост, до их лагеря, где побито и взято много в плен. Я поврежден был контузией, в ногу и грудь картечинами; одна лошадь убита подо мной». Оказалось, что и в пехоте быстрота и натиск решают исход боя. Русские победили с минимальными потерями. Наибольшей опасности при штурме подвергались офицеры, на которых осажденные сосредотачивали огонь.

Тем временем война продолжалась. Корпус Платена и армия принца Вюртембергского не смогли помочь гарнизону Кольберга, вокруг которого Румянцев методично сжимал кольцо осады. 5 декабря крепость капитулировала. Была открыта дорога в Пруссию, которая, по словам Фридриха Великого, уже «лежала в агонии, ожидая последнего обряда». Её хваленые войска и прославленные генералы были биты. Русская армия, вступив в войну неподготовленной, имела уже опытных бойцов, в ней выдвинулись талантливые командиры.

Покрыв себя славой Петр Румянцев. Александр Суворов, приучивший солдат атаковать холодным оружием, по отзыву Берга, «против неприятеля поступал с весьма отличной храбростью», был «быстр при рекогносцировке (в разведке), отважен в бою и хладнокровен в опасности». Генерал-фельдмаршал Бутурлин писал Василию Ивановичу Суворову, что его сын «у всех командиров особую приобрёл любовь и похвалу... себя перед прочими гораздо

отличил».

Фридрих Великий писал, что «только судьба может меня спасти». И судьба вмешалась в события. 25 декабря 1761 г., через 20 дней после взятия Кольберга, умерла императрица Елизавета Петровна. На престол вступил ярый поклонник прусского короля и прусской военщины Петр III. Семилетняя война закончилась предательством: Петр III заключил с Пруссией союз. В январе 1762 г. Салтыков был вновь назначен главнокомандующим, став невольным участником позорного мира и сговора с пруссаками против бывших союзников.

Фельдмаршал старался от помощи Фридриху уклоняться, но смог покинуть армию только в августе 1762 г., после воцарения Екатерины II, когда император был свергнут разъяренной гвардией. Отец Суворова, снятый с поста генерал-губернатора завоёванной части Пруссии и высланный губернатором в Тобольск, прибыл в Петербург. Он активно выступил на стороне императрицы. В ходе дворцового переворота, когда гвардейцы с омерзением сбрасывали с себя узенькие многоцветные мундиры прусского образца и надевали старые тёмно-зелёные, введённые ещё Петром I, Василий Иванович был пожалован высокой честью: получил от «матушки-императрицы» чин премьер-майора лейб-гвардии Преображенского полка.

Честь эту В. И. Суворов тут же оправдал. С отрядом гусар он нагрянул в Ораниенбаум, где квартировали верные Петру III войска, без боя разоружил голштинских солдат, арестовал их офицеров и генералов, а заодно пресёк возможность грабежей. В первый же день Суворов-старший составил опись дворцовых сумм и имуществ. На следующий сделал разбор арестованных, из которых российских подданных привел к присяге императрице Екатерине, а голштинцев посадил на суда и перевез в Кронштадт для высылки из страны в немецкий порт Киль. Из выданных ему на расходы 7 тыс. руб. В. И. Суворов представил более 3 тыс. экономии: потрясённая его честностью Екатерина II вынуждена была лично ему эти деньги подарить.

Честнейший и «без лести преданный» Василий Иванович стал не слишком заметным со стороны, но важным для нового правления человеком. Он занимался, в частности, делами Тайной канцелярии, прежде всего – борьбой с заговорами. Его строгость и распорядительность позволяли молодой Екатерине чувствовать себя в безопасности. В то же время она могла при желании отмежеваться от строгости мер охраны порядка, которые Суворов по необходимости принимал. Вот как, по обыкновению чуть жеманно, выражалась императрица: «Суворов очень мне предан и в высокой степени неподкупен: без труда понимает, когда возникает какое-либо важное дело в Тайной канцелярии; я бы желала довериться только ему, но должно держать в узде его суровость, чтобы она не перешла границ, которые я себе предписала»²⁰.

Суворов-младший оставался в действующей армии. Политика его не касалась, но он уповал получить командование кавалерийским полком. Генерал Румянцев поддержал это стремление в реляции императору Петру III от 8 июня 1762 г. о производстве Суворова в полковники кавалерии²¹. Однако на дворе уже стояло лето 1762 г. Военной необходимости, заставлявшей употреблять офицеров там, где они могли больше всего принести пользы, при дворе не ощущалось.

В Петербурге на первый план вышла тема личной преданности императрице Екатерине. Сын Василия Ивановича, в августе 1762 г. присланный в Северную столицу с депешами от генерала графа Панина, был по определению ей предан. В. И. Суворов с Сенатом и гвардией готовился к путешествию на коронацию Екатерины в Москву. В Петербурге оставался для поддержания порядка Астраханский пехотный полк. Александр Васильевич был «её императорским величеством произведён в полковники следующим собственноручным

²⁰ Михайлов О. Суворов. М., 1980. С. 81.

²¹ Генералиссимус Суворов. С. 112.

указом: Подполковника Александра Суворова жалуюем мы в наши полковники в Астраханский пехотный полк»²².

Глава 3 Воинское обучение

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость даёт над неприятелем победу, но единственно смешенное с оной военное искусство.

Получив под команду полк, Суворов на 33-м году жизни мог показать, какой он себе представляет образцовую воинскую часть. Обучение военному искусству велось именно по полкам. Полковники создавали в дополнение к войсковым уставам свои инструкции. Различались в полках даже молитвы. Переведённых в полк из другой части переучивали. «Семьёй» солдата было капральство, основной учебной, караульной и боевой единицей – рота. Но могучим «телом», состоящим из многих «частей», являлся полк. Душой полка, «просвещающей» его «матёрое тело», являлось, по убеждению Суворова, «наблюдение нужных военных правил».

Александр Васильевич не успел провести реорганизацию в Астраханском полку. Через 7 месяцев после назначения в него, 6 апреля 1763 г., он был переведён в квартировавший в Петербурге Суздальский мушкетёрский полк. Один из старейших полков, прошедший сражения от Полтавы до Кунерсдорфа, должен был в его руках стать за 7 мирных лет лучшим по организации и боевой выучке в Европе. Суворов не мыслил военной организации вне европейской традиции, идущей в России, как он считал, от Великого Петра.

В 1763–1764 гг., командуя полком в Петербурге и Новой Ладогге, он разработал методику обучения солдат всему, что им было необходимо в мирное и военное время. Опираясь на новый, изданный в 1763 г., «Строевой устав пехотной экзерциции (обучения)», полковник написал подробное наставление об организации воинской службы, правилах обучения и воспитания солдат, прежде всего в ротах²³. Ту же задачу на уровне полковника и полка в целом решали в те годы Военная коллегия, где работал отец Суворова, и его единомышленник генерал-аншеф Пётр Александрович Румянцев²⁴.

Новейшие историки не вдавались в анализ суворовского «Полкового учреждения», поскольку большая часть задач, которые Александр Васильевич ставил перед войсками, сегодня выглядят как нелепая муштра. Авторы ограничивались тем, что «выгрызали» из текста «положительные», с их точки зрения, цитаты, не передавая читателю полной картины того, что будущий великий полководец считал фундаментом военной науки, на чём он строил свои преобразования и победы.

Суворов в «Полковом учреждении» не выступает революционером, отмечающим нелепость современных ему европейских армий, в которых солдатики должны были выглядеть как игрушечные. Напротив, он требует от подчинённых соблюдать во всех деталях бесчисленные ритуалы и смешные сегодня особенности внешнего вида (требовавшие, например, таскать с собой пудру и кисточку для её нанесения на волосы).

²² В формулярном списке А. В. Суворова, составленном архивистами Главного штаба в 1906 г. и уточнённом в 1946 г., получение чина датировано 26 августа, а «вмещение» в должность в полку – 31 августа 1762 г. См.: Генералиссимус Суворов. С. 24.

²³ «Полковое учреждение» опубл.: А. В. Суворов. Походы и сражения. С. 61–149.

²⁴ См.: «Инструкция пехотного полка полковнику» (1764); «Инструкция конного полка полковнику» (1766); «Наставление всем господам батарейным командирам» (1766). Только в 1774 г., после знаменитого «Обряда службы» (1770) Румянцева, появилась «Инструкция ротным командирам».

Перечитывая «Полковое учреждение» перед тем, как писать эти строки, я сам ужаснулся мелочности и видимой бессмысленности множества требований, необходимых, с точки зрения Суворова, для исправного функционирования полка как единого целого. И лишь в результате больших усилий осознал, зачем Александр Васильевич всё так подробно расписывал, причём не обычным стремительным, перескакивающим через обрывки фраз языком, а чётко, детально и подробно.

Первая глава «Учреждения» посвящена караульной службе: главной функции полка в мирное время. Суздальцы ежедневно выставляли посты при царских дворцах, в местах высочайших увеселений и прогулок, у государственных учреждений, при различном начальстве и императорских фаворитах, на городских заставах. Для этой службы были отведены караульные помещения, заменяемые палатками, когда полк сопровождал императрицу за город или выводился в летние лагеря. Командированные где на день, а где на месяц караульные команды являли лицо полка, выстраиваясь «фронтом» для отдания чести высоким особам и штаб-офицерам, в то время как полковник не мог за ними одновременно уследить.

Суворов, наводя свои порядки в полку, первым делом чётко расписал, как строятся разного состава караулы, где и в каких случаях должны находиться в строю офицеры, унтер-офицеры, капралы и барабанщики. Он подробно указал, как караулам маршировать, какими командами производить смену караулов, а также «каким образом поступать старшему на карауле офицеру, сержанту, капралу и ефрейтору» в различных случаях.

Случаи могли быть всякие. Караулы были для особ столь высоких, что устав и правила им были не писаны. При первом выставлении караула к знатной особе, писал Суворов, его начальник должен точно узнать у адъютанта высокой особы или его самого, в каких случаях и перед кем выстраивать солдат во фронт для оказания почестей.

Как и сегодня, высокое начальство считало солдат своими рабами и употребляло, как вздумается. «Бунт» Суворова против этой общераспространённой системы был необыкновенно для его вспыльчивого характера тихим. «Если рядовые, – писал он командирам, – в непристойные их должности работы употреблены будут, об этом той особе, у кого на карауле стоят, учтивым образом представлять и по возвращении в полк о том рапортовать».

Это была не просто покорность господствующей ситуации, а жизненная позиция, раскрытая полковником в главе «О воинском послушании». Желание высокой особы, пусть это будет царедворец или императорский фаворит, было для Суворова равносильно приказу, а дурной приказ он полагал меньшим злом, чем непослушание.

* * *

От послушания родится попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сём замыкается весь воинский распорядок.

«Вся твёрдость воинского правления, – гласит “Полковое учреждение”, – основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчинённый пред своим вышним на отдаваемой какой приказ да не дерзает не только спорить или прекословить, **но и рассуждать** (выделено мной. – *Авт.*), а особенно его порочить после в каком бы то ни было месте, но только повеленное неукоснительно исполнять».

Итак, «рассуждать» перед командиром Александр Васильевич запрещал. А как же всем известное своеволие Суворова и его хрестоматийная любовь к воинскому «рассуждению» всех чинов, начиная с рядовых солдат? Право на собственное мнение он признавал именно в рамках послушания. Противоречить приказу или обсуждать его запрещалось. Но мнение каждого подчинённого могло быть представлено начальству: «Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был, пред своим начальником к лучшему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не

имело вида какого непослушания». Это первыми должны были иметь в виду караульные, представляющие воинскую часть перед начальством выше полкового.

Вестовые, расставленные на должном расстоянии от караула, должны были возгласом «к ружью!» предупредить часового у фронта и товарищей в карауле о приближении высокой особы. По возгласу часового «караул выходит и становится к ружью поспешно, однако без замешательства». На практике Суворов знал, что особа может «скоро проехать или из переулка выйти», так что всех ружейных приёмов караул выполнить не успеет. Это было им учтено в совете «не торопиться и командовать порядочно: “ступай в ружьё, к ноге, на плечо, на караул”, – сколько командир успеет». «Особа» должна видеть готовность к отдаче чести и порядок, а не неприличную суету, за которую Суворов требует наказывать.

Александр Васильевич повелевал «караул содержать весьма строго... недреманно и осторожно, дабы из добрых солдат не сделать худых и за какую оплошность не подвергнуть себя... взысканию». От командиров требовалось, чтобы в любой момент, когда придётся строить «фронт», солдаты были молодцеваты и подтянуты. Они должны были выглядеть как те игрушечные солдатики, которыми любили забавляться высокие особы по всей Европе: с белыми пудренными головками, косичками, бантиками, галстуками и прочей дребеденью, не имевшей для военного дела никакого смысла.

Бессмысленность украшательства, отнимавших у солдат много времени и мешавших на войне, была осознана позже. В 1760-х гг. Суворов полагал эту мишуру существенной частью солдатской службы. Чтобы солдат в любую погоду был готов выскочить из караульни и стать во фронт, полковник требовал от офицеров, сержантов, капралов и ефрейторов заботиться о его внешнем виде, особенно о причёске: «бело напудренных» буклях и косичке днём, пока охраняемая особа не пойдёт спать, «не напудренных буклях» ночью. Букли и косы солдаты носили даже в деревне, в любую погоду.

Парик солдату (в отличие от знатных особ) был не положен. Вид парика должны были иметь собственные волосы, с приплетённой к ним на лентах косичкой на проволочной основе.

Суворов делился своим опытом ношения форменной причёски в главе «О убранстве и чистоте». Букли заботили Александра Васильевича в первую очередь, потому что были видны всегда и, в отличие от привязной косы, нуждались в постоянном уходе, – как и усы, положенные отборным солдатам-гренадёрам. Во второй части главы, где полковник раскрывает содержимое солдатского подсумка и карманов, средства по уходу за причёской названы сразу после необходимого для работы с ружьём.

Головные уборы: гренадёрские шапки и колпаки, мушкетёрские шляпы, – предписывалось носить с лихостью, набекрень, скошенными направо. Сшитая из плотного зелёного сукна на красной подкладке форма носилась слоями, в зависимости от времён года. Слои по погоде расстёгивались (они были на крючках) и отворачивались (для крепления отворотов на форме были пуговицы). Летом с относительно лёгким нижним камзолом полагалось надевать и лёгкие белые штаны. А осенью и зимой, когда поверх камзола носили плотный кафтан, штаны полагались зимние – толстые красные. Зимний наряд при необходимости утеплялся длинной, до пят, епанчой: широким василькового цвета суконным плащом на крашеной полотняной подкладке.

По погоде солдаты носили и обувь: башмаки со шнурками и штиблетами или сапоги выше колена. Они утеплялись соломой или ватой. Сапог солдаты имели по одной паре, башмаков – по две. «В сухую погоду надевать штиблеты и башмаки, а сапоги в одну грязь, в походе же – как приказано будет», – предписывал Суворов. Как и башмаки, солдаты «сапоги переменяли с одной ноги на другую, чтоб они не сносились и в ходьбе ног не потеряли». «Для чищенья обуви» в сумке каждого солдата всегда должны была иметься «щётка и ступочка ваксы».

Только в карауле, большом полковом строю и в церкви следовало носить красный шерстяной галстук «с тонкою белую полотняною обшивкою». Повседневно полагался «галстук шириною в вершок (4,4 см. – *Авт.*) волосяной чёрной с тонкою кожаную чёрною

обшивкою на 4-ю долю вершка; оба застёгивались сзади, на пряжку под косой. Ворот рубашки или манишки, в отличие от манжет из «тонкого полотна в вершок», не должен был виднеться из-под галстука. Но всё равно «во всяком карауле, большом полковом и церковном строях» Суворов предписывал «быть всегда в белой рубашке или манишке, в прочее время, хотя не в белой, однако чистой. Сверх того иметь белую рубашку или манишку в запасе».

Масса трудов была связана с уходом за белыми ремнями: портупеей, на которой висел на левом бедре тесак, и перевязью от подсумка для боеприпасов. Тщательно белить и лощить требовалось также ремни, крепившиеся за плечом пехотинца туго свёрнутый «изнанкою внутрь» плащ.

Особых забот требовали короткие (чуть ниже колен) штаны-кюлоты, хлопчатобумажные чулки, которые следовало «вытягивать крепко и подвязывать за коленом», к башмакам штиблеты (голенища на пуговицах, надеваемые с башмаками) с выступавшими из-под их верхнего края штибель-манжетами, кафтаны и камзолы (которые следовало латать тканью того же цвета), плащи, пристраивание которых на ремнях за спиной было целой наукой, наконец, начищенные до блеска тесаки и ружья.

Вопреки мнению, что ружья в русской пехоте уродовали, начищая канал ствола битым кирпичом, спрямляя приклад (для более удобного взятия «на караул») и выдалбливая деревянные части, чтобы поместить в них брякающие предметы, Суворов требовал заботиться о ружье как о боевом оружии. Для «блистания» на караулах и парадах железо начищалось снаружи, а греметь – следовательно, болтаться – ничто было не должно. Аналогичную картину мы наблюдаем и в «Инструкции полковничьей пехотному полку», составленной в 1764 г. шефом Черниговского мушкетёрского полка генерал-майором А. И. Бибиковым²⁵.

Иначе быть и не могло. Опыт Семилетней войны, обобщённый в Уставе пехотного строя 1763 г.²⁶, в создании которого принимал участие Василий Иванович Суворов, пожалованный чином генерал-аншефа²⁷, требовал от пехоты быстрого, точного и эффективного огня. Для этого в 1763 г., с немалыми казёнными расходами, для армии была создана нового образца фузея (род мушкета), поступившая в войска, когда Суворов обучал Суздальский полк.

То, что пехота всё равно стреляла недалеко и неточно, было связано со свойствами гладкоствольного оружия, а не нравами командиров русской армии, якобы заставлявших это оружие портить. При этом выбор в пользу быстро заряжаемых и простых гладкоствольных конструкций всюду в Европе делался сознательно: нарезные по диагонали стволы были известны давным-давно²⁸. Но массовым это оружие смогло стать, когда был изобретён

²⁵ Инструкция полковничья пехотного полку, подтверждённая от ея императорского величества декабря 24 дня 1764 г. СПб., 1764. Ср.: *Роголин Н. Г.* «Полковое учреждение» А. В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб., 2005.

²⁶ См.: Воинский устав о строевой пехотой службе. СПб., 1869. Ч. 1.

²⁷ Членами созданной 12 июля 1762 г. Воинской комиссии по улучшению организации и боевой подготовки русской армии, в которую по праву вошёл В. И. Суворов, были П. С. Салтыков, П. И. Панин, З. Г. Чернышев и другие видные военные деятели. Новый Пехотный строевой устав был готов уже через 8 месяцев и утверждён 12 марта 1763 г. Чин генерал-аншефа В. И. Суворов получил 9 марта 1763 г., как раз накануне высочайшего утверждения Устава. В том же 1763 г. был учреждён Генеральный штаб во главе с президентом Военной коллегии (с 1772 г. – генерал-квартирмейстером) для сбора и подготовки информации (прежде всего картографической) и ориентации войск на театре боевых действий. Знаменитые слова А. В. Суворова: «Надлежит всегда иметь строгое разведывание», – вполне относятся к сфере действий Генштаба, созданного с участием его отца.

²⁸ Ещё в 1680-х гг., при канцлере В. В. Голицыне, «винтованные пищали» поступали в русские пехотные полки, и уже тогда кратко назывались в документах «винтовками».

новый способ воспламенения пороха (взрывом капсюля вместо поджигания искрами от кремня) и соответствующий ему унитарный патрон.

* * *

Помилуй Бог, мы русские! Благодарю, спасибо!
Разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством будет! Победа! С Богом!

Непринятие на вооружение винтовок, эксперименты с которыми проводились с XVI в. по всей Европе (включая Турцию), не было связано с привнесённым историками представлением о «примитивности» солдат того времени. Да, Суворов получал в полк рекрутов, набранных из крестьян, которые в большинстве были неграмотными и даже не знали слов молитвы. «Например, немецкий, французский мужик, – писал он несколькими годами позже своему командующему генералу фон Веймарну, – знает церковь, знает веру, молитвы. У русского – едва знает ли то его деревенский поп. Поэтому мужиков учили у нас (в Суздальском полку) молитвам. Так догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними, устремлялись к честности, познавали грех и наказание».

Задачей полкового командира было не сетовать на худой состав рекрутов, а учить их. Все знали, что в рекруты сдают не сознательных и трудолюбивых крестьян. Рекрутами становились те, кто был меньше всего полезен. Их можно было поставить в строй, запугав жестокостью или воспитав. По первому, «палочному», пути пошёл Фридрих Великий, чьи зазывалы набирали солдат по всей Европе (своих пруссаков и силезцев просто хватали без разбора). В Суздальском полку был избран другой путь: воспитания новых людей путём пробуждения в них нравственного чувства.

Первым его основанием было православие. Офицеры в русской армии служили всякие: немало было иноземцев, которых не неволили менять веру (хотя многие принимали православие). Много донских и украинских казаков, венгров, сербов, молдаван и др. служило в иррегулярных частях. Но рекрутская повинность, на основе которой формировались регулярные войска и в особенности линейная пехота, никогда не распространялась на иные народы, кроме русского.

Все солдаты пехотных полков Российской империи были русскими, с детства крещеными в православие. Рекрутская система, введённая Петром I, предназначалась для того, чтобы превратить новую армию в «наднациональную» силу, способную держать русский народ в военно-полицейской узде. Но выяснилось, что именно национальная армия, воодушевлённая чувствами народного единства, способна побеждать врага на поле боя. Разгром под Нарвой, где иноземные офицеры предали его, и победа над сильнейшей армией Европы под Полтавой убеждали в этом Петра I. Победы над Фридрихом Великим и вымуштрованной его генералами общеевропейской сволочью ещё больше усилили это сознание среди русских офицеров.

Для Суворова, родившегося и воспитанного в православной Москве, чувство единства со своим народом было очень важно. Русским был каждый его солдат, – а Александр Васильевич хорошо помнил слова самого Петра, что все военные – суть солдаты: «Имя “солдат” просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетёра, конного и пешего» (Из «Артикула воинского» 1716 г.).

Ощущение: «я – солдат» значит «я – русский», – впоследствии было характерно для всех Суворовских офицеров, независимо от национального происхождения. «Мы русские! Клянемся в том пред всеильным Богом!» – единодушно восклицали генералы Дерфельден и Багратион, один – прибалтийский немец, другой – чистокровный грузин. Это было вовсе не отрицание личных национальных корней, но создание единства русской армии, уверенность, что, как русские солдаты, они обязаны с помощью Бога побеждать там, где больше никто не

может победить.

Вступив в командование полком, Суворов не сомневался, что армия, состоящая из русских солдат, будет побеждать именно как армия национальная. Её сплочение начиналось с единого языка и веры. Воспитание нового солдата, по «Полковому учреждению», венчалось изучением общих молитв: когда «рекрут свое экзерцирование (воинское обучение. – *Авт.*) окончит и войдет в ротной строй со старыми рядовыми, в капральстве своём обучаем он бывает учрежденным при полку молитвам».

«Учреждённые при полку молитвы суть: 1-е – “Господи Иисусе Христе Боже Спаситель мой”; 2-е – “Символ веры”, “верую во единого Бога Отца”; 3-е – “Отче наш”; 4-е – “Богородице Дево радуйся”. Оные, – повелевал Суворов, – всем нижним чинам твёрдо знать и ежедневно поутру и ввечеру по оным Господу Богу молиться, читая из каждой вслух и наизусть».

Приобщение к церкви требовало её обязательного посещения по воскресеньям и церковным праздникам. Это важное событие военной жизни Суворов именуется «церковным парадом», приравнивая его к караулам у самых высоких особ и полковому параду, хотя бы храм посещали одним капральством (30 рядовых) или даже меньшей командой.

Уже для такого торжественного посещения храма солдат, по убеждению Суворова, должен быть выучен. А это была целая наука, которую он создал и преподавал вначале для одного Суздальского полка.

«Кто боится Бога, неприятеля не боится», – не раз говорил Суворов. Но бесстрашия для воспитания хорошего солдата было мало. «Четвёртого гренадёрского полка люди бодры, мужественны, да не храбры, что тому причиной?» – риторически спрашивал он в 1771 г. в письме генералу Вейсману. И сам отвечал: «Они на себя ненадёжны, полковник сам ленится учить, а только верит другим». А в Суздальском полку, вспоминал он в том же письме, «каждый шёл через мои руки, и сказано ему было, что более ему знать ничего не оставалось, только чтоб выученное не забывал. Так был он на себя и надёжен – основание храбрости!»

* * *

Понеже праздность – корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведёт каждого к знанию его должности в её совершенстве, – ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чём ему для побеждения неприятеля необходимая нужда.

Задачей обучения, в терминах Александра Васильевича – экзерциции, было воспитание уверенности солдата в себе и его гордости тем, что он «в тонкость» проник в воинскую науку. Эта особенность выделяет «Полковое учреждение» среди воинских инструкций того времени и делает воспитательный метод Суворова современным по сей день.

Все указания Александра Васильевича в «Полковом учреждении» совершенно прозрачны и характеризуют предмет исчерпывающе. Даже современный нам человек, взяв в руки этот текст, сможет привести себя в соответствующий суворовскому солдату вид и, после некоторой тренировки, выполнить все предписанные полковником действия.

Суворов вместил в инструкцию всё, что требовала от солдата армия, от заботы о внешнем виде и изучения строевой подготовки до победной молитвы. Кроме того, он расписал обязанности должностных лиц полка, начиная с обер-офицеров. Их первой задачей было военную науку «весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчинённых своих в надлежащее время и часы, чтобы её не забывали, в ней свидетельствовать и **без изнурения подробно обучать могли, так, чтобы оное упражнение вообще всем забавою служило**» (выделено мной. – *Авт.*).

Обер-офицеры – это старшие офицеры, командиры рот в чине капитана и их заместители: поручики, подпоручики и прапорщики. Они должны были сами принимать

новобранцев и прежде, чем поставить их в строй, «в тонкость» обучить всему, что должен уметь в строю рядовой и более того, мелд-ефрейтор (солдат, исполнявший обязанности старшего по команде, в знак этого носящий ружьё без штыка). Суворов допускал, что учения с рекрутами может проводить унтер-офицер (сержант, капрал) и даже ефрейтор (старший солдат). Но ответственность за качество обучения целиком возлагал на ротного капитана, подчёркивая, что этой важной работы нельзя стыдиться, и недурно бы выполнять её самому командиру полка.

В самом деле: хотя мушкетёрский полк представлял собой крупное хозяйство с изрядным имуществом и большим штатом (1890 человек), «под ружьём» в нём было всего 1540 бойцов, служивших целых 25 лет. Даже с учётом значительной смертности от болезней (против которых должен был бороться полковой лазарет во главе с врачом – обер-офицером), восполнение потерь в мирное время не было таким большим, чтобы с новобранцами не могли заниматься капитаны, а то и сам полковник до распределения рекрут по 12 ротам.

От качества начального обучения солдат зависел успех полка на караулах и парадах, не говоря о победах на войне. Что бы ни писали позднейшие историки, считавшие русских солдат второй половины XVIII в. «пушечным мясом», солдат был дорог не только человеколюбивому Суворову, но и любому командиру, заботившемуся о своей репутации и продвижении по службе.

Но ведь, воскликнет читатель, все эти полковники и капитаны были помещиками-крепостниками, воспринимавшими своих «рабов» как скот, – посему они солдат-то должны были жалеть?! Это заблуждение. Не надо судить о крепостниках того времени по немногим императорским фаворитам, неожиданно получавшим в дар десятки тысяч крестьян и относившимся к своему «имуществу» легкомысленно.

Обычные помещики, даже владевшие значительным числом крепостных «душ» мужского пола (свыше сотни, но таких среди офицеров было подавляющее меньшинство, многие владели лишь несколькими «душами»), рачительно их берегли. Говоря цинично, в крепостных состояло их главное богатство. Но распространённым было мнение, что помещик не столько хозяин, сколько «отец» крестьян, призванный заботиться об их процветании (то, что они его при этом обеспечивали, оставалось «за кадром»).

И в армии хороший командир был, по меткому выражению М. Ю. Лермонтова, «слуга царю, отец солдатам». По «Полковому учреждению», капитан отвечал за любое «неустройство» в роте лично. «Без его дозволения, кроме узаконенного», ничего в роте не должно было предприниматься. Капитан, как отец, знает всех солдат по именам и «сведущ о способностях каждого»; он «к своим подчинённым имеет истинную любовь, печётся о их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всём». Ротный изучает нужды солдат, лично проверяет их быт и следит за качеством питания. Он «ослабевшего (спивающегося или впадающего в буйство. – Авт.) рядового берет под собственной свой присмотр и препоручает исправлять старшему сержанту».

Человек из низов, сданный общиной в рекруты, становился (как ни странно звучит) лично свободным от крепостной зависимости, причём навсегда, и входил в другое, почётное воинское сословие. Да, он был обязан 25 лет прослужить в армии, которая, по убеждению Суворова, должна была стать его семьёй. Но русский солдат служил за веру, царя и Отечество на тех же основаниях, что и офицер; а офицер, в свою очередь, должен был начинать службу солдатом и с гордостью носить это звание, даже став фельдмаршалом.

То, что нам (а по прошествии лет и самому Суворову) представлялось ненужными «заморочками», вроде пудры и буклей, на деле использовалось для обозначения солдатской «семьи», служило признаками нового «родства». Именно с обретения внешнего вида солдата начиналось вхождение рекрута в избранный, отделённый от всего «подлого» (простонародного), круг, в котором он должен был пребывать с гордостью. Новой семьёй новобранца становилось капральство, а в нём артель, имевшая общее хозяйство; старшим братом – приставленный к рекруту опытный солдат-наставник.

«Ротной командир по получении рекрут в свою роту, – читаем в “Полковом учреждении”, – прикажет того ж числа их каптенармусу обмундировать и надлежащими вещами удовольствоваться. Потом приказывает старшему сержанту их распределить по капральствам, назначив, в которое именно, и в которую артель. Капрал определяет к каждому одного старого рядового, ради обучения его в экзерциции, должности, соблюдении в целостности и чистоте вещей и содержании самого себя. В будни ежедневно рано по утрам и пополудни с их учителями собираются они для экзерцирования к старшему сержанту, которой имеет в том себе помощника – ротного экзерцирмейстера. Старший сержант им несколько часов в день даёт для отдохновения и приучения описанного сей главы 5 отделения в 9-м пункте в должности капрала. Ротной командир ежедневно, когда при роте, сам по сему пункту надзирает».

Упомянутый 9-й пункт § V содержателен чрезвычайно. «Когда капрал от старшего сержанта получит (в) свое капральство рекрут и поместит в которую он прикажет артель, то определяет к каждому в учителя одного старого рядового, которой с ним для экзерцирования ходит к старшему сержанту. А по отпущении его ученика от экзерциции (капрал) приказывает ему, надзирая по случаю, сам его обучить, одно за другим показывать и затверживать в следующем: 1-е – развертыванию и чищению ружья, чтоб от ствола, замка, штыка и оправы был блеск, (как) чернить ложу, винты и шурупы отвёртывать, завертывать и смазывать, ввёртывать добрый кремень, как привязывать ремень и вообще как разобрать и опять собрать ружье; 2-е – рассказывать ему, в чём чистота состоит, и обучать, как обуваться, одеваться, подвязывать крепко галстук, как содержать в бережении, чистить и чинить кафтан, камзол и штаны, плащ как складывать, свертывать, связывать, и как приноравливать к нему ремни; как связывать, чистить и выправлять шляпу, нашивать на нее обшивку и накладывать бант, а гренадёру как чистить и выправлять колпак; как чистить, смазывать и чинить обувь; 3-е – (каким образом) содержать в бережении амуницию, и как чистить пуговицы, эфес с крючком и наконечником у тесака, на шапке гренадёру герб и медные обручи, герб на суме (подсумке. – *Авт.*), пряжки – галстучную, портупейную, раструбные (на штиблетах и сапогах. – *Авт.*), гренадёру – фитильную трубку, чтоб от всей меди был блеск; (как) натирать воском и лощить зубком крышку на суме и чистить тесачный клинок; 4-е – как мыть, чистить, белить и натирать зубком лоск у перевязи портупеи и плащевых ремней, как их и пристяжные ремешки на суме и большем плащевом ремне пришивать, застегивать и надевать, и как застегивать и содержать кафтанный погон; 5-е – как волосы чесать, завивать в бумажки, делать букли, тонко напыскать водою и пудриться, завивать косы, ленточную и волосяную тройную, и зашлифовывать бант; 6-е – чтоб чисто умели мыть рубашку, манишки, штибель-манжеты, обшивку на красном галстуке, шляпную обшивку и бант, содержать кисточки в исправности; 7-е – обучать учреждённым при полку молитвам, и на первой случай «Отче наш» и «Богородице дево радуйся». При этом в сём обучении говорить с рекрутом громко и смело, тоже и самому ему тихо говорить не дозволять, и **поступать с ним весьма ласково и неторопливо** (выделено мной. – *Авт.*)».

Ротной командир при помощи сержанта и солдата-наставника «имеет времени для совершенного обучения рекрут целый месяц». «В обучении экзерциции и прочего наблюдать, – приказывал Суворов, – чтоб поступаемо было **без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим** (выделено мной. – *Авт.*)». «Когда во всем, что до его должности, рекрут будет исправно обучен, ротной командир, не ожидая приказа, к сроку или прежде срока представит его полковому командиру». В этот момент Суворов, по его энергичному характеру вмешавшийся и в более раннее обучение, мог должным образом проверить уровень подготовки каждого солдата и преподать ему свои уроки.

Обучение караульной службе велось уже практически. «После (капитан) употребляет его в ротной караул три недели не меньше шести суточных смен; а потом и в полковой караул три недели не меньше трёх смен. После чего очередуется со старыми (солдатами) в караулы и иногда в ближнюю ротную и полковую отлучку, только при старых (солдатах), от

причисления его в роту до полугода. Напоследок и в дальнюю отлучку, только в первой раз не одного, но вместе со старыми рядовыми».

* * *

По данному в полк моему учреждению, экзерцирование мое было не «на караул», «на плечо», но прежде повороты, потом различное марширование, и потом уже приёмы, скорый заряд и конец – удар штыком.

Первым делом капралу, старшему сержанту и ротному следовало позаботиться, чтобы новобранцы «имели на себе смелый и военный вид: головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнутыми в прямоугольник держали». Суворов желал, чтобы его солдаты «глядели бодро и осанисто, говорили со всякой особой, и с вышним и нижним начальником смело. И когда он (начальник) о чем спросит, чтобы (солдат) громко отзывался, прямо голову держал, глядел в глаза, станом не шевелился, ногами не переступал, коленей не сгибал. **И отучать весьма от подлого вида и речей крестьянских**» (выделено мной. – *Авт.*)!

Обучив рекрутов правильно стоять «во фронте», можно было начать учить их «поворотам», вначале поодиночке, затем шестёрками, шеренгами «и всей командой в три шеренги» (построение в три шеренги – основной боевой порядок пехоты в те времена).

«После приступить к хождению». Эта сложнейшая наука, пренебрежительно именуемая историками «шагистикой», была условием единства любой боевой единицы пехоты. Без неё не только корпус (в Семилетнюю войну Румянцев водил солдат в бой корпусными построениями), но полк, рота и даже взвод не могли держать строй. Сбившись в кучу или рассеявшись, регулярные солдаты теряли свои преимущества, основанные на плотном огне и правильном манёвре.

Нельзя было учить рекрутов шагать вместе со старослужащими: новобранцы сбивали бы строй, сердя ветеранов и ощущая себя людьми «второго сорта». Лишь по недостатку рекрут в шестёрках и при изучении сложных захождений Суворов разрешал «примешивать старых» солдат в строй новобранцев, где ветераны ощущали бы себя наставниками, не ожидая от рекрутов мгновенных успехов.

Отдавая дань шагистике, Александр Васильевич еще не проявлял себя сторонником особо стремительных манёвров. Он действовал в рамках строевого устава: «Полный военный шаг аршин, большой шаг полтора аршина». Это был весьма широкий по тем временам военный шаг. Но учить будущих «чудо-богатырей» призывал «сначала весьма тихим гусиным шагом, наблюдая прямизну стана в голове, груди, брюхе, коленях, носках и каблуках», – тем способом, которому так досталось от историков в критике «пруссаческой» военной доктрины Фридриха Великого.

Лишь когда солдаты научатся правильно и красиво держать строй, маршируя «гусиным шагом», указывал Суворов, следовало «делать шаг скорее; и, наконец, обучать сперва тихо, потом скорому шагу в полтора аршина». Переход от короткого к длинному шагу преподавался рекруту индивидуально. Он должен был довести до автоматизма хождение «гусиным», аршинным и 1,5-аршинным шагом вперёд, затем «косым аршинным шагом; в принятии в бок на линии вправо и влево; в принятии в бок вперед, вправо и влево; к отступанию назад».

После этого индивидуального обучения новобранцы начинали маршировать шестёрками и учиться сложному взаимодействию в строю, который должен был двигаться в любую сторону и разворачиваться, не теряя равнения. Третьей стадией сложной науки шагистики было выполнение тех же команд большой шеренгой, четвёртой – строем в три шеренги. Наконец, хорошо подготовленные солдаты учились «сдваиванию рядов, взводов и шеренг» для крайне важного в бою уплотнения строя.

Если сейчас читатель думает, что дальше Суворов перейдёт к своим излюбленным приёмам стремительных маршей и «тайнствам» штыкового боя, то он будет глубоко

разочарован. «После сего обучать» требовалось... сниманию шляпы перед начальством. Этому отведён целый параграф в главе об экзерциции, и полковник возвращается к этому вопросу далее.

В особом параграфе, завершив описание основных пунктов экзерциции, Александр Васильевич подробно разъяснил все варианты отдания чести, которые солдат должен был понимать. Между прочим, солдат при ружье и подсумке «идет своею дорогою бодро», не снимая шляпы ни перед кем!

Ясно, что столь развёрнутая инструкция приведена в «Полковом учреждении» не напрасно. Здесь дело не в чиновничестве: сам Суворов чрезмерного «выслуживания» не любил. Чёткое и правильное выполнение воинских приветствий защищало солдата, как броня, когда он оказывался вне строя, без поддержки товарищей и спасительных команд начальства.

Защитив таким способом молодого солдата, Суворов считал возможным дать новобранцам «ружьё в руки и 1-е – научить, как оно держать и с ним во фронте стоять, 2-е – подтвердить с ним повороты, 3-е – все хождения», описанные выше.

«Таким образом новоопределённых рекрут обучив сполна движению ног, – продолжает полковник, – надлежит обучать действию рук (с ружьём), прежде приемов поодиночке, по шестёркам, большой шеренгой и целой командой в три шеренги. Счет между темпами сперва одиннадцать, потом девять, напоследок семь».

Как видим, Суворов не делает ошибки, которую с великим упорством продолжают повторять горе-педагоги, не только в армии, но и, например, в обучении танцам. Человек легче запоминает вначале движения ног, и лишь когда они доведены до автоматизма, усваивает соответствующие им движения рук.

Но Александр Васильевич и здесь не остановился на достигнутом. Удовлетворение новобранцев успешным освоением воинских приёмов следовало закрепить поощрением их честолюбия: «Когда одиночкой обучится, приказывать каждому по окончании приёмов отдать честь и громко спросить: “господин капитан, сержант, капрал, ефрейтор, – то есть тот, кто обучает, – что прикажете”, дабы заблаговременно к мелд-ефрейторству привыкали».

* * *

Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко.

Когда солдат научится действовать в строю, в том числе выполнять все эволюции с фузеей в руках, его можно было учить заряжать и стрелять. Увы, никакой «редкости» и «меткости» стрельбы, как и молодецких ударов штыком, позже воспетых Александром Васильевичем в «Науке побеждать», в «Полковом учреждении» не наблюдается. Здесь в обучении царит старая система частого залпового огня «в сторону противника».

Заряжание было по уставу разбито на несколько приёмов, которые выполнялись по командам. Прежде всего, рекрут учился выполнять их без настоящего заряда в одиночку. Затем – с обозначением выстрела, шестёрками и большой шеренгой, добиваясь единства действий в группе. Только после этого Суворов советовал переходить к обучению «скорому четверократному заряжанию с примерной пальбой, то есть: стоя, сидя на колене, – причём особенно садиться на колени твердо обучать, – встав, и с заряжением на левой стороне поодиночке, и с знаками (обозначением выстрела), по шестёркам и большой шеренгой».

Затем все эти эволюции повторялись при наступлении шеренги на неприятельский фронт. Потом – в три шеренги, с припаданием на колени первого ряда или двух первых рядов (тогда стрелки становились наискось). Особо солдаты учились стрельбе при отступлении строем и батальонной пальбе рядами на марше. Всё сначала разучивалось медленно, затем имитация стрельбы доводилась до темпа «скорострелков».

Если солдаты выучились единым духом выполнять команды по заряжанию и условной («знаками») стрельбе из любого уставного положения, можно было «приступать к пальбе».

Новобранцы выполняли все те же манипуляции с фюзеей, но только «здесь уже все действия с патроном». «При сём, – требовал Суворов, – весьма наблюдать, чтоб оный (бумажный патрон) из сумы скоро вынут был, исправно скушен, тряхнув один раз (порох из патрона) на полку, скоро опущен в дуло одним разом и крепко шомполом прибит».

На этом обучение рекрута боевому искусству было завершено. Далее Суворов инструктирует по обучению караульной службе и даёт специальные указания по дополнительным приёмам гренадёр (они учились бросать гранаты).

А где же та «цельность» (прицельность, меткость) стрельбы, на которой Александр Васильевич так настаивал впоследствии? Обучения прицельной стрельбе в «Полковом учреждении» нет. Нет в нём и упоминания приёмов штыкового боя, и тренировок в ускоренных маршах, и учений по штурму укреплённых пунктов, которые полковнику Суворову упорно приписывала молва и историки. Чего стоит хотя бы байка об учебном штурме солдатами Суздальского полка монастыря в Ладоге, где полк долгое время квартировал!

В исторических источниках следов таких деяний полковника не обнаруживается, хотя некоторые основания для молвы были. Например, официально штыковому бою Суворов в 1760-х гг. не учил и в публичных текстах об этом не писал²⁹. Но 1771 г., в уже упомянутом письме Веймарну, характеризовал свои отступления от норм при обучении полка так: «По данному в полк моему учреждению, экзерцирование мое было не “на караул”, “на плечо”, но прежде повороты, потом различное марширование, и потом уже приемы, скорый заряд и конец – удар штыком». Т. е. есть штык, если даже мушкетёры палили не прицельно, уже в 1760-х гг. был «молодец»!

То же можно сказать и о маршах, следов обучению которым в «Полковом учреждении» нет, разве что в разделе об обуви, которую Суворов советовал беречь, и объяснял, как лучше носить и чинить. Однако когда Суздальскому полку было приказано явиться 15 июня 1765 г. в лагерь у Красного Села, Суворов привёл солдат из Новой Ладоги форсированными маршами, без отсталых, что свидетельствует о тренированности его бойцов в походах³⁰.

Суздальцы были включены в «армию» Екатерины II, которая собиралась, в духе Петра I, «потешно» воевать против войска генерал-аншефа Панина. Это не удивительно: полк был на хорошем счету, а гвардия, в рядах которой выступал отец Александра Васильевича, была с Екатериной. Василий Иванович командовал лейб-гвардии Измайловским полком, в котором с 11 июля 1763 г. был подполковником (полковником считалась императрица). Один батальон Суздальского полка оставался на семь дней учений для охраны «Главной квартиры». Другой, с двумя гренадёрскими ротами, был включён в «особливый лёгкий корпус», которым Екатерина Великая собиралась «рекогносцировать» позиции Панина.

Догадываетесь: с какой из частей своего полка находился А. В. Суворов? При ставке, поближе к «матушке-императрице», источнику благ и чинов, или «впереди, на лихом коне»? Вопрос риторический.

Разумеется, Александр Васильевич был там, где предстояли хоть и учебные, но бои. Предсказуемость Суворова иногда даже угнетает. Дал 99 сражений – всюду побеждал. Хоть бы раз оставил итог боя спорным, так нет же – громил врага наголову. В бою и походе всегда был в гуще солдат. Один раз отступил – через Альпы – но так, что даже противники сочли это величайшей из побед...

В изданной по итогам императорских учений 1765 г. книжке Александр Васильевич отмечен единственным из обер-офицеров:

²⁹ Штык упомянут лишь в развёрнутом заголовке к главе «О экзерцировании»: «И это первое обучение движению ног так же нужно, как обучение в действии рук, потому что без него даже исправнейшее действие руками (то есть стрельба) и штыком, как бы кто храбр ни был, бесполезно».

³⁰ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 1. Гл. III.

«Суворов с пехотой и артиллерией произвёл наступательное движение, занимая высоты одну за другой и очищая путь Государыне для осмотра неприятельских позиций»³¹.

Мало кто из современников знал, что несколько месяцев назад, в разгар обучения полка, завершая работу над «Полковым учреждением», бодрый на людях Суворов чувствовал себя так плохо, что боролся со смертью. «Прекрасная невяская вода так мне желудок расстроила, – жаловался молодой даме Луизе Ивановне Кульнёвой в 1764 г. в своём первом дошедшем до нас письме³², – что оный супротив меня беспрестанно бунтует, а от здешнего воздуха развелась в нём бездна паразитов, кои меня вконец измучили. Головные и грудные боли не оставляют.

У меня остались кожа да кости,
Я зол, подобен ослу без стойла,
Всем похож на настоящий скелет
Либо тень, скитающуюся в небесах;
Я точно беспомощный, тонущий в водах корабль³³.

Смерть чуть не перед глазами у меня. Она медленно сживает меня со свету, – но я презираю её, не желаю умирать позорно, а хочу встретить её только на поле сражения» (П 1). Этого недомогания Суворова, как и большинства других, его сослуживцы не заметили...

На людях Суворов не мог болеть: это не соответствовало его представлению об идеальном офицере, примере для подражания со стороны подчинённых. Именно честолюбие, стремление быть образцовым солдатом, по его мнению, было основным чувством, побуждающим военного человека исправно нести службу.

* * *

Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая онoго в отчаяние.

«Ну а как же наказания, ведь солдат, подобно крепостным, били!» – воскликнет неугомонный в своих сомнениях читатель. Вообще-то говоря, бивали в военных учебных заведениях и будущих офицеров. Телесные наказания распространялись в России не только на крепостных, но и на лично свободных крестьян, горожан и небогатых купцов. Били и солдат в армии.

Побой палкой были основной формой наказания рядовых. Именно их полковник имел в виду, когда писал о нарушителях порядка караульной службы: «А кто от торопливости, дабы поспеть честь отдать, за ружье для делания ещё не повеленного хвататься будет и произведет во фронте замешательство, того неослабно наказывать. То же самое в отдании чести наблюдает всякой часовой, а за свою торопливость, в каком ни есть темпе, как только

³¹ Волков Д. В. Описание лагеря, собранного под высочайшею Ея императорского величества собственной командой при Красном Селе. СПб., 1765.

³² Суворов кокетничал, называл Луизу «милой моей Амалией», упоминал о своём появлении на маскарадах и театре, однако следует знать, что Кульнёва была замужем и имела годовалого сына – будущего почитателя и соратника Суворова, героя войны 1812 г.

³³ Размер и рифма стихов потеряны при переводе с французского.

усмотрен будет, наказан должен быть без упущения».

Суворов против бития не только бывших крестьян, но и дворян не возражал. Дворянина он приказывал бить плашмя по спине клинком (этот приём назывался «фухтелем»), а не палкой, как простых солдат. «Безграмотный дворянин, – писал полковник, – отличность в полку имеет против прочих разночинцев только в том, что его за вину штрафуют фухтелем, как и всех в полку в нижних чинах дворян, а не палкой. Ни в чин никакой не производится, пока по-русски читать и писать довольно (не) обучится».

Однако Суворов рекомендует и более педагогичные меры. Грамотного и примерного поведения дворянина полковой командир определял в роту, где капитан его «с помощью старшего сержанта обучает ласково и исподволь», как солдаты-наставники – молодых рекрут.

Задачей «Полкового учреждения» было избежать ситуаций, когда побои были не праведным наказанием и средством исправления дурного нрава, а признаком отчаяния командира, запустившего работу с личным составом. В главе об обучении рекрут ни слова о наказаниях нет: за что наказывать, коли люди ещё «в тонкость» не обучены?! В письме Веймарну Суворов говорит о новобранцах Суздальского полка (выделено мной. – *Авт.*): «**Их не били**, а учили каждого, как чиститься, обшиваться и мыться, и что к тому потребно, и был человек здоров и бодр. Знают офицеры, что я сам делать то не стыдился».

За обученным личным составом необходим был неослабный контроль командиров, «дабы чрез послабление того из добрых солдат не сделать ленивых, нечестолюбивых к их должности, нерадетельных и напоследок распутное их состояние **от отчаяния бешеною дракою не поправлять**» (выделено мной. – *Авт.*).

Побои были не единственной мерой наказания провинившихся. В «Полковом учреждении» неоднократно упоминаются словесные увещевания, выговоры, угрозы доложить о неисправности военнослужащего выше и доклады (с последующим понижением в чине или даже разжалованием), гауптвахта³⁴ и наряды вне очереди. Капитан должен был иметь под рукой ротные списки с отметками, «кто куда командирован, дабы полковому командиру без дальних справок о каждом отвечать мог; (он же) наблюдает, чтоб один перед другим в лишнюю очередь командирован не был, разве за доброе состояние кого облегчит, а **другого за наказание в лишнюю очередь** командировать старшему сержанту прикажет» (выделено мной. – *Авт.*).

Ротный напоминает в «Полковом учреждении» отца, педагога и священника в одном лице. Капитан «знает именно всех в своей роте нижних чинов, дабы о каждом пред своим командиром ответственность мог, и, будучи сведущ о способностях каждого, исправнейшего от других отличает. Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, как то: склонен к пьянству или иному злему обращению, неприличному честному солдату, то (капитан) старается его увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние».

«По расположении (полка) в квартиры ротной командир, – говорится в главе IV “О непременных квартирах”, – спустя одну неделю, объезжает всю роту по ее квартирам. Каждого квартиру и в ней квартирующего (он) посещает и осматривает, все ли оружейные, мундирные, амуничные и годовые вещи в целости и чистоте, и всё ли есть... Как и где их хранит, и свой провиант, в чистоте ли (солдаты) себя содержат. Для благочестия (капитан) прослушивает (солдат) в повеленных при полку молитвах, утверждает доброе согласие с обывателями, **и с каждым рядовым, что ни есть, говорит**, дабы усмотреть, не привыкают ли они к крестьянским речам, виду, рассуждению и ухваткам и не отвыкают ли от военной смелости. Кто в чем попортился, обленился, опустился и оробел, берёт его под собственной

³⁴ Гауптвахта у Суворова упоминается как главный караул, при котором в русской армии и всей Европе того времени содержались арестанты.

свой присмотр на время, **и не самого его, но его начальника строго за то наказывает** (дважды выделено мной. – *Авт.*). Эти осмотры ротной командир чинит еще дважды, то есть: второй среди зимы и третий не меньше месяца перед выступлением в лагерь», а в его отсутствие всё названное контролирует старший сержант.

Серьёзной виной полковник считал проникновение в армию «подлых» черт крепостных крестьян. «Хотя рядовому с крестьянами, кроме тех, которые из них в пьяных и иных мотовских подлых, грубых и беспокойных поступках обращаются, на квартирах сообщение иметь не воспрещается, но совсем военным правилам противно, что к их виду, образу, ухваткам, рассуждению и речам хотя мало солдату привыкать. Однако при том обходится с ними (крестьянами) ласково и ни в чем их ни словом, ни делом не обижать, за что по вине не допуская до штаба (солдат) наказывать, а буде какие жалобы в штаб произойдут, за те ротной командир сам ответственность должен».

«Бешеная драка» временами была необходима для исправления запущенных солдат, но указывала на виновность их командиров. «Если из унтер-офицеров или капралов кто в поступках испортится, так что трудно будет его поправить, – наставлял Суворов, – о таком (ротный) представляет полковому командиру: оный по обстоятельству лишён будет своего начальнического чина. Старшего сержанта... если провинится, то капитан его ставит под ружьё. А если старший сержант испортится и ослабеет, то по представлению капитанскому, что его должности править не может, от полкового командира лишен будет сего чина».

Полковник понимал, что «ослабленный» пьянством мог быть или приведён в чувство увещеваниями, угрозами и побоями, или остаться пропащим для своей должности человеком. Тут от командиров требовалось терпение. До полковника и даже до капитана, по буквальному смыслу «Полкового учреждения», должны были доходить рапорты только о том, что нижестоящие чины сами не смогли исправить: ведь упоминание о плохом поведении в рапорте было позором и формой наказания. Старший сержант «исправлял» поведение командовавших капральствами унтер-офицеров, капралов и ефрейторов, «не допуская до ротного командира», но лично делая им выговор.

В наказаниях солдат Суворов приказывал учитывать мотив проступка и разбираться, следует ли вообще взыскивать на рядовом. Сломал солдат оружие так, что самому починить невозможно, и «если это учинено от небрежения, то капрал рядового неослабно наказывает». А сломанную фузею или тесак немедля заменяет у каптенармуса.

* * *

Учреждение сие служит к согласному знанию общей должности и каждого особо. Оно его затверждением ничью память (не) отяготит, а исполнением его пунктов ничью должность в излишнее попечение о её исправлении привести не может.

В обучении солдат о наказаниях вообще речи не шло и правильная работа полковой машины бития не требовала: наказания и взыскания всех форм свидетельствовали о том, что что-то идёт наперекосяк. Между тем в процветании одушевлённого тела, каким Суворову представлялся полк, был заинтересован каждый военный, желающий получать от своей почётной службы истинное наслаждение. Эту нравственную награду Александр Васильевич считал главным, что человек может найти в армии.

«Всякой служащей в полку в военном чине рассудить может: только благоустроенное согласие всех частей полка содержит его твёрдость непоколебимой, и неослабное наблюдение нужных военных правил **как душа это матёрое тело просвещает**» (выделено мной. – *Авт.*). Начальник, по Суворову, должен был побуждать подчинённых к выполнению приказов и почтению к своему положению не принуждением, а личным авторитетом.

Плохое исполнение обязанностей командиром – беда, а сбой в подразделении – угроза целостности полка: «твёрдость полка разрушится, и будет оно как грубое тело без души. От чего в службе при таком полку в военном звании столь почтенном можно ли вкушать

истинную сладость? Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с ней военное искусство. Чего ради не должно ли печься единожды в нём полученное знание не только содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять?!»

Суздальский мушкетёрский полк под командой Суворова стал образцовым источником «истинной сладости». «Не можно, – восклицал полковник по поводу отличия, учинённого полку императрицей, – забыть высочайшую монаршую милость, которой сей полк недавно удостоен был! Отличность, какую не один полк по прошествии многих лет славится не может: всем прочим в образец! Но всегда о том вспоминая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу!»

Глава 4 «Одушевлённый организм»

Только благоустроенное согласие всех частей полка содержит его твердость непоколебимой, и неослабное наблюдение нужных военных правил как душа это матёрое тело просвещает.

Что представляло собой «матёрое тело» полка русской пехоты, которая вскоре победит всех врагов России, включая самые передовые войска революционной Франции? Западные современники и все историки были в растерянности перед феноменом русской армии. Как «варварская» страна, погрязшая в крепостничестве, неожиданно разгромила величайшего военного гения Фридриха Великого?! Непревзойдённого реформатора армии и создателя новейшей тактики, опирающегося на индустриальную и интеллектуальную мощь Западной Европы!!

С западной точки зрения русские «варвары» били пруссаков в Семилетней войне благодаря своей примитивности, выраженной в особых свойствах русского солдата. На них с большой злобой ссылался Фридрих II, не желавший признать, что его перехитрил и грамотно побил под Кунерсдорфом старик Салтыков: генерал в ландмилицком мундире, даже не профессионал! Разумеется, Пётр Семёнович действовал не голыми руками. Побили и продолжали бить пруссаков не толпы особо стойких «варваров», а стройные русские полки, над улучшением организации и повышением боевой мощи которых лучшие военные умы России задумались сразу по воцарении Екатерины Великой. Но признать этот факт Западная Европа не могла.

Хороший военный историк Фридрих Энгельс нашел удовлетворительное для Запада решение этой проблемы в построениях социологии. «Пока тактическая задача, – писал он, – решалась наступлением пехотных масс, действовавших сомкнутым строем, русский солдат был в своей стихии. Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. В деревне – ещё полукоммунистическая община, в городе – кооперированный труд артели, повсюду – *krugovaja poruka*, то есть взаимная ответственность товарищей друг за друга; словом, сам общественный уклад наглядно показывает, с одной стороны, что обособленный, предоставленный своей собственной инициативе индивидуум обречён на полную беспомощность. Эта черта сохраняется у русского и в военном деле; объединённые в батальоны массы русских почти невозможно разорвать; чем серьёзнее опасность, тем плотнее смыкаются они в единое компактное целое». Словом, «население России поставляло превосходный солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя»³⁵.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22. С. 403, 16.

Советские историки с воодушевлением приняли такое объяснение силы русской пехоты, позволяющее прославлять героизм простого солдата, обличая при этом «проклятый царизм». В силу идеологической «зашоренности» они обошли вниманием факт, что Энгельс характеризовал военную реформу Фридриха как «переход от глубокого построения к линейному», при котором «сомкнутые массы» лишь массово гибли в столкновении с хорошо обученной пехотой, растянутой по полям сражений в три шеренги (как и учил своих солдат Суворов). Бойцы, теряя строй, позволяющий им максимально использовать своё число и оружие и «плотнее смыкаясь... в единое компактное целое», неизбежно проигрывали. Это классика военной истории. Можно вспомнить янычар, которые с детства воспитывались в военном сообществе, буквально у одного котла. У них «взаимная ответственность товарищей друг за друга» была гораздо выше, чем у русских крестьян. Но янычары не смогли противостоять полкам Румянцева и Суворова.

Александр Васильевич недаром подчёркивал необходимость оторвать солдат от крестьянской среды и народного быта, истребить в них все следы «подлых» крестьянских нравов. Его не прельщали нравы деревенской общины и городской артели, на которые молились революционеры-народники и на которые с их подачи ссылался Энгельс. Русский полк был совершенно особой организацией, реализовавшей представления об идеальном обществе таких офицеров, как Румянцев, Суворов, Бибиков (с которым Александр Васильевич переписывался) и др.

Эта организация была лучше и справедливее современного ей общества, где в «верхах» царило кумовство и коррупция, а фаворитизм был чуть ли не официальной системой продвижения и обогащения. Екатерина Великая просто не понимала, что могут существовать иные нравы и обычаи. «Он сам виноват, что беден, – ответила она чиновнику, просившему за нищего штаб-офицера, – ведь он долго командовал полком».

Для Западной Европы, где она выросла, «кормиться от полка» было нормой, раз в армии служили наёмники. В России казнокрадство в армии имело место и до, и после Суворова. Однако в полку никто не мог украсть так, чтобы это не стало известно офицерам, а нечистые дела самого полковника не дошли бы до бригадира и генерала. Но, скажете вы, ведь крали и брали «посулы» даже генералы! Верно, поэтому нечистые на руку полковники, неспособные навести порядок среди нижестоящих офицеров, имели некоторые шансы удержаться в армии и даже получать продвижение.

Однако среди боевых офицеров и генералов, выдвинувшихся в Семилетнюю войну и обеспечивших «матушке-императрице» дальнейшие громкие победы, честолюбие было развито выше естественного стремления к корысти. Императрица подкрепила эту тенденцию, щедро награждая победителей землями, крестьянами, деньгами и драгоценностями. Строгая распорядительность и чистота совести полковника, делавшие его полк боеспособным и дававшие командиру шансы для продвижения по службе, окупались больше, чем воровство и кумовство!

При наличии честного полковника, мечтающего блеснуть своими солдатами на параде и завоевать победу на поле брани, полковая организация становилась идеалом, недостижимым для остального русского общества. Ведь главным в ней была не солдатская артель, многократно воспетая советскими историками, а чёткая структура командования, справедливая и продуманная система распределения обязанностей, подготовки и продвижения кадров. Не будет преувеличением сказать, что такой идеальный полк, как Суздальский, организацию которого сам Суворов считал образцовой и насаждал затем во всей армии, под командой Александра Васильевича совершенствовал и воспроизводил себя сам.

Это соответствовало представлениям народа о правде и Суворова – о высокой миссии солдата. Солдат не просто освобождался от крепостной зависимости – он относился к привилегированному воинскому сословию. Как утверждала в 1764 г. Военная коллегия:

«Солдат... именем и чином от всех его прочих званий преимуществен»³⁶. Он был всегда сыт и одет, получал небольшое денежное жалованье (плюс чуть больше рационных и амуниционных денег)³⁷, на которое мог, при случае, даже выпить, только не в кабаке³⁸. Солдат имел право, с разрешения начальства, жениться – как и офицер³⁹. Чётко выполняя свои обязанности, он был вполне защищён от несправедливостей и наказаний. Всякий человек, изучивший и делающий в полку больше своих обязанностей, имел шанс на продвижение. Наконец, чем выше был чин – тем больше забот и серьёзнее ответственность.

Дворянин в таком полку, как Суздальский, не мог выдвинуться лишь благодаря дворянству. Он обязан был лично пройти все ступени солдатской службы, делом доказав своё право командовать. Выходец из крепостных мог подняться на уровень власти обер-офицера, став старшим сержантом роты и даже штаб-офицером, сделавшись адъютантом полка. Сын солдата имел привилегию ускоренного производства в офицеры. Наконец, система полка была чрезвычайно прочна, так что каждый добрый солдат, от рядового до полковника, мог наслаждаться чувством защищённости, устойчивости и предсказуемости бытия.

* * *

Содержать себя во вседневной исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленивым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу!

Идеальная организация русского пехотного полка выражалась прежде всего в продуманной структуре командования. На первый взгляд она была проста, но система обязанностей многократно перекрывалась, обеспечивая высочайшую устойчивость управления в мирное время и в бою, где офицеры гибли первыми. В идеале убитого полковника, подобно Суворову, ведущего полк в атаку «вперед, на лихом коне», должен был сменить подполковник, того – возглавлявший штаб премьер-майор, а его в свою очередь четвёртый штаб-офицер – секунд-майор.

Но на деле или полковник с подполковником, или подполковник и майор сами наступали на вышеозначенных «лихих конях» во главе батальонов: построений, как хозяйственные организации не существовавших и в «Полковом учреждении» упоминаемых

³⁶ «Инструкция пехотного полка полковнику» часто приписывается П. А. Румянцеву. Согласно указанию в официальном издании, она подписана графом К. Разумовским, князем А. Голицыным, А. Вильбоа, графом З. Чернышевым, П. Паниным, князем М. Волконским, В. Суворовым и бароном Т. фон Дитцем, – и утверждена императрицей.

³⁷ Годовое жалованье гренадёра 7,92 р., мушкетёра – 7,42 р., а рационных и амуниционных денег им выдавалось без малого по 10 р. Полковник получал по этим статьям 595 и 676,80 р., капитан – 195 и 222 р., прапорщик 97,50 и 113,70 р., старший сержант – 35,28 и 36,36 р., капрал – 10,89 (как барабанщик) и 11,97 р., денщик имел в сумме по обеим статьям почти 14 р. Здесь разница между дворянскими и недворянскими чинами была весьма заметна, хотя дворянский сын, дослужившись до подпрапорщика, получал всего лишь 11,74 и 12,81 р., – как каптенармус и фурьер.

³⁸ По словам Суворова, «нижним чинам вино и прочее пить не запрещается, однако не в кабаке, где выключая что ссоры и драки бывают, и военной человек случается в оные быть примешан; по крайней мере через сообщение там с подлыми людьми он подлым поступкам, речам и хватке навыкнута может и потеряет его от них отменность. Чего ради, войдя в кабак и купив пива или вина (солдату надо), идти немедленно из него вон и выпить оное с артелью или одному в лагере же или в квартире».

³⁹ Офицерские и солдатские жёны с успехом заменяли маркитанток, поддерживая порядок в хозяйстве и обеспечении полка, но без западного разврата. Сама маркитантская служба в России состояла из мужчин.

только при описании церемоний в летних лагерях. На учениях в Красном Селе Суворов командовал батальоном сам. Поскольку штаб-офицеры были целью весьма заметной, гибель в бою всех четверых не была такой уж невозможной.

Однако ранения или смерть всех штаб-офицеров не разрушали военной машины, поскольку обязанности полковника по управлению полком и его хозяйству дублировал полковой адъютант. Он выслуживался во времена Суворова из старших сержантов, а старший сержант – из рядовых. То есть в армии крепостнического государства, каким была Россия во второй половине XVIII в., рекрут из крепостных мог дослужиться до управления целым полком! Открытие, даже для меня, профессионального историка, неожиданное.

То, что в старшие сержанты и адъютанты выслуживались также рядовые из дворян, только подчёркивает особую социальную ситуацию, сложившуюся в полку суворовских времён: она в корне отличалась от организации остального российского общества, основанного на чётком сословном разделении. Очевидно, что полк сам был обществом со своими внутренними законами, по которым личные способности и усердие в службе играли необычно большую роль в социальном продвижении. Самое интересное, что это укладывалось в представления сословного общества, если весь «воинский чин» рассматривать, вслед за Суворовым, как особое сословие.

Кроме адъютанта, видную роль в штабе играл квартирмейстер, ведавший перемещениями и расквартированием полка, казначей, отвечавший за деньги и всё полковое имущество, начиная с формы и вооружения, провиантмейстер, комиссар и аудитор (также выраставшие из нижних чинов), наконец, лекарь (невоенный человек в должности обер-офицера) с двумя подлекарями. При штабе состояли писари, барабанщик, капельмейстер и 4 музыканта, священник с двумя помощниками⁴⁰, двое обозных с 15 погонщиками, мастеровые (кузнец, слесарь, изготовитель ложек), 4 профоса (палача и надзирателя), а также 21 денщик.

Полковая артиллерия (как и лазарет, в котором для перевозки медикаментов, больных и раненых имелись 8 подвод) была приписана к штабу. При небольшом штате в 32 человека – сержант, капрал, канониры, возницы-фурлейты и для защиты орудий фузелёры, – она могла быстро перемещаться (для чего, помимо колёсных пушечных лафетов, имела 8 колёсных ящиков, а также 30 лошадей) и весьма эффективно использоваться в бою. Две 3-фунтовые полевые пушки довольно точно били прямой наводкой, а два 8-фунтовых единорога одновременно служили гаубицами и палили картечью. К ним полк имел по 240 ядер и разрывных гранат плюс 120 зарядов картечи. Всего полковой унтер-штаб насчитывал 113 человек, из которых больше трети могли сражаться.

Солидный запас прочности имела и рота: в Суздальском полку их было 2 гренадёрских и 10 мушкетёрских. Согласно приложенной к «Полковому учреждению» «Табели, сколько в роте и полку каких чинов по штату содержать определено», в гренадёрской было 165, в мушкетёрской – 145 человек, из них 136 рядовых гренадёр и 116 мушкетёров.

Каждую роту возглавлял капитан: единоначальник, отвечающий за всё. Этот «слуга царю, отец солдатам», обязанный помнить всех подчинённых по именам и свойствам, проводил учения и вёл роту в бой со шпагой (символом своего статуса) на боку и фузеей (солидным оружием) в руках. В случае гибели или при отлучке капитана его мог мгновенно заменить один из субалтерн-офицеров в чине поручика, а его – подпоручик (в роте гренадёр их было два, в мушкетёрской – подпоручик и прапорщик). Это было тем легче сделать, что каждый суворовский субалтерн должен был командовать капральством, причём один из них – капральством самого ротного⁴¹.

⁴⁰ Богослужения в полку не должны были зависеть от его местоположения; для этого Суздальский полк имел своего батюшку и свой походный алтарь.

⁴¹ Ротный командир должен был иметь «своё» капральство, в котором бы велось его хозяйство и пребывал старший сержант. Субалтерн же, «по определению ротного командира, собственно для своего упражнения и

Суворов – удивительный случай – не нашёл субалтернам специальных занятий, чтобы их детально прописать. По его словам, субалтерн-офицер «примером благородного своего поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных ободряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдению своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными» – как на возможного заместителя ротного, «чего ради ему о должности ротного командира на всякий час весьма сведущим быть должно». Для этого субалтерн должен всегда иметь при себе (в копиях) ротные документы, какие были у командира.

Однако если вражеский снайпер вдруг выкосит, целясь по нагрудным бляхам-горжетам, всех ротных обер-офицеров (от капитана до прапорщиков), для полка и даже пострадавшей роты это не станет катастрофой: всеми вопросами управления, предписанными «Полковым учреждением» капитану, включая командование в строю, ведал и старший сержант. Он имел в точности тот же круг текущих обязанностей и ту же документацию, что у командира, только зачастую более свежую, ибо получал сведения первым и передавал распоряжения в войска сам (лично или через вестовых). Именно он «ведает ротные письменные дела и правит ими один», «наряды делает поспешно во все места, куда повелено, а именно кого куда нарядить – рапортует своего капитана».

Старший сержант, заботящийся в роте обо всех, включая больных в лазарете, помнит местоположение и занятие каждого «наизусть», и контролирует всё, включая сферы деятельности ротных обер-офицеров. В отличие от них старший сержант, «по его многоделию, капральством не правит». Он является авторитетом во всех экзерцициях, идёт на парад и в бой с фузеей, повесив трость – знак своей власти – за специальную петельку на пуговицу мундира. Но настоящее место старшего сержанта – в ротной квартире, где недельными сменами сидят, прислонив к стене фузеи без штыков, вестовые от каждого капральства. Компанию им составляют два ротных барабанщика, флейтист, цирюльник, мастеровой, плотник и 4 извозчика с лошадьми, готовые везти, куда нужно, колёсный ящик с ротными палатками и ящик с 6-дневным запасом продовольствия.

Можно быть уверенным, что где старший сержант – там центр роты, хотя бы её капитан скакал по своим делам туда и сюда. Даже когда полк расположен на квартирах в сельской местности, да так широко, что между капральствами одной роты 10 и больше вёрст, старший сержант не теряет управления. Просто в этом случае вестовой, прошедший от него со своей фузеей до родного капральства, неся за лацканом левого рукава письменное распоряжение, должен получить смену: в обратный путь капрал пошлёт другого вестового. (Картина, невероятная для других европейских армий, где к такому вестовому нужно было приставить двух охранников, чтоб не сбежал, и унтер-офицера, чтобы следить за охранниками.)

Не будет преувеличением сказать, что в старшем сержанте Суворов видел прочный фундамент порядка в роте, даже когда капитана нет или – о, ужас! – в неё прислан капитан извне, аж из другой роты. «Когда капитан будет куда командирован и роту примет у него другой офицер, то хотя бы тот офицер не первый случай и его роты был, однако как также и тот потом откомандирован быть может, и ротой напоследок по недостатку в ней офицеров будет командовать офицер другой роты, того ради старший сержант, как он при роте всегда безотлучен, с отсутствия своего капитана должен наблюдать весь порядок правления роты и хозяйства, как было при капитане, дабы когда тот в роту возвратится, во всём на нём не только за какое ослабление порядка, но и за различие в правлении роты (разве по обстоятельству времени та перемена учинена будет полковым командиром) строго не взыскал».

Тоже мне открытие, скажете вы, вспомнив роль старшего сержанта в современной нам армии. Да, особых отличий нет, но полезно помнить, что за эту роль мы в немалой мере обязаны Суворову. Он указал, чтобы «старшему сержанту быть о правлении роты весьма

знающему, в поступках благонравному, в исправлении своей должности повелений полковых и его ротного командира неутомленному, и от одного содержанным быть в отличности против прочих нижних начальников». Что же, «отличность» сохраняется...

Кандидатом в старшие сержанты был младший сержант. Это – унтер-офицер на все руки, и в командовании капральством, и в караулах, и «за офицера командирится во всякую отсутственную команду и в отлучки». Но главное – он «о должности старшего сержанта весьма сведущ, дабы по произведении того в офицеры или по какой чрезвычайной отлучке он тотчас в его должность вступить мог».

Ротное хозяйство старшему сержанту помогали содержать в порядке каптенармус, ведавший имуществом, в том числе оружейным, и фурьер, занимавшийся продовольствием. «Каптенармус и фурьер всегда при роте при их должностях, разве чрезвычайно куда от полка наряжены будут, и в строю не при плутонгах (стрелковых шеренгах. – *Авт.*)⁴². Ибо в недостатке сержантов и капралов во взводах и плутонгах место их (занимают) экзерцирмейстеры (инструкторы по строевой подготовке из рядовых. – *Авт.*), а когда их в строю довольно, то экзерцирмейстеры как рядовые».

Каптенармус «помощника при роте, кроме правящего должность фурьера, не имеет. И когда ему какие вещи починить, исправить и вычистить следует, требует людей в помощь от старшего сержанта. В случае его болезни или чрезвычайной отлучки старший сержант, ведая по его табели сам всё, может на время определить вместо него правящего должность фурьера, которой на его убылое место, если того достоин, повышается».

В свою очередь фурьер, готовясь к повышению в каптенармусы и вникая в его дела, получал в помощники солдата, «грамотного из старых рядовых, не из дворян». Этот ветеран освобождался от обязанностей, кроме строевых и караульных, прежде всего от учений.

Фурьер «имеет при себе краткую о провианте ведомость... знает, как занимать полковой лагерь, разделять и располагать по квартирам... и имеет при себе квартирную ведомость по капральствам, если (полк стоит) в квартирах. Принимает и раздает провиант, ведомость к его требованию исправную сочинить умеет и ведет безошибочную о его расходе записку. Ежедневно по утрам рапортует по своей должности старшего сержанта и ротного командира и получает от них приказы... Ежедневно подает старшему сержанту о провианте краткий рапорт, который он в подлиннике отсылает к полковому квартирмейстеру при семидневном к полку рапорте».

Каптенармус, к повышению в должность коего готовился фурьер, «с убылых и отлучных (солдат) вещи содержит в крайнем бережении, целости и чистоте. В квартирах оные в ротном цейхгаузе разобраны по званиям с ярлыками – чья всякая вещь. Ружья и тесаки на приделанных подполках разложены, при них привешены портупей, перевязи с сумами, мундирные вещи, чтоб особливо сии последние моль не поела, и шляпы хранит от сырости, остерегаясь взыскания от ротного командира и старшего сержанта при посещении от них цейхгауза и вещей. По получении от старшего сержанта, попорченное ружье или тесак, буде оное ему исправить при роте невозможно, отправляет для починки к полковому казначею. А вместо той вещи отдает на время в капральство другую такую вещь с убылых и отлучных». Выдача амуниции и замена неисправного оружия упоминаются Суворовым как обычные события в жизни роты.

В своей важной должности каптенармус «при роте всегда безотлучен, разве особливо зачем в штаб позван будет. Когда позван будет к полковому казначею, то с дозволения ротного командира и старшего сержанта немедленно к нему явится». Дело в том, что хозяйственные дела полка, при единоначалии полковника, ведал именно полковой казначей.

Суворов, используя свой хозяйственный опыт, тщательно контролировал

⁴² О каптенармусе специально сказано: «В строю он плутонгом не командует и взвода не ведёт, но только в своем месте оный замыкает. Чего ради строевого знания, кроме его места в строю, ротный командир и старший сержант довольно строевого знания на нём не взыскивают... Однако всегда приборен, опрятен, смел и поворотлив».

еженедельную отчётность по полку. Он составил «Форму семидневным рапортам», «Форму таблицы о вещах», «Форму ротным ведомостям о провианте» и «Форму артиллерийскому списку в роте, какой каптенармусу всегда иметь должно». Бесценны суворовские таблицы и ведомости: «Сколько каким чинам по штатам обыкновенного годового жалованья офицерам рационных, а нижним чинам амуниционных денег в год иметь положено»; «Табель, сколько в роте и полку каких чинов по штату содержать определено»; «Сколько в гренадёрской и мушкетёрской роте и во всем полку вещей по штату содержать определено и на какие сроки»; «Оружейным вещам»; «По штату на артиллерийских чинах вещей иметь велено» и «Сколько состоит полковой артиллерии». В помощь составителям отчётности Суворов приложил к «Полковому учреждению» таблицу умножения.

Вооружение, амуниция и продовольствие (которым занимался в штабе полка квартирмейстер и провиантмейстер) контролировались по двум вертикалям: полковник (с помощниками) – капитаны (адъютант – старшие сержанты) и казначей с квартирмейстером и др. – каптенармус с фурьером. Но если бы даже все эти вертикали вдруг поломались, полк не вполне потерял бы боеспособность, потому что со многими из вопросов продовольствия и ремонта снаряжения и вооружения могли справиться в капральствах.

* * *

Правление капральства уподобляется правлению роты, так же как это последнее правление – полковому. Через сие очевидно капралу, какому достойному человеку и сколько ему в знании военного дела искусному, в поступках же его во образец своим подчиненным благочестивому, трезвому, постоянному, честолюбивому, порядочному, трудолюбивому и хозяйственному быть надлежит.

Капральство – ещё один краеугольный камень русского пехотного полка. Для Суворова и в реальной жизни это была самостоятельная и сильная учебная, боевая и хозяйственная единица. 30 мушкетёров или 35 гренадёр составляли автономный отряд, с помощью которого Суворов вскоре будет громить изрядные толпы бунтовщиков и держать в повиновении большие районы Польши. Да и в последующих войнах количество противников будет неизменно разбиваться о качество организации русского капральства.

Параграф «О должности капрала и командира в капральстве» – едва ли не самый большой в «Полковом учреждении». С точки зрения Суворова, командование капральством – это мечта всякого настоящего солдата. «Посему можно ли в сие звание определять людей по прихотям и не имеющих сих дарований?! – риторически вопрошал полковник. – А дабы те достойные люди по их охоте к повелению для незабвения состояния его всегда им довольствовались, то по произведении кого из них в унтер-офицерской чин не отнимать у него капральства, но оставить при нем командиром, или по изволению ротного командира поручить ему в команду оное капральство».

Из ротных офицеров, с сочувствием к бедолаге пишет Суворов, «один старший сержант, по многодельной его должности, сравниваемой с полковым адъютантством, командовать особо капральством времени иметь не может». Тогда как ротный командир имеет капральство под своим «смотрением», да и его субалтерн берёт себе под команду капральство. Получить «своё» капральство может сержант и (как помощник ротного) даже воспитываемый капитаном подпрапорщик из дворян! «Помилуй Бог!» – хочется воскликнуть словами самого Суворова, – ведь капральств в роте всего четыре!! Как же в них «умещался» весь этот сонм обер- и унтер-офицеров?

Элементарно: унтер-офицеры могли быть субалтернами обер-офицера; все они красиво рапортовали друг другу и отдавали команды в строю, а в остальном – лишь присматривали за правильным исполнением устава и инструкций в жизни капральства. Суворов так и отмечал: командование «без хозяйства», так как истинным хозяином этой лакомой военной единицы был капрал из рядовых, обыкновенно – из бывших крепостных крестьян.

«Капрал был почтён в капральстве, как капитан в роте, – с гордостью писал Суворов Веймарну о порядках в Суздальском полку. – Имел своего ефрейтора и экзерцирмейстера, производим был с возможнейшим соблюдением старшинства, по достоинству, без рекомендации... Всякий имел честолюбие!» Капрал, должность которого была завидной даже для обер-офицеров, был в своей боевой единице полновластным хозяином.

Суворов подчёркивает это, объясняя условность командования капральством со стороны офицеров и унтер-офицеров. «Командующей капральством унтер-офицер, – пишет он, – ежедневно поутру и ввечеру о всём происходящем в капральстве получает рапорты от самого капрала, а в небытность его – от ефрейтора без ружья, и отдает ему приказ, какой за благо рассудит».

Однако вертикаль власти нормально работает и без офицеров: «получаемые (из роты) через старшего сержанта наряды и приказы для поспешности капрал или ефрейтор исправляет без доклада, только унтер-офицеру о исполнении рапортует!» В этой ситуации Суворов сам задался вопросом: что же делают при капральстве офицер и унтер-офицер? И ответил так: «Главное дело командующих капральством обер-офицера и унтер-офицера состоит в том, чтоб иметь смотрение в капральстве, дабы в нём недреманно, рачительно и подробно наблюдаемо было всё повеленное в главах сего Учреждения».

Наличие наблюдателей не меняло того факта, что именно капрал, который «от капральства своего безотлучен», был ответственен за обучение рекрутов, внешний вид и подготовленность солдат, амуниции и вооружения, за наряды и караулы, обеспечение жизни в лагере и на квартирах. На нём лежали заботы о постоянных тренировках в боевой подготовке и о сохранении бравого вида солдат, даже если об этом уже позаботился старший сержант.

«Самое сие, что сказано о рекруте, – пишет Суворов, – (капрал) весьма наблюдает и на старом рядовом, дабы оный не обленился и старший сержант на нём бы того строго не взыскал. Больше в том надзирает над прибывшим из отлучки, особливо если в ней долго состоял, и хотя таковой от старшего сержанта как должно свидетельствован, однако должен сам его ещё свидетельствовать».

В ведении капрала находились все детали жизни солдат. «Без его дозволения ни один рядовой от капральства отлучиться не может». Он «наблюдает за рядовыми, чтоб они ежедневно мыли водой лицо и руки, чесали волосы, оправляли косу, переделывали на висках (букли)... башмаки или сапоги переменяли с одной ноги на другую, чтоб они не сносились и в ходьбе ног не потеряли, и Богу поутру одевшись и спать ложась молились по учрежденным при полку молитвам».

Капрал «для знака начальства ходит с тростью, а когда с ружьем, то есть в карауле и строю, имеет оную на пуговице», как унтер-офицер. О замещении его должности Суворов заботится особо, имея для этого у себя в полку неофициальные чины, в штатном расписании и денежных ведомостях отсутствующие: ефрейтора и экзерцирмейстера (заместителя капрала и солдата-инструктора). «Ефрейтор у капрала всегда его капральства экзерцирмейстер, – пишет полковник. – Того ради экзерцирмейстеру, дабы, особливо когда он грамоте умеет, по его достоинству получал освободившийся в полку капральской чин, о всей капральской должности, её правилах и правлении надлежит быть заблаговременно знающему и искусному».

«Сколь же вредно порядку, – подчёркивает полковник важность этой должности, – если ротный командир слабым каким смотрением попустит экзерцирмейстера впасть в какую распутность!» Этот опытный и надёжный солдат, хотя и имеет нештатные звания ефрейтора и экзерцирмейстера, ходит «всегда с тростью», на караулах и в командировках «всюду очередует с капралами, только не в отлучку свыше недели, а в караул свыше месяца. Старший сержант наблюдает, чтоб при командированиях всегда при капральстве один из них, то есть капрал или его ефрейтор, при капральстве оставался». Здесь мы вновь видим запас прочности, ещё не отражённый в «Табели о рангах», но уже внедрённый в Суздальском полку (и, судя по последовавшему признанию ефрейторского чина, не только в нём).

Экзерцирмейстеров в роте было не четыре (по числу капральств), а пять: один солдат-инструктор был «ротным», помогающим старшему сержанту, то есть своего рода старшим ефрейтором. Суворов обязан был дать ему преимущество в производстве над остальными, причём не только в капралы, но и в старшие сержанты: «Ротный экзерцирмейстер, коли грамотен и исправно себя поведет, имеет линию к произведению перед экзерцирмейстерами в капральствах, и по классам (чинам «Табели о рангах». – *Авт.*) достигнуть может в старшие сержанты. Он всегда при старшем сержанте, а в отлучки, кроме маловременного в очередь с капралами караула, от роты не командирится, и то когда в нём дела нет, ибо по всегдшной почти в нём нужде он и в капральстве не правит».

При таком способе производства капрал, при необходимости, мог грамотно командовать строем не только капральства, но и роты. Не остановившись на этом, Суворов требует, чтобы каждый солдат мог выполнить, при отсутствии в команде старших по званию, функции мелд-ефрейтора, то есть ситуативного и. о. капрала. «Для употребления ж в мелд-ефрейтеры надлежит, чтоб каждый при капральстве рядовой к тому званию искусен был, в чём старшему сержанту и ротному командиру капрал ответственать должен!»

Капрал отвечал и за набожность солдат, обучая их молиться, и за нравственность, отучая пить в кабаках, а главное – за немалое хозяйство капральства. Часть его, впрочем, принадлежала самим солдатам, объединявшимся (свободно, но по совету капрала) в артели, чтобы вскладчину вести быт и готовить пищу из отпущенных фурьером через капрала продуктов. Покупали солдаты продукты и сами, имея право расходовать свои деньги свободно.

Артель была не боевой, неформальной, но важной единицей полка, а её староста – нижним звеном командной системы. Хотя за артелью надзирал капрал, Суворов счёл необходимым поручить контроль за её правильным функционированием ещё ротному командиру (что значило – и старшему сержанту). Он не забывал лично контролировать этот важный институт в своём полку, потом – в своей бригаде, дивизии, корпусе и армии. Хрестоматийные сценки, когда великий полководец угощается варевом из солдатского котла или когда солдаты потчуют Александра Васильевича кусочком сыра, как раз характеризуют его неформальный способ инспектирования артелей.

«В лагере, – гласит “Полковое учреждение”, – также и в квартирах где случится, ротному командиру в артелях наблюдать добрый порядок и крайне надзирать, чтоб рядовым в провианте, никогда по неумеренному или порочному употреблению оно не случилось недостатка; хлеб гораздо бы выпекали, сколько им их содержание дозволит, всякой день ели тёплое варение; если что в медном котле варено, то варить столько, чтоб на один завтрак стать могло, дабы не омеденело, а на ужин варить свежее, а когда выедят, того же часа котел чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; это весьма служит для соблюдения здоровья. Староста артельной должен быть честный и благочестивый человек, довольно признанной таким от ротного командира, и от всей артели содержан быть в почтении».

Инициатива солдат, начиная с их забот о благосостоянии артели, командованием приветствовалась. То, чем впоследствии прославится Суворов – требованием, чтобы «каждый воин понимал свой манёвр» и в любой ситуации сам знал, что ему делать, – было заложено ещё в Суздальском полку, где каждый нижестоящий должен был проявлять инициативу (например, отвечая за отсутствующего командира в качестве мелд-ефрейтора), учиться выполнять функции вышестоящего и стремиться к повышению в чине.

Минимальной мерой поощрения пестуемого Суворовым военного честолюбия было производство из мушкетёров в гренадёры, две роты которых считались в полку элитными. «В гренадёры, – вспоминал он в 1771 г., – брали из мушкетёр заслуженных, беспорочных, с аттестатом от ротного командира, несмотря на рост... Следственно и тут честолюбие для обоих званий! С весьма малым прибавлением из разумных рекрутов». По правилам, в гренадёры следовало определять рекрутов самого высокого роста, но Суворова это не устраивало. Он предпочитал, чтобы мушкетёры, ревнуя к гренадёрам, старались показать

себя лучше этой элиты или попасть в неё, а гренадёры желали бы удержать своё превосходство.

* * *

От немогузнайки много, много беды! За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Итак, по убеждению Суворова, хороший полк воспроизводит себя сам. При этом продвижение по службе способных, честных и трудолюбивых вело к непрерывному совершенствованию полка. Бедой, которую Суворов всеми силами старался предотвратить, было появление в полку не обученных «в тонкость» офицеров из других частей и скорое, без должной выучки, производство в чины дворянских детей. Этой опасности полковник поставил заслон, повелев таких «нестроевых» переучивать с нуля: капралов 6 недель, унтер-офицеров 8, а дворянских детей – полгода и больше. Неспособных к командованию дворян, как показывают данные по другим полкам, командиры могли держать в нижних чинах десятилетиями.

«Определённого в роту унтер-офицера или капрала из других полков и корпусов, – пишет он, – ротный командир свидетельствует и в незнании каком исправляет. Но как случается, что такой определён бывает из писарей и других нестроевых и невоенных чинов, так хотя бы он был сержант и старше прочих, поступает с ним как с рекрутом (то есть отдаёт в солдатскую учёбу от “А” до “Я”. – *Авт.*)».

Пройдя обучение рядового, а затем унтер-офицера, чужак мог быть определён в капральство ефрейтором. «Когда по свидетельству ротного командира он правление капральством довольно знать будет; обучает его при роте всей капральской должности в карауле. А как уже во всём принадлежащем до должности капрала искусен будет, обучает его содержанию караула как унтер-офицера и определяет его командиром в капральстве как унтер-офицера». Затем переведённый в полк унтер-офицер три недели учился командовать караулами в полку, потом направлялся подчинённым в дальние караулы. Только через полгода он мог употребляться наравне со старыми полковыми унтер-офицерами.

Раздел «Полкового учреждения» о подпрапорщике посвящён вопросу военного воспитания дворян, поступавших в Суздальский полк молодыми, даже в «нежном» возрасте, хуже того – безграмотными. Такого дворянина следовало в первую очередь научить читать и писать. Затем его должен взять под опеку сам ротный: «и при себе с помощью старшего сержанта обучает ласково и исподволь во всём принадлежащем до частей экзерциции, убранства и чистоты, содержанию в целостности, исправности и чищению вещей, точно как рекрута, дабы после, будучи начальником, сам тому других без дальних справок обучать мог».

«Как рядового» дворянского юнца учили строевой подготовке, «стоянию на карауле и на часах». После этого капитан «определяет его в капральство, коим сам командует, и отдает своему ефрейтору на руки для приучения к той должности. И когда по его свидетельству найдётся он до правления капральством знающим, то поручает ему капральство за капрала. После наряжает его в ротный караул за капрала при том же ефрейтере, причём он от него должен обучаем быть всем правилам должности при всех случаях караульного капрала. При том же ефрейтере (юноша) обучается содержанию караула как унтер-офицер».

На следующем этапе капитан «поручает ему командовать своим капральством как унтер-офицеру, ефрейтор будет при нём за капрала, а капралу, если будет при капральстве, поручает пока иное какое при роте дело или определяет капрала на время в другое капральство».

По выучке на должность младшего сержанта, командующего капральством, капитан «посылает его сперва субалтерном, потом главным командиром в ближние при роте отлучки». Затем, «не отлучая его от командования капральством, приучает его к правлению

должности каптенармусской, сочинению табели и знанию по ней вещей и их сроков, так же что и до арматурного списка и ротного цейхгауза». Наконец, капитан «приучает его к знанию и правлению фурьерской должности, сочинению ведомостей о провианте и удовольствию им нижних чинов».

Когда дворянин «попечением своего ротного командира всему предписанному обучен будет, тогда оный его под надзором того ж ефрейтора командирует в полковой караул несколько раз, вторично за рядового, причем он стоит на часах как рядовой и отправляет мелд-ефрейтерство, потом за капрала, напоследок за унтер-офицера». Полностью обученный таким образом на должность унтер-офицера юноша, сдав экзамен полковнику, мог получить должность подпрапорщика.

Целью не менее чем годового обучения и воспитания подпрапорщика было, во-первых, определить его место в строю, во-вторых – научить командовать самостоятельно, в дальних и длительных отлучках от полка. Однако Суворов находил и это недостаточным. Юноша должен был послужить субалтерном у старшего сержанта, изучив и его «многодельную должность», и роль ротного обер-офицера. Это касалось именно учёбы: производство подпрапорщика из унтер-офицеров капитанского капральства в младшие сержанты (через должность каптенармуса или без неё), в сержанты и обер-офицеры (начиная с прапорщика) производилось по его заслугам.

Но как поступить, «ежели дворянин по особому случаю, недовольно ещё обучась этим должностям, произведён будет в подпрапорщики или в сержанты, или тем чином в роту прислан, малознающий или вовсе незнающий, как то случается из невоенной службы?» На этот вопрос у Суворова ответ был один: любой дворянин, даже с офицерским чином, «всю сию школу пройти и служить за рядового и капрала должен, пока попечением ротного командира он во всех тех званиях усмотрен будет искусным, и до тех пор он от полка и роты не командируется». То есть внутри роты и полка, где все знают, что он ещё не настоящий офицер, хоть и носит офицерскую форму, дворянин – если учится – терпим; но позорить мундир, выступая недоучкой вовне, он не должен!

* * *

Ни в какой чин не производится, пока по-русски читать и писать довольно не обучится.

Борьба с неграмотностью в армии была в то время серьёзной проблемой. Суворов знал неграмотных капралов и даже младших сержантов! Это при том, что значительная часть приказов, в том числе распоряжений старшего сержанта, отдавалась письменно, и письменной была почти вся отчётность.

Маловероятно, пишет Суворов о младшем сержанте, чтобы он получил чин, если «он российской грамоте не обучен», однако такое случается. Тогда его должен обучить ротный командир, и сам сержант должен стремиться «к сему просвещению», иначе «будет сам себе препятствием к производству его впредь в офицеры». «Если он неграмотный, – констатирует “Полковое учреждение”, – то на вакансию старшего сержанта (производится) грамотный из капралов, которой ту должность исправить может».

Поскольку честолюбие должно было пронизывать весь полк и побуждать каждого рядового мечтать о повышении в ефрейторы, капралы и сержанты, то учиться грамоте должен был каждый солдат. Поэтому в своём полку Суворов обязан был устроить солдатские школы. По обычному сценарию в них учили закону Божию и молитвам, читать, писать, считать и петь по нотам. Для начального обучения служила обыкновенно псалтирь. Сам полковник, как всякий грамотный солдат, знал молитвы и псалмы, умел петь и при случае сам пел в церковном хоре, неожиданно для его комплекции – басом.

Школы в то время были заботой не только Суворова. Их учреждением и развитием в Новгородской губернии, в которую входила Старая Ладога, занимался губернатор Яков

Ефимович Сиверс (1764–1781), знакомый с Суворовым по Семилетней войне. Получив в ведение целый край, Яков Ефимович энергично взялся за его улучшение: строительство каналов и путей сообщения, разведку и добычу полезных ископаемых, развитие промыслов и ремёсел, защиту крестьян от произвола. Его идеи, изложенные в отчётах и проектах, как и идеи Суворова, получали распространение: они вошли в новые губернские инструкции и Полное собрание законов Российской империи.

Посетив Ладугу в 1766 г., через два с небольшим года после назначения Суворова в Суздальский полк и через год с лишним после перебазирования полка на постоянные квартиры в Старой Ладоге (в октябре 1764 г.), Сиверс нашёл там образцовое полковое хозяйство. Полк стоял по обывательским квартирам, но полковые плотники⁴³ с помощью солдат уже возвели церковь, школы (при одной из которых был устроен театр, где играли полковые кадеты, видимо, из дворян), конюшни на 183 лошади, сараи для 50 полковых повозок и 4 пушек. Наносив и насыпав земли, солдаты разбили на бесплодной прежде почве сад. В стремлении к усовершенствованиям Суворов не уступал Сиверсу и другим современным ему российским преобразователям⁴⁴.

Если в американских колониях Британии век Просвещения вёл к бунту против короны, а во Франции – к революции, то в России быть просвещённым означало стремиться к улучшению жизни на посту, который человек занимал. Со временем Сиверс займётся постройкой каналов в масштабе страны, а Суворов будет обустраивать дорогами, храмами и школами земли Крыма и Кубани, Финляндии и Новороссии.

Этот преобразовательный порыв, стремление использовать любую возможность для усовершенствования действительности, напрасно связывают с деятельностью масонов. Да, строительство совершенного общества было в программе различных «псевдотайных» обществ, как было оно и у иезуитов, пытавшихся строить «идеальные» государства (например, в Парагвае). Но связывать общественное стремление к строительству и социальным преобразованиям с подобными организациями нельзя потому, что они никогда не были созидательной силой.

Можно ли сказать, что там, где преобразовательская деятельность, скажем, масонов, встречала непреодолимые препятствия, она выливалась в революции, а там, где они могли работать свободно – в строительство и созидание? Нет, всё обстояло наоборот. Джордж Вашингтон и его офицеры, сплошь масоны, не имели в колониях препятствий в своей тайной и явной деятельности. Не существовало их в XVIII в. и во Франции, где работа масонов приближала бунт и социальную катастрофу.

Школы, дороги и больницы строились в странах, где деятельность «тайных» обществ была запрещена: в Голландии (1735), Швеции (1738), даже Швейцарии (1745). Созидательная работа просвещённых преобразователей, в том числе по снижению остроты социальных противоречий, была характерна для Австрийской империи, в которой Мария Терезия распорядилась закрыть все масонские ложи, включая ту, где Великим магистром был ее супруг. Екатерина Великая, долго снисходительно смотревшая на деятельность масонов, в конце концов была оскорблена их ограниченностью и упекла наиболее активных в Шлиссельбург, а масонство запретила так, что и Павел I не осмелился его восстановить.

Дело в том, что масонство – нетерпимо и негибко: это охранительная, а не управляющая система. Достаточно вспомнить, как отшатнулись масоны в конце XVIII в. от небольшого «Ордена иллюминатов» (просветителей), стремившегося среди прочих благих побуждений «преодолеть барьеры, воздвигнутые между классами, религиями и нациями». Джордж Вашингтон, стоявший за равенство исключительно для белых владеющих собственностью мужчин-протестантов, назвал доктрину иллюминатов «подлыми и опасными

⁴³ Профессиональных плотников в полку было 12, по одному в роте.

⁴⁴ См.: *Иловайский Д. И.* Граф Яков Сиверс. Биографический очерк // «Русский Вестник», 1865. № 1–3.

замыслами». Если в то время в Европе негр мог стать Великим магистром Венской ложи, то в США и сто лет спустя чернокожим дозволялось вступать только в чёрную ложу, а реального гражданского равенства они с трудом добились лишь во второй половине XX в.

Движущим мотивом людей, которые при Екатерине II превращали Россию в великую державу, было строительство общества на тех же идеалистических основаниях, которые Суворов выразил в инструкциях для своего полка. Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин, посмеиваясь над революционными идеями XIX в., писал, что в старину «каждый эскадронный командир был коммунистом». Действительно, полковое имущество и вооружение («орудия труда») было общим; всё, чего мог достичь полк, делалось сообща. Свобода, в лучших либеральных традициях, понималась как свобода самосовершенствования и инициативы в интересах общества (полка). Равенство было равенством перед законом и в звании солдата. А братства такого, как солдатская семья, из которой не выключались и высшие офицеры, не смогли достичь ни французские революционные «комарады» и «ситуайены», ни позже русские «товарищи» и «граждане».

Кстати, выражение «товарищи офицеры», равно как и «товарищи солдаты», было обычным в суворовские времена. Товарищами в России именовали помощников руководителя в любом деле: «такой-то со товарищи» отправлялся, согласно документам, бить врага, открывать новые земли или строить храмы и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв. Офицеры были товарищами полковника, товарищами в одной категории чинов (например, обер-офицеры), рядовые были товарищами в артели.

Свойством просвещения «по-суворовски» (назовём его так условно, поскольку явление характерно для российской армии тех времён) была полная терпимость. Её не следует путать с изобретённой в США и Западной Европе «толерантностью» к иным языкам, национальностям, верам и культурам. Последняя учит при появлении иноземца и иноверца не скрипеть зубами и «не хвататься за пистолет», то есть не подразумевает глубокого чувства исконного, природного равенства всех людей, независимо от их происхождения и веры, взглядов и убеждений, присущего Суворову и его солдатам.

Полк был настолько «вещью в себе», что различия в национальном происхождении и вере (характерные, в силу особенностей рекрутской системы, только для офицеров) не имели значения. Недаром Суворов именуется всех без исключения солдат и офицеров русскими: немец, поляк (которых в русской армии служило много), украинец или грузин, католик, протестант или человек другого вероисповедания, став членом полковой семьи, равно со всеми служил Богу, «матушке-императрице» и России.

По полковому образцу для солдата не могло быть различий в верах и национальностях российских подданных, которые по законам, опиравшимся на древние традиции, входили в государство на равных с русскими правах (имея меньше обязанностей). Но отчего же, как мы вскоре убедимся, для Суворова не существовало идеи ненависти к иным, «чуждым» России народам, не входящим в пределы империи?!

Идея равенства всех (а не только «своих») людей перед Богом издревле принадлежала русской культуре и православию, к временам Суворова составлявшему её неотъемлемую часть уже восемь веков. Если для западного христианства была в высшей мере присуща идея, что «всяк не эллин – варвар», что все народы должны быть рабами того, кто их поработил и «просвещает» католической верой (с XVI в. также протестантством и баптизмом), то на Руси ничего подобного никогда не было.

Руководящая идея русского православия (провозглашенная на Руси ещё митрополитом Иларионом в XI в.) гласила, что для Бога «нет ни эллина, ни иудея», что все народы исконно равны. Более того, русская культура не ограничивала свободу воли: ни «божественным» руководством «непогрешимого» римского папы, ни возлюбленным протестантами Божественным предопределением. Даже те народы, которые образовали с восточными славянами Русское государство, имея собственные языки (финно-угорской группы) и культуры, не подвергались в Древней Руси насильственной христианизации; среди них не

устанавливалась русская администрация и не вводилась «Русская правда»⁴⁵. И в XVII в., когда Российская держава протянулась до Тихого океана, царь мог призвать знать новых подданных креститься, обещая за это награды, но не заставить это сделать. Если все народы, писал в этой связи русский публицист, воюют, чтобы другие народы ограбить и поработить, то россияне – чтобы спасти и просветить⁴⁶.

В знаменитом указе 1702 г., говоря: «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому на его ответственность печься о спасении души своей», – Пётр I следовал древней русской традиции, одной из аксиом православия.

Следовало ли распространять это естественное для русских ощущение несомненности свободы совести (при явном и очевидном превосходстве идеалов православия) на иные земли, входившие в сферу ответственности России? В XVII в. у многих россиян были на сей счёт сомнения, но бодрый век Просвещения их отбросил. По убеждению просвещённых людей того времени, светлые идеалы следовало нести всюду!

На Востоке препятствий к тому не было, но на Западе одно слово о свободе совести и правах человека означало войну. В 1768 г., когда русский посол в Польше князь Николай Васильевич Репнин мягко попросил лояльного Екатерине Великой короля Станислава Августа предоставить православным и протестантам равные права с католиками, шляхта реализовала законное право на восстание в защиту собственных привилегий, для подавления самой мысли других людей о равенстве и свободе веры.

* * *

Посему все члены части и корпус ротный будучи во всегдашнем упражнении эзерциции, от праздности и лености навсегда убежать привыкнут. Суетно бы то было, если ротному командиру роту свою только к лагерю на эзерцирование готовить... Рота не только готова всякий час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякий при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себя надежен.

Полк Суворова к лету 1769 г., когда он получил приказ выступить на помощь королю для восстановления порядка в Польше, был полностью, морально и материально, готов воевать. Каждый солдат «в тонкость» знал и умел все, «в чём ему для победения неприятеля необходимая нужда». Офицеры заботились, чтобы солдат был «бодр, смел, мужествен и на себя надёжен», ибо уверенность в себе есть «основание храбрости». Каждая пуговица была крепко пришита, каждый заряд бережно уложен в патронный ящик, солдаты и офицеры точно знали, что и как делать в любой военной ситуации.

Как же так, скажет критично настроенный читатель: ведь полк, как и вся русская армия, уже девятый год не воевал, многие солдаты и офицеры в нём вообще «не нюхали пороха» в бою! Суворов же, судя по всему, обучал солдат одной шагистике с хитроумными перестроениями и быстрой, но неприцельной пальбе залпами...

Действительно, кроме «эзерциций» и караулов, «церковных парадов», обучения грамоте и строительства, полк ничем особенным не занимался. Зато эта учёба была интенсивной и непрерывной. Каждый понедельник, вторник и четверг, с утра и после обеда, в свободных от караулов подразделениях проводились «краткие свидетельства в эзерциции»: индивидуальные занятия с солдатами в строевой подготовке, уходе за оружием, включая умение его разбирать и собирать, в стрельбе. Инструкторами выступали старослужащие солдаты-эзерцмейстеры, капралы и офицеры до капитанов.

⁴⁵ Подробно: *Богданов А. П.* Александр Невский. М., 2009.

⁴⁶ Подробно: *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998; *его же*: Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.

Пятница была днём «полного свидетельства» подготовки всего подразделения. Проверялся автоматизм выполнения команд по «темпам», задаваемым флейтами и барабанами, читались вслух отрывки из строевого устава и «Полкового учреждения», чтобы «каждый воин понимал свой манёвр». «В морозы и всякой дождь, – требовал Суворов, – приёмам обучать в избах и крытых строениях, а хождению (под открытым небом) в плащах и в морозы в рукавицах, однако дождь пережить». Излишняя суровость, по мнению строгого к себе полковника, не должна была отвращать солдат от учений. Не требовал он без нужды и соблюдения формы: «По прибытии от экзерцирования, если никуда не послан и (в увольнение) не отпущен, всякий волен раздеться, как кто хочет».

Среда и суббота были разстахами – выходными (два выходных дня в неделю – такого мир не будет знать ещё 200 лет!). В воскресенье и праздничные дни (а церковных праздников на Руси немало)⁴⁷ солдаты, помимо «церковного парада», слушали чтение одной или двух глав военных артикулов, одной главы из Устава и одной – из «Полкового учреждения», а также выписок из приказов. Оглашение в полку всех приказов, которые могут касаться солдат и младших офицеров, было важной практикой Суворова. Он требовал, чтобы ни с кого не было спрошено за то, чего он не знает; значит, всё, что могло касаться солдата, ему следовало вовремя объяснять.

Наконец, в полку по воскресеньям читались списки командного состава. Если капрал, старший сержант и ротный капитан должны были знать каждого своего солдата, то и солдаты обязаны были помнить всех офицеров полка, а не только своего подразделения. Оознавательных знаков большинства чинов тогда не носили. По внешнему виду формы и её обвеса можно было сказать, что перед тобой унтер-, обер- или штаб-офицер. Сами офицеры запоминали, кто из их товарищей поручик, а кто – капитан, так как «по погонам» этого нельзя было прочесть. Чтобы правильно обращаться и должным образом оценивать команду офицера, его следовало лично знать. Тем более важно было помнить своих полковых офицеров, ведь в боевых условиях осведомляться о них будет некогда!

Раз в месяц, но не более двух дней кряду, с каждым капральством проводил учение ротный капитан (то есть сам он делал это каждую неделю). Для этого каждый солдат капральства, расквартированного по обширной округе, накануне шёл в ту деревню, «где квартира командующих им, где, расположась по квартирам, на другой день поутру рано выходит на его парад-плац, на котором начинается и производится свидетельство в экзерциции и обучение во всех ее частях», со стрельбой плутонгами и «с искошением рядов» (когда первые два ряда становятся на одно колено не друг за другом, а вкось, чтобы второй ряд стрелял между солдатами первого). Эти учения, которые Суворов рекомендовал проводить в пятницу и субботу, венчал особо торжественный «церковный парад» всего капральства.

«Полковое учреждение» не говорит нам ничего о батальонных и полковых учениях, и это понятно: их проводил сам Суворов, не нуждавшийся в письменной инструкции. Скорее всего они проводились не периодически и для всех, кроме штаб-офицеров, неожиданно. При очень широком расположении полка сбор войск на полковые учения требовал энергичных и длительных маршей, которые полковник усугублял манёврами всех подразделений вместе. По поздним свидетельствам, суздальцы совершали переходы при любой погоде, в любое время суток, форсировали реки и штурмовали укрепленные пункты. Здесь-то и осуществлялись, очевидно, упоминаемые Суворовым в письме Веймарну штыковые атаки пехоты на пехоту.

Обучение простому удару штыком практиковалось тогда во всех регулярных армиях мира. Иначе штык просто не стали бы носить! Задачей Суворова было сделать штыковую атаку большого строя нормальным, привычным солдату средством боя. Для этого два строя

⁴⁷ Их Суворов требовал засчитывать в выходные: «Если в которые дни в неделе случатся праздники, оные зачитать в разстахи той же недели, а не на другую».

его полка маршировали друг на друга с фузеями наперевес, проходя сквозь ряды «гребенкой», а затем повторяли это движение бегом, с грозным криком «ура!», наставив штыки и поднимая их лишь в самый последний момент.

Тренировки делали штыковую атаку не произведением отчаянной храбрости, а отработанным до автоматизма выполнением одной из множества строевых команд. Важно было добиться, чтобы, даже бросаясь в штыковую атаку бегом, бойцы не теряли чувства локтя, ощущали силу своего строя, не превращались в дико орущую толпу. Одновременно солдаты, множество которых ещё не бывало в бою, учились преодолевать естественный человеческий страх, летя на «вражеские» штыки: не всегда их успевали отдёргнуть, и ранения, конечно же, случались...

Итак, учения проводились и на квартирах, но для чёткой отработки единых действий всего полка он выходил в летний лагерь. Здесь всё было, как на реальной войне. На рассвете перед знамёнами обоих батальонов начинали бить барабаны – все 25 барабанщиков полка разом, постепенно расходясь от центра лагеря к флангам. С первыми их ударами часовые кричали «К заре!», солдаты выбегали из палаток при тесаках, только надев головные уборы и плащи, и становились в строй на палаточных «улицах».

Как только побудка была пробита, барабанщики с 12-ю флейтистами начинали играть военный марш. Роты ровными шеренгами выходили и строились на ротных плацдармах. На последней «музыкальной штуке» весь полк совершал захождение на полковой плацдарм, где роты смыкались «косыми большими шагами так поспешно, что при окончании последней музыкальной штуки были бы все в своих местах, делая в батальонах пушечные промежутки, в которых становятся вдруг с ротами канониры и фузелёры»⁴⁸. К окончанию музыки полк должен был стоять фронтом к полю в полной готовности, но без фузей, мимо пирамид⁴⁹ которых солдаты прошли, и пушек; пикеты, караулы и часовые уже все были на своих местах.

«Полковое учреждение» рисует «мирное» развитие событий, так как о внезапных тревогах и построениях Суворов заранее не предупреждал. Полковник считал, что только многократно отработанные в спокойной обстановке движения солдатам будет легко повторить по внезапной тревоге, в темноте и даже в бурю. Едва полк был построен, барабаны били на молитву, после которой били отбой и воины накрывали головы. Развернувшись «направо кругом», роты расходились по своим местам и капральствам на перекличку, за которой следовали рапорты.

Пока командиры рапортовали, «все нижние чины по роспуске должны того ж часу волосы перечесать, волосяную тройную косу и бумажки на висках переправить, если нехорошо успели прежде обуться – переобуться, одеться, умыться и прибрать себя по лагерному», то есть без искусственной косы и пудры. Только теперь, построившись на «улицах» при оружии и подсумках, роты выходили на свои плацдармы для тренировок солдат поодиночке, без торопливости, под присмотром старшего сержанта. Когда потом рота разойдётся, чтобы начать уход за оружием, «он так же в день один раз должен себя в экзерциции кратко свидетельствовать, где хочет».

После тренировок, которых Суворов придумал целую систему⁵⁰, в 9 утра барабаны били сбор полкового караула, при разводе которого присутствовали все офицеры, капралы и

⁴⁸ Пушкари с орудиями в боевых порядках русской пехоты, действующие вместе с ней, были не изобретением XVIII в., как нередко пишут историки, а обычным делом с XVII в.

⁴⁹ Пирамида – особая конструкция для хранения фузей и подсумков в полевых условиях (тесак солдат всегда держал при себе). Согласно «Ведомости» Суворова, в каждой роте имелось две, во всём Суздальском полку – 24 пирамиды.

⁵⁰ В том числе всем полком и с пальбой, после которой ротные обязаны были проверить, не осталось ли у кого в стволе заряда, а капралы – не нуждается ли какое ружьё в починке.

ефрейторы «те, которых капральств рядовые». При разводе «нижние начальники все с тростями, первого батальона на правом, второго на левом крыле; майор во всякой надлежащей подробности строго каждого осматривает и за нечистоту, не бодрость или в чем неисправность взysкивает неослабно на ротном командире, и ни до кого больше дела нет». Капитан был полновластен, значит – нёс всю полноту ответственности.

Суздальский полк выставлял караулы в самом лагере, на построенные вокруг лагеря полевые укрепления, а перед ними ставил в поле пикеты во главе с офицерами. Караульные были полностью вооружены. Кроме них, в каждой роте «безотлучно» дежурил днём и ночью субалтерн-офицер, его легко было узнать: «он в шарфе и напудрен». При полном параде по полку суточно дежурил один из капитанов, который при отсутствии майора и полковника выступал полноправным командиром полка. Главной заботой дежурных офицеров, которые в любой момент могут скомандовать полку «в ружьё!», являлась... чистота, опрятность солдат, правильность приготовления пищи и гигиена лагеря.

Гигиене Суворов уделял огромное внимание. Лагерь Суздальского полка вечно мели, кое-где (например, в ротах гренадёр) посыпали «улицы» песком. Командиры смотрели за чистотой в обозах и при кухнях, а также у маркитантов. Полковой дежурный, требовал Суворов, каждый день «в нужниках осматривает, чтоб за каждым батальоном вырыто было по три ямы в назначенной размер, – переменять оные чрез три дня и вырывать другие на свежих местах, – ...и который день те ямы не переменять, в тот рано поутру посыпать оные сверху землей; где нечисто – (дежурный) прикажет немедленно исправить».

Подробно описана в «Полковом учреждении» церемония отдачи приказов, а также паролей и лозунгов (отзывов). Это легко понять, учитывая предписания полковника, как караульные должны встречать рунд (обход караулов офицером) и дозор из солдат с унтер-офицером или капралом. Рунды и дозоры развлекали бойцов роты дежурного капитана всю короткую летнюю ночь. Они должны были ходить по лагерю и охраняемому периметру, а то и красться, чтобы проверять бдительность караулов и пикетов. Судя по тому, как представил эту систему Суворов, мышь не должна была в расположение полка проскользнуть и птица незамеченной пролететь.

Суворовские часовые относились к делу серьёзно, – и это им здорово пригодилось в Польше, куда Суздальский полк в 1769 г. направился воевать. «Коли правящей рундом едет верхом на лошади, то хотя бы он генерал был, – требовал Александр Васильевич, ещё не зная, что ему придётся столкнуться именно с кавалерией, в которой полно генералов, – но для принятия пароля спешиться должен, а иначе караульной офицер пароля ему отдавать или от него принимать не должен». Любого офицера, давшего неверный отзыв, следовало брать под арест.

«Если же унтер-офицер стоит на посту за офицера, так и поступать ему точно, как надлежит офицеру», – приказал Суворов. Такое распоряжение, распространявшееся на разные сферы жизни полка, оказалось важным в Польше в связи с убылью офицеров и действиями полка малыми командами.

Построения по команде «к ружью» целых отрядов для отдачи чести «рыскающим в нощи» офицерам кажутся нелепой игрой лишь на первый взгляд. Солдат в те времена воевал строем, а строй различных караулов, описанный Суворовым ещё в 1-й главе «Полкового учреждения», не отличался от строя, готового дать залп по врагу. Или во тьме ночной броситься на него в штыки.

Отдельно стоящий на посту солдат никого к себе не должен был подпускать, ни дозорных, ни даже офицера. Знакомый доселе оклик: «Кто идёт, говори, убью!» – производился с наведённым ружьём, которое, при верном отзыве, дозволялось положить на плечо, сказав проверяющим: «Ступай мимо!»

* * *

Тренируя полк в рамках устава и добавив от себя более строгие требования по

подготовке солдат и офицеров, Суворов не перегружал бойцов, зная, что рано или поздно им предстоят чрезвычайные испытания. Суздальский полк между учениями наслаждался в Старой Ладогe мирной жизнью. Сам полковник занимался бытом с интересом и даже преподавал в школе для солдатских детей. Для маленьких учеников он составил молитвенник и краткий катехизис с основными положениями православного вероучения.

Между тем шёл уже 1768 г. В Польше взбунтовалась часть шляхты, а с грозной Османской империей началась решительная война. Суздальский полк выступил в поход, в котором идеи полковника предстояло проверить делом. Суворов, по словам выдающегося историка и военного деятеля XIX в. Д. А. Милютинa, «создавал совершенно новый образ войны». Верность его идей подтвердила борьба с польскими конфедератами (1769–1772), которая потому и вошла в военную историю, и Русско-турецкая война (1768–1774).

Глава 5 Генерал «вперёд!»

Делайте на войне то, что противник почитает за невозможное.

Сомнительной и даже невозможной казалась сама война, вспыхнувшая на просторах Речи Посполитой, угасавшая и разгоравшаяся, ведущаяся невесть по какому поводу образованными и добропорядочными, казалось бы, людьми, с которыми Александру Васильевичу приятнее было не рубиться по лесам и болотам, а мирно беседовать за чашкой кофе.

Война эта породила и странную легенду о непобедимом генерале «Вперёд!», без раздумий бросающем солдат в сечу, и сохранившийся в Польше образ Суворова как кровожадного чудовища. Оба этих взгляда не имеют с характером и поведением полководца ничего общего. В польской литературе против этого «дьявола» выступают сонмы патриотов, преисполненных доблестями до такой степени, что остаётся загадкой, почему они Суворова не одолели. В русской литературе действуют такие «чудо-богатыри», поднимающие на штык по несколько противников, что неясно, зачем для победы нужен был ещё и гений Суворова.

Самому Александру Васильевичу было обидно, что он болтается с ничтожным войском вдалеке от великих событий, настоящей войны – с Оттоманской Портой. Суворов как в воду смотрел: историки до сих пор затрудняются назвать то, с чем он столкнулся в Польше, войной. Точнее назвать это подавлением бунта – ведь генерал «Вперёд!» сам рассматривал действия повстанцев Барской конфедерации как бунт.

Русские войска помогали польскому королю. При этом они сражались с магнатами и шляхтой, составившими конфедерацию и объявившими против России войну по своему праву. Часть поляков была в союзе с Россией, часть – столь же официально воевала с ней, и обе эти части составляли ничтожное меньшинство населения Польши.

Спорных вопросов этой войны много. Первый из них: как можно было думать, что небольшие силы регулярной армии смогут умиротворить большую страну, охваченную партизанским движением шляхты – всадников, с детства приученных к оружию?! Просто ни Суворов, ни русское командование в Варшаве не имели представления о масштабе задач, которые придётся решать в Польше.

* * *

Я здесь совершенно лишний.

Прежде всего, надо понять, против кого и зачем сражался Суворов. В 1764 г., когда он написал «Полковое учреждение», Екатерина II добилась избрания на польский престол своего фаворита Станислава Августа Понятовского. Избираемые польские короли сажались на престол по воле великих держав и оставались на тронах с их поддержкой. Понятовский со

своими родичами по матери князьями Чарторыйскими мог наслаждаться властью, опираясь на полномочного министра при варшавском дворе князя Николая Васильевича Репнина и русские войска.

Репнин находил удовольствие в доходах от должности и в пылкой любви княгини Изабеллы Чарторыйской – богатой английской землевладелицы (в девичестве Флеминг), жены князя Адама Казимира Чарторыйского (сын Репнина и княгини Адам Юрий позже стал в России министром иностранных дел). Предлагать влиятельным иностранцам своих жён было стилем польских политиков: особо знаменита жена графа Валевского, с одобрения польского «света» предложенная в любовницы Наполеону I.

Княгиня Чарторыйская, как и графиня Валевская, была пламенной патриоткой «независимой» Речи Посполитой. У магнатов и шляхты, выдвигавших лозунг «независимости», всегда шла речь о зависимости Польши от их прихотей и интересов той державы, которая помогала их обеспечивать. Однако усердие графини в постели, способствовавшее обогащению и возвышению рода Чарторыйских, не могло отвлечь русского министра от большой проблемы. Население белорусских и украинских земель, отошедшее к Польше в 1569 г. из Великого княжества Литовского по условиям Люблинской унии, было исконно русским и православным.

Эксплуатация белорусских и украинских крестьян (которых по закону, сохранявшемуся с XVI в., мог убивать любой шляхтич) не очень волновала Репнина. Но гонения на веру этих крестьян были возмутительны. Императрица Екатерина II, как урождённая немка, должна была особо почитать православие, чтобы усидеть на престоле. Прусскому королю Фридриху II возмутительными представлялись гонения на веру немцев-протестантов, издавна населявших Западную Пруссию, Померанию, Поморское, Мальборкское и Хелминское воеводства.

В Речи Посполитой православных и протестантов именовали диссидентами, инакомыслящими, лишая их прав, закреплённых за католиками. Правда, католики-крестьяне всё равно считались «говорящим скотом» – быдлом, а горожане – людьми третьего сорта; но им, по крайней мере, не препятствовали ходить в храмы и следовать своему вероучению. Католическое духовенство и шляхта Речи Посполитой пытались задавить диссидентов силой, разрушая храмы, сдавая церкви в аренду евреям и творя множество зверств.

Ни Фридрих Великий, ни Екатерина Великая, полагая себя монархами просвещёнными, средневековой дикости в зоне своего влияния не могли терпеть. Надежд на безвольного короля Станислава Августа было мало. Однако усилиями русских и прусских дипломатов вопрос о диссидентах был поставлен на рассмотрение. В 1768 г. польский сейм под давлением Репнина принял закон о диссидентах, объявив свободу вероисповеданий. Обычно сейм никаких важных законов принимать не мог, ведь каждый шляхтич в нём имел право «вето» на всё, что ему не нравится. Но Репнин арестовал четырёх главных смутьянов, отправил их в Россию – и закон прошёл.

Лишённые любимого права «*liberum veto*», позволявшего сохранять старые порядки, католические прелаты и шляхта возмутились. 29 февраля 1768 г. в местечке Бар на Подолии (в современной Винницкой области Украины) епископ Михаил Красиньский и адвокат Иосиф Пулавский с тремя сыновьями составили конфедерацию: законный союз против решений сейма, – и объявили Станислава Августа низложенным.

Это давало любому шляхтичу право воевать с королём и поддерживающими его русскими, не считаясь бунтовщиком. Пока шляхта формировала отряды, чтобы играть в войну, кормясь за счёт реквизиций у населения и наживаясь грабежом диссидентов, конфедераты из Бара послали посольства в Турцию, Францию и Саксонию за помощью против России. А вдохновлённая ими шляхта бросилась резать православных на Украине.

Козаки с благословения православного духовенства взяли за оружие. Колиивщина (укр. колій – «свинобойца») воспламенила Подолье. Послушник обители в Мотронинском лесу Максим Железняк, получив благословение игумена, вынул из ларя саблю, с которой казачествовал в Запорожской Сечи. В апреле 1768 г. он двинулся с увеличивающимся по

дороге отрядом на Умань. Восставшие взяли Смелу, Черкассы, Корсунь и Богуслав. Высланный против них отряд надворных казаков пана Потоцкого во главе с сотником Иваном Гонтой перешёл на сторону единоверцев. Перепуганные паны толпами сбегались в Лисянку и Умань. Оба городка в начале июня были взяты казаками, а набившиеся в них тысячи поляков и евреев истреблены.

Железняк был провозглашен гетманом, Гонта – полковником Войска Запорожского, в которое стекались разгневанные казаки. Вскоре от барских конфедератов не осталось бы следа. Но Екатерине II народное восстание казалось более опасным, чем бунт шляхты. Русский бригадир М. Н. Кречетников двинул для подавления восстания войска, посланные под его командой на Подолье для борьбы с конфедератами.

Железняк говорил товарищам, что имеет грамоту Екатерины II, одобряющую его действия. Гонта верил в помощь православной России. Оба приветствовали командира донского казачьего полка Гурьева и хотели вместе с ним идти на конфедератов. На пиру у Гурьева 16 июня 1768 г. предводители восстания были схвачены. Их казаки, не верившие во враждебность россиян, сдались донцам в плен. Железняк с несколькими сподвижниками, как и он, российскими подданными, были сосланы в Сибирь. Гонту и 845 его товарищей с Правобережной Украины русское командование выдало полякам. С Гонты в течение трёх дней сдирали кожу, затем четвертовали. Его товарищи были замучены. Части разрубленного тела Гонты были прибиты к виселицам в 14 городах Украины, которую шляхта залила кровью.

Воспользовавшись услугами российских казаков и «успокоив» своих крепостных, конфедераты, которых Кречетников изгнал из Бара, ловко русских подставили. Отряд шляхты, уходя от преследования, заманил казаков в городок Балта (ныне райцентр Одесской области). Неведомо, кто устроил там резню, в которой пострадал местный гарнизон, и была ли сама резня (русская сторона обвинения в ней опровергала). Но городок, куда вслед за поляками влетели казаки, стоял на территории Османской империи, и находившиеся в нём солдаты были турецкими!

В это время конфедераты, а главное – Франция, подбивали турецкое правительство – Оттоманскую Порту – к войне против России. После обмена резкими нотами о событиях в Балте, султан Мустафа 25 сентября 1678 г. начал против России войну. Он в европейском духе объявил, что заботится о независимости Польши. Но рассуждения историков, будто «турки заключили союз с польскими повстанцами», смехотворны. Действия России в Речи Посполитой, где кучка конфедератов бегала от войск Екатерины II, были для Оттоманской Порты поводом для завоевания украинских земель.

Конфедераты, силы которых в лучшие времена насчитывали до 5 тыс. человек, могли лишь беспокоить часть русских коммуникаций, проходивших через земли Речи Посполитой. И – дать султану повод «оказать им покровительство», объявив районы их действия турецким протекторатом. По предложению французского агента в Стамбуле Толея, конфедераты, не преуспев в подкупе турок собранными в Польше драгоценностями, «уступили» Турции Волынь и Подолье в обмен на помощь против России.

Турецкие войска, численностью до 600 тыс., развёртывались к началу кампании 1769 г. на широком фронте. 50 тыс. было сосредоточено на Кавказе, 80 тыс. в Крыму, 400 тыс. в районе крепости Хотин (на современной Западной Украине). Россия, со всеми гарнизонами, имела 400 тыс. солдат, из которых могла использовать меньше половины. Полки спешно маршировали в Киев, в 1-ю армию князя Голицына (65 тыс.), для удара на Хотин; на р. Самару, во 2-ю армию Румянцева (до 43 тыс.), для прикрытия со стороны Крыма и устья Днепра; во вспомогательное войско генерала Олица (до 13 тыс.). Три отдельных корпуса посылались в Крым, на Северный Кавказ и в Грузию.

Информация о том, что турки собираются нанести удар на Варшаву, заставила Екатерину II направить дополнительные силы в Польшу. Под эту раздачу и угодил Суворов, мечтавший применить силы на настоящей войне и упорно просившийся если не в 1-ю, то хотя бы во 2-ю армию против турок.

* * *

Сработай, сколько можешь, чтоб меня отсюда поскорее и туда.

Менее 10 тыс. человек – 4 пехотных и 2 кавалерийских полка – собирались под командой генерал-поручика Нумерса в районе Смоленска, чтобы весной 1769 г. двинуться в Речь Посполитую. Суворов, получив в ноябре 1768 г. приказ двинуть Суздальский полк в Смоленск, выступил 15 ноября. Пройти предстояло 927 километров. 15 декабря Александр Васильевич с гордостью написал своему другу Набокову из Смоленска: «Я с полком здесь, пришёл сюда ровно в месяц. 896 вёрст» (П 3).

«Историки, – констатировал историк Анатоль Франс, – ленивы и нелюбопытны». Они ограничиваются рассуждениями об огромном переходе, совершённом с темпом более 30 км в день (если полк шёл без остановок), прибавляя к ним сведения о распутице и поразительно малых потерях в людях.

«Дорога большей частью была худа, – писал Суворов, – так же, как и переправы через реки дурны и опасны. Убытка в людях мне стоит: трое оставленных на пути по госпиталям, один умер, один бежал. Ныне всего по полку больных и слабых одиннадцать человек. Впрочем, в полку люди и лошади здоровы и крепки настолько, что полк готов сей же час выступить в дальнейший и поспешнейший поход».

Предложите совершить пеший переход в 900 км по просёлочным дорогам России элитным войскам – и вам наверняка ответят, что таких чудо-богатырей, как суворовские солдаты, уже не родит родная земля! Исторические реконструкторы, повторяющие походы предков, знают, что в «родной» липкой грязи кожаная обувь разваливается за неделю.

Непонятно, как Суворов сумел провести полк почти без потерь. И зачем он так гнал: в Смоленске суздальцы отстаивались целых 8 месяцев! Если не приводить цитату целиком (выделено мной. – *Авт.*): «896 вёрст, **на колёсах**, дорога большей частью...» То есть полковник просто **посадил солдат на подводы**, и не без трудностей, связанных с распутицей и починкой переправ, привёз к месту назначения. На подводах, даже вытаскивая их из грязи, можно делать и по 40 км в день, так что почти 7 дней из 30 суздальцы могли отдыхать на временных квартирах в населённых пунктах.

Правда более лестна для командира полка, чем выдумка о сверхдальнем скоростном марше, для которого не было необходимости. Какое счастье, что Суворов сам всё объяснил! Хотя писал он Набокову не для этого: он просил приятеля помочь с назначением на настоящую войну, хотя бы и без полка. «Пожалуй, – просил Александр Васильевич, – сделай мне эту милость, поскольку в твоей власти, и если не с полком, то вырви отсюда меня одного туда, где будет построже и поотличнее война!» (П 4). Но ни Набоков, служивший при Коллегии иностранных дел, ни отец – генерал-аншеф и сенатор, командир гвардейского полка, не могли помочь Суворову попасть в 1-ю или 2-ю армии, куда устремились, уповая на лёгкие победы над турками, массы офицеров, имеющих личные связи при дворе.

Вскоре всем, кто не имел представления о силах Османской империи, пришлось разочароваться. В марте 1769 г. Суворов радовался известию, что его старый начальник генерал Берг взял Азов; позже он провёл экспедицию в Крым. Но 1-я армия князя Голицына дважды ходила к Хотину и отступала, неся потери от плохого питания, дурной воды и болезней. «Жалеть только остаётся, – сетовал в этой связи командующий 2-й армией П. А. Румянцев, – что время и труды всей нынешней кампании тратятся тщетно по устремлению на один объект, то есть Хотин, всех сил, которые другим образом употребив, можно бы произвести было лучшие успехи»⁵¹.

Турецкая армия тоже совершала множество бессмысленных манёвров и перенапрягла

⁵¹ Клокман Ю. Р. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 72.

силы больше российской. В ней начался бунт, и турки сами оставили Хотин. В сентябре, совершив поход в третий раз, генерал-аншеф Голицын его занял, чтобы тут же вновь отступить! Екатерина II отозвала героя Кунерсдорфа в Петербург, пожаловала чином фельдмаршала и наградила, но в армию не вернула. На его место она назначила сторонника решительных действий Румянцева, поручив 2-ю армию графу Панину. Пётр Александрович Румянцев организовал преследование отходящего на зимние квартиры противника. Русские заняли Бухарест, выдвинув передовые отряды до Дуная. Однако кампания была уже завершена, и полководцы могли строить планы лишь на следующий, 1770 год.

Всё это время строил планы и Суворов, мечтавший попасть на настоящую войну. 9 января 1769 г. он писал Набокову (П 4), что на свои письма графу Чернышёву (вице-президенту Военной коллегии) и князю Волконскому (назначенному полномочным министром в Польшу вместо Репнина) получил ответы «высокопарные». Хотя «превознесён я до небес, и только за скорый поход», писал Александр Васильевич, просьбы о командировании на турецкий фронт не удовлетворялись. Упорствуя, полковник просил Набокова передать Чернышёву и Волконскому новые письма (отсюда мы узнаём, какую роль играл невеликий посольский чиновник Набоков, способный передавать высоким адресатам письма, минуя военные инстанции).

Суворов в своих мечтах уже воевал с турками:

Султана коли б я с его престола сбил
И девушек его всех вкупе попленил,
Прислал бы дюжину тебе на утешенье
Или с Ефремовым⁵² я в Меккую слетал
И Магометов гроб там быстро доставал:
Довольно было б мне такое награжденье!

Для совершения подвигов надо было попасть на турецкую войну. «Сработай, сколько можешь, – просил Суворов друга, – чтоб меня отсюда поскорее и туда – чтоб уж хотя перепрыгнуть с одного света на другой (то есть погибнуть. – *Авт.*), да уж не по пустому».

О своих занятиях в Смоленске Александр Васильевич сообщал игриво: «Здесь жить весьма весело. Нежный пол очень хорош, ласков – ещё дадут пряслице в руки!» Самомнение генерала достойно уважения – не всякий мужчина его пропорций в 38-летнем возрасте уподобит себя Гераклу, которого посадила за прялку царица Омфала. Но смоленские девушки были сравнительно хороши. В письме 1768 г. из Старой Ладogi Александр Васильевич жаловался на беспокойство от «девиц престарелых», уверяя, что «сим светящимся невестам на выкуп их морщин» не дал бы и 10 тыс. руб. (П 2).

Риск для военной славы России был велик: преуспей одна из смоленских девиц в своих планах на Суворова, он мог воспользоваться указом 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и выйти в отставку, не дослужив обязательных прежде 25 лет. На женитьбе Александра настаивал его отец. Последние годы жизни, оставаясь в звании сенатора, Василий Иванович провел на покое в Москве, где умер в 1775 г. Даже в отставке он сохранял авторитет, друзей и влияние в Петербурге. Возможно, именно из-за разногласий с отцом по поводу женитьбы Александр Васильевич не получил от него поддержки мольбам о переводе на турецкий фронт. Там могли убить, а смерть видного дворянина, не оставившего потомства, представлялась властям неприемлемой.

Но Суворову вовсе не требовалось выходить в отставку в связи со свадьбой. Женитьба для офицера в чине полковника была в то время почти обязательной. «Полковница» была «матерью полка», помогавшей мужу в его непростой службе. Суворов был знаком со многими военными семьями, и должен был понимать, что воспитанная девушка не помешает

⁵² Атаманом Войска Донского С. Д. Ефремовым.

его увлечению армией. Приходится признать, что застенчивому с дамами Суворову в серьёзных отношениях (а других он не признавал) просто не везло.

Общение с девицами в Смоленске не могло его отвлечь от обучения Суздальского полка. Командующий сведёнными в Смоленской губернии войсками генерал-поручик Нумерс был им настолько доволен, что 15 мая 1769 г., через полгода после прибытия Суворова, поручил ему, помимо суздальцев, Смоленский и Нижегородский пехотные полки (Д I.28). Став бригадиром, Александр Васильевич занимался их подготовкой меньше двух месяцев. В июле войска Нумерса сосредоточились в Минске. В начале августа 1769 г., по слухам о приближении конфедератов к Варшаве, они получили приказ на марш в Польшу.

Суворов возглавил авангард в составе Суздальского полка и двух эскадронов драгун Воронежского и Владимирского полков. Бригадир понимал, что его надежды принять участие в настоящей войне удаляются, но не терял надежды заслужить эту честь энергичными действиями в Польше. Он прекрасно организовал марш. Отряд двигался двумя колоннами: маршрут одной составил 600, другой – 650 км. «Марш был кончен ровно в две недели, – рапортовал бригадир, – без умерших и больных, с подмогой обывательских подвод» Д I.2. С. 167), то есть наёмных телег, на которые он посадил солдат.

В августе 1769 г. положение конфедератов, стремившихся заслужить расположение турок бесчинствами в Польше, изменилось: явился Суворов.

* * *

Господа Пулавские невинности лишились: в самом деле, никогда их так не разбивали... Тут-то и пришел бы им конец... но малая часть моих войск, сплошь пехота, их спасла. Я кончил дело.

В ночь с 20 на 21 августа 1769 г. Суворов явился в варшавскую штаб-квартиру командующего русскими войсками в Речи Посполитой. Генерал-поручик Ганс фон Веймарн (из лифляндских немцев) приказал ему проверить сведения, что к Варшаве по суше и по р. Висле приближается 8 тыс. конфедератов. Поставив 2 роты суздальцев на караул при русском посольском дворе и две – на охране предместья Варшавы Праги, Александр Васильевич устремился на поиск неприятеля.

Для «дела» с бунтовщиками он взял гренадёрскую и мушкетёрскую роты Суздальского полка (с одним орудием при каждой), эскадрон драгун и казачью сотню. Двигаясь «без отдыха», русские спугнули на р. Западный Буг отряд, занимавшийся грабежом населения и вербовкой конфедератов. Паны бежали «стремглав», так что на Висле Суворов застиг лишь несколько человек, пытавшихся уничтожить паромы. Бригадир переправился на левый берег и обследовал его прежде, чем вернуться в Варшаву 23 августа (Д I.31).

Противник испарился. Суворов скучал. Но вскоре в штаб Веймарна поступили рапорты о появлении крупных сил конфедератов далеко на востоке, под Брестом. В их войске под командой братьев Пулавских (сыновей основателя конфедерации) объединились 7 маршалков (командиров земельных ополчений, в числе которых бригадир считал и полковников). Войско довольно профессионально отбирало у населения деньги и продовольствие под руководством кригс-комиссара Лопатинского. Тем временем русские отряды шли на Пулавских со всех сторон.

Замечательные силачи и наездники, ловко управлявшиеся с саблей и пистолетом, Казимир и Франц Ксаверий Пулавские были кумирами шляхты. Где бы они ни появлялись: во Львове, Замостье или окрестностях Бреста, – горели дворы обывателей, не поспешивших отдать всё, что «причиталось» конфедерации, а шляхта «гуляла». Местные паны давали в честь братьев пиры, на которых хвастались изрубить русских; часть таких «храбрецов» вступала в конницу Пулавских, скакавшую на новое место грабежей и разгула.

В бой с регулярной армией «отважные витязи» старались не вступать. Из Львова, где Пулавские успели сжечь несколько улиц, их выгнал слабый русский гарнизон. От Замостья до Люблина и Бреста 8-тысячное воинство панов бежало от одного Каргопольского

карабинерского полка. Конные карабинеры, с 1763 г. сменявшие в русской армии драгун и конных гренадёр, не имели защитного вооружения. Вместо шлема и кирасы они носили синие суконные кафтаны с красными отворотами и лацканами. Они сражались длинным тяжёлым палашом, эффективным при атаке сомкнутым строем, имели при седле пистолет и на перевязи укороченную конную фузею – карабин. Угнаться за шляхтой кавалеристам на крупных строевых конях было трудно.

Карл Август фон Ренне, лишь 3 июня 1769 г. произведённый в полковники и получивший под команду славный Каргопольский полк⁵³, упорно шёл по следам Пулавских, отмеченных пожарами. При всём уважении к родовитому дворянству, фон Ренне не считал, что для разгона 8 тыс. шляхты необходим целый полк (1,5 тыс. всадников). Эскадрон каргопольцев под командой ротмистра Миллера гнал от Каменца-Подольского через Буг воинство Каэтана Сапеги. Ренне с частью полка двигался к Влодаве. Лишь 50 карабинер графа Кастели вцепились в хвост пулавчиков, используя для разведки 30 казаков.

31 августа Суворов с семью сотнями солдат ускоренным маршем прибыл из Варшавы в Брест. На последнем переходе его бойцы одолели за 35 часов 75 вёрст (как мы теперь понимаем – на колёсах). Александр Васильевич беспокоился за город, остававшийся без защиты. Поставив в Бресте сильный гарнизон, бригадир устремился на поиск неприятеля с ротой суздальских гренадёр – штатно 165, реально 125 человек (Д I.36), – 36 драгунами (капральством), примерно капральством суздальских егерей и двумя пушками (при них состоял сержант с 15 канонирами и фузелёрами). По дороге на Кобрин, куда, по данным разведки, двигались Пулавские, Суворов встретил ротмистра Кастели. Граф, накануне порубивший панский арьергард и взявший 20 пленных, присоединился к поисковой партии.

В полдень 2 сентября главные силы Пулавских были обнаружены в лесах у деревни Орехово. Конфедераты укрылись на обширной поляне среди болот. «Вообразите деревню Орехов – своего рода цитадель, – писал Суворов Набокову, – фланги прикрыты болотистыми лесами, тыл большим прудом, а фронт длинным дефиле (здесь – препятствием в виде промоины в болоте. – *Авт.*), через которое перекинуты три моста. Последний, длиннее прочих, шёл через болото и защищался пушкой на огневой позиции на холме. Этот проход защищали пять маршалков. Сей мост сделался для нас Рубиконом» (П 5).

Бригадир не сомневался в превосходстве своих сил. По его оценке, конной шляхты было 2000–2500 (остальные, видимо, разбежались) – не много против 320 русских. Правда, 30 казаков можно было не считать; по словам Суворова, их «не было» на поле боя: «казаки плохи, едва видел ли их одного» (Д I.35, ср. 34). Но 290 солдат было довольно для разгона бунтовской шайки с кучей маршалков, полковников, региментарей, комендантов, кавалеров самостийно возложенных на себя орденов и прочих «панцирных товарищей».

Пулавские надеялись лишь не подпустить к себе русских, обороняя дефиле. Шляхта, особенно местная литовская, хотя и присоединялась к конфедератам, не горела желанием воевать. Полковника Пинского полка Лерзака и его подполковника Орешка Казимир Пулавский даже «велел задержать», так как они «колебались в обороне». Однако сражаться полякам пришлось, ведь они сами загнали себя в «выгодное место», с которого нелегко было убежать: их «позиция на поле была заперта болотом на правом крыле, спина – озером, на левом крыле были густейшие леса и также болотисто».

Надежда Пулавских была не пропустить русских через идущую по болоту гать. Здесь «они защищались храбро в трёхчасовой перестрелке». Стрельба была неэффективной. Суворов решил прорваться через гать, двинув вперёд гренадёр. Две его пушки под командой квартирмейстера Васильева пушкари катили в боевых порядках роты. «Скорость нашей атаки, – рапортовал бригадир, – была чрезвычайная», что спасло множество жизней. «Пулавских ядра брали у меня целые ряды; однако, помощью Божией, я с ранеными убытка

⁵³ Сформированный Петром I в 1707 г. Каргопольский драгунский фузилёрный полк стал с 1756 г. конно-гренадёрским, а с 1763 г. – карабинерским. С 1796 г. каргопольцы вновь стали называться драгунами.

считаю человек до десяти». По точному подсчёту убито было 5 человек и 9 лошадей, ранено 11 человек (Д I.36).

Особенно доставалось от прицельной стрельбы офицерам: «У моих пехотных офицеров, – рапортовал Суворов, – много перестреляно лошадей». «Гренадёры, под их храбрым предводителем господином поручиком Сахаровым, шли колонной впереди и, перейдя третий длинный, лежащий через болото мост, защищаемы были егерями с обоих крыльев, и вкупе с карабинерами весьма достойного и храброго господина Кастели, очистя леса... бросились на штыках, как и карабинеры подлинно на палахах, на всю Пулавских силу и все сшибли Пулавских».

Ворвавшись на поляну, гренадёры развернули колонну и образовали центр фронта, построившись в обычные три линии. Новым видом пехоты были учреждённые в русской армии в 1765 г. егеря: самые меткие стрелки, способные сражаться на пересечённой местности в рассыпном строю и в предписанных им двух линиях. Егеря прикрыли фланги строя гренадёр. На фланги пристроились и 50 карабинер.

Обозрев, как перед ними образуется небольшой строй русских, паны осмелели «и даже вознамерились сами двинуться вперёд, дабы меня атаковать и окружить... В этом-то месте, – рассказывал Суворов Набокову, – стремительно атаковал я их тремя небольшими отрядами с флангов и в центр, штыком и саблей. Они худо сопротивлялись, не поев и оставаясь в деле более 4 часов. Тут-то и пришёл бы им конец: либо всех их поубивали бы, либо они сдались бы, либо в пруду потонули, но малая часть моих войск, всё сплошь пехота, их спасла. Я кончил дело».

Из того, как Суворов пишет, что паны оставались голодными и утомились, можно заключить, что русские в ходе трёхчасовой перестрелки сменялись и успели поесть. В любом случае кавалерийская атака, которой шляхта на протяжении веков сметала с поля боя всех противников, не удалась. Доблесть неустрашимой шляхты осталась в глубоком прошлом. Русские атаковали холодным оружием сами, причём главный удар по кавалерии наносила пехота! Суворов ещё в 1771 г. в письме Веймарну вспоминал, как суздальские гренадёры «рвали штыками конницу под Ореховым» (Д I.243). «Суздальского (полка) сержант Климов в атаке убил один трех человек; хотя всё прочее войско с храбростью, достойной российского имени, поступало» (Д I.35).

Полководец жалел, что пехоты было мало для полного разгрома противника, в мечущихся толпах которого солдаты рисковали застрять. В ходе боя бригадир даже не мог брать пленных – их некому было охранять. «В сражении, поскольку людей у меня весьма мало, не велел никому давать пардону (пощады. – *Авт.*). Таким образом, не знаю двести, не знаю триста, перерублено, переколото и перестреляно... Их столько против меня было много, что я, наконец, принужден был гранатою деревню зажечь. Тут-то они и побежали».

Пушкари, хотя у «пушечного ящика одно колесо подбито было», задержались на переправе ненадолго и вскоре смогли поддержать атаку огнём. Они зажгли деревню, но на этом не успокоились: «артиллерия ускакала наперед», чтобы достреливать бегущих поляков. Тем временем «драгуны отрезали их хвост», захватив до сорока пленных, включая несколько командиров, «и смелый молодой Пулавский был от смерти у господина Кастели на четырех шагах». Когда Суворов писал рапорт, он ещё не знал, что кто-то из карабинер на скаку достал Франца Ксаверия Пулавского метким выстрелом. Получив смертельную рану, 23-летний юноша на другой день умер, став жертвой политиканства своего отца...

Суворов «гнался ещё за ними с человеками десятью кавалеристов с полмили, встретил Пулавских на поле, где они было опять построились». Но психологически противник был сломлен. При виде маленького бригадира с десятком всадников отряд из нескольких сот сабель бросился наутёк.

Остановив бой, Суворов приказал похоронить убитых и собрать раненых: «Здесь пропасть раненых, и я сам с умирающими». Он жалел, что «много неприятельских смертельно раненых оставлено на месте сражения... собрать их было тяжело», ибо поле боя

занимало до 1,6 км⁵⁴. Пулавские уходили, и обследовать заросшее высокой травой пространство русские не могли. Оставив поле, на котором горами валялись трупы панов и их прекрасных лошадей, бригадир организовал погоню.

Но его опередил полковник Ренне, до этого неспешно бивший «с карабинерами, казаками, четырьмя пушками и двумястами человек пехоты» арьергарды конфедератов и взявший «около восьмидесят человек в полон». Казимир Пулавский в бегстве забыл о разведке и вывел войско, к которому присоединились силы, стоявшие в других деревнях, прямо на Ренне. 3 сентября Суворов рапортовал Веймарну, что «разбитые пулавцы упали отсюда на Владаву, где их в те же 24 часа господин полковник Ренне встретил и ещё разбил, отнял всю их артиллерию, три пушки и довольно обозов. Здесь они почти столько же людей потеряли, сколько под Ореховым» (Д I.32, 33).

Попытка конфедератов взорвать Литву провалилась. Район Бреста был очищен от поляков. Примкнувшие к ним литовские паны разбежались по домам. 12 сентября Суворов доложил: «По разбитии пулавцов под Ореховым вся провинция чиста» (Д I.38). И до этого весь вред, который наносили России шайки конфедератов, сводился к нападениям на курьеров. Но Суворов и к таким потерям относился отрицательно. Когда у него были изрублены, оставшись едва живыми, сержант и мушкетёр, а другой мушкетёр, посланный к Нумерсу, «разграблен», он стал посылать донесения через «шпионов». По делу о грабеже было назначено следствие над четырьмя панами, так что повторять их «подвиг» в Литве стало неповадно.

В отличие от поляков подчинённые Суворову войска реквизициями не занимались. Грабежи преследовались как уголовные преступления. Русские за всё платили деньгами из полковой рационной казны, в крайнем случае брали в долг с выплатой наличных по квитанциям. На выдачу квитанций (как государственных обязательств) требовалось разрешение командующего. «Ваше высокопревосходительство, – писал Суворов Веймарну из Бреста 6 сентября, – не изволите ли приказать с городков: Бредулина, Потоцкого, отсюда три мили, под квитанции брать провиант и фураж... ибо три тысячи (рублей), что взяты в феврале в Смоленске, у пехоты все изошли» (Д I.34).

Щепетильность русских в отношении чужого имущества настолько контрастировала с поведением конфедератов, что набег Пулавских принёс обратный их намерениям результат. Вместо того чтобы «поджечь Литву», он способствовал тому, что конфедерация здесь не получала поддержки.

Командование оценило действия Суворова под Брестом. Его представления на отличившихся офицеров были утверждены, причём сержант Климов был «преимущественно перед прочими» произведён в прапорщики. «Отменная храбрость, расторопность и хорошая резолюция господина бригадира Суворова» была отмечена в благодарности от Государственной военной коллегии 21 октября 1769 г. (Д I.50), а также при производстве Александра Васильевича в генерал-майоры 1 января 1770 г.

К этому времени его бригада занималась хлопотным, но благодарным делом: защищала от панов-разбойников обширный район Польши с центром в Люблине.

* * *

Должно не поражать их, но топтать и раздавливать... с праведным желанием окончания здешних беспокойств.

14 сентября 1769 г. в Бресте, получив приказ на передислокацию, Суворов подтвердил: «Мне здесь делать нечего... Здешняя провинция вовсе очищена», – и ночью выступил в

⁵⁴ Идея использовать войска, чтобы собирать раненых, даже своих, ещё долго не приходила никому в Европе в голову. После битвы армии шли по своим делам, оставив поле боя на команды, собиравшие оружие, мародёров и милосердие местных жителей.

поход. 17 сентября его отряд вошёл в г. Люблин – центр обширного Люблинского воеводства, лежавшего на рубежах польских, белорусских, западно-украинских и австрийских земель. К северу от Люблина, примерно на равном расстоянии от него, находились г. Брест (восточнее) и Варшава (западнее); к югу – Львов на востоке и Краков на западе.

Спокойствие района было особо желательно ввиду того, что по его восточным рубежам проходила важнейшая операционная линия Главной русской армии в предстоящей кампании против турок, которую уже начал планировать П. А. Румянцев со своими единомышленниками. В Варшаве таким был полномочный министр России князь Михаил Никитич Волконский: боевой генерал, хорошо знакомый с Польшей и сложностями её умиротворения. Именно он, помня Суворова по Семилетней войне, приказал Веймарну направить Александра Васильевича в Люблин.

Задача, поставленная перед Суворовым, казалась невыполнимой. Протянувшиеся на сотни вёрст леса и болота, непроезжие дороги, замки шляхты и укреплённые католические монастыри создавали идеальные условия для действий конфедератов. Австрийская граница, непроницаемая для русских войск, скрывала за собой места сосредоточения и обеспечения повстанческих отрядов. Венский кабинет делал всё, чтобы усложнить положение «союзной» России в турецкой войне.

Местная администрация и значительная часть шляхты были лояльны королю, но, как принято в Польше, не упускали случая навредить русским, своей победоносностью и добротой вызывавшим раздражение, переходящее в чёрную зависть, от которой недалеко до ненависти. Пан или ксендз, угощавший русских кофе, мог быть шпионом или просто из вредности передать конфедератам подслушанный за столом разговор. А мог, проводив гостей, вооружиться и ускакать к партизанам, чтобы совершить диверсию.

Ситуация была похожа на Афганистан второй половины XX – начала XXI в., с той разницей, что религиозные фанатики из польской шляхты говорили по-французски, а вдохновлявшие их ксендзы вместо арабского использовали латынь. Единственным – и стратегически важным – отличием было отсутствие у движения конфедератов народной поддержки. Паны и ксендзы разумно отказались от мысли вооружать простонародье, понимая, что оружие обернётся на них самих.

«Салонная» партизанщина, главной движущей силой которой выступали истеричные шляхтянки, за танцами и бокалом вина подбивавшие панов совершать «подвиги» за веру и «шляхетные вольности», казалась неискоренимой ввиду отсутствия у русских серьёзных военных сил и присутствия у них сословной солидарности с повстанцами: в сущности, милыми, культурными людьми, с которыми приятно было танцевать и говорить по-французски.

Только такие «звери», как полковник сербских гусар Древиц, немец, не удосужившийся за годы службы выучить русский язык, могли всерьёз гневаться на конфедерата, который, будучи раз пойманным и разоружённым, в нарушение «честного слова» не воевать попадался с оружием вновь. Неизвестно, правдив ли записанный позже, в середине 1790-х гг., слух о том, что Древиц даже рубил таким клятвопреступникам кисти рук⁵⁵. Однако Суворов писал о Древице в большом раздражении, считая его варварское поведение позором для русской армии (Д I.106).

Александр Васильевич ограничивался тем, что, отобрав у конфедератов огнестрельное оружие, отпускал их по домам на конях и с саблями, взяв подписку больше не грабить и не выступать против русских; при этом после наступления мира оружие и амуницию обещал вернуть (Д I.83). Утомившись разоружать одних и тех же панов, он потребовал брать у них

⁵⁵ «Один из главных руководителей польской революции 1794 года, арестованный и содержавшийся в Петербурге, дал между прочим показание, что, будучи ребенком, он был свидетелем, как Древиц отрезывал кисти рук у некоторых конфедератов, попавших в плен». См.: *Петрушевский А.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Гл. IV.

не только личную подписку, но и письменное поручительство из ближайшего монастыря, грозя наказать поручителя штрафом, если его духовный сын вновь нарушит слово (Д I.117). Удар «по карману» был, по мнению Суворова, высшей мерой наказания для этих милых людей, коли шляхта мало ценила свою честь.

Для контроля огромной территории Александр Васильевич имел 3–3,5 тыс. солдат разных полков: линейный батальон и команду егерей Суздальского, две роты Нашебургского и роту Казанского, 5 эскадронов 5-го кирасирского, по 2 – Владимирского и Воронежского, 1 – Санкт-Петербургского карабинерского плюс 170 недисциплинированных казаков, постоянно создававших ему головную боль. В приданной Суворову артиллерии было 2 единорога и 16 пушек (Д I.107).

Умиротворить этими силами воеводство, используя систему постов, как планировалось в Варшаве, было нельзя (Д I.42). Конечно, Суворов не думал, что шляхта, даже в значительном числе, способна нападать на солдат. Реляции отдельных командиров о якобы бывших сражениях с конфедератами возмущали Александра Васильевича до глубины души. «Какая такая важная диспозиция с бунтовщиками? – писал он Веймарну. – Только поспешность, устремление и обретение их... должно не поражать их, но топтать и раздавливать... с праведным желанием окончания здешних беспокойств!» (Д I.106).

Его собственные офицеры готовы были атаковать обнаруженного неприятеля с ничтожными силами. Суворов, с одной стороны, предостерегал от этого: «ибо по должности моей я, как за храбрые совокупленные воинским искусством дела похвалять и высшему генералитету рекомендовать не примину, так и за неосторожности, от которых бывает неудачливый конец, впредь взыскивать буду». С другой – в том же приказе командирам отрядов и постов о «надлежащей воинской осторожности» от 7 февраля 1770 г. намекал, что это не его тактика: «Господин генерал-порутчик фон Веймарн мне прописывает, чтоб малых партий не посылать, о чём и я напоминаю» (Д I.73).

Когда командир поста в Пулавах капитан Суздальского полка Набоков, выступив 15 января 1770 г. в поиск за Вислу, с 30 бойцами атаковали отряд в 150 сабель в местечке Коженицы, а после разогнал ещё 60 конфедератов и взял их обоз, Александр Васильевич грудью защищал своих орлов от выговора. «Они рекогносцировали, – писал Суворов начальству, то есть были в разведке, – а что так дерзновенны – я один тому виновен. Как в Ладогe, так уже и под Смоленском, зимой и летом, **я их приучал смелой наступательной тактике**» (выделено мной. – *Авт.*). «Покорно прошу простить мою вольность! – заключает Суворов. – А в награждение того, изволите прочесть Набокова рапорт, вместо сказочки из 10(0)1 ночи» (Д I.66).

Отчёт Набокова о бое против конфедератов, окопавшихся вокруг корчмы, способен был развлечь отягощённого заботами командующего. Суворов в новом рапорте рассказал о другом «правильном» бое пулавского отряда, когда 80 солдат с лёгкой пушкой устроили сражение с настигнутой ими в лесу конницей пана Неведомского. «Офицеры, построив пехоту, егерей и конницу поставив на крыльях, выстрелив из пушки картечью, пошли на штыках... грудь на грудь, Неведомского партию сломали и при том случае его самого штыком, во фронте на лошади сидящего, и около его несколько шляхтичей и других возмутителей закололи. Мятежники начали ретироваться, наша конница и егери их крылья сжимали; побежали они в такой густой лес, что и пехотою пройти трудно. Гренадёры за ними шли на штыках, мушкетёры закрылись в резерве с пушкой, казаки и драгуны поступали с совершенно отличной неустрашимостью и отдохнуть им не дали. Офицеры, со своей командой преследуя, гнали их более мили и били наповал, раздробляя сию партию в мелкие части, доколе оных никого видеть не стало». Солдаты вернулись на свой пост благополучно (Д I.65).

* * *

Командиры должны сами видеть вдаль, без зрительной трубки.

Благодаря «смелой наступательной тактике» система постов Суворова решала две задачи: охрану населения Люблинского воеводства от грабежей и «рассеяние» шаек конфедератов. Правилом было ни на мгновение не оставлять без солдат ни одного поста, «потому что как земля чрез них в безопасности, так и они в междуособной обороне состоят». Систему взаимной поддержки постов Суворов описал в Наставлении постовым командирам в июле 1770 г. (Д I.132) Впрочем, поддержка была необходимой «иногда в случае», так как каждый пост имел достаточно сил для поражения неприятеля.

В Наставлении изложена концепция действий армии в условиях антитеррористической операции на чужой, но дружественной территории. Осторожность, дисциплина, укрепление поста окопами сочеталось с требованием «иметь частые о возмутителях разведывания», в том числе через агентуру среди местных жителей. Разведке Суворов уделял огромное внимание, привлекая к ней местных должностных лиц, которые обязаны были докладывать о любой угрозе мирной жизни в их владениях. Отсутствие ежедневного сообщения от чиновника само было информацией. Для передачи сообщений на посты генерал приказал иметь наготове лошадей, а в донесениях указывать время отправки и время обнаружения конфедератов.

Силам порядка были равно полезны платные шпионы и бесплатные болтуны. Первых экономный Александр Васильевич не любил, особенно лиц из католического духовенства, интриговавших на обе стороны по своим соображениям. Он «ни иезуитов, ниже иных монахов в вестовщики не принимал, о чём, однако тайно, на посты... подтвердил. Но и иных того рода, – добавил генерал, – не жалую». Готовая за деньги на всё шляхта, разъезжая из замка в замок, распивая кофе и играя в азартные игры, собирала не информацию, а непроверенные слухи. «Сверх того они дороговаты, чего ради и на постах нынешней моей команды их так же не весьма любят».

В то же время шпионы и слухи, благодаря которым Суворов знал состав отрядов и планы конфедератов по всей Речи Посполитой, были «несказанно и беспрестанно нужны». Из слухов острый ум генерала мог составлять чёткую картину событий. Докладывать Суворов приказывал все новости, «сколько бы такие шпионские повести невероятны не были» (Д I.176).

Особенностью Польши являлась небрежность с секретами, которые выбалтывались, чтобы показать собственную значительность. Первокласную информацию было просто собрать в корчме: «Проезжих людей везде пропасть, бывают люди разумные», знающие много, так «как по вольности польской... ничего тайного нет». Бесплатный информатор бывает «лучше пьяного шпиона, которой для денег и верёвки возвещает что угодно». Больше всего помогают русским «сами усердные нам обыватели, обремененные их (конфедератов) грабежами, разоренные шляхтичи, сидящие спокойно дома» (Д I.245).

Верёвка плакала по шпионам, но человеколюбивый Суворов отступал от правила их вешать. Вот пример из его письма от 16 июня 1770 г.: «Рапорт г(осподина) капитана Голешева, где он упоминает, что при его деле в Соли запретил пехоте раненых убивать, которые потом ушли, и о шпионе иудее с его допросом так же извольте отправить в рапортах генералу-порутчику (Веймарну. – *Авт.*). Отправленного же шпиона содержать в Люблине впредь до резолюции от генерала-порутчика, или лучше, избегая затруднения, прикажите при публикации в Люблине городскому кату (палачу. – *Авт.*) ошельмовать, положить клейма, отрезать уши; буде же таких клейм нет, то довольно, что и уши отрезать и выгнать из города метлами. А лутче всего прикажите его только высечь как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее» (Д I.123).

По польскому закону, если дать делу ход, шпиона пришлось бы повесить, а благодаря Суворову ему выпал шанс унести ноги, отделавшись высеченной для острастки спиной. К весне 1771 г. Александр Васильевич стал ещё мягче. «У бунтовщиков шпионы только на том основании, что просто доносят, где мы обращаемся, – писал он Веймарну в контексте мыслей о начале наступательной войны против конфедератов. – Их столько много, что когда

их изловят, я их, выспрося, отпускаю домой» (Д I.245).

Бороться со шпионами, учитывая, что смертная казнь русским законом была запрещена, а шляхта не могла подвергаться телесным наказаниям, оказалось трудно. Но «информационный шум», который они создавали, снижал значение добытой шпионами информации о русских войсках. Иное дело – прямые данные, которые конфедераты могли получить из перехватываемых военных депеш и частных писем.

15 июля 1770 г., вспомнив уроки отца (специалиста по перлюстрации), Александр Васильевич приказал «Люблинскому коменданту... при приходе и отправлении почты быть на почтовом дворе всегда самому, и для просматривания писем определить себе нарочный час, и все сомнительные распечатывать, читать и приносить старшему командующему в Люблине (Суворову. – *Авт.*), которому с ними поступать по его благоусмотрению. Это делать и всем прочим на постах комендантам благопорядочно».

Раз «возмутители часто схватывают почтальонов и тем в наши тайнства проникают, то с сего времени весьма запрещаю: господам офицерам и прочим в их письмах ни о малейших обстоятельствах нынешних мятежей не упоминать; в предосторожность же сию все такие честные письма представлять прежде открытыми главным на постах или комендантам, в коих власти уже состоять будет, отправлять их или нет» (Д I.121).

Контрразведка была делом важным, однако для русской стороны главным было осмысление данных о конфедератах. Генерал требовал от офицеров инициативы в сборе и истолковании информации, которую они докладывают в Люблин. «Командиры, – писал он, – должны сами видеть вдалеке, без зрительной трубки», и «перед вашим вышним (начальником) быть остроумнее, не только в сведениях, но и в догадках». Александр Васильевич сердился за представление неверных данных и выводов, но не наказывал за них, а требовал от офицеров впредь быть умнее.

Догадки и оценки сведений на постах помогали Суворову верно понимать информацию. Впоследствии он развил эту концепцию в приказе по войскам Крымского и Кубанского корпусов от 16 мая 1778 г.: «Корпусному командиру и между собой господам бригадным и прочим начальникам, при сообщении известий... описывать в них возможное предвидение: и по последствиям настоящего, и в будущем приличную прозрачность, с военными (и) с политическими краткими рассуждениями, для предпобуждения оных, – как способнейшим к тому местным пребыванием, нежели тем, кому сообщает... Иначе от того рождаются замешательства лишними предосторожностями и беспокойства, иногда напрасные, передвижением... войск. Лучше поэтому объяснять всякое известие, вообразительно его назнача справедливым, сомнительным или ложным, невзирая на то, что дальнейшим проницанием кажущееся ложным превратится в истинное, а и справедливое – в ложное или сомнительное. Поэтому каждому... подавать свои мысли с рассуждениями смело, означая по случаю примерное число противников и их вооружения. Получающий их берёт с того свои исправные меры» (Д II.42. С. 63).

На самостоятельной оценке офицерами информации, необходимой для «предпобуждения» – упреждения неприятеля, Суворов строил систему действий против конфедератов, от постов до Люблинского отряда, бросавшегося за самыми крупными партиями неприятелей, и до командования русской армией в Речи Посполитой. Веймарну догадки, оценки и предложения, которыми засыпал его командующий округом, были не по душе. Но Александр Васильевич уже сформировал своё отношение к обдуманной информации «снизу» как основе правильных военных действий, и не отступал от него.

Осторожность, которую культивировал Веймарн, и информированность были в глазах Суворова почти синонимами. Во втором пункте Наставления постовым командирам 1770 г. он требует посылать для удара по возмутителям сильные партии, не дальше суточного перехода от поста, «и то с весьма добрым о неприятельских предприятиях и силах известием, давая о своих намерениях ближайшим постам и сюда знать», чтобы при необходимости вовремя получить поддержку.

От точности данных зависело решение об ударе на противника себе «под силу», чтобы

избежать потерь. А «если в случае, от чего Боже сохрани, несчастием в ударе урон людям последует, то с таковым постовым командиром за неосторожность и безрассудный удар на неприятеля поступлено будет по силе воинских законов!»

Третьим пунктом Наставления было требование «на постах и в проходах чрез деревни и местечки обывателям ни малейших обид не чинить и безденежно ничего не брать», а подчинённых «содержать в дисциплине, однако, чтоб положенным всем, так и лошади фуражом, довольствованы были, (и) без крайней нужды не изнурять и не отягощать».

Наконец, Суворов чётко определял, что является для солдат законной добычей. «Лошадей, в добычу от возмутителей получаемых, годных – определять в службу, давая тем, кто их возьмёт, некоторую плату (на их содержание), ружейные же и амуничные вещи стараться в пользу службы употреблять. Что же касается того, что когда возмутителей разобьют и у них в добычу деньги или вещи взяты будут, то нет нужды рассматривать, откуда те деньги получены, но следует с теми вещами и деньгами, поступая по содержанию 111-го и 112-го воинского артикулов, разделять оные по всей команде; разве бы отнятые деньги принадлежали их казне, в таком случае поступать по толкованию 112-го артикула. Сие исполнять, как и указом Государственной Военной коллегии повелевается»⁵⁶.

* * *

Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь – мать своевольства.

Мысль, что Суворов в Наставлении постовым командирам разрешает грабёж, уподобляя солдат «возмутителям», следует отбросить. Русским было разрешено пользоваться имуществом противников, побеждённых с оружием в руках, в то время как конфедераты грабили население. Мирным людям не было легче оттого, что грабёж мятежники осуществляли под видом «реквизиций», которые генерал запрещал, предписывая «безденежно ничего не брать, опасаясь строго по силе законов взыскания».

Суворова возмущало, что шляхтичи продолжали грабить, даже покинув конфедерацию, «совсем разоряя диссидентские деревни... (и) не только деревни, но их церкви, не оставляя ни окон, ни лавок, также собирая с них самовластно деньги, провиант и фураж» (Д I.178; ср. 51). Не только диссиденты, но и католики, в том числе шляхтичи, не были защищены от произвола и даже убийства ничем, кроме русского штыка.

По случаям грабежей, которые случались в русских войсках, командование возбуждало уголовные дела. Особенно грешили казаки, которые довели Александра Васильевича до угрозы самого сурового в русской армии наказания шпицрутенами: толстыми прутьями, которые ещё и вымачивались в солёной воде. Прогон сквозь строй, где товарищи наносили виновному от 100 до нескольких тысяч ударов шпицрутеном, как минимум отправлял несчастного в лазарет.

Обычно Суворов этого наказания даже не упоминал, но 24 июня 1770 г. сорвался и написал на все посты: «Доходят до меня жалобы, что казаки новоприбывшие чинят обывателям обиды и грабежи. Для чего им строго запрещается, чтоб отнюдь никто обывателям обид не чинил, что им на всех постах постовым командирам подтвердить. Если впредь услышаны будут какие жалобы, то виновные жестоко будут штрафованы шпицрутеном. А будучи в сражении, с лошадёй для грабежа отнюдь не слезать» (Д I.127).

С возможным «лихоимством» был связан запрет поисковым командам останавливаться

⁵⁶ Генерал имел в виду Воинский устав Петра I, где в 111-м артикуле сказано: «...что неприятель 24 часа или сутки в своем владении имел, оное почитается за добычу». В артикуле 112-м говорится, что из взятой от неприятеля добычи оружие, снаряды, амуниция и провиант принадлежат государю, а остальное, по вычете десятой доли, остается солдатам. В толковании к 112-му артикулу добавлено, что все собранные деньги достаются также государю. Суворов, заботясь об интересах солдат, полагает правильным сдавать в казну только деньги из казны конфедератов, а не все отобранные у «возмутителей».

на панских дворах, откуда информация об отряде могла дойти до мятежников. «Вообще от шляхтичей, так и от протчих, никаких приманок не принимать... и бунтовщикам похлебства не чинить, под взысканием на господах постовых командирах. Сие строгое напоминание чиня, рекомендую трудолюбие, неутомленность и покорность всюду, ибо и Веденяпин не от чего иного сокрушение претерпел, как от его роскошных нравов» (Д I.120).

Разложение оккупационных войск (хорошо знакомое моим современникам по Афганистану) затронуло силы Суворова в упомянутом им поразительном случае с отрядом поручика Владимирского драгунского полка Веденяпина. Этот офицер, пишет Александр Васильевич, «к несчастью мне из Главной армии попался», то есть был прикомандирован из войск Румянцева, в которые пламенно мечтали попасть все храбрые офицеры! Уже это должно было Суворова насторожить. Но Александр Васильевич, располагая малыми силами, 28 сентября 1769 г. поставил Веденяпина с командой из 67 драгун на пост в местечке Красностав. Хотя формально Веденяпин подчинялся полковнику Траубенбергу, а не Суворову (Д I.45), тот усилил его пост солдатами Суздальского полка и взял на себя ответственность за него.

Поручик неплохо показал себя в деле, но 4 июня 1770 г. совершил самое страшное в глазах Суворова преступление: опозорил русское оружие поражением. Он «безрассудно и беспорядочно вступил в дело с мятежниками, разорил малолюдный эскадрон, погубил наших около пятидесяти человек и потерял одну чугунную пушку!» Дело было так.

Узнав о вторжении в Люблинский район отряда мятежников, поручик с отрядом в 70 драгун, мушкетёр и артиллеристов с пушкой бросился ему наперерез и занял местечко Фрамполь. «В это местечко, – с гневом пишет Суворов, – вступил он того 4-го числа около полудня столь нерадиво, что возмутители, шедшие другой дорогой, близко от него, его усмотрели. Они были под командой их полковника Новицкого в числе меньше 300 коней, и можно ли поверить, чтоб Веденяпин с семидесятью человеками и пушкой их не разбил в мгновение ока! – Тем, которые от капитана Голяшева бежали и также почти капитана Дитмарна испугались!»

Капитан Голяшев уже заставил полковника Новицкого изменить маршрут и гнался за ним. Поразив конфедератов в деревне Старые Соли, он послал к Фрамполю в помощь Веденяпину капитана Китаева. Капитан Суздальского полка Дитмарн, по словам Суворова, стал портиться с момента, как полком (с 5 января 1770 г.) начал командовать полковник Штакельберг. Он не только «забыл» посылать отчёты об обстановке Суворову, но и сам не знал, в каких силах противник и что делают отряды с соседних постов. Он вообще полагал, что ловит восьмерых мятежников! «Удивительно, – писал Суворов, – что наш бывший исправный Дитмарн с десятью казаками вместо восьми мятежников наезжает на всю их большую шайку и... что о их множестве не уведомлен, не знает, откуда возмутители зашли, как с ними Голяшев... от него... миль от восьми до девяти дерётся». Дитмарн получил от Суворова выговор, хотя он с десятью конниками прогнал всю шайку мятежников.

Всюду поражаемый Новицкий с 300 всадниками вылетел прямо на Фрамполь, где ему должен был прийти конец, «если бы недоведомым нам Божиим определением Веденяпин разума не потерял под Фрамполем». Поручик действительно явил миру чудо. Получив известие о приближении конфедератов от пикета казаков, он, «подхватя несколько драгун, которые ему первые в руки попались, бросился на них на палашах. Подскакав, опустил палаша и, выстреля из пистолета, поскакал назад. Следственно бунтовщики за ним и погнались, и наскакали на выбежавшую его, мало что в поле, расстроенную оставшуюся команду. Драгуны не успели сесть на лошадей, и их окружили. Так плоха их позиция была, что возмутители ссадили своих карабинер в ближний огород и из-за забора им стреляли в спину наповал. Они же, пребывая без движения и только отстреливаясь, отрезаны были спереди их гусарами, по крыльям их были сараи, которые, наконец, бунтовщики зажгли. Не предпринимая ни малого прорыва сквозь мятежников, так долго они беспутно стреляли, что были сами перестреляны, остальные с Веденяпиным сдались в плен. Этих считают около двадцати, сколько спаслось – верного рапорта ещё не имею. Суздальского полка

подпоручик Лаптев сдаваться не хотел и убит с товарищами, Воронежского эскадрона поручик Кузьмин спасся, израненной смертельно».

В этом невероятном трёхчасовом бою, где русские солдаты вели себя, как неорганизованная шляхта, а драгуны и гусары Новицкого действовали чётко, напрасно погиб герой Орехова граф Кастели. Оплошали даже суздальцы: молодой подпоручик Лаптев слишком поздно повёл 15 солдат в штыки; перераненные бойцы не смогли прорваться, Лаптев и 8 солдат погибли, а остальные попали в плен. Суворов просто кричал «о распутности Веденяпина»; 2 июля 1770 г. он за нераспорядительность и трусость был отдан под суд вместе с бежавшим с поля боя поручиком Кузьминым (Д I.118).

Веденяпин был виновен, но Суворов признал в рапорте Веймарну, что его система предупреждения и взаимной поддержки постов, до того эффективная, не сработала. Генерал до последнего момента «почитал, что все тихо и в порядке». Офицеры Главной армии, ответственные за коммуникационную линию от Львова до Сандомира, не просто «пропустили», но, по словам Суворова, «почти напустили» бунтовщиков на его район. Командиры постов не имели связи и не знали, что происходит у них под носом; Дитмарн «не заметил» боя во Фрамполе в 6 верстах от себя! Бойцы капитана Голяшева подоспели к Фрамполю, когда конфедераты оттуда ушли, позаботившись о раненых и даже похоронив всех убитых!

Хладнокровное мужество противника заставило Суворова воздать похвалу Новицкому. Хотя прорыв в Литву не удался (русские уже надвигались со всех сторон), конфедераты с честью вернулись назад к Пулавскому. «Они потеряли под Фрамполем только от двадцати до тридцати человек, – писал Суворов, – раненых они своих имели с собою не больше». Во всей экспедиции русские отняли у Новицкого не более 150 человек, в том числе 7 пленными, «из которых велел я отдать одного их раненого гусара на волю в монастырь в Колбушеве», – констатировал Александр Васильевич.

Историю с Веденяпиным, которую многие командиры постарались бы замолчать, Суворов широко использовал как пример для воспитания войск. Он указал, что на посту Веденяпина было «больше обид» местному населению, чем обычно (П 9). Гонясь за противником, этот человек «роскошных нравов» в деревне Старые Соли остановился в доме у шляхтича, у которого «в благодарность» за сведения о неприятеле отобрал коня. Во Фрамполе, вместо того чтобы сразу расставить караулы, Веденяпин приказал бить кнутом евреев (явно вымогая взятку). Жадный и бессовестный человек, внушал подчинённым Суворов, должен был потерпеть поражение.

Подчеркнув глубину нравственного падения Веденяпина, Суворов противопоставил ему благородное поведение противника. После боя «возмутительский командир Новицкий похоронил убитых в своём присутствии человеколюбиво, так же содержал пленных ласково, а раненых велел отвести в Люблин, ещё им дал на дорогу два червонца; их было тринадцать и уже человека три умерло. Я велел отписать... к Пулавскому, чтобы если хочет, наших пленных отпустил, и что я ему столько же людей пришлю».

Нравственное превосходство давало победу. Путь к поражению лежал через «роскошества». В письме Веймарну «Примечания для экзерцирования» от 3 марта 1771 г. Суворов рисует картину повреждения нравов солдат в условиях, когда «есть кошелёк – кофе у пана готов». «Командир в замке, на панском дворе, – иронизирует Александр Васильевич, – спрашивает шпионов, рассылает их, пишет рапорты, отдаёт приказы (не заботясь о секретности); рядовые по дворам пьют вино, пиво, едят готовое хорошее кушанье, за то ещё им давай провиантские деньги. **Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь – мать своевольства!** (Выделено мной. – *Авт.*) Кажется, что на это только одно правило: когда их где потчевали, отрядным командирам тот день записывать и не выдавать им провиантских денег, чтоб не богатели или после не мотали. Лучше, когда заслужат, дать им царскую милость. А за пьяного – больно бить его унтер-офицера. У меня под Ландскороном таких пропало и убито трое» (Д I.243).

В бою за Ландскрону было переранено немало офицеров, которые в погоне за

роскошью надели яркое шляхетское платье. Много офицеров перестреляли у Древица, впадавшего с полком в роскошества в Кракове. «Чего лучше, как по сему гербу целить? Пример берут с них и рядовые, уже им и государева шляпа лоб жмет, уже подмышками и кафтан тесен!»

Рождение в войсках склонности к лихоимству и утрата армейской идентичности при общении с местными жителями, переходе на местную пищу и одежду, были, конечно, опасны. Но Суворов не был бы собой, если бы предлагал командующему русскими войсками в Речи Посполитой лишь меры охранительные. Напротив, случай с Веденяпиным он использовал для экстренного доведения до войск новых требований по атакующим действиям, основанных на опыте и убеждениях полководца, подкреплённых переменами в Главной армии, победоносно сражавшейся с турками.

* * *

Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко.
Пуля обмишулится, а штык не обмишулится.
Пуля – дура, а штык – молодец!

Польские конфедераты оживились не случайно. В 1770 г. основные военные действия сместились от Хотина, стоявшего у границы Речи Посполитой и Османской империи, далеко на юг, в глубь турецкой территории. Там, где прежде находились русские войска, остались гарнизоны и тыловые команды. В войне наступил перелом. Сама военная стратегия и тактика изменились.

За короткое время между кампаниями 1769 и 1770 гг. П. А. Румянцев сумел переподготовить войска. Обнаружив, что «каждый полк имел свой образ, отличившийся от другаго» настолько, что являл собой «как бы иное войско», гениальный полководец создал и в марте 1770 г. разослал в полки свой «Обряд службы для равенственного отправления в армии»⁵⁷. В отличие от «Полкового учреждения», он был обязателен для всей пехоты 1-й армии.

Требую, чтобы солдат обучали «со всякими подробностями, но притом с кротостью и каждого особо», полагаясь, как и Суворов, не на наказания, а на моральные стимулы, Румянцев пошёл дальше: он отменил «все лишние приёмы» как в учении, так и в бою. Пётр Александрович упростил солдатский шаг, отказавшись от прусского «гусиного». Вместо строя в три шеренги он ввёл более простой в перестроениях двухшереножный, каким с 1765 г. учили маршировать егерей, уповав, что русская пехота и в таком построении способна отразить неприятеля огнём. Упрощено было всё, вплоть до караульной службы и устройства лагеря; даже побудку в походе заменил генерал-марш, под который армия должна была немедленно готовиться к выступлению.

Отчасти это были вынужденные меры, ведь привести полки к единому образцу по полной программе в короткое время между кампаниями было невозможно. А упростить обучение вымуштрованных солдат было легко. Суворов вспоминал в письме Веймарну от 3 марта 1771 г. о бесконечном числе команд, принятых при нём в Суздальском полку, которые в бою оказались бесполезны. Заучивать приходилось «тысячу таких слов».

Оставив из этих строевых команд сотню, Румянцев через несколько месяцев получил гораздо более мобильную пехоту. Новое двухшереножное построение компенсировало малое число его ударных войск (35 тыс.), противостоявших 150-тысячной армии турок при поддержке 80 тыс. татар. Даже вместе со 2-й армией, корпусом в Молдавии и отрядом

⁵⁷ «Обряд службы» каждый командир был обязан не только прочесть, но всегда иметь «в кармане при себе». В 1776 г. инструкция Румянцева стала обязательной для всей русской армии. См.: *Масловский Д. Ф.* Приложения и примечания к запискам по истории военного искусства в России. СПб., 1894. Вып. II. С. 25–44; и др. изд.

Штофельна, отозванного на соединение с Румянцевым из Бухареста, силы были малы по сравнению с неприятельскими.

Но на этот раз кампания планировалась группой единомышленников в разных военных ведомствах и была строго наступательной. Пехота и кавалерия, моряки флота графа Алексея Орлова, совершившие бросок с Балтики в Средиземное море, морской десант, – все получили негласную установку решительно атаковать неприятеля, невзирая на обычные расчёты соотношения сил. Это объясняет разительный контраст между официальными оборонительными военными планами и реальными действиями.

Счёт блистательным победам 1770 г. открыла армия: 4 января войска генерал-майора Г. А. Потемкина разгромили турок под Фокшанами. 10 апреля десант под командой бригадира морской артиллерии генерал-фельдцейхмейстера И. А. Ганнибала, после 6-дневной бомбардировки с моря, взял крепость Наварин в Греции. Но десантные операции в союзе с греческими повстанцами, на который делал ставку Алексей Орлов, оказались неэффективными из-за малой боеспособности «союзников».

7 июня армия Панина успешно переправилась через Буг. Румянцев, преодолевая моря грязи, 17 июня настиг и разгромил войска Абазы-паши и хана Каплан-Гирея при Рябой Могиле. 24-го русский флот из 9 линкоров и 3 фрегатов одолел турецкую эскадру у о. Хиос и отбросил её в Чесменскую гавань; линкор «Святой Евстафий» под командой адмирала Г. А. Спиридова взял турецкий флагман «Реал-Мустафа» на абордаж и взорвался вместе с ним. 26-го 15 линкоров и 6 фрегатов Гасан-Эдина-паши были атакованы и сожжены в гавани эскадрой С. К. Грейга, состоявшей всего из 4 линкоров, 2 фрегатов, бомбардирского корабля «Гром» и 4 брандеров. Турки потеряли свыше 10 тыс., русские – всего 11 человек. Захватив господство на море, русский флот до конца войны блокировал Дарданеллы, перекрыв подвоз продовольствия к Стамбулу. Ещё более громкие победы одержал Румянцев. 7 июля он разгромил соединённые османские силы при р. Ларга, а 21-го уничтожил турецкую армию у реки Кагул, где 27 тыс. русских противостояли 150 тыс. турок.

Мир содрогнулся. Ни русская армия, ни флот никогда не одерживали столь мощных побед. Никто не бил турок так сильно, в такие короткие сроки, не имея на пути следования баз и магазинов. Русские войска вышли к Дунаю, крепости Измаил и Килия сдались генералу Репнину. 16 сентября граф Панин со 2-й армией взял Бендеры; 28-го пал Аккерман. Молдавия и Валахия были освобождены. Верный слуга Стамбула крымский хан Каплан-Гирей был свергнут Селим-Гиреем; кочевавшие в низовьях Днестра и Буга Буджакская и Едисанская орды вышли из-под власти турок. В Закавказье русские освободили Имеретию, взяли Кутаис и др. крепости на Чёрном море.

«Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоящего в виду нас, не наступая на него», – эти слова Румянцева, сказанные перед битвой, передавались по всем полкам русской армии. Командиры понимали, что наступила новая эпоха. Если раньше они учились у военных гениев других народов, то теперь сам Фридрих Великий будет проводить в Пруссии манёвры, разыгрывая перед посетившим его Румянцевым сражение при Кагуле. Суворов будет изучать опыт Румянцева, но пойдёт в своих преобразованиях ещё дальше.

15 июня, отдавая на посты приказ о предписанных им формах боя, необходимый после поражения Веденяпина, Александр Васильевич не ведал, как обернётся кампания 1770 г. в Главной армии и на флоте. Румянцев ещё не дошёл до Рябой Могилы, Орлов – до Хиоса, а Суворов писал так, как будто знал об успехе их «смелой наступательной тактики», и... делал следующий шаг в её развитии, объявив атаку холодным оружием главным средством боя.

Суворов был внятен и объяснял всё на простых примерах. «Господин капитан Голешев с малой, но храброй его командой, особливо Воронежских драгун, побил возмутителей несказанно себя сильнее, – писал генерал. – С другой стороны, порутчик Веденяпин с большой командой, по его безумию, оплошности и неосторожности, от тех же самых разбит». В чём дело?

Для победы отряд должен передвигаться скрытно от неприятеля, «в великой воинской

осторожности и в лесах по-партизанскому». Отряды, «сделав удар, на том месте ни минуты не останавливаясь, а идти на свой пост назад и лучше другой дорогой». Командир обязан «иметь наиточнейшее разведывание, если паче чаяния услышано будет, что противная партия сильнее поведанного, – пойти просто назад, а на пост наипоспешнейше дать знать».

Веденяпин этого не соблюдал. Хуже того, встретив неприятеля расстроенными рядами, он «опешил; но глупее ещё, что отстреливаться начал скорострельно, особенно из своей пушки, вместо того, что доселе во всех... командах моей бригады едино только атаковали на палашах и штыках, кроме что стреляют егеря. И этой формой обороны, которой одно название уже доказывает слабость, следственно и наводит робость, допустил себя окружить, но на храбрый прорыв с жестоким нападением не пошёл».

Командиры отрядов должны были сделать из этого выводы. Слово «оборона», которое «доказывает слабость» и «наводит робость», не должно употребляться! Но как следует атаковать? Раньше Суворов лишь рекомендовал, ныне – предписал наносить главный удар холодным оружием. Для этого раньше предназначались гренадёры: самые рослые и опытные солдаты, которые шли на пехоту и кавалерию в штыки. Теперь в каждом мушкетёрском капральстве следовало выделить «за гренадёр от 4 до 6 (солдат) и при них по ефрейтору, которые только рвут на штыках, опустя ружье, и отнюдь без повеления не стреляют, – ибо единожды навсегда вообразить себе должно, что больше потребно времени зарядить, нежели выстрелить, – но стрелять есть егерское дело». Остальные мушкетёры стреляют мало, «почти как гренадёры», а в атаке служат передовым штыковым бойцам «резервом».

Итак, стрельба замедляет атаку. Даже в кавалерии перестрелка губительна, «ибо мятежники сами до того охотники». «Кавалерии надлежит только смело врубаться не испорченным фронтом», забыв наставления о строевой стрельбе. Драгуны, которым предписано выступать за конных егерей, «стреляют из карабинов и того ради их имеют на крюке», остальные атакуют на палашах. Лишь «фланкировкой», проскакывая мимо ряда противника, драгуны «могут стрелять из пистолетов».

Конница и пехота может стрелять в погоне, «но и тут напрасно весьма пули не терять, лучше и тут холодное оружие». Главное – не останавливаться, гнать стремительно. Казаки «лучшие люди для погони», если им под угрозой шпицрутенов запретить слезать с коней, чтобы «оторвать какой-нибудь лоскуток». В погоне «и пехоте отнюдь не останавливаться» (Д I.119).

* * *

Время кратко и драгоценно!

Два дня спустя, 17 июня 1770 г., Суворов издал развёрнутый приказ бригаде о новой тактике боевых действий и обучению войск. «Господам штаб-офицерам, комендантам на постах и прочим офицерам» было предписано «в праздное время обучать на постах их команды... большим конным и пехотным и в несколько линий и частей маневрам, эволюциям и атакам с жестоким и поспешным нападением».

Солдатам следовало объяснять, как применять строй на разной – ровной, низкой и высокой, изрезанной, лесистой и болотистой – местности, показывая «преимущества в силе удара холодным оружием коннице и пехоте, особо и совокупно... полагая за единственное правило, что **хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекать от искусства** (выделено мной. – *Авт.*), которое возрастает от испытаний при внушениях и затверждении каждому должности его».

Возмутители, писал Суворов, не выдерживают атаки, зато искусны в перестрелках и быстро перемещаются, «чего ради по их лёгким разбегам и пушечная стрельба мало действия имеет, тем меньше ружейная», разрешённая отныне только егерям и прицельно. (Напомню, что главным средством борьбы русской линейной пехоты до этого был

неприцельный залповый огонь.) Мушкетёрам, как и гренадёрам, лучше «ломать возмутителей штыками. Кавалерии же стрелять вовсе не годится, а несравненно лучше палаш и копьё, разве паче чаяния случилось бы достреливать в погоне, но и при сём лучше холодное оружие», ибо «время кратко и драгоценно», нельзя тратить его на зарядание.

Фактор времени генерал «Вперёд» выдвинул как важное условие победы русских войск, в которых мгновенное решение принимал по ходу боя каждый офицер, унтер-офицер и даже солдат. От солдата не зря требовалось «понимать свой манёвр», уметь заменить капрала, день за днём учить инструкции и приказы, что и как делать в той или иной ситуации. Русский отряд хоть в 8 человек мог наилучшим образом использовать фактор времени. А другие войска, например, прекрасно вымуштрованные австрийские – нет. Одни, получив приказ «В атаку!», выполняли его, быстро и умело применяясь к обстоятельствам, в стиле написанной Суворовым позже «Науки побеждать»: «В атаке не задерживай!» Другие регулярные армии всё делали по приказам, значит, ждали их и тратили драгоценное время.

Предписания Суворова с 1770 г. помогали войскам наилучшим образом использовать фактор времени. Он приказал «пехоту, хотя скорому заряданию весьма приучать, так же и скорой пальбе плутонгами, но весьма ей в памяти затверживать, что это делается для одной проворности... В деле, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить, в лучших стрелять, что называется в утку, и пули напрасно не терять, особенно егерям, коим должность только в том и состоит. Что же говорится по неискусству подлого и большею частью робкого духа: “Пуля виноватого найдет”, – то это могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарскому сражались куча против кучи и задние не имели места целить, (а поднимая) дула вверх, пускали беглой огонь. Рассудить можно, что какой неприятель бы то ни был, усмотри он хоть самый по виду жестокий, но малодейственный огонь, не чувствуя себе вреда, тем больше ободряется – из робкого становится смелым и в мгновение ока в опасность вергает» самих горе-стрелков.

«Пушки в деле действуют сами по себе, и хотя артиллеристов скорому заряданию и пальбе примером весьма приучать, но больше того знанию батарейного места», то есть выбору выгодной позиции, а также прицеливанию, «чтоб в истинном действии стреляли редко, но прицельно, знали бы качество их орудий и зарядов напрасно не расстреляли. Известно, по роду сражений с возмутителями, что пушечная пальба долго продолжаться не может, ибо когда они с самого начала вдруг ударом сломлены бывают, то хотя пехота в погоню по обстоятельствам следовать должна, но по их скорому бегству остаётся тогда почти только их доканчивать одной кавалерии. Следственно, артиллерия остаётся позади при пехоте или резерве».

«Когда же возмутители сами артиллерию имеют, – продолжает Суворов, – то главнокомандующим в атаках надлежит пехотой или кавалерией её от них немедленно отнять и избавиться от её вреда, отчего, как доказано при всех случаях, она (шайка конфедератов) в робость впадает и предается несказанному бегству». Это нетривиальное решение – немедленная атака на вражескую артиллерию с целью снижения потерь в своих рядах, – стало постоянным требованием во всех диспозициях Суворова.

«Их пехота, когда бывает, – пишет генерал о конфедератах, – и малолюдна, и ничего не стоит; кавалерия какая бы то ни была её должна изрубить или пригнать» в плен. «Их драгуны или карабинеры... только по платью и вооружению, в прочем – один сброд... Их надлежит немедленно фронтом ломать и сильно рубить, а казакам, если случится, то с тыла и крыльев их колоть или разбирать в полон и отдавать в резерв. Затвердить нашей кавалерии весьма, что гусары их ещё слабее иных, ибо сброд... пьянее прочих»; в основном «беглые венгерские крестьяне, которые... к одежде гусарской привыкли, ибо и крестьянская их такая же».

В шляхетских хоругвях и в гусарах есть хорошие стрелки-наездники, прозванные «охотниками», завершает характеристику противника Суворов. Но их искусство тщетно, потому что войскам ныне приказано в перестрелки «с мятежниками не вступать и как людей,

так и время напрасно не терять, но делать скорый и сильный удар». А «тех наездников могут стрелять егеря, (хотя) и без того они всегда жертвой палаша и пик бывают» (Д I.128).

Палашом действовали тяжёлые кавалеристы – карабинеры, пикой – казаки. Конницу, особенно стоявших с ним в Люблине карабинер, Александр Васильевич тренировал сам, хотя и понимал, что со свой щуплой фигурой, на маленькой лошадке выглядит среди рослых всадников на их крупных конях смешно, «по-арлекински».

Главной проблемой обучения регулярной кавалерии была езда строем. Атакуя чёткой линией, по старому уставу в три, по румянцевскому «Обряде службы» – в две шеренги, карабинеры и более лёгкие драгуны сметали с поля боя любых иррегулярных наездников. Потеряв строй, они должны были собираться в полминуты, а не за несколько минут, как Суворову случалось наблюдать. Пришлось генералу самому экзерцировать конников, особенно заездам в построение эскадрона из взводов, из эскадрона – во взводные порядки, в прямую, длинную и плотную линию, колено к колену.

«Атаке, рубке палашами я учил, хотя то арлекинская позитура, драгун – стоя, шагом, рысью, а потом вскачь делать карьер (самый быстрый аллюр лошади. – *Авт.*). Став на стремяна, нагнувшись на конскую шею, (всадник) каждого рубит чрез его конскую голову⁵⁸. Лошадь не боится блеска, он рубит низко пехоту, выше конницу. Прежде подлинной рубки привыкнет к отвесу палаша. Прошлый раз из всех тех, кого карабинеры рубили, большая часть ускакала раненые, а малосильных драгуны рубили наповал. Пистолет не бьёт, а доканчивает. В погоне бунтовщики стреляют хорошо, и дай Бог! Недосуг им долго тем забавляцца, сверкает палаш! Карабин не на крюке, а в бушмете крепко к седлу привязан – он карабинеру» нужен, когда тот спешивается. Положение устава, что карабинера (как и драгуна) можно использовать в пешем строю, казалось Суворову упадническим: «Карабинер без лошади, как бочка без вина». Лошади, правда, часто были не обучены, состав их был в Польше ужасен: «посади лопаря на такую лошадь, как такого кавалериста на его оленя или на холмогорскую корову».

Столкнувшись с проблемами конницы, Суворов (в посланном Веймарну «Примечании для экзерцирования») пожалел даже нелюбимого им немца, гусарского полковника Древица: «Ему ещё, как чужестранцу, выправлять моего тяжелее». Гусары и драгуны представлялись генералу лучшим видом войск в Польше: «Карабинеры всегда будут тяжелы против бунтовников».

Учебных проблем не было у Александра Васильевича с казаками: этих иррегулярных всадников он в атаке использовать запретил: «Казакам же, в каком бы то ни было генеральном деле, никогда не атаковать, но карабинерам – в поле, пехоте – в лесу и местах суровых и тесных; но пика их, по легкости лошади, служит только бегущему в крестец. Иное есть схватить малую партию»: нелепо тяжёлой кавалерии гоняться за бегущей шляхтой...

Постскриптумом к этим мыслям, заложившим фундамент «Науки побеждать», стало письмо Александра Васильевича от 25 февраля 1771 г. на Пулавский пост, ротмистру 3-го кирасирского полка Вагнеру, который прислал эмоциональный рапорт о якобы огромных силах мятежников. «Как не стыдно, – укоряет генерал, – и на некоторое моё отсутствие голову потерять! Неужли... вы начинаете пить кофе и играть в тавлеи?»

Суворов предлагает ротмистру прогнать из его района отряды «грабителя бесчестного Пулавского, даже до его святотатственного места, где истинное на него наказание от Матери Божией последовать может» (то есть до Ченстоховского монастыря, где засели мятежники). А не просить о «сикурсе» и «замучить моих карабинер, готовящихся на иные важнейшие предприятия». Генерал показывает, как важны на войне правильные слова, выражающие суть наступательной тактики (понятия выделены мной. – *Авт.*):

⁵⁸ В «Обряде службы» Румянцева регулярная кавалерия ещё стреляла залпами, но ей уже предписывалось «заезжать и атаковать вскачь, имея саблю при атаке поднятую против глаз... Прикладываться и замахи делать, приподнимаясь на стремянах, которым быть так, чтобы, когда на них ездок встал, кулак подложить было можно».

«**Сикурс** есть слово ненадежной слабости, а **резерв** – склонности к мужественному нападению; **опасность** есть слово робкое и никогда, как и сикурс, слово чужестранное, да на русском языке... никогда не употребляемое и от меня заказанное, а на то служит – **осторожность**. А кто в воинском искусстве мудр, то над этим – **предосторожность**, а не торопливость. Свыше же резерва называется – **усиление**, то есть, что и без него начальник войска по размеру его искусства и храбрости сильным быть себя почитает. Сикурс, опасность и протчие вообразительные во мнениях слова служат бабам, которые боятся с печи слезть, чтоб ноги не переломать, а ленивым, роскошным и тупозрячим для подлой обороны, которая, по конце, худая ли, добрая ли, рассказчиками также храброй называется».

Суворов советует Вагнеру обучать пехоту по образцу «моего известного Суздальского учреждения». С кавалерией у него достаточно сил для защиты Пулавского района от происков конфедератов. «Однако же, как бунтовников подлыми не считайте, но никакого злодея уничтожать не должно, а оружие низложив, оказывать всякое благоволение. Мужайтесь и успокойтесь» (Д I.237).

* * *

В атаке не задерживай!

В Польше, в глубоком тылу, вдалеке от полей славы, действовало немало инициативных штаб-офицеров. Суворов не выделился бы из их числа, если бы его мысли о военном искусстве остались на бумаге. Но рапорты о боевых действиях его войск составляют подробный учебник новой тактики.

В январе 1770 г., когда Суворов «здоровьем поослаб», конфедераты расшалились в Сандомирском воеводстве. «Дабы их силу силой отвратить... и здешнюю сторону привести в некоторую безопасность, – рапортовал Суворов, – за благо рассудили с Крашниковского поста поручики: Воронежского драгунского Китаев, Суздальского пехотного полков Шипулин, прапорщики Арцыбашев и Волков, – на них выступить, что они и учинили с человеками близко ста и единорогом». 20 февраля под Опатовым они разбили отряд полковника Мощинского из 800 конфедератов с пушкой. Противник потерял около 100 человек;

«помощью Божией с нашей стороны убитых нет, ранено: мушкетёр 1, казак 1, под господином Арцыбашевым убита лошадь. Взято при сем случае в добычу: сукон 50 половинок, так же несколько шитого платья, – поделят на всю команду» (Д I.79).

В апреле Суворов с отрядом в 250 человек и двумя пушками гонялся за конфедератами по жуткой распутице. Разбив несколько отрядов, пишет Александр Васильевич, «пришли мы в Сандомир и, хотя жестоко устали, но, отдохнув там часов десять, выступили снова... по мятежничьим следам, которые шли сами для нападения на Сендомир... (и) напали на них, закрытых в густом лесу. По положению места нашей кавалерии, почти всей, кроме резерва, что за пехотою, досталось быть справа, а пехоте слева, егеря по крыльям. Мятежники же построились по-шахматному», – это был отряд полковника Мощинского в 1 тыс. сабель при 6 пушках.

Едва развернувшись из походной колонны в линии, Суворов атаковал. Прапорщик Шипулин с 24 егерями Суздальского полка прорвал строй поляков и вышел им в тыл. За ним в атаку с 18 гренадёрами устремился подпоручик Грабленов. Польская артиллерия открыла огонь, «но поручик Сахаров ударил на штыках на их батарею и сорвал оную в миг». С правого фланга подпоручик Катаев с драгунами Воронежского полка и адъютант Суздальского полка Парфентьев с конными егерями из драгун и казаками атаковали вражеский эскадрон «и с подкреплением карабинер всё переломали».

Однако полковник Мощинский, благородство которого Суворов хвалил, раз за разом собирал разбитые войска. «Они, после первой атаки будучи выбиты, в поле строились против нашей кавалерии ещё три раза, особливо под покровительством одной оставшей у них пушки. Только когда последний раз наша кавалерия бросилась на них чрез болотистый ручей на гору, снова их сшибла на излом, под предводительством адъютанта Парфентьева пушку отбила, то более они уже держаться не стали и ударились в совершенное бегство. Сражение продолжалось только часа два-три. Уповательно, что их погибла половина, в том числе лучшая часть их офицеров».

«Пленных, – грустил Суворов, – почти нет, то есть только нижних чинов человек десять... Гусары их и казаки очень хорошо стояли и все почти пропали, а как в плен брать? С одной стороны, не сдаются, а с другой, сами изволите знать число наше и их. Другая же половина рассеялась, изранена довольно. Гнали их по мягкому грунту больше мили. Так они разбиты в клочки... Пушек взято пять, ящиков – два, их хоругвь и иной добычи довольно... Это кровавое сражение стало мне с ранеными человек меньше десяти» (Д I.95).

При явном превосходстве русских сил (1 наш солдат на 4 поляков, тогда как нормой было 1: 5) победа была сокрушительной: до 500 убитых панов и 10 раненых русских. В памяти шляхты остались подобные события, заставляющие изображать Суворова чудовищем. Но как он мог этих жертв избежать? В бою русские не могли оставлять у себя за спиной недобитых раненых (которые хорошо, если убегут, а могут и в спину ударить). Во время боя у них не было людей на охрану пленных, так что врага просто убивали. Случаи, когда командиры ухитрились сохранить жизнь раненым и взять много пленных, Суворов отмечал как удачные. Иное дело – после боя в преследовании, но тут панов на их отличных конях трудно было догнать...

Поведение суворовских солдат в Польше считалось в высшей мере гуманным, а противники, как правило, относились друг к другу с уважением. Тот же полковник Мощинский не только по-доброму содержал в своём замке русских пленных, но, начав переговоры о сдаче замка, спускал оголодавшим русским войскам со стен продовольствие. В свою очередь капитан Дитмарн, отразив яростные атаки полковника Миончинского на Сандомир 15 ноября 1770 г. (в которых на стороне поляков были даже янычары), снабдил его провизией из своих запасов, так как поляки уже сутки ничего не ели.

У Дитмарна было 200 человек, у графа Иосифа Миончинского – 1400 конных и 300 пеших при 6 пушках (Д I.189–190). Суворов не успел его перехватить, так как 5 ноября при переправе через Вислу так расшиб себе грудь, что «тяжко занемог»: «на лошади сидеть не мог и к живственным операциям более не годился»; даже в декабре едва мог работать с документами (Д I.185, 196). До этого за сутки перед сражением у Раковца 23 июля 1770 г. он уже сильно повредил себе ногу, но всё же командовал верхом. Тогда 150 карабинер, кирасир и драгун капитана Голяшева и Китаева атаковали до 500 конфедератов через мост: «дрались с час, без пушек, ломали их раз 6. Гнали с милу. Милостью Божией у нас убитых нет. Ранены: Китаев (прострелен в брюхо), кирасир 1, карабинер 1». Поляки потеряли 10 человек пленными и до 100 убитыми (Д I.139).

После рождественских «каникул», когда стороны не беспокоили друг друга, граф Миончинский попытался захватить Краков, заставив едва пришедшего в себя от контузии Суворова совершить в феврале 1771 г. дальний «поиск» в соседнее воеводство. Рассеянные им отряды конфедератов бежали к австрийской границе, а часть пыталась зацепиться в городке Ландскрона, над которым высился на горе маленький замок. Суворов, имевший под рукой 800 человек, бросил на штурм городка половину войска, построив его двумя колоннами, капитана Дитмарна и поручика Сахарова.

«Пехотные колонны, – доложил он, – перелезли все ланскоронские рогатки с великой храбростью, выгнали из местечка всю мятежничью конницу, взлезли на всю крутизну горы замка», захватили польские пушки, выбили ворота и ворвались в замковый двор. Суворовская идея взятия крепостей «на штык» торжествовала. Но командир передового отряда прапорщик Подладчиков был тяжело ранен; в тот же момент получили раны Дитмарн

и подпоручик Арцыбашев. Их колонна отступила, увлекая за собой вторую колонну, где раны получили Сахаров и поручик Суворов (племянник генерала). Взбежала на гору часть резерва, но командовавший им поручик Мордвинов был ранен. «Офицеров у меня почти не осталось, – писал Суворов, – лошадь ранена, сам оцарапан. Осталось мне только привести пред вечером людей в военный порядок, оставить всё невыигранное дело и тихо отступить» (Д I.224).

Неудача обернулась тяжёлыми потерями: 19 убитых, 7 раненых и 2 пропавших без вести. Суворов не утешило, что конфедераты потеряли в городе и в поле гораздо больше, в том числе офицеров. Он постоянно вспоминал о Ландскроне в военных документах и письмах, горько сожалел о своих офицерах, но ещё больше – об исчезнувшей инициативе солдат.

Как же так, рассуждал Суворов, всё было сделано правильно, «шли на одних штыках», победа была рядом. «Всё то зависит от судьбы Божией!» Земных причин неудачи было две. Во-первых, «офицеров били как уток по их щегольской, роскошной, принятой от побежденных одежде». Во-вторых, постоянно находящаяся на посылках «пехота совсем экзерцирование, эволюции для атак и манёвры забыла». Раньше «ефрейтор предводил капральство и роту. Все под Ландскороном исчезло!» «Как лучшие офицеры переранены были, овцы остались без пастырей». Что хуже всего, «Ландскоронское происшествие зависело от суздальцов, которые ныне совсем не те, как при мне были. Сих героев можно ныне уподобить стаду овец... Не упрекайте меня, милостивый государь! Я думал с суздальцами победить весь свет».

«Чего найти достойнее, праводушнее, умнее Штакельберга? – риторически вопрошал Александр Васильевич, сетуя на потерю при новом полковнике выучки Суздальского полка. – Только у него на морозе, на дожде, на ветре, на жаре болит грудь... Майор у Штакельберга канцелярист». Они не могут, как делал Суворов, лично обучать солдат (Д I.227, 239, 243)!

Письменно Суворов не задавал вопрос, не следует ли учить солдат особому, отличному от полевого боя способу штурма укреплений. Он смог познать «тайнство» крепостного взятия лишь к Измаилу. Не озвучивал он и более важный для солдат вопрос, что они вообще делают в Польше? И настанет ли конец странной войне, на которой морально слабеет даже лучший полк? Хотя жестоко мучился этим, стараясь любой ценой покинуть столь симпатичную ему страну.

Глава 6 Военный философ

Мы (здесь) не столько к поражению просто мятежников – что есть только пустое партизанство – но для успокоения земли.

В августе 1770 г., получая сведения о победах графа Румянцева, Суворов писал бригадиру Кречетникову, поздравляя его с откомандированием в Главную армию: «Сколько вы счастливы, что вы у графа Петра Александровича! Дела ваши будут видны, лишены невероятных хлопот, способные случаи имеете отлично блистать, я же в моих наитруднейших и едва преодолеваемых обстоятельствах такого освобождения из них не предвижу» (Д I.158).

Суворов просил Веймарна ходатайствовать за него перед графом Чернышёвым о переводе в Главную армию (Д I.166). Сообщая о хлопотах Веймарна в письме Булгакову – советнику русского министра в Варшаве князя Волконского, – он добивался, чтобы со стороны всесильного князя к его переводу не было препятствий (П 12). 14 октября 1770 г. он написал Веймарну: «Я еду, наконец, в Главную армию», – но это были пустые мечтания. В приписке он умолял: «Если не сжалитесь Вы надо мной и на сей раз, постарайтесь как можно скорее отправить меня в армию курьером... Я и это счёл бы милостью!» Письмо наполнено

недовольством делами в Польше, где бездарные военные, персонифицированные Суворовым в полковнике Древице, не столько берегли вверенные им земли, сколько сами плодили бунтовщиков.

«После честно нанесённого удара в Литве, – вспоминает Суворов о деле под Ореховым, – где я доказал, что с немногочисленным отрядом умею разбивать столько же бунтовщиков, сколько заманил их в Великую Польшу вышеупомянутый Древиц, – я превращаюсь в почтового комиссара! Говорю откровенно: если бы Ваше высокопревосходительство не обещали мне тогда назначить меня в Великую Польшу, где было жарко, я уже тогда выпросился бы в Главную армию. Но мысленно полный надежд, я бездельничаю целый год, как какой-нибудь чугуевский ротмистр... Это правда, так как я лишь гарнизонный командир... я же становлюсь генерал-доктором! В своём плачевном положении я должен ещё и смеяться!.. Месье Древиц хвастает, что служил у пруссаков, а я хвастаю, что всегда колотил их».

Свои действия в Люблинском районе Суворов оценивал как административные, на уровне командира полка, расположенного на квартирах. «Мне не найдётся здесь дела, приличного моему званию, как военного, – писал он, – поэтому мне нечего надеяться на награды, а моё доблестное честолюбие не в силах терпеть над собой никаких Древицев. Зато в Главной армии много мне равных... Я здесь совершенно лишний».

В приписке мысль Александра Васильевича делает внезапный скачок, показывающий, что генерал недоволен именно тем, что не может повлиять на ход событий: «меня же переведите в Познань, – моё место там, клянусь честью!» Познань – центр Великой Польши, гнездилища конфедератов, очищением которого Суворов надеялся прекратить разорительный для польского народа шляхетский мятеж (П 13).

Убедившись, что вялотекущая партизанщина устраивает многих русских офицеров (особенно наёмных, наполнявших мошну), и солдат (законно деливших добычу и не желавших совершать подвиги, как показало их отступление от замка Ландскроны), Суворов в 1771 г. выходит за рамки своих полномочий, стараясь переломить аморальный, с его точки зрения, ход событий.

Именно в 1771 г. он формулирует цель вооружённых сил: **«Основательные правила есть то, что мы (здесь) не столько к поражению просто мятежников – что есть только пустое партизанство – но для успокоения земли»** (Д I.298. Выделено мной. – Авт.). Главной задачей армии, согласно русской православной традиции, Суворов видел защиту мирного населения, которое неизменно разорялось войной. Чем дольше шла война, тем больше страдала от неё «земля».

Мог ли человек добродетельный спокойно смотреть на разорение «чужой» земли, «чужих» обывателей? Суворов – не мог, так как, по той же традиции считал всех людей, без различия наций и религий, равными перед Богом. Отсюда неизбежно должен был следовать вывод, вознёсший принципы суворовской тактики до высот новой стратегии: задачей армии является молниеносное уничтожение главных сил неприятеля и лишение его средств и способов продолжать войну. Всё гениальное просто, однако даже Александр Васильевич шёл к этому открытию непростым путём.

1 марта 1771 г. Суворов подал Веймарну записку, требуя прекратить практику преувеличения сил конфедератов командирами, ищущими чинов и наград: «Иные уже и так их хотят считать всех в Польше сорок тысяч, а их только четыре!» Это позволяло оправдывать бездействие русских войск, пропускающих мимо себя бунтовские шайки, и изображать мнимые опасности. «Литва угрожаема огнём и мечём, да от кого, от тысячной толпы бунтовщиков», – издевался Суворов, будто не понимая, что целит в самого Веймарна. В этом контексте ссылка Александра Васильевича на свою честность выглядела предупреждением: «Оттирайте Ваше высокопревосходительство мои слезы, однако хотя мало, да спокойно сплю. L'aspect de la vertu detruit l'indigne fronde!», то есть «Вид добродетели разрушает подлую смуту» (Д I.241).

Вскоре Суворов объяснил Веймарну, что «действия на оборонительной образ» не

помогут справиться с бунтовщиками, которые, при их «лёгкости», «во все стороны вольные дороги иметь могут». Он подчеркнул, что его соображения в знакомом нам письме от 1 марта имеют в виду придать борьбе с конфедератами «образ наступательной». Необходимые силы у русских в Польше имелись: «Войска невозможно чтоб не было довольно!» – Если, конечно, «им пользоваться благоразумно, **с праведным желанием окончания здешних беспокойств**» (выделено мной. – *Авт.*).

Конкретизируя свои соображения тактически, Александр Васильевич изобразил погоню русского отряда за конфедератами, которых невозможно захватить, «отрезав вперёд, как то бывает в регулярных и в тяжело движущихся армиях», но приходится всегда быть у них в тылу, гнаться по пятам. Во-первых, уверил Суворов, «они, как бегущие, ходят без отдыха». Во-вторых, «довольно изнурясь, для куражу упиваются в корчмах, за лошадьё не смотрят и не проспавшись бегут опять», так что через три-четыре дневных перехода падают в изнеможении. В-третьих, «содержат они многолюдные выше меры пикеты», в которых люди и лошади утомляются ещё быстрее.

Если русский отряд ставит цель разгромить бунтовщиков, а не отписаться (дескать, «прогнались»), то его победа неизбежна. Главное, не спешить, давать людям и лошадям отдых. Далеко конфедераты, рассылающие вокруг партии для сбора фуража и «особливо для денежных поборов», не убегают. Не следует гнаться за их командирами: «тех не догнать, разве за ними отделить особенно разумного партизана, которой их в лицо знает. Они же потом опять к той своей, что побольше, части явятся». Держа направление на главный отряд, русские могут спокойно «подбирать пленных: их раненых, здоровых, которые за ранеными остаются, и гуляев». Через двое или трое суток конфедераты уже не смогут бежать. Они «накопятся» в одном месте, где русские, сохранив в спокойном движении силы, могут их разгромить. Пусть к преследуемому отряду присоединится другой – не беда, ведь и за ним должны следовать русские из другого подразделения. А гоняться за бегущими врозь бессмысленно и бесполезно. Они либо присоединятся к какой-то партии и будут побиты, или по малолюдству перестанут быть опасными.

Помешать победе может лишь неверный счёт противников, против которого генерал-майор резко возражал в предыдущем письме: «Тут постовой командир... обманывать не должен». Преувеличенные сведения о силах отряда конфедератов заставляют командование бросать против них лишние отряды, которые тоже заняты делом – гонят и бьют «свою» партию. Лживый командир «возьмет восемь в полон, десяток повалит, напишет сто, двести, а их было восемьдесят, осталось десятков пять, а по лживому счету триста. Ему лживая слава, но большие потом напрасные труды. Он же, зная правду про себя, кончит кофем; шайка разрастается и родится Заремба (знаменитый польский партизан. – *Авт.*)». Для побиения его нужно будет много войск.

Необходимо, заключает Суворов, чтобы каждый «командир справедливо писал: бунтовщиков было числом около того-то, столько-то пропало, столько-то осталось, ибо становится бездна темнее, чем такие победы блистательнее!» Если учесть, что русские отряды действуют в границах районов (а поляки – нет) и не успевают тренироваться, то получается, что бунту «нет конца». На место разбитой партии приходит новая, силы которой преувеличиваются молвой, шпионами и... русскими офицерами, желающими показать начальству мнимые опасности, которым они противостоят: «Давай чин, деньги!»

«Но не легче ли полагать законом, – риторически вопрошает Суворов, – что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным?» И попросту ударить на все хорошо разведанные отряды бунтовщиков «вдруг, во всех местах и почти в одни сутки»? Самые крепкие базы конфедератов, «Ландскорона и Ченстохов, им для (австрийской) границы потребны, – да обратится же болезнь их на главу их! Чего лучше? Обратит то им в тюрьму... Грабящие их отечество под предлогом веры, защищаемой от неверных, хоронящиеся под жертвенниками Матери Божией, долго ли там укрыться могут от праведного гнева Господня? Да послужит это в ответ всем фанатическим протекторам бунтовщиков!»

Александр Васильевич без обиняков писал, что разгромить конфедератов, в общем-то, легко, но... Мы все знаем, почему бесконечно длятся «антитеррористические операции». «Все это не стоило бы ничего, если бы из года в год не предусматриваны были (командованием) всё большие неудобства окончания (военных действий). **Всякое продолжение войны, особенно победы, посвящают побежденных** (выделено мной. – *Авт.*). Консулы (римские) старались окончить войну в их год, а (если) было худо, то древние римляне оружие не слагали. По падении бунтовщиков может ли войско оставаться для робушей (разбойников. – *Авт.*)? Закон усмирителя мятежей, с силой соединенный, не заставит ли и кур возить на Дунай?» То есть не останутся ли русские войска в Польше как оккупанты и после усмирения конфедератов, например, под предлогом снабжения отсюда Главной армии (Д I.245)?!

Неизвестно, до чего вскоре договорился бы Суворов, уже сообщавший начальству, что «родник моих рассуждений есть не только по службе, но и в партикулярности», то есть гражданственности, если бы ему на помощь не пришли храбрые французы. Они на время извлекли генерала из безделья и скуки, в которую повергала его бурная деятельность конфедератов и совмещённые с нею ленивые шевеления царских военачальников.

* * *

На это общие отговорки не потребны, а только постоянная ревность к службе Отечеству.

Потрясающие воображение поражения союзника, Османской империи, побудили правительство Франции в конце 1770 – начале 1771 г. пойти на чрезвычайные расходы. Большая партия французских военных и инженеров устремилась на помощь султану в Стамбул, меньшая – в Австрийскую империю, на территории которой базировались конфедераты. Глава французского военного контингента полковник Дюмурье нашёл в лидерах конфедерации «вельмож с азиатскими нравами», не способными за картами, вином и флиртом ни о чём договориться. Но не уныл, а, галантно прибегнув к услугам графини Мнишек, временно объединил буйных панов и стал проводить в жизнь масштабный план по превращению шляхты в подобие армии.

Когда создать войско из севольных поляков не удалось, неунывающий Дюмурье выписал офицеров из Франции. На немалые деньги своего короля он нанял в формируемые батальоны дезертиров из прусской и австрийской армий. (Складывается впечатление, что это были солдаты, откомандированные к французам австрийцами и пруссаками, вредившими России совершенно неофициально.) По его плану, Барская конфедерация должна была получить к весне 1771 г. 60-тысячное войско, чтобы скоординированными ударами на Варшаву, Краков, в Литву и Подолие заставить русских очистить Речь Посполитую, Молдавию и Валахию. Само собой, отпущенные конфедератам средства пошли в основном на вино и карточные игры, но всё равно их силы к заданному сроку достигли 4 тыс. человек, не считая тысячи с лишним наёмников Дюмурье, экзерцирующихся за границей.

«По моему разумению, – писал Суворов Веймарну о численности конфедератов в начале марта 1771 г., – я их ещё не свыше тысяч четырёх считаю во всей Польше, однако и то против прошлогоднего если не вдвое, то в полтора (раза больше), как бы их ни били». Их следовало разгромить, пока они «в разброде», не позволяя соединиться, разбить надёжно и без потерь (Д I.246). Веймарну и многим другим на русской стороне было невыгодно такое окончание войны. Суворову пришлось взять инициативу в свои руки.

Когда конфедераты, после препирательств, 31 марта 1771 г. приняли план кампании, он был в наиболее опасной части уже сорван Суворовым. Ни в грош ни ставя вельможных болтунов, храбрые полковники Савва Цалинский и Казимир Пулавский в середине февраля ринулись на прорыв в Литву. «Намерение их было, – рапортовал Суворов Веймарну, – одно из наиопаснейших: сорвать Красник, потом Пулаву, впасть в Люблин и потом в Литву» (Д

I.233). Ошибка состояла в том, что это была зона ответственности Суворова.

Александр Васильевич был под Ландскроной, когда получил известие о походе Цалинского к Люблину. Конечно, его мог поразить и полковник Штакельберг, но Суворов после Ландскроны не доверял даже суздальцам. В ночь на 18 февраля он сам настиг Савву в местечке Рахове. Противник имел 400 драгун (из которых половина, как полагал Суворов, принадлежала Пулавскому), сидевших в момент атаки в корчмах. «Воронежские драгуны, – наутро сообщил Суворов Веймарну, – действовали штыками. Конницы и с казаками было у нас человек с двести, пехота пришла после и окончила дело. Убитых нет, а ранены драгун Воронежских два, казак один. Я принужден здесь остановиться, за отправлением пленных, которых всех ныне с двумя офицерами восемьдесят один человек, в Люблин».

«Пехота поступала с великою субординацией, – добавил он в рапорте 19 февраля, – и за то я с нею помирился... В Рахове мне удалось самому, так сказать, взять корчму драгун. Саввинской обоз взят весь... Большая часть пехоты выехала из Рахова на (отбитых у неприятеля) конях... вся моя конница ими поправилась. Обоз и пленные меня весьма обременяли». Из отряда Саввы, «может быть, пропала половина, потому что пехота отыскивала укрывшихся в строениях и обороняющихся скалывала, а всего ушло к пулавцам и Краснику человек 50, да за Вислу нечто убралось». Савва Цалинский бежал, но погиб от смертельной раны в бою 13 апреля.

Суворов воздал особые почести капитану Суздальского полка Панкратьеву, который в день боя в Рахове подвергся атаке главных сил Казимира Пулавского на своём посту в Краснике. 100 суздальцев в 9-часовом бою за двое ворот и пролом, сделанный поляками в стене, отстояли Красник и заставили войско Пулавского бежать. Тем самым пулавцы спаслись от Суворова, мчавшегося на помощь Краснику, посадив пехоту на коней. «Сомневаюсь, – рапортовал Суворов о силах обоих полков конфедератов, – чтоб их всех более 1000 было... Если пенять на меня, что я зашел в горы (к Ландскроне), то как мне не пенять, что (другие командиры) их подпустили из Ченстохова и Великой Польши?!» (Д I.228–230.)

Александр Васильевич сочувствовал хорошему офицеру Панкратьеву, который «недавно, по так называемой у офицеров безкуражице, что множество младше его выходили в майоры», подал прошение об отставке. Он сам был хорошо знаком с «бескуражицей». Лишь к сороковому дню рождения, 13 ноября 1771 г., генерал-майор получил, с сопроводительной запиской Веймарна, свой первый орден святой Анны (высланный ему с запиской графом Паниным ещё в сентябре). Очень красивый (красный эмалевый крест на золотой вязи) орден был возложен на полководца «по воле всемилостивейшей государыни, награждающей особливую к службе Отечества ревность» (Д I.168; П 14). И – ни слова о победах, ни отклика на планы умиротворения Польской земли...

Напрасно Суворов с начала 1771 г. твердил о наращивании сил конфедератов и губительности политики командиров воинских частей, превратившихся в магнатов и в соперничестве между собой блещущих ложной отчётностью. Он прямо писал Веймарну (выделено мной. – *Авт.*): «Ныне же **бунтовщики** просто сказать подерзновеннее и избалованы, а **сильнее против прошлогоднего почти вдвое**, то есть прошлого года около сего времени было их везде всех на всё тысячи две-три, а ныне тысячи четыре или пять». Разгромить их с малыми силами русских «уже мудренее» (Д I.249).

Веймарн не откликался на призывы Суворова активизировать борьбу с конфедератами. Командующего в Варшаве вполне удовлетворяла оборонительная тактика, в которой он не хотел ничего менять даже под угрозой усиления конфедератов. Разрозненность русских бригад и полков, командиры которых не стремились координировать свои действия, устраивала Веймарна в высшей степени. Война шла, русская военная администрация управляла поместьями конфедератов, войска брали законную добычу, львиная «государева» доля которой стекалась в Варшаву; государыня время от времени награждала за лёгкие победы над бунтовщиками; лояльные паны были щедры, а польки – как всегда прекрасны: чего было ещё желать?

На судьбу разоряемого войной народа Веймарну, как и панам, было наплевать.

Конфедератам тоже было неплохо: они были окружены героическим ореолом борцов за веру и отечество, купались в пламенной любви патриотических женщин и забирали себе всё, что хотели, а от набегов отдыхали в укрепленных монастырях и на своих всем известных базах, которые русские войска отчего-то не трогали... Не все мечтали принять героическую смерть, но ведь никто не ждал, что паны будут искать её в бою. Лихой конь всегда готов был унести польского витязя подальше от страшных русских штыков. Утомившись бежать, можно было тихо и мирно сдаться в плен, уехать в своё поместье, укрепить здоровье, а там, глядишь, собраты на новые «подвиги».

Словом, все были довольны, кроме простонародья, до которого никому не было дела. Оно привычно страдало, так как видало и не такое. Никто не хотел «раскачивать лодку», кроме Суворова, полагавшего, что армия, призванная защищать «обывателей», своей функции в Польше не исполняет. Помочь Александру Васильевичу могли только пылкие французы – и они помогали воистину «от души». Всю страну будоражили слухи о грандиозных планах Дюмурье, способных нарушить удобное всем течение полувоенной жизни.

Обеспокоенный Веймарн ордером № 275 от 10 февраля известил Суворова о намерениях противника захватить Краков для проведения сейма и выбора нового короля. Якобы для этой операции в Ландскроне изготовлялись петарды, а в Ченстохове делались запасы. Александр Васильевич, основным занятием которого, суда по рапортам, была военная разведка, пытался объяснить начальству, что всё это ерунда, все шевеления противника ему известны. Вот если бы «полковник Древиц с его войском подвинулся к Кракову, всё дело было бы легче, и мы были бы сильны, чтоб и Ченстохов, и Ланскорону держать в узде», то есть блокировать эти два бунтовских гнезда и вывести их из игры. «На это общие отговорки не потребны, а только постоянная ревность к службе Отечества» (Д I.232, 248, 251).

Лишь 22 февраля Суворов понял, что из страхов Веймарна относительно нападения на Краков можно извлечь пользу. Он направил рапорт, что (раз уж русские войска не планируют упреждающих действий) Краков может быть захвачен Пулавским. Прийти на помощь Кракову, писал Александр Васильевич, «мне тяжело, хотя и поспею, буду драться... Правда, что ныне, дабы и меня в опасность не ввергнуть, надлежит войскам команды господина полковника и кавалера Древица поспешить к краковской стороне для сближения со мною». Напугав начальство, раз оно желало пугаться, как следует, Суворов поставил Веймарну ультиматум: «Новые эти движения выйдут пустыми, ежели он, господин полковник, в моей точной команде состоять не будет... Два хозяина в одном доме быть не могут... В противном случае я от ответственности свободен» (Д I.233).

Ультиматум был отвергнут – Веймарн нарушать удобное ему соперничество командиров не захотел. Но Дюмурье не отставал и так кричал о своих планах, что вести о грядущем захвате Кракова дошли до Вены, оттуда до Петербурга и, наконец, до русского посла в Варшаве. В этих условиях Веймарн не решился дать коменданту Кракова и Древицу приказы действовать независимо от Суворова, получившего 21 апреля предписание готовиться к выступлению в Малую Польшу. Это было всё, что нужно Александру Васильевичу, чтобы, как старшему по чину, принять власть над войсками Краковского района и навести там порядок. Древиц не мог даже сказать «нихт фирштейн»: Суворов знал этот его трюк и отдавал приказы письменно, на чистейшем немецком языке...

* * *

Разрушены временно и, хвала Богу, скоро бунтовщицкие широкие прожекты!

Александр Васильевич понимал, что если он появится под Краковом заранее, подчинит себе местные войска и разрушит планы противника до начала их реализации, то будет

выглядеть скандалистом, желающим командовать там, где никакой опасности нет. Он двинулся в Краковское воеводство лишь в начале мая, когда там уже хозяйничали солдаты Дюмурье.

18 апреля лихой француз с наёмниками и шляхтой отбросил Древица за Вислу и занял Краков, в замке которого укрылся русский гарнизон во главе с подполковником Эбшелвицем. Укрепляясь в окрестностях, Дюмурье вызвал все свои войска из-за австрийской границы. 8 мая Суворов решил, что пора браться за дело. «С хорошей дракой переправились мы за Дунаец вброд, – рапортовал он. – Опровергнув всё, собираемся итти к Бохне. Я тем сыт. Все у них по французскому вихрю» (то есть образцу). 9 мая доложил: «Мы в Кракове... Первую стражу разломали». Разгромив в полутора верстах от города «возмутительскую первую стражу под командой их полковников: Ленартовича, Рогалинского, Вержбовского и маршалка Лосоцкого, – ...соединились мы под Краковым с г. полковником и ордена святого Георгия кавалером Древицем. Маршируя в ночи, на рассвете (10 мая) напали мы в трех местах на шанцы под Тынцом», укрепленным городком с замком и огражденными стенами монастырём.

Штурм, при котором командовали колоннами Древиц, Эбшелвиц и полковник Шепелев, был кровопролитным. Русские, взяв полевые укрепления и остановившись под каменными стенами, потеряли 30 человек убитыми (в том числе двух офицеров) и 60 ранеными. Поляки потеряли 40–60 человек, но удержали город. Отразив атаку, Дюмурье прорвался к Ландскроне. Суворов его преследовал (Д I.260–262).

Дюмурье успел прибыть к основным силам у Ландскроны и построил их на выгодной позиции по гребню высот, оперев левый фланг в замок, а правый прикрыв обрывом. Русским, по его замыслу, предстояло атаковать через глубокую лошину, под огнём 51 пушки и фланговым обстрелом из 30 орудий Ландскроны. Город была так хорошо укреплен, рапортовал Суворов 12 мая, «что мы о его штурме и не думали. На их кавалерию левое наше крыло начало атаку с действием Санкт-Петербургских карабинеров с обыкновенной их храбростью. На моих глазах господин полковник Древиц с его карабинерами – человек полтора, и казаками – человек двести, на неё чрез камни и буераки с искусством, мужеством и храбростью так сильно ударил», что «три раза совершенно разбил» тысячу конной шляхты «с подкреплением отборных пеших егерей» из Франции и 51-й «хорошей пушки».

Дружная атака русской тяжелой кавалерии карабинеров при поддержке казаков решила судьбу боя в полчаса. Кавалеристы атаковали по-суворовски, в карьер, выставив перед своим плотным строем палаши «на отвес». Пушки конфедератов едва успели начать стрельбу, как всё их воинство уже бежало. «Дюмурье управлял делом и, не дождавшись ещё карьерной атаки, отклонялся по французскому и сделал антраша в Бялу, на границу».

Антраша – красивый прыжок, во время которого ноги танцора быстро скрещиваются в воздухе, касаясь друг друга, – «французского шпиона Дюмурье» было весьма своевременным. Воздав в рапорте хвалу недавно смертно ругаемому Древицу, Суворов продолжил рассказ подвигом полковника Шепелева. Сбив с горы правое крыло противника, он вовремя поддержал атаку Древица и отрезал панам путь к бегству.

По сведениям Суворова, князь Каэтан Сапега, отдавший французам для бегства свою лошадь, «сам пересел на аглицкого клепера, которой его не туда занес», и погиб: «не только его шпага, но и португеза с шашкой в наших руках». Князя затоптали собственные кавалеристы. Командующий конфедератами генерал Миончинский получил рубленую рану, упал с коня и очнулся в плену. Пинского маршалка Оржешко казаки в бегстве закололи пикой. «Подлинно уверяют, что (генерал) Лосоцкой от своих ран в Кракове умер». Убиты или ранены были многие маршалки и командиры партизан.

По данным Суворова, спастись удалось отряду Велевского и полку из 1,5 тыс. человек, стоявших за стенами в Ландскроне. Успешно бежали 11 французских офицеров, совершивших антраша вместе с Дюмурье, и до 2 тыс. шляхтичей, для которых манёвр «умывания» куда глаза глядят был основной формой боевых действий (Д I.263, 267).

Перед появлением Суворова конфедераты поссорились. Поэтому целым осталось ушедшее от генерала Миончинского войско Казимира Пулавского. Этот богатырь, по сведениям Александра Васильевича, двинулся на Замостье, «шкодя» по пути отрядам Главной армии. Суворов, похоронив планы французского правительства и около тысячи конфедератов, переполнив Краков пленными, число которых было для гарнизона «очень отяготительным» (Д I.264), устремился к Замостью. Там королевский комендант, польский гарнизон и чиновники уже присягали Пулавскому.

В 6 часов пополуночи 22 мая 1771 г., доложил Суворов, «прорвавшись сквозь труднейшие дифиле, с поражением мятежников обошли мы город по форштату (предместью. – *Авт.*): натурально! Пехота, идя наперед, взяла их и дала дорогу кавалерии. Наши три Санкт-Петербургских эскадрона на стоящую их конницу в местечке по форштату ударили на палашах, потом на их лагеря, и так мы их потрепали и распушили... Было ли что в наш век труднее?!» Он рекомендовал к наградам всё войско, особенно «предводителей его, господ майоров Санкт-Петербургского (карабинерского полка) Рылеева, которой их первый начал рубить, и Сомова, которой ему очистил пехотой, густой колонной, всю ту дорогу. Самым первым был Суздальского (мушкетёрского полка) поручик Борисов с егерями и так названными легкими фузелёрами, там где даже и казак пробраться не мог. Ротмистр Леман стрелял из пушек перекрестным огнём, но господина Рылеева храбрость и диспозиция всё превзошла». Ещё не выздоровевший от ран поручик Арцыбашев штурмовал укрепления Замостья во главе казаков. Генерал-майор был счастлив, что в Замостье не только регулярные войска, но и «Донского войска казаки с отменной храбростью поступали». Бой за город был выигран с минимальными потерями. Вдобавок русские освободили 15 своих пленных во главе с ротмистром.

Вскоре Суворов уточнил детали этого удивительного сражения (Д I.265–267). Когда мушкетёры, а впереди них казаки и егеря пробили путь через укрепления, поляки подожгли городское предместье. Но три эскадрона Санкт-Петербургских карабинер проскакали сквозь огонь и вступили в схватку с отборной кавалерией конфедератов: гусарами и уланами, вымуштрованными почти по-военному. Большинство их полегло на горящих улицах, лишь немногие, бросившись с лошадой в ров, «разбежаться по ржи успели».

Пулавский под прикрытием боя покинул город. Но уйти в целости ему не удалось. Казаки «докалывали» беглецов ещё много вёрст. Разобрав трупы, офицеры доложили Суворову, что для обеспечения бегства Пулавский пожертвовал свой лейб-эскадрон. Поляки потеряли до 200 лучших кавалеристов убитыми и 60 пленными. Согласно шифровке, приложенной Суворовым к рапорту, русские потери состояли в 15 убитых и 17 раненых.

«Кажется, что важнее этого места в Польше ныне нет. Разрушены временно и, хвала Богу, скоро бунтовщицкие широкие прожекты!» – заключил Суворов рассказ о боях при Ландскроне и Замостье. Многие русские офицеры были ранены, «я же грудью насилу дышу», – писал генерал-майор. Невзирая на состояние здоровья, он упорно шёл по следам Пулавского, настиг и разгромил его арьергард. Тут Александр Васильевич узнал, что сам Пулавский, обойдя преследователей, ускользнул с основными силами в противоположную сторону! Суворов в знак уважения к противнику отпустил к Пулавскому его ротмистра и передал подарок – фарфоровую табакерку...

* * *

Первое искусство военачальника есть в том, чтоб у супротивных отнимать субсистенцию.

Поставив себя *de facto* начальником стратегически важного для борьбы с конфедератами района, закрепив это положение разгромом мятежников, Суворов весь июнь 1771 г. пытался объяснить генералу Веймарну бесперспективность текущего хода миротворческой операции. Александр Васильевич выглядел как дон Кихот, сражающийся с

ветряными мельницами, ведь военачальников, кроме него, состояние дел устраивало.

Ирония истории в том, что Суворов, желавший прекратить кровопролитие и грабёж польского населения, изображается поляками кровожадным злодеем, в то время как русские и польские военачальники, наживавшиеся на крови, остаются «белыми и пушистыми». На самом деле снежно белой вороной в их стае был наш герой – столь белой, что он не мог прямо писать о причинах своих проблем. В самом деле: как сказать в рапорте начальнику, что на крови нехорошо наживаться?! Для офицера подозрение в бесчестной наживе было оскорблением, несовместимым с продолжением службы! Даже острый на язык Суворов такую обиду нанести не мог. Поэтому наши источники – это сплошная фигура умолчания, контуры которой обрисованы тем, что сказано.

15 июня Суворов занял солепромышленное местечко Бохню и радостно рапортовал Веймарну: «Здесь готовой соли бочек на 1000. Эту приманку будем стараться какнибудь у них отнять перевозом её в Величку и Краков; поскольку потом, чем больше у них людей, тем будет голоднее, а нам спокойнее. Гиберные и поголовные (деньги)⁵⁹ мало пособят, а тысяча бочек соли – здешним (конфедератам) жалованья с лишком на полмесяца». 16-го он доложил, что «возмутители беспрестанно подбираются к Бохненской соли, ибо они в великой нужде» (Д I.275–276). В Польше соль, как на Руси водка, была больше, чем деньги. А крупнейший промысел, питавший солью всю Польшу, находился в Величке. Суворов её, естественно, занял.

Наивный читатель мог бы спросить: а почему эти промыслы не были поставлены на охрану ещё в начале мятежа в 1768 г.? Неужели никто не знал, что у конфедератов рэкет соляных промыслов – важнейший источник финансирования? Полноте! Все русские штаб-офицеры и генералы, в ведении которых находилось, между прочим, управление имуществом сбежавших в конфедерацию панов, были профессиональными хозяйственниками. Мимо их внимания не просочилось бы и 10 злотых. Просто сумма, о которой шла речь, становилась по своей огромной величине «невидимой».

19-го Александр Васильевич послал Веймарну донесение, прося «никому его не показывать и сжечь» (Д I.277) – просьба в высшей мере странная, так как Суворов никогда не просил сжигать свои шифровки. В чём дело? Генерал-майор доложил, что поставленная им в Величке рота пехоты была неназванным командиром отозвана. В результате конфедераты «в Величке забрали... больше 1500 бочек в натуре или за них деньгами», что равнялось сумме жалованья всех их бойцов на месяц. «Тот месяц их оживляет, ибо хотя бы они все те деньги на жалованье и не роздали, следственно употребили ещё на нужнейшее. А заказали было они уже в Величке 5000 бочек, каково это! И какое воровство!»⁶⁰ Своими действиями Суворов всё же нарушил поступление денег к конфедератам: «Здешним жалованья не дают, не будут ли пуще всего драгуны дезертировать, кои больше из крестьян?»

«Занятие Велички тронуло их пуще всех наших побоищ, – констатировал Александр Васильевич, – однако не отчаялись, имели надежду на Бохню и тем ободрялись. Не всегда они вывозят соль в натуре, а складывают её у тамошних обывателей и берут от них за неё деньги, те же после продают её с барышем... Уже... гиберные и поголовные их не прокормят, им надобно чрезвычайно для сбора их дробиться, чем больше у них людей – тем будет голоднее, причина конца мятежей!»

Казалось бы – всё ясно. Употребив незначительные силы, русские уже отрезали конфедератов от важнейшего источника дохода. О чём тут ещё говорить?! Однако Суворов счёл необходимым меры по охране Велички и Бохни тщательно обосновать. Он пересчитал в Великой Польше всех конфедератов, охарактеризовав их по родам войск. И констатировал;

⁵⁹ Гиберные деньги – взятки или откупы, которые конфедераты брали с мирного населения (включая шляхту) вдобавок к поголовному обложению податных сословий.

⁶⁰ Воровством на Руси называлось уголовное, в том числе государственное, преступление.

«денег и Велички у них нет, с Бохней, даст бог здоровья, будет то же». Только совсем мелкие конные отряды могут прокормиться, грабя «сукна из лавок и старую шляхетскую броню» и отбирая «поголовных несколько» (Д I.280).

Если вы не успели вздохнуть с облегчением – то лучше не торопитесь. Суворов в том же июне отправил Веймарну подробные соображения о борьбе с конфедератами, завершавшиеся словами: «А прежде всего у них Бохню и Величку отнять надлежит». Как же так? Ведь генерал-майор соляные промыслы занял и держал под личным присмотром! Очевидно, «невидимое миру» давление на Суворова было чрезвычайно сильным. Иначе он не исписал бы несколько страниц шифровки, хотя длинно писать не любил. На требования Веймарна поручить писать рапорты хоть кому-нибудь из офицеров он отвечал, что «повеления ваши... дешифровать... времени нет».

Весь смысл соображений Суворова о войне клонился к тому, что миротворческая операция зашла в тупик. «Правда, что возмутителей нам никогда не догнать: ежели они истинно бежать захотят, карабинеры не дотянут за казаками, а за карабинерами пехота не добежит». Только их попытки завести пехоту и действовать в строю дают русским возможность бить конфедератов. Но в полевое сражение «их нескоро выжить можно... а замки им служат убежищем». Отбирать те замки стоит крови, если штурмом; если брешами – то нужно много амуниции; если блокадами – много времени. С помощью артиллерии нетрудно взять Ландскрону и Тынец, но Ченстохов, как монастырь, «расстрелян быть не может». Даже потеряв замки в Польше, конфедераты сохранят базы за австрийской границей. Зато лишением их соляных денег можно «выголодить» их повсеместно (Д I.271).

Перед требованием «отнять» Бохню и Величку Суворов информирует, что королевский генерал Браницкий призывает его преследовать мятежников в горах, но он остаётся в районе Кракова. Смысл этого заявления делается ясным из следующих двух рапортов Суворова о соляных промыслах, от 22 и 24 июня (Д I.283, 285). В первом сказано, что Браницкий необходим в районе Кракова, так как конфедератам до зарезу нужно отбить соль и на эту «приваду» они будут слетаться сами. Во втором подчёркнуто, что Браницкому «нужнее» прибыть в район Кракова, «чем гоняться за Зарембой» и пытаться «истреблять рассеянных великопольских маршалков». «Заремба, – пишет Суворов об одном из конфедератских вождей, – отводил меня отсюда, только Зарембе обманывать меня поздно, я то сказывал. Что делать, когда не слушают, лишь только стыд. Но не те есть тому причины, которые с первого виду нам воображаются, но иные, отпадающие от великодушия, всеконечно о которых подлинно сказать стыдно».

То есть военные соображения, заставляющие и Зарембу (со стороны конфедератов), и Браницкого (со стороны короля) «отводить» Суворова от соляных промыслов, скрывают постыдную, непристойную тайну. Речь, несомненно, шла о сговоре генералов и чиновников короля с конфедератами о разделе грабительских денег с соляных промыслов. Этот сговор не был бы действенным без участия русских военных и чиновников. На каком уровне, мы можем предполагать.

Суворов построил крепкую оборону вокруг Велички, о которую разбивались набеги мятежников. В Бохне он запретил добывать соль и производить бочки, а все запасы соли вывез в Краков. «По недостатку соляного грабежа все здешние возмутители не получали жалованья более месяца и терпят великую нужду», – докладывал он Веймарну. Положение их становилось безвыходным. «Ибо чем возмутительское число здесь больше, тем больше они будут чувствовать голод и жажду, которыми они страждут, по неполучению понедельно жалованья более месяца, и весьма ропщут... Ибо раз они здесь грабежных соляных денег не имеют, то не имеют денег во всей Польше и гиберными и поголовными (поборами) себя содержать не могут».

«Я подлинно известие имею, – писал Суворов, – что возмутители занятием Велички и отнятием у них Бохны, истинно с отчаяния, хотят все товары и вина, которые в Краков из Венгрии и Австрийской Силезии отправляются на тракте, так долго задерживать, пока... город не заплатит двадцать тысяч червонных контрибуции чистыми деньгами. Однако

краковские купцы... тех товаров из-за границы вывозить не хотят, о чем писать буду в австрийскую камеру», то есть правительству Австрии.

Силами нескольких рот Суворов поставил конфедератам шах и мат. Но в рапортах он всеми аргументами сопротивляется «ложным пениям», цель которых – заставить его снять оборону промыслов. И в заключение угрожает обратиться прямо «полномочному и чрезвычайному в Польше послу, его высокопревосходительству действительному тайному советнику и разных орденов кавалеру господину фон Салдерну».

Угроза жалобы новому полномочному министру России в Варшаве, через голову Веймарна, говорит о том, что препятствия для экономического удушения мятежа устраивали русское командование (равно и королевское, о чём Суворов уже писал). Из рапорта от 24 июня ясно, что Веймарн требовал передать контроль над промыслами генералу Браницкому, не утверждая назначенную Суворовым охрану соли.

Суворов ещё не бунтовал против начальства. Это ему придётся сделать позже. Он, оставляя в штабе копии секретных рапортов, убеждал, что майор Рылеев, поставленный им в Бохне и Величке, удержит их – только «чтоб уже никому его оттуда не выводить». «И если майор Рылеев в Величке и Бохне останется непоколебим, то к зиме отвечаю за всех возмутителей, и уже тогда их можно истреблять... и частными командами, и с постов».

«Первое искусство военачальника, – поучал Веймарна Суворов, – есть в том, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Нет соляных денег, из чего возмутители будут вербовать чужестранных? И гуляев нечем будет кормить. Прибавлять французов? Но и генеральности в Венгрии (правительству конфедератов за границей. – *Авт.*) нечего будет есть. Как бы начальники наших прочих и иных войск в операциях невежественны ни были».

По этим словам мы видим, что раздражение Суворова достигло величайшего накала. А из следующих строк рапорта узнаём, что он отбывает в Люблин – то есть всё-таки удалён с важнейшего места у Кракова. Как Веймарн осмелился на это? Дать приказ об удалении честного командира от источников конфедератских доходов было, учитывая угрозу жаловаться полномочному министру, неумно. Суворова сумели выжить!

В тот же день 24 июня, когда он писал цитированный рапорт, Александр Васильевич сам подал Веймарну прошение: «мне позволить отправиться к тамошней части вверенной мне бригады на некое время для излечения» (Д I.284). Это объясняет концовку рапорта, в которой Суворов совершил страшное: озвучил реальные цифры доходов от соли и финансирования мятежников, несмотря на святое правило: «размер суммы делает её невидимой».

«Оставить Величку? и Бохню... – пишет он с отчаянием. – Возмутителям по всей Польше надо на жалованье в месяц немного больше пятнадцати тысяч червонцев, а теперь меньше. С одной Велички собрали они с Нового года меньше, чем в четыре месяца (кроме покраденых), больше шестидесяти тысяч червонцев. Бохня же против Велички пятая часть; поголовных и гиберных во всех открытых им местах они и ста тысяч червонцев не нагрябят; если бы шляхтичи и вовсе не мешали, откуда на Диван и христианнейшей кабинет? ⁶¹ Откуда же им ружейные и амуничные вещи? Не надобно ли им сокровище короля французского? Ведомо, его величество (Людовик XV. – *Авт.*) уделит и сам нечто, и из своей казны в пользу опровергаемой (русским флотом) его с Портой коммерции, если увидит, что возмутители что-нибудь уже значат. И он напрасно не расточит, но когда они неважны, то умножение для них убытков будет тщетно. Когда бунтовники бывали скуднее, дороже вдвое с них в Венгрии брали; когда деньгами разжились – то отпускали дешевле, как то чинят купцы в больших городах, где царствует изобилие!»

Надеюсь, читатель уже всё понял из этой цитаты, но для порядка поясню. Величка давала конфедератам в среднем 60000: $4 \times 12 = 180$ тыс. злотых в год, Бохня – примерно 36 тыс., итого 216 тыс. злотых, тогда как пожертвованиями и грабежами по всей Польше они

⁶¹ То есть на взятки правительствам Османской и Австрийской империй.

добывали около 100 тыс. Две трети дохода шли от соли, треть – от «полевых работ» вооружённой шляхты. Шляхте требовалось на жалованье около 15 тыс. злотых в месяц, что составляет 180 тыс. в год. Если отнять «соляные деньги», то невозможно будет ни генералам жить за границей, ни оплачивать помощь турок и австрийцев, ни содержать отряды инсургентов. Такой финансовый удар обрушивал сложившуюся систему, то есть содержание австрийских баз мгновенно становилось дороже, а французы, при всём своём легкомыслии, не стали бы вливать деньги в заведомо проигрышное дело.

Вопрос «Кому выгодно?» получил вполне ясный ответ. Уяснил его себе и Суворов. Поэтому, получив приказ снять охрану промыслов, вместо жалоб на Веймарна полномочному министру ушёл «по состоянию здоровья» со стратегического краковского поста. Заинтересовано в финансировании конфедератов было само императорское правительство в Польше, намеренное, как подозревал Суворов, держать здесь войска в любом случае, но лучше – под маской миротворцев. По причине «сохранения лица» «русское» командование в Польше – фон Салдерн, фон Веймарн, фон Рене, фон Древиц, фон Эбшелвиц и иже с ними – не могло само рэкетирировать соляные доходы, зато пользовалось ими косвенно, через конфедератов. Как далеко «вверх» уходили нити коррупции, трудно сказать, но, как известно, двор Екатерины Великой отличался изрядной продажностью.

Справиться с такими силами не мог даже великий полководец. Ему самому пришлось отвечать на «хитростные пронырства», доказывая, что «солью команды моей никто и бочкой не пользовался... ибо если бы отбили и кафтан королевской, то бы и тот делить – а у других было иначе... Превеликие жалобы на казаков, что ни за провиант, ни фураж не платили, только не на тех, что у меня. А всем нам стыдно, истинно ни чести, ни чину не рад!» (Д I.297).

Суворов проиграл, но твёрдо усвоил урок. В следующий свой визит в Польшу он не позволил никому, даже двору в Петербурге, помешать немедленному пресечению бунта и кровопролитий.

* * *

Конница займется, пехота не отстанет.

26 июля 1771 г. Александр Васильевич написал прошение о своём переводе в Главную армию самой императрице – даже не упоминая военное командование и полномочного посла в Варшаве. Отослав его с сопроводительной запиской через Веймарна, Суворов уже 14 августа просил его «до октября месяца» не отсылать (П 18–19; Д I.302, 309). Действительно, согласно помете на записке, «челобитная при рапорте 4 октября под № 164-м в Государственную военную коллегияу представлена» (Д I.301).

Между 26 июля и 14 августа повсюду клубились слухи о готовящемся восстании против России великого гетмана Литовского Михаила Казимира Огинского. Гарнизон Ушакова в Величке ещё держался. При этом прибывший, наконец, к Кракову генерал Браницкий идее лишить конфедератов денег поразился; оказалось, Суворов не смог с ним объединиться потому, что граф «слушался наших пустоголовых молодцов», Древица и Ко. (П 20). 18 августа Суворов написал в Главную армию Кречетникову, стоявшему с войсками у польских границ, о мерах по контролю над польской таможенной у границы Австрийской империи, доходы с которой шли на погашение огромных долгов конфедератской «генеральности» австрийцам (Д I.311). Понятно, почему Веймарн не унимался, энергично выписывая Суворова в Литву.

Александр Васильевич отвечал ядовито: «Я болен... верхом ехать не могу, разве через неделю... я поеду в повозке... Как мне это не принять? Я присягал, где приятнее и смерть, как на императорской службе? Только бы эти вертопрахи в котором ином углу чем не помешали. Право им лучше скорее дать деньги и абшид (отставку), они ни за чем иным, как за деньгами; а потом честной человек постыдится их и просить». «Вертопрахами», на

которых нельзя оставлять Польшу, были немецкие любимцы Веймарна: «один развёл велкопольских маршалочков, а Зарембе подарил шапку; другой развёл Ченстохов, Тынец, Ландскорон, да чуть было и не другого (короля) Станислава. Правда, был бы (военным) хлеб лет на десяток». Покинуть Польшу можно, лишь «успокоив этих рыночных героев» (Д I.296).

Если приказы Веймарна основывались на слухах, то Суворов вёл основательную разведку и держал связь с русскими командирами в Литве, которые подтверждали, что восстание назревает. Когда 1 сентября 1771 г. он получил рапорт полковника Герздорфа о восстании гетмана, летучий отряд Суворова был вполне готов, а пути наступления вполне разведаны. Веймарну генерал-майор доложил, что отряд «полковника Албычева, по убийстве его самого, весь полонен гетманом Огинским, который, имея от шести и до семи тысяч людей при двенадцати пушках, следует от Кобрина к Бржесцу. Уповательно, что и в Бяло будет, чего ради я соберу по возможности войска в Коцк и выступлю» (Д I.317; ср. 318, 320). Предлог был хорош – местечко Бяло находилось в дирекции Суворова – и необходим. Несмотря на свои суматошные приказы о выступлении в Литву, которые Александр Васильевич «отложил» исполнением, при появлении реальной опасности Веймарн ему приказа на марш не дал! Ведь Александр Васильевич мог пресечь бунт в корне, и прощай тогда награды, долгая доходная война...

Между тем передовые отряды Суворова уже маршировали на Бяло. 5 сентября он рапортовал оттуда, что «упреждая к недопущению помянутого гетмана Огинского к Бяле, тотчас собрав деташемент из вверенной мне бригады войск, не опоражнивая посты, прибыл в Бяло». Присоединив отряд «из находящихся в Бяле войск», Суворов «принял намерение против реченного Огинского и его войска выступить к Бржесцю, а по обстоятельствам и к Пинску, по притчине той, что оный Огинский около тех мест обращается» (Д I.321).

Суворов игнорировал Веймарна, сочинявшего в Варшаве планы сложных и длительных операций в Литве. Нельзя было упускать и часу. К Огинскому стекалась литовская шляхта, скакали отряды из Польши. Бунт магната мог превратиться в большую войну. Скорость была важнее силы. 6 сентября Суворов миновал Брест и шёл на Несвиж, имея 902 бойца, 345 лошадей и 5 пушек. Он «прикрыл» этот марш необходимостью помочь стоящему под ударом «полковнику и кавалеру Дирингу» (Д I.322). Тут его настиг прямой приказ остаться в обороне в Польше. Действовать против Огинского должны были Древиц и другие любимцы Веймарна.

Суворов ответил с иронией, но не издевательски, как впоследствии приписывала ему молва: «Ордер Вашего высокопревосходительства от 1-го числа сего сентября под № 188-м в цифрах с приложениями получил и во исполнение его, раз стремления гетмана Огинского с его войсками к Варшаве и к стороне Люблина, к горам, не слышно, я с частью войск вверенной мне бригады буду стараться, не пропуская его, гетмана, с войсками в те места, с помощью Божией, упреждая все намерения и покушения, его уничтожить». Издёвкой выглядит лишь констатация факта, что раз он в Литве старший по чину, то остальные обязаны подчиняться ему: «Не упущу между тем писать о нужной надобности к господину полковнику и ордена святого Георгия кавалеру Древицу и к прочим деташементным командирам», чтобы они «повеления мои исполняли» (Д I.323). При всей любви к субординации Александр Васильевич пошёл на прямое неподчинение приказу вернуться в Польшу. Оправдать его могла только победа. 12 сентября он рапортовал Веймарну о ней, приложив журнал похода в Литву, а также списки отличившихся офицеров и пленённой шляхты (Д I.324).

В 8 вечера 11 сентября, рапортовал Суворов, на марше к Несвижу он получил «важнейшее известие, что гетман Огинский с своим войском в числе от трех до четырех тысяч человек выступил из местечка Мира... и пошёл к местечку Столовичам, которое было расстоянием от меня в двух милях, почему я с войском, поверотясь назад, маршировал к помянутому местечку Столовичам, при чём уже наступила весьма темная ночь».

Преодолевая в темноте «многие и узкие дифиле», «маршировало войско при мне с поспешением и прибыло к этому местечку на самой тёмной заре, будучи устроено всё в

ордер де-баталии: пехота в одну линию... пушки посреди в линии... С прикрытием резерва рота пехоты, рота карабинер, казаков тридцать. А прочая вся кавалерия составляла вторую линию, которой командовал премьер-майор Рылеев. Фланги закрывали казаки».

Местечко было отделено от наступающих болотом. Через него был лишь один «весьма дурной и тесный проход». По нему устремился майор Киселёв с суздальцами и полковыми пушками. «С неприятельской стороны из самого местечка загорелся весьма сильный пушечный и оружейный огонь, но неустрашимая храбрость российских солдат» преодолела сопротивление, и «сильная неприятельская стрельба к удержанию препятствием служить не могла».

«И как скоро майор Киселёв пушечной и оружейной стрельбой, отбив неприятеля от дифиле, понудил назад бежать внутрь жилия, чем отворил свободный путь, – в это самое время господин премьер-майор Рылеев с кавалерией сделал наипресильнейшую атаку на ту самую в местечке площадь, где стояло несколько пушек. И как скоро ими завладел, то, нимало медля, гнал всех стоящих пред собой возмутителей из местечка вон».

Часть неприятелей сломя голову бежала. Но другую часть бунтовские командиры сумели построить в поле за Столовичами. Наступил «белый день». Около 300 пехотинцев с пушками и до 500 кавалеристов ждали русской атаки. Майор Рылеев, «усмотрев... тот построенный кавалерийский фронт», смог вернуть из преследования и построить 70 кирасир и карабинер. Он немедля «сделал по неустрашимой своей храбрости на тот фронт с таким малым числом наипресильнейшей удар... от которого пресильнейшего удара та возмутительская конница обратилась вся в бег». Малая часть русских кавалеристов гнала толпу в 500 шляхтичей «несколько верст».

«В предписанное ж время и в тот же самой час и секунд-майор Киселев поспешно с ротами и пушками из местечка вышел в поле и на неприятельскую пехоту пошёл прямо с пушечной и оружейной стрельбой... А ещё часть пехоты возмутительской до двухсот человек с пушками осталась в стороне. Для чего... и та пехота была атакована и разбита отделившимися от секунд-майора Киселёва суздальскими гренадёрами и легионными солдатами», пошедшими в штыки. Набранные из крестьян солдаты Огинского запросили пощады. «При том сражении в плен взято живых возмутителей до двусот человек с их штаб- и обер-офицерами, с оружием и с пушками».

Тем временем, когда конница Рылеева выбила повстанцев с городской площади, секунд-майор Фергин с гренадёрской ротой, частью легионеров и пушкой двинулся по городским укреплениям. Несколько сот вражеских кавалеристов и 200 пехотинцев пытались обороняться, но были сметены, обращены в бегство и взяты в плен.

«С неприятельской стороны, – констатировал Суворов, – урон весьма знатен. В плен взято штаб и обер-офицеров пятнадцать, лекарь один, подлекарь один, ксенз капелан один, нижних чинов двести семьдесят три человека, артиллерии со всеми снарядами десять медных пушек больших и малых... буздыган вызолоченный 1, да в плен взятых гетманом Огинским отбито легионного корпуса нижних чинов 435 человек. Побито и на месте и вдогонку возмутителей штаб и обер-офицеров: подполковник Битов, а об иных чинах неизвестно, а нижних чинов от четырех до пяти сот человек.

С нашей стороны из сражавшихся её императорского величества войск 822 человек – урон весьма малый. А именно: убито нижних чинов 8 человек, государевых лошадей тридцать одна, ранено господ офицеров: ротмистр один, поручиков два, нижних чинов тридцать пять человек». Одно спасение 435 русских солдат из плена, в который они попали небрежением собственного начальства, проморгавшего бунт, стоило всех потерь. Восстание шляхты в Литве, едва начавшись, было потушено, авантюра Огинского кончилась.

«Потерял он всю свою артиллерию, обозы до последнего колеса, – добавил Суворов в другом донесении Веймарну. – Шифровая азбука малого ключа, за подписью Вашего высокопревосходительства, найдена в отбитых его письмах, которые потом к Вашему

высокопревосходительству перешлю» (Д I.325). Русские шифры, как видим, были известны мятежникам.

Бой продолжался с предрассветного часа до 11 утра. Кончив дело, Суворов, «собрав все войско, маршировал к местечку Несвижу 6 миль, куда прибыл пополудни в 9-м часу». Оставшиеся от разгрома гетманские полки направились по домам, сам Огинский бежал за границу с десятью гусарами.

«Помощью Бога, – написал Суворов в Главную армию Кречетникову, – войска её императорского величества команды моей разбили гетмана Огинского, впятеро сильнее нас... Гетман (талантливый композитор, инженер и писатель, но не полководец. – *Авт.*) ретировался на чужой лошади в жупане, без сапог, сказывают так! Лучшие люди убиты или взяты в плен... для эскорта пленных нас не доставало. Простительно, если Ваше превосходительство по первому слуху этому сомневаться будете, ибо я сам сомневаюсь. Только правда. Слава Богу! Наш урон очень мал» (Д I.326).

* * *

Простите, батюшка! Бедного старика Стакельберга.

После победы под Столовичами в Литве оставалось только брать в плен разбежавшихся бунтовских офицеров, выкапывать зарытые неприятелем пушки да разыскивать подобранную кем-то из нижних чинов и ловко проданную в команду Древица гетманскую булаву (Д I.327–329). Многолетние старания поляков и иноземных эмиссаров «поджечь Литву» оказались напрасными. В Главной армии, тылы которой грозили запылать, а затем и в Петербурге вздохнули с облегчением.

Недоволен был только Веймарн (Д I.330), пытавшийся возбудить дело о неподчинении Суворова приказу. Однако на его место уже ехал в Польшу генерал-майор Бибиков – старый знакомый и единомышленник Александра Васильевича. Имя Суворова стало известным: сам Фридрих Великий рекомендовал полякам его опасаться. Вернувшись в Литву, полководец получил орден Георгия 3-й степени (пожалованный ему ещё 19 августа за Ландскрону и Замостье), а 20 декабря был награждён орденом Александра Невского за «совершенное разбитие Литовского гетмана графа Огинского».

Эта победа расстроила французов, успевших вложить в конфедератов изрядные деньги. 7 октября 1771 г. свеженазначенный министр иностранных дел Франции герцог д'Эгильон писал послу в Варшаве Жерару: «Надежды на Огинского и его первые успехи усилили наши ожидания. Но поражение его и ещё более упадок духа этого магната разрушили все расчёты, которые можно было основывать на Литве»⁶².

Чуть раньше, в сентябре 1771 г., французский генерал барон де Виоменвиль с большой группой офицеров прибыл в Польшу. Найдя конфедератов «в отчаянном положении», барон понял, что крупные операции с ними планировать невозможно. «Потребен блистательный подвиг для того, чтобы снова поддержать» движение и вдохнуть в его участников мужество⁶³. Генерал мыслил верно: именно романтический подвиг способен был вдохновить шляхту на новые безумства.

Между французами и поляками началось соревнование. Уже в конце года четверо шляхтичей осуществили смелый замысел Казимира Пулавского и... похитили из Варшавы польского короля. Но шляхтичи были истинными поляками. В последний момент они перессорились, и один из них помог Станиславу Августу вернуться во дворец. Французы готовили свои козни намного дольше, с учётом как собственных, так и польских традиций.

⁶² Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами, 1769–1774. СПб., 1874. Т. 3. С. 256.

⁶³ Смитт Ф. фон. Суворов и падение Польши. СПб., 1866. Ч. 1. С. 59. (Пер. с нем.)

Возглавил их операцию полковник Шуази.

Базируясь в укрепленном Тынце, на Висле, совсем недалеко до Кракова, французы с командой преданных им поляков вознамерились захватить... Краковский замок. В январе 1772 г. с помощью подкупленного трактирщика их агенты тайно делали проходы в крепостной стене, подпиливая решётки сточных труб: канализация в замке была древняя и мощная. Главная роль отводилась женщине: прекрасная панна должна была обольстить коменданта Кракова и заставить его снять в замке наиболее важные посты. Увы, с ноября 1771 г. комендантом был уже не фон Эбшелвиц, а старый больной полковник Штакельберг; на охране же стояли солдаты Суздальского полка⁶⁴.

Сложность задачи только взбудрила героическую панну. В считанные недели Штакельберг омолодился, надел польский костюм и не отставал от своей любовницы, вовсе забросив караульную службу. За ним разленились офицеры и солдаты. Говорили, что полковник не только отменил рунды и дозоры, но даже снял в ключевых местах часовых, которые «мешали его панне почивать». Зная польских женщин, могу сказать, что старого служаку трудно винить. Его даже Суворов простил.

«Ксендзы и бабы голову ему весьма повредили, – деликатно заметил на эту смущающую тему Александр Васильевич. – ...Опасаясь, чтоб ксендзов и баб никогда не тревожить, разрядил он ружья, да и по просьбам их снимал часовых, а того часового действительно свёл, которой был у скважины, где французы вошли». Уважение к религии, почтение к дамскому полу, – похоже, генерал-майор сразу после разговора с Штакельбергом начал понемногу оправдывать его перед начальством.

Непонятно только, при таком успехе польского заговора, зачем французам понадобился канализационный сток. «К ним все ходили, кто хотел, – пишет Суворов Бибикову, – а от утрени, когда каноники ходят в замок, с двух часов по полуночи и ворота замковые отворяемы были» (П 22). Просто галлам неромантичным казалось в них войти...

Вокруг Кракова всё было спокойно. Промыслы в Величке надёжно охранялись. Получив от Бибикова карт-бланш, Суворов быстро выстроил надёжную систему обороны по образцу Люблинской и в Краковском, и в соседнем Сандомирском воеводствах. В охране порядка отлично проявляли себя пять королевских кавалерийских полков генерал-поручика графа Франциска Ксаверия Браницкого. Конфедераты опухли от голода и притихли.

Французы старались не нарушать этой идиллии. Лишь в ночь с 21 на 22 января 1772 г. отряд из 600 бойцов под командой Шуази тихо прокрался в Тынец. Оттуда на лодках, отталкиваясь шестами, чтобы не плескать вёслами, они достигли Кракова и, накинув, чтобы сливаться со снегом, белые одежды ксендзов, подкрались к стенам замка. Два отряда из трёх нашли нужные отверстия и проникли в крепость.

Лишь тучный Шуази задержал свой отряд, заткнув могучим телом канализационный сток, по которому не смог пролезть. Вытянув командира за ноги, его бойцы тихо отступили в Тынец. Один бедолага трактирщик, показывавший французам дорогу, попался в руки русского дозора (который, стало быть, не был вовсе отменён). Тем временем отряды Антуана де Виоменвиля (племянника генерала) и капитана Салиньяка сняли часовых, захватили главный караул (из него спаслось лишь 20 солдат) и открыли ворота основным силам. Всего в замок вошло 500 человек с четырьмя орудиями.

Штакельберг в это время танцевал со своей панной на балу. Он был без шпаги, когда в залу полезли перемазанные нечистотами французы и шляхта. Никто не ожидал, что старик дико оскорбится, некуртуазно сунет кулаком в лики витязей, вырвется из зала и поднимет тревогу. Между тем от мысли, что скажет ему Александр Васильевич, у Штакельберга выросли крылья. Той же ночью полковник повёл на замок отряд гренадёр. Попытка взломать ворота не удалась: поражаемые из бойниц и окон солдаты откатились. Через полчаса

⁶⁴ Суворовские материалы о событиях с конца 1771-го до захвата Тынца австрийцами 2 июля 1772 г. см.: Д 1.331–461.

секунд-майор Сомов с гренадёрами вновь атаковал ворота, а капитан Арцыбашев вскарабкался на вал к крепостной калитке. Но укрепленный ими же самими замок устоял.

Суздальцы потеряли за ночь 41 человека убитыми и ранеными (в том числе получили ранения Сомов и Арцыбашев), а что особенно позорно – до 60 человек пленными. Суворов прискакал из Люблина в Краков утром 24 января, ведя на подмогу русских солдат и кавалерию Браницкого. К этому времени безутешный Штакельберг укрепил периметр вокруг замка, а подоспевшая из Пинчова пехота подполковника Елагина заняла оборонительные позиции в направлениях Тынца и Бялы.

Именно оттуда ожидалась атака, ведь для развития успеха конфедераты должны были попытаться одолеть русских в Кракове. Действительно, по плану Виоменвиля конфедераты, кого удалось сыскать, были стянуты в Тынец. В то утро, когда в Кракове появился Суворов, французы и шляхта сделали вылазку из замка, а навстречу им двинулось воинство из Тынца. Те и другие были «жестокой стрельбой поражены и в бегство обращены».

Экстренные обстоятельства сами передали Суворову командование на всём театре миротворческой операции. Он по правилам инженерного искусства обложил замок, а на берегу Вислы поставил батареи. Поперёк реки он навёл «коммуникационный мост», благодаря которому русские могли быстро перебрасывать войска, а конфедераты были лишены возможности прислать подкрепления гарнизону замка. В Краков были стянуты дополнительные отряды; каждому командиру в Польше даны задания контролировать свои зоны и своего противника. Премьер-майор Михельсон получил в ведение партию Пулавского (опиравшегося на Ченстохов), обязавшись докладывать Суворову разведанные дважды в сутки. Полковники Лопухин и Древиц были нацелены на Зарембу и Пулавского, охраняя район Варшавы и Сандомирское воеводство от движения конфедератов со стороны Великой Польши и Ченстохова. Мобильные силы опирались на усиленную систему постов.

Противник убедился, что в умении мобилизовать силы и в предусмотрительности Суворову не было равных. Генерал-майор использовал новые возможности командования не для решения частной задачи, но чтобы парализовать движение конфедератов по всей Польше. Замок он попытался взять 18 февраля «ночным штурмованием», которое «доказало, правда, весьма храбрость, но вместе с тем и неискусство наше в тех работах». Взорвав ворота, солдаты наткнулись на завал, который устроил за ними Шуази, и после трёхчасовой перестрелки отступили. «Без большой артиллерии, – констатировал Суворов, – замка взять невозможно, так и прочих их укрепленных мест».

Не сбылись его надежды, что противник соберёт силы для прорыва к Тынцу и Кракову. Конфедераты, вдохновить которых мечтал Виоменвиль, выдохлись. В попытках прорваться к Кракову от Тынца 28 февраля участвовало всего 200, 2 марта – по разным берегам Вислы 800 и 400 человек. Их русские потоптали небольшими кавалерийскими отрядами, а последнюю партию дали порубить двум эскадронам Браницкого – при поддержке карабинер Михельсона.

Сложно стало находить противника даже у его традиционных мест базирования. В походе Браницкого и Михельсона в район Бялы удалось взять лишь 20 пленных с двумя французскими офицерами. Упорно искавшие врага уланы обрели и порубили отряд всего из 200 человек. Полковник Оболдуев, получив под начало полковников Древица и Лопухина, разгромил несколько отрядиков Зарембы и Пулавского, искавших пропитания, – и всё.

Отличная затея с захватом Краковского замка окончилась шпиком. Конфедераты не поднялись, биться было не с кем. Суворов был разочарован. А Шуази к тому же изводил его своими требованиями. Начав переговоры о сдаче, он почему-то не хотел быть отпущенным со своими людьми на все четыре стороны. Нет, Шуази желал быть именно «военнопленным», да ещё и посидеть в плену! Александр Васильевич предоставил французам самим сочинять условия их капитуляции. И Шуази сочинил...

15 апреля 1772 г. 700 накопившихся в замке защитников (видимо, канализация продолжала у них работать в обе стороны) сдались и, после приличествующего обеда их офицеров с Суворовым, направились под конвоем в Люблин, захватив всё своё имущество.

Из 44 пленных офицеров 25 оказалось французами. Александр Васильевич по обыкновению оставил им лошадей (ещё добавив своих – путь предстоял длинный) и личное оружие. Немедленно после освобождения замка Александр Васильевич стал просить Бибикова за Штакельберга, который едва не угодил под суд: «Простите, батюшка! Бедного старика Штакельберга». И полковник был прощён.

9 мая Суворов начал блокаду Тынца, в котором командовал француз Дюгу. Но жизнь и приключения шляхетской конфедерации уже кончились. Часть её «генеральности», глубоко погрязшая в долгах, договорилась с австрийцами, а те сочли момент удобным для оккупации Польши. 22 мая корпус имперских войск пересёк австро-польскую границу.

Суворовским войскам, выставившим на дорогах заставы, не велено было стрелять. Обходя заставы и заявляя, что «они маршируют... как наши союзники и имеют о том повеление», австрийцы заняли Тынец. Казимир Пулавский сдал Ченстоховский монастырь русским и отбыл к своим покровителям в Турцию, а затем во Францию. По счетам конфедератов пришло время платить, но не туркам, австрийцам и французам, как они рассчитывали, а австрийцам, пруссакам и русским.

* * *

Сам чувствую, что не доволю послужил этому краю.

В то время как героические французы и поляки брали Краков, покровители конфедератов в Вене убеждали русских и прусских представителей, что государственность Речи Посполитой себя изжила. Раз у «патриотов Польши» не стало денег на оплату покровителей, им пришло время рассчитаться землями своей страны. Зимой 1772 г. в Вене была подписана и осенью в Петербурге ратифицирована конвенция о разделе Польши. Львиную долю земель, в том числе Бохну и Величку, присвоила себе Австрия (83 тыс. км² и 2 млн 600 тыс. человек). Она заняла южную часть Краковского и Сандомирского воеводств (без г. Кракова), часть Бельского воеводства и всю Галицию. Пруссия получила 36 тыс. км² и 580 тыс. жителей в Померании (без Данцига), Западной и Восточной Пруссии, а также часть Великой Польши.

Россия не участвовала в разделе Польши. Отошедшие к ней земли (92 тыс. км² с населением 1 млн 300 тыс. человек) никогда не входили в Польшу. Они принадлежали Речи Посполитой лишь по унии Польши с Великим княжеством Литовским. Большая часть русских приобретений находилась в Восточной Белоруссии – исконных землях Древнерусского государства (районы Витебска, Полоцка, Мстиславля и Могилёва), населённых православными русскими людьми. Меньшая часть – Ливония и Инфлянты, – была освоена прибалтийскими немцами и давно тяготела к Российской империи.

Россия не выступала захватчиком, а Пруссия являлась им лишь частично. Инициатором раздела Польши, получившим от него наибольшие выгоды с максимальным уроном для поляков, была Австрийская империя – союзница барских конфедератов.

Суворов тяжело переживал крушение Польши. В августе, после капитуляции Пулавского, он вынужден был снять посты в Величке и Бохне, отведя войска в Краков. А вскоре отбыл в Литву, в корпус Эльмпта, где провёл месяц, пытаясь забыться на званых вечерах и балах в Вильно. Получив в октябре 1772 г. назначение в корпус, выдвигавшийся к границе Швеции, Суворов в письме Бибикову подвёл итог своей миссии в Речи Посполитой:

«Выхожу из страны, где желал делать только добро или, по крайней мере, всегда о том старался. Сердце моё не знало в этом колебаний, а должность никогда мне не препятствовала. Поступая как честный человек, остерегался я одного нравственного зла, а телесное само собой исчезало. Безукоризненная моя добродетель услаждается одобрением моего поведения.

Здесь только отчасти известно доброе моё имя, – заключил Суворов, – ибо был я здесь недолго, да и сам чувствую, что не доволю послужил этому краю.

Чистосердечная благодарность возрождает во мне любовь к этой области, где мне доброжелательствуют: оставляю её с сожалением».

Паны уважали героя, панны и паненки ждали от него внимания, к которому привыкли в своей стране. «Не много знавал я женщин, – честно признавался Суворов, – но, забавляясь в обществе их, соблюдал всегда почтение. Мне не доставало времени быть с ними, и я их страшился. Женщины управляют здешнюю страну, как и везде; я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей» (П 25).

Итогом не удовлетворившей Суворова войны в Речи Посполитой стало не только формирование его стратегии и тактики, но, что более важно, рождение новой философии войны, основанной на его представлениях о добродетели человека, гражданина и солдата.

«Служа августейшей моей Государыне, – писал он Бибикову 27 ноября, – я стремился только к благу Отечества моего, не причиняя особенного вреда народу, среди которого я находился... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключил доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я твёрд» (П 28).

Глава 7 Миротворец

Ночное поражение противников доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства.

Просьбы Суворова о переводе в Главную армию, пока она гремела славой побед, неукоснительно отвергались. Но победы, достигнутые благодаря военным реформам Румянцева, оказались половинчатыми. Армия научилась побеждать, но ещё не умела хранить саму себя. Теряя немного солдат в битвах, Румянецв нёс страшные потери на маршах и в лагерях, от плохого питания и болезней. В 1771 г. русские нанесли туркам сильные удары и вошли в Крым, однако сил для наступления за Дунай им уже не хватало. В 1772 г. положение обескровленных противников стало патовым. На фронте наступило затишье. Правительство требовало наступления. Румянецв, несмотря на постоянно прибывающие пополнения, сохранял силы только для обороны. Стремление придворных на юг за наградами резко поубавилось.

И вожделенный миг настал: «Генерал-майор и кавалер Суворов определен по желанию его в Первую армию», – гласил приказ от 4 апреля 1773 г. (Д I.475). Александр Васильевич наконец попал на «настоящую войну». Угодив при этом на самый незначительный участок, с малым отрядом и задачей отвлечь турок от действий главных сил Румянцева под Силистрией.

За Дунаем, напротив его отряда, 4 тыс. турок основательно укрепились вокруг городка Туртукай. Крутые берега реки, высоты, глубокие овраги, вражеские батареи были тщательно разведаны. «У них в Туртукае рывины, дома, пушечки», – написал Суворов. А у него было 500 русских солдат! Турки ещё не знали Александра Васильевича. Они переправились через Дунай и попробовали напасть первыми. Некоторые спаслись.

«Атака будет ночью, – приказал Суворов своему отряду, – с храбростью и фурией (яростью) российских солдат!» Замысел был прост. Две ударных каре пехоты с россыпью егерей перед каждым, конница и резерв форсируют реку под огнем, перелетают горы и овраги, «срывают» вражеские батареи и уничтожают турецкие лагеря один за другим, по частям. «Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собой... Турецкие обыкновенные набеги отбивать по обыкновенному наступательно!» А подробности зависят от

«обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твёрдости господ командующих». «Возвращение по эту сторону (Дунай) быть надлежит по окончании действия и разбития турок во всех местах».

Ставка на инициативу офицеров была бы понятной, если бы Суворов знал их очень хорошо и сам учил войска. Но он прибыл к своему отряду 6 мая, за 4 дня до атаки! И развернул такую кипучую деятельность, что не только успел тщательно разведать противника, но и убедился в надёжности русских офицеров. Вместе с тем он оказал им огромное доверие. Если бы они, как было принято, ждали в суматохе ночного боя приказов, не атаковали «с фурией» и не приходили немедленно на помощь друг другу, полководческая карьера Александра Васильевича могла оборваться в самом начале...

Приказывая атаковать с яростью, Суворов призвал «весьма щадить жён, детей и обывателей, хотя бы то турки были, но не вооруженные». Повелевая в Туртукае всё «сжечь и разрушить палаты так, чтобы более тут неприятелю пристанища не было», генерал велел не трогать «мечети и духовной их чин для взаимного пощажения наших святых храмов» (Д I.487). Такое человеческое отношение к иноземцам и иноверцам с трудом утвердилось в европейских армиях к концу XX в., и то часто на словах. Суворов насаждал его железной рукой. Нравственное превосходство было в его глазах залогом победы. Особенно при крайнем неравенстве сил, которое беспокоило даже его.

Турецких солдат было по восемь на одного суворовского. Утром командующий Первой армией Румянцев получил донесение: «Слава Богу, слава Вам; Туртукай взят, Суворов там». Над горами и оврагами, разбитыми турецкими батареями и лагерями стоял ещё чад догорающих строений и взорванных складов. Турецкой рати более не существовало.

Русские отдали воинские почести 26 своим «чудо-богатырям», принявшим смерть «с неустрашимым духом». Отвага их, сказал Суворов, «крайне страшна была неприятелю», который «пришел в отчаяние и страх, бежал, куда только глаза путь давали». Умело отрезаемые, турки находили везде погибель. «Похвально было видеть, что ни один солдат в сражении до вещей неприятельских не касался, а стремились только поражать неприятеля».

Александр Васильевич был контужен, атакуя батарею на «превеликой крутизне», но до конца командовал сражением. Шесть знамен, двенадцать пушек, десятки речных судов взяли победители. Туртукай был «выжжен, обращен в пепел и вконец разорен». Его население Суворов переправил на безопасный русский берег и ходатайствовал о «протекции Её императорского величества» к этим невинным жертвам войны.

Победитель тщетно ждал на западном берегу ответного удара врага: «Неприятель не только мне не делает набегов, но ниже малейшего покушения открыть не отваживается, будучи приведен в несказанную робость удачливым нашим под Туртукаем поиском». Так и не дождавшись противника, Суворов отвел отряд за Дунай (Д I.494).

Бурной ночью 17 июня 1773 г., болея тяжелейшей лихорадкой, от которой едва не умер⁶⁵, он нанес ещё более мощный удар по обновленной и усиленной Туртукайской рати. 2,5 тыс. русских солдат наступали новым строем: походными колоннами, имея приказ «Идти на прорыв, выигрывая... хребет горы, нимало не останавливаясь, голова хвоста не ожидает!» Командиры получили указание ни о чём не докладывать Суворову, но действовать самостоятельно, «с поспешностью и благоразумием».

Как всегда, позиции и силы врага были заранее тщательно разведаны. На этот раз турки, от 3 до 4 тыс., по счёту Суворова (они полагали свою численность в 6 тыс.), сражались крайне упорно, смело вступая в рукопашную. Лишь «расторопность... офицеров и мужество солдат, — рапортовал Суворов, — восприняли верх в побеждении горделивого неприятеля!» Сражавшийся в первых рядах турецкий командующий пал вместе с 800 турками. Россияне потеряли шестерых «верных и храбрых сынов Отечества» (Д I.545, 550).

⁶⁵ Ср.: П 29; Д I.531, 534, 537, 540, 541. При этом генерал не допускал обычных в армии массовых заболеваний солдат. При подозрении, что двое солдат заболели чумой, он установил карантин и не дал болезни распространиться (Д I.557).

«Произведенное вами храброе и мужественное дело... при атаке на Туртукай, – лично писала Суворову императрица Екатерина Великая, – учиняет вас достойным к получению отличной чести и нашей монаршей милости» (Д I.577). Шею героя украсил орден Георгия II класса, но в душе его царило смятение. Побеждая в боях, русские отступали! Славный генерал Вейсман пал, прикрывая отступление. Не утешало, что, отмщая за любимого командира, его солдаты начисто уничтожили целый корпус турок.

«Вейсмана не стало, я остался один», – записал Суворов. Генералов в армии было с избытком. Но удержать последний на той стороне Дуная Гирсовский пост с 3-тысячным отрядом против обученной французами турецкой армии Румянцев мог просить лишь Суворов: «Делами вы себя довольно в том прославили». «Для некоторых нужных обстоятельств Суворов переводится из резервного корпуса в главный», – объяснил Румянцев завистникам, не желавшим продвижения полководца. «Сей важный пост поручил я теперь генералу-майору и кавалеру Суворову, ко всякому делу готовность и способность подтверждающему», – донес командующий Екатерине Великой. Но нанести врагу упреждающий удар запретил! Что ж, «генерал Вперед!» сел в оборону, да так крепко, что отборные турецкие войска обломали зубы о спешно возведенные Гирсовские редуты.

3 сентября 1773 г. русские пушки молчали больше часа, пока Суворов заманивал врага к своим позициям маневрами казаков. «Может, урусы отступили?» – недоумевали турецкие военачальники. Они ещё не заучили, как молитву Аллаху, что Суворов исключил из военного словаря слово «ретирада»: отступление, отход. Построившись двумя крыльями, красуясь иноземной выучкой, турки наступали отборной пехотой. С дистанции пистолетного выстрела ударила по ним картечь, дружно грянули русские мушкеты. Не потеряв присутствия духа, турки отступили и начали строиться для новой атаки.

Суворовские полки опередили и ударили противника в правый фланг. Там на горе стояла укрепленная батарея. «Несмотря на сопротивление неприятеля и жестокую стрельбу идти на гору, – приказал Суворов, – и ударить в штыки!» Мужество пехоты было подкреплено удалью пушкарей, выкативших пушки вперёд и сметавших всё перед собою частой и меткой пальбой. «С особой храбростью и расторопностью, – отметил Суворов, – Московский полк ударил турок во фланг, отрезал и отбросил на пушки наших редутов». Разбитых турок преследовали 30 км. Победа была полной (Д I.578–582).

В конце 1773 г. Суворов получил отпуск в Москву. Его престарелый отец хотел перед смертью женить сына и обеспечить продолжение нового, но уже славного рода. В невесты он сговорил крупную, статную и румяную красавицу – 26-летнюю княжну Варвару Ивановну Прозоровскую. Не отягощённая образованием, она знала толк в нарядах и балах, которые давала всей Москве её семья. Княжна, по матери Голицына, была в родстве со всей высшей аристократией Первопрестольной. Для 44-летнего, морщинистого, маленького и сутулого Суворова это была блестящая партия. Генерал сразу входил в высший круг знати... Правда, он совсем не знал, что там делать.

И Варвара Ивановна, девица ветреная и увлекающаяся мужчинами, не засиделась бы в девках до 26 лет, если бы её отец генерал-аншеф не промотал громадное фамильное состояние. Теперь честный скопидом В. И. Суворов был гораздо богаче князя Прозоровского! Приданого за невестой почти не было. Жених рвался назад на войну. Александр Васильевич понимал отца: «Богу неугодно, что не множатся люди». Но очень спешил. 18 декабря 1773 г. состоялась помолвка, а уже 16 января – венчание в церкви Фёдора Студита у Никитских ворот.

Наутро молодые написали письма родным и свойственникам, среди которых были оба командующих на юге фельдмаршала: Голицын и Румянцев (женатый на тётке Варвары). Суворов назвал свой брак «неожидаемым благополучием». Жена стала Александру Васильевичу «дороже жизни». А по дороге обратно на фронт он получил долгожданный чин генерал-поручика.

Наступление русской армии наконец-то началось в мае 1774 г. И в него допустили Суворова! Правда, во главе резервного корпуса. С 8-тысячной ратью Александр Васильевич

перешел Дунай с задачей отвлечь турок на себя. И «отвлек». Так, что 40-тысячный турецкий корпус – 25 тыс. пехоты и 15 тыс. всадников – из войны выбыл.

Дело у Козлуджи открылось 10 июня стычкой лёгких войск в разведке, в густом лесу. Подоспели на помощь и с марша ударили егеря, но суровые албанцы, отрезавшие пленным головы, оттеснили русских до самой опушки. Суворов, как обычно, был в гуще кровопролития. Возглавив подошедшие силы, он устремился сквозь лес на прорыв. Страшная жара, потом ливень, дорога, забитая развороченным турецким обозом, яростные контратаки смертников ялан-калыджи – больше 9 км продирались русские сквозь лес...

На противоположной опушке суворовские полки выстраивались в каре под огнем турецкой артиллерии. Сократить потери могла лишь необыкновенная скорость атаки. Отбивая атаки конницы и уничтожая засевших в кустарнике янычар, они взлетели на холм – и вон уже виден турецкий лагерь! Но на пути овраг – перелетели овраг! Ударил в лицо батарея – взяли редут в штыки. «Аллах акбар! – завопили турки. – Это не люди, а джинны!» Тут на неприятельский лагерь посыпались русские ядра. Это пушкари, катившие свои орудия в боевых порядках пехоты, открыли по туркам шквальный огонь с высот. В панике турки убивали друг друга, сражаясь за лошадей для бегства. Стреляли даже в своего главнокомандующего. 107 знамен взяли суворовские богатыри, 29 изготовленных французами пушек, богатый лагерь, множество пленных – ведь русские голов не резали. «С покорившимися наблюдать человеколюбие» – требовал Суворов.

Вершиной человеколюбия была сама тактика Суворова. Не позволив туркам развернуть войска для сражения, разгромив врага прежде, чем большинство его солдат смогло пустить в ход оружие, он свёл к минимуму не только свои, но и турецкие потери. «Удар от пехоты и артиллерии нашей, учинённый наступательно, решил победу так, что этот неприятельский сильный корпус был разбит совершенным образом, и бегу отдавшиеся турки гонимы были... несколько верст», – рапортовал Румянцев императрице. При этом русские потеряли 57 человек убитыми и 134 ранеными. А турки из разбежавшегося куда глаза глядят 40-тысячного корпуса... всего 500 человек убитыми и 100 пленными!⁶⁶

И такую славную победу совет русских генералов использовал, чтобы расположить войска на отдых и затем спокойно отступить... Уже в июле с Турцией был заключён мир. А 10 августа Суворов был срочно отозван из Первой армии: в Петербурге до смерти перепугались восстания Емельяна Пугачёва! Боевому генералу было приказано его пленить.

* * *

Благородное великодушие иногда более полезно, чем стремглавный военный меч.

Прибыв в Москву 23 августа, Суворов понял, что дело серьёзно. Первопрестольная была переполнена беженцами из Поволжья, на площади в Кремле стояли пушки. Восстание Пугачёва, усмирённое было Бибиковым, после его смерти полыхало с новой силой. Московский генерал-губернатор князь Волконский немедля выписал Суворову подорожную к командующему правительственными силами графу Панину. Военная коллегия считала, что без «генерала Вперёд!» тому восстание не подавить. Александр Васильевич с изумительной скоростью ринулся на восток и нашёл Панина, не доезжая Шацка. Граф наделил Суворова чрезвычайными полномочиями: «Дал мне, – вспоминает Суворов в автобиографии, – открытый лист о послушании меня в губерниях воинским и гражданским начальникам»⁶⁷.

⁶⁶ Документы об участии резервного корпуса в наступлении и о сражении при Козлуджи: А. В. Суворов. Д. I. 586, 588–594.

⁶⁷ Рассказ Суворова о борьбе с Пугачёвым: Д. I. 2. С. 44–45.

Полководец горел желанием разбить «сброд разбойника Емельки Пугачёва», как он писал Гавриле Романовичу Державину – в будущем знаменитому поэту, добровольно поехавшему на борьбу с бунтом (П 55). Панин смог дать Суворову всего 50 человек. В Поволжье ему пришлось пробираться сквозь восставшие уезды, временами выдавая себя за сторонника повстанцев. «Я спешил к передовым командам и не мог иметь большого конвоя», – вспоминал Суворов. Ехать «надлежало – но известно ли, с какой опасностью бесчеловечной и бесчестной смерти? Сумасбродные толпы везде шатались; на дороге множество от них тирански умерщвлённых, и не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя».

Пока Суворов пробирался к Казани, Пугачёв был разгромлен под её стенами отрядом его сослуживца в Польше Михельсона, добит им под Чёрным Яром и бежал в Дикую степь. Спустившись по Волге к Царицыну, Суворов нашёл Михельсона, взял у него отряд кавалерии «и обратился в обширность уральской степи за разбойником». Скорость погони была чрезвычайной. За 9 дней Суворов проскакал по бездорожью 600 вёрст. Его отряд «провианта с собой почти не имел, но употреблял вместо того рогатую скотину, засушивая на огне мясо с солью». «Держась следов», его конники «через несколько дней догнали разбойника, шедшего в Уральск. Посему доказательно, что не так он был лёгок, и быстрота марша – первое искусство. Это было среди Большого Узеня. Я тотчас разделил партии, чтоб его ловить». Но уральские казаки, «усмотрев сближения наши, от страха его связали» и сдали властям в г. Уральске.

«Немедленно принял я его в мои руки», вспоминал Суворов, и «пошёл с ним через уральскую степь назад», беспрестанно отбиваясь от налётов киргизов. Один из всадников, скакавших рядом с Суворовым, был убит, его адъютант Максимович ранен. Генерал рассеял киргизов, отобрал несколько самых «доброконных» кавалеристов и поскакал с ними вперёд, чтобы быстрее укрыть Пугачёва от его сторонников в Симбирске.

Сдав пленника Панину, Суворов затем целый год «обеспечивал умиротворение» огромного района восстания. Как действовали иные воинские начальники – мы знаем по учебникам. А Суворов? Неужели тоже пытал и вешал? Ничего подобного! Ещё в стремительном рейде за «злодеем» Александр Васильевич «сам не чинил, ниже чинить повелевал ни малейшей казни, разве гражданскую (то есть порку), и то одним безнравственным зачинщикам, но усмирять человеколюбивой ласковостью, обещанием высочайшего императорского милосердия». Став хозяином нескольких губерний, где ещё тлели угли народного восстания, он проявил себя мудрым политиком, демонстрирующим силу, чтобы избежать её применения. «Моими политическими распоряжениями и военными манёврами буйства башкир и иных без кровопролития прекращены, императорским милосердием», – с гордостью вспоминал Суворов в своей автобиографии.

Суворов – дипломат! На первый взгляд это звучит иронично. На деле миролюбие – важнейшая черта деятельности и характера великого полководца. Александр Васильевич жаждал военной славы, но не любил войну. Он всегда стремился попасть на войну, много воевал, жизни не мыслил без боев и учений. Даже кончину свою представлял только на поле брани. «Смерть на постели – не солдатская смерть!» – говорил он. Но солдат солдату рознь! Одни воюют, чтобы воевать. Другие – дабы прекратить войну.

Защищать не только своё Отечество, но всех мирных жителей – святой долг солдата. Война, какими бы методами она ни велась, создаёт для мирных людей опасность и ввергает их в тягости. Значит, цель настоящего солдата – истребить войну. Осознав ещё в Польше, что он воюет с самой войной, Александр Васильевич глубоко задумался, какие для этого нужны средства.

Цель Суворова была неизменна: заставить неприятелей Отечества положить оружие. Для сего на войне: сокрушительный удар для испарения вооруженной силы врага, его источников финансирования, самого желания воевать. Никаких лишних манёвров, кордонов и линий, стратегических пунктов и оперативных территорий! «Истинное правило военного искусства, – учил полководец, – прямо напасть на противника с самой чувствительной для

него стороны, а не сходитьсь, робко пробираясь окольными дорогами... дело может быть решено только прямым смелым наступлением». Обезоруженного врага необходимо покорить милосердием. А если есть способы побудить неприятеля за оружие вообще не браться? Надо использовать их все, в полной мере, с блеском таланта, равного гению руководства сражением!

Случилось так, что золотую шпагу, усыпанную бриллиантами – награду за смелые «поиски» на турецкой войне, – незачем было вынимать из ножен. Османская империя заключила с Россией Кючук-Кайнарджийский мир, ближние и дальние соседи не хотели нарываться на неприятности.

Только беспокойное пограничье – Крым и Кубань – грозило возможностью нового кровопролития. Оно чуть не началось в 1776 г., когда Турция высадила в независимом по мирному договору Крыму войско и утвердила там власть своего хана Девлет-Гирея. Екатерина Великая послала навстречу туркам армейский корпус, с наказом всё же избегать «драки». «Если уже возможности не будет – то по всеобщему праву силой оружия обороняться и поступать как должно с неприятелем». На ханский престол императрица велела поставить Шагин-Гирея: военачальника Ногайской орды.

Турки и русские благоразумно уклонились от войны. Хань же с толпами своих приверженцев сближались для битвы за столицу Крыма – Бахчисарай. И тут в январе 1777 г. командование Крымским корпусом возложили на Суворова, недавно прибывшего на полуостров во главе Московской пехотной дивизии. Ханам и мурзам вмиг расхотелось воевать, а усиленное вооружение двух империй, к счастью, оказалось излишним. «В проходе... через селения, – доносил полководец об экспедиции в Крым, – обыватели были к войскам благосклонны и ласковы... Все спокойно и, слава Богу, дела текут благопоспешно... Собравшиеся противные Шагин-Гирей-хану партии я рассеял одними движениями!»

Русский ставленник мирно занял ханский престол. Было решено, что туркам нечего делать в Кафе: крепости, которую они 300 лет укрепляли для контроля над Крымом и где веками высаживали десанты. Суворов послал туда полк; полковник – две роты; турки погрузились на суда и отбыли восвояси, не дожидаясь «чудо-богатырей» и в таком количестве.

Александр Васильевич, конечно, любил мир – но хоть какие-то трудности должны быть! Его деятельная натура изнывала. Во времена затишья он засыпал начальство челобитными: «Исторгнийте меня из праздности... в роскоши жить не могу!» И в конце 1777 г. напросился командовать Кубанским корпусом, растянутым в нитку от моря Черного до Каспийского.

С северной стороны русских форпостов были не вполне мирные степи. С южной – Кавказ. Разорительные и кровавые набеги горцев, имевших привычку «драться насмерть», угон мирных жителей в рабство и разбой царили в приграничье. Словом – все, что Суворов на дух не переносил. В отличие от большинства начальников Александр Васильевич не ограничился пассивной обороной рубежей, а поставил задачу ясно и конкретно: уголовщину следовало пресечь в корне!

Первым делом он лично обследовал «положение этой земли» и мгновенно задумал возвести сильнейшие по тем временам полевые укрепления и заградительные полосы. Затем начал строительство по-суворовски: «Я рыл Кубань от Черного моря в смежность Каспийского... на носу вооруженных многолюдных варваров». Спустя сто дней после прибытия командующего к корпусу «сеть множественных крепостей» от моря до моря была завершена.

«Крепости и фельдшанцы (передовые заставы) по Кубани, – писал Суворов, – построились с неожиданым успехом. Они настолько неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становились им совершенной уздой... При обыкновенном российском мужестве мудрый комендант низвергнет важностью его укрепления противные предприятия регулярнейших войск, – тем более варварские разрозненные набеги!»

Горцы, смертельно боясь лишиться возможностей творить набеги, старались мешать

Суворову своими нападениями и временами стреляли в него «сильно ружей с пятидесяти», причем с сошек: «Из чего и примечаю, – бросил полководец, – что они худые стрелки». Вообще, «разные перестрелки и сшибки» с казаками и солдатами Суворова, заботившегося о подчиненных больше, чем о себе, кончались для нападавших плачевно. В корпусе, по его словам, «не было умершего и погиб один – невооруженный»⁶⁸.

Это был не просто невиданный в военном деле результат, а полный переворот всех военных норм, по которым в мирное время допускалась гибель солдат от плохого обучения обращению с оружием, от непосильных трудов, худого питания и болезней. Суворов не жалел денег на хороших врачей и медикаменты, лично инспектировал госпиталя, следил за качеством медицинского обслуживания. Чистота, правильное питание солдат, качественные продукты, хорошая вода, приготовление горячей пищи и употребление её только в свежем виде – это были предметы его повседневных забот.

Болезнь солдата он рассматривал как крайнее упущение командиров, не сделавших всё возможное для сохранения его здоровья. Здесь на помощь должна была прийти медицинская наука. «Случайно больных и слабых, – приказывал Суворов, – в лазаретах при войсках строгим наблюдением обыкновенных порядков в лечении и содержании неутомлённо приводить в прежнее состояние их здоровья!»⁶⁹ В случае «умножения» больных командир бригады обязан немедленно «исследовать причину зла» и «неослабно взыскать на начальнике» заболевших, – «иначе отвечает он одной своей особой начальнику корпуса», то есть лично Александру Васильевичу.

Сберегая каждого солдата в бою, Суворов не мог допустить его смерти в походе (тогда, когда сам Румянцев терял в походах до четверти войска), в полувойсковой ситуации строительства рубежей и тем более – по их завершении. В указах по Кубанскому и Крымскому корпусам, в которых Суворов изложил суть новой военной науки, направленной на защиту мирного населения и спасение жизней солдат (Д П.41, 41), личная ответственность офицеров за здоровье солдат стала отправной точкой военной стратегии.

Саму эту ответственность ещё предстояло воспитать. Суворов делал это во всём, внушая, например, что в донесениях каждый офицер обязан сообщать не просто информацию, но свою оценку развития ситуации и мысли о необходимых действиях.

Иначе высший командир, находящийся вдалеке от событий, мог неправильно их понять и принять ложное решение.

Глупая и опасная идея, что «начальству виднее», искоренялась с трудом. Но Суворов требовал жить не просто по уставу, а по совести, защищая солдат даже против ошибок начальства и косности традиций. Во всём, вплоть до тактики, он отдавал инициативу командирам. Он не писал в приказах, как именно следует воевать, но разъяснял, в каких случаях лучше применить предписанные уставами линии, в каких – каре, а в каких – и непредусмотренную в бою походную колонну.

Именно простая, привычная в походе колонна в 6 шеренг, объяснял подчинённым Суворов, «сама собой сгущается» из каре при штурме окопов, «по их овладении разгибается легко с огнём на походе вперёд». Она прочна при круговой обороне огнём и штыком – «непроницаема никакой кавалерией». «Колонна эта гибче всех построений, быстра в движении, если без остановки – то всё пробивает!»

До начала Великой Французской революции, войскам которой историки припишут внедрение в боевую практику колонн, оставалось ещё 10 лет. А для Суворова колонны были давно освоенной формой боя – частным случаем боевых построений, удобным в

⁶⁸ О замысле и строительстве Кубанской линии см.: Д П.15–17, 21, 24, 28.

⁶⁹ Этот вопрос рассмотрен: Генерал-майор медицинской службы С. Семека. Забота А. В. Суворова о здоровье солдат // А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. М., 1951. С. 110–125.

определённых ситуациях. Мысль его давно пошла дальше, от простых построений к сложнейшей и детально продуманной системе боевых взаимодействий, позволяющих хорошо обученным войскам под командой инициативных офицеров действовать как единый организм, хотя бы они были разбросаны на сотни километров.

Корпуса Суворова уже были непобедимы. Они намного опередили своё время по организации и руководящим в бою идеям. Само разбиение неприятеля – любого в современном ему мире – Александру Васильевичу представлялось для русских войск несомненным и даже не слишком сложным. Он уже понял, как использовать армию для скорейшего уничтожения войны. И теперь размышлял о деталях применения армии как инструмента поддержания прочного мира.

В этом за Суворовым не могут угнаться даже современные теоретики, мысль которых вертится вокруг страха. Но для Александра Васильевича армия в принципе не была инструментом террора! Даже в переполненном разбойниками Предкавказье, поставив твёрдый заслон набегам и грабежам, Суворов последовательно улаживал отношения миром. Зная эту его способность, императрица Екатерина 18 февраля 1778 г. приказала командующему на Юге России Румянцеву предоставить Суворову «всю полную дирекцию» по управлению политическими делами на Кубани, отношениям с ногайцами, черкесами и другими народами (Д II.20 и далее). Вскоре к кавказским заботам генерала присоединились крымские.

* * *

Соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие.

Оградив одну границу, полководец спешно выехал на другую. Турки вновь угрожали Крыму. Они разжигали восстания против хана Шагин-Гирея и даже осмелились готовить десант. 23 марта 1778 г. Суворов получил предписание Румянцева принять дела в Крыму (Д II.31). Стремительно облетев полуостров, он организовал прочную оборону из сорока укреплений с пушками, соединив их постами связи и 62 почтовыми станциями. По его мнению, силён был не тот, у кого больше военных сил, а тот, кто имеет точную информацию и может собрать войска в нужное время в решающем месте.

Все командиры получили ясные задачи. Война войной, а наперед всего следовало каждому начальнику позаботиться «о благосостоянии и спокойствии обывателей внутри своей окружности». «Соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званий обывателей», укреплять отношения с людьми разных вер и народов полководец требовал от всякого офицера и солдата.

У него не было сомнений, что русские ни за что не допустят высадки крупного десанта и тем паче не сдадут ни одной крепости или редута. Но командиры обязаны были заранее предусмотреть «способы к охране» местных жителей «и к предпобедениям на них злоумышленных набегов!» Тщательная разведка и взаимопомощь постов должны были обеспечить предупреждение преступлений против мирных жителей, а не просто кару за них (Д II.41). «Предпобедение» не просто злоумышленных действий неприятеля, а любых разрушительных следствий войны, победа до того, как пролилась кровь, была венцом стратегии и высшей наградой добродетельному полководцу. Именно в ней заключалось истинное человеколюбие, которое проповедовал Суворов.

Самому ему нелегко было ладить с взбалмошным и жестоким крымским ханом. Шагин-Гирей то стремительно вводил чуждые Крыму западные обычаи, то по старинке рубил головы. То пил с Суворовым кофе и играл в шахматы, то «изнурял гневливостью». Особенную злобу хана Александр Васильевич вызвал тайно подготовленным и блестяще выполненным выводом из Крыма христиан: главного источника обогащения крымско-татарской знати.

Спасённые – без единого выстрела – от векового рабства греки и армяне получили

возможность строить свободные от грабительских даней города: Мариуполь, Мелитополь, Нахичевань на Дону. Суворов не просто вывел их из Крыма, но постоянно тревожил начальство просьбами «упрочить благосостояние немалого числа сограждан России, в сих народах замыкающегося, человеколюбивым и снисходительным о них призрением» (Д II. 68, 71, 74, 77, 94, 98 и др.). Лаской хана пришлось пожертвовать. «Памятозлобие Шагин-Гирей-хана... в окаменелость его углублено, – заключил Суворов, но, – дела здешнего полуострова в наилучшем состоянии». Угрозу создавала только Османская империя, упорно готовившая в Крыму десант.

Эту угрозу Суворов ликвидировал, несмотря на то, что оружия ему было применять не велено! Екатерина Великая полагала, что следует всеми силами сохранять с Оттоманской Портой столь дорого доставшийся России мир. Александр Васильевич оружия и не применил. Хотя задолго до его прибытия в Крым 14 боевых кораблей флота Османской империи с десантом обосновались не где-нибудь, а в Ахтиарской бухте⁷⁰. Это не что иное, как Инкерманская гавань, на берегах которой вырос вскоре славный Севастополь.

Турки сходили на берег мелкими группами, но Суворову трудно было защитить от обид местное население: нельзя же было приставить к каждому турку по солдату. Когда в Чёрное море вошли ещё три мощные турецкие эскадры, начальник Ахтиарской флотилии Гаджи-Магмет-ага вконец обнаглел. Его янычары стреляли в русский патруль и убили казака. На протест Суворова были присланы уверения в дружбе, но убийцы не были наказаны.

Проснувшись утром, Гаджи-Магмет увидел с обеих сторон узкой горловины Ахтиарской гавани следы скрытной ночной работы. Опытный флотоводец легко узнал основу для мощных береговых батарей. Ага не был знаком с искусством, с которым применял артиллерию Суворов⁷¹, но точность и мощь русских пушек знал очень хорошо. Ага немедленно запросил о причинах строительства – и получил от Суворова любезнейшие уверения в дружбе. «Итак, мой приятель, – писал Александр Васильевич, – из этого ясно можете видеть мою искреннюю откровенность, и что сомнение ваше исходит из действий вашей внутренности».

«Какая дружба, – подумал Гаджи-Магмет, – когда мы русским явные неприятели»?!

– Свистать всех наверх! Паруса ставить!

– Но ага, нет ветра...

– Шлюпки на воду! Сигнал флотилии: «Выходить в море на вёслах».

Простояв две недели на внешнем рейде без возможности сойти на берег и получая от Суворова всё более ласковые послания, турки убедились, что русские вынашивают самые коварные планы. «Я, с моей стороны, – уверял Суворов, – ни малейшего к тому подобия не нахожу!»

Фрегаты Гаджи-Магмета бесславно ушли в Синоп. «За вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани» императрица пожаловала Суворову золотую табакерку с бриллиантами. Но к берегам Крыма уже шла целая армада в 170 боевых кораблей и транспортов с десантом. Во главе похода стояли командующие военным флотом и сухопутными войсками Турции. По силам и средствам эта объявленная мирной операцией «втеснения» турок в Крым была равна полномасштабной войне. Блокировав побережье полуострова, турки запретили выход русских кораблей в море.

Флот России был ещё слаб. Но на берегу был Суворов. «В рассуждении странной претензии, тщеславных угроз и неприязненного злословия, – строго написал он турецким главнокомандующим, – ...я не позволяю себе верить, чтоб Блистательной Порты

⁷⁰ О борьбе Суворова с турецким флотом: Д II.36, 44, 47–54, 57–59, 62, 63, 65, 80, 84, 85, 87–89.

⁷¹ Гвардии полковник И. Харук. Артиллерия в походах Суворова // А. В. Суворов. Из материалов, опубликованных в связи со 150-летием со дня смерти. С. 90–99.

(правительства Турции) флот мог быть когда-либо у крымских... берегов... Поскольку прибытие турецкой армады имеет явный вид неприязни... право я имею встретить, при Божьей помощи, сильной рукою», незваных гостей!

Турки предпочли не искушать судьбу и... ушли в Стамбул. Суворов гордился тем, что отразил нашествие без кровопролития, «больше изнурением одним, по образцу Гаджи-Магмета». Но армада вскоре вернулась, и те же военачальники стали всерьез искать место для высадки десанта. Письма Суворову они, наоборот, писали ласковые.

Однако солидные, поставленные в стратегически важных местах суворовские укрепления, отлично налаженная связь и молниеносный манёвр войсками заставляли турок всюду наткаться на прочную оборону. От шпионов они знали, что войск у русских немного. А куда ни сунутся – везде стоят пушки и блестят штыки! Адмирал-паша ведал славу русских пушкарей и опасался за свои корабли. Генерала-пашу не радовала мысль о десанте на суворовские штыки. Оба просили разрешения сойти на берег – только набрать пресной воды и «для прогулки». Положение на переполненных десантом кораблях было ужасным. Страдали даже моряки, а непривычные к морю сухопутные воины, набитые на корабли, как сельди в бочку, просто умирали.

В Турции чума, отвечал Суворов, «учрежденный карантин не позволяет отнюдь ни под каким предлогом спустить на берег ни одного человека из ваших кораблей». В отчаянии турки двинулись к берегу, но ввиду русских войск повернули вспять.

На перегруженных десантом кораблях свирепствовали болезни; началась эпидемия. Семь вымпелов, включая 80-пушечный флагман, туркам пришлось от заразы сжечь. Уцелевшие убрались в Стамбул, оставив надежду «втесниться» в Крым. «Надув паруса, отплыли в открытое море из виду вон», – написал Суворов. «Более около здешних берегов турецких судов совсем не видно... Да и внутреннего замешательства не примечается и по всем обстоятельствам быть не может».

Победа Суворова над турецким флотом, одержанная без единого выстрела с нашей стороны, представляется чудесной. На самом деле её обеспечили данные разведки. Александр Васильевич ещё до обострения событий собрал информацию и уверил Румянцева, что Оттоманская Порта не располагает средствами, прежде всего денежными, для начала войны с Россией в Крыму. Не было у султана достаточных средств и для длительной поддержки демонстративных операций (Д II.39).

Суворов заранее знал в отличие от Румянцева и самой Екатерины Великой, что турецкие угрозы высадиться с боем – блеф. Возглавившие флот и десант паши просто не могли вступить в серьёзный военный конфликт. Это означало погубить высадившиеся войска, которые не могли получить снабжения и серьёзных подкреплений. Располагая этими данными, Суворов выиграл партию до её начала. Сам он очень серьёзно отнёсся к борьбе с турецкой разведкой (в Крыму и на Кубани), действовавшей под видом паломничества, торговли и под дипломатическим прикрытием (Д II.36, 67).

* * *

Я люблю правду без украшений и не доброжелательство, а трудолюбие.

Польза Крыма и Кубанского края, считал полководец, требовала их присоединения к России и избавления местных народов от тиранов вроде хана Шагин-Гирея. Вместо этого императрица Екатерина договорилась с турками вывести все русские войска из Крыма и уничтожить Кубанскую линию. Выполнение позорного решения было в 1779 г. поручено Суворову. Он провел обе операции с обычным для своих дел блеском. На полуострове не было оставлено ни одного больного солдата и не реквизировано ни единой обывательской подводой. «Обывателя не обижай, – наставлял Суворов, – солдат не разбойник». Укрепления Кубани были до основания разрушены, чтобы «тамошние народы в свойство их не проникли».

Суворова откомандировали командовать Новороссийской дивизией, затем в Астрахань, потом в Казань. Бриллиантовая звезда ордена Александра Невского, отколота от платья и врученная Александру Васильевичу самой императрицей, не скрашивала годы прозябания полководца в захолустье. Ещё больше страдала его жена. 1 августа 1776 г., на 16-й день после смерти отца Суворова, Варвара Ивановна родила Александру Васильевичу дочь Наталью. Следуя по ужасным дорогам южнорусских степей и Крыма за мужем, она дважды выкинула; в Крыму несколько месяцев провалялась в лихорадке.

Летом 1777 г. Варвара Ивановна оправилась, но мужу было не до неё. Рядом оказался внучатый племянник мужа, его верный ещё с Польши офицер Николай Иванович Суворов. Только к лету 1779 г., оказавшись вдали от дел в захолустье, великий полководец заметил роман своей жены с Николаем. Он был страшно оскорблён изменой близких. Отправив жену с дочерью в Москву, Суворов подал прошение разводе с женщиной, которая, «презрев закон христианский и страх Божий, предалась неистовым беззакониям явно». Александр Васильевич был убеждён, что все честные люди должны отвернуться от изменницы. Он выставил себя на посмешище свету, объявив о своём позоре; он просил управителя своего московского дома следить за женой, прекрасно принятой высшим московским обществом, и ограничить её контакты с любовником и другими ухажёрами (II 92, 94).

О разводе и определении дочери Наташи в Смольный институт Суворов ходатайствовал через его старого начальника и сослуживца Потёмкина, всесильного фаворита (и тайного мужа) Екатерины II. Императрица поспешила на помощь полководцу, губящему себя в глазах света. Вызвав Суворова для обстоятельной беседы в Петербург, она уговорила его примириться с женой. Бедная Варвара Ивановна вновь вынуждена была отправиться в глушь...

Погребённый на два с лишним года в Астрахани, с небольшими воинскими силами, Суворов старался жить с женой душа в душу. В городе они поселились в Спасском монастыре, регулярно посещали храмы и молились местным святыням. В апреле 1780 г. в Георгиевской церкви села Началова перед иконой Рудневской Богоматери состоялось церковное примирение супругов. Суворов искренне простил супругу, но, получив летом 1782 г. под командование Кубанский корпус, вновь полностью ушёл в дела⁷².

Наконец, в 1783 г. явлен был Высочайший манифест о принятии полуострова Крымского и всей Кубанской стороны в Российскую державу. Суворов организовал торжественную присягу населения Кубанского края на верность России. Не как завоеватель, «без всякого кровопролития» присоединил он огромные территории. Учёл в присяге разные обычаи местных племен, устроил «великолепное празднество по вкусу сих народов».

Русские ни в малой степени не были в глазах Суворова господами-колонизаторами. С гордостью писал он о «народах, соединяющихся в единый». В войсках вводил «обычай с татарами обращаться как с истинными братьями». Не на словах, а на деле татары, ногайцы, черкесы, армяне, греки, немцы – представители любого народа, будучи подданными Российской империи, – для Суворова были родными. С разными языками, часто со странными обычаями, они разделяли российскую славу, умножали величие державы.

Преувеличивать эти державные восторги нам не к лицу. Те же ногайцы, задумав переселяться в Уральские степи, в пути перессорились и возмутились. Суворов «дал им полную волю» поступать по их усмотрению. Но лавина конников уже катилась на русские форпосты, осаждено было Ейское укрепление, где находилась жена и маленькая дочурка Александра Васильевича. Мятежники были разгромлены, однако пролитая кровь не забылась.

За Кубанью бунтовщики соединились с черкесами, налетая с гор на малые отряды и мирных жителей. К таким разбойникам счет у Суворова был особый. Народы он уважал. Бандитов презирал. Посему племена, роды и кланы, промышляющие разбоем, – для него не

⁷² О службе в Астрахани (1780–1781) и командовании Кубанским корпусом (1782–1784): Д II.194–272.

народы. «По собственному моему в бытность на Кубани и поныне испытанию, – писал Суворов, – не примечено народов, явно против России вооружающихся, кроме некоторого весьма незнатного числа разбойников, которым по их промыслу все равно, ограбить российского ль, турка, татарина, или кого из собственных своих сообывателей... Следовательно, не есть то народы, но воры». Ворами в России называли государственных и тяжких уголовных преступников, грабителей и убийц (того, кого мы сегодня зовём вором, именовали тогда татем). Поступать с ними следовало не по международным соглашениям, а по уголовным законам.

Давно уже Суворов призвал вождей закубанских племен запретить своим молодчикам разбойные нападения, возвратить награбленное и жить в мире. А то и горы не спасут их благоденствия и самой целости. «Буде же, – обращался к вождям полководец, – ...не будут вами пресечены подобные прежним хищничества, то принужден буду переправить через реку Кубань войска и наказать такую дерзость огнём и мечём, и в том вы сами на себя пенять должны будете!» Предупреждениям полководца не вняли. Суворов ждал долго. В августе 1783 г. он вынужден был доложить Потёмкину, что безобразия продолжают: «закубанские часто убивают и ловят русских людей, после за захваченных требуют большие деньги» (Д II.247).

Поход на Кавказ, в верховья реки Кубани в октябре 1783 г. был совершенно скрытым. Легкий отряд Кубанского корпуса прошел 130 нелегких вёрст без дорог, мимо пикетов горцев, ночами, разделившись на группы. Роты, эскадроны и казачьи полки точно сошлись в условленном месте. Холодной ночью они одолели глубокую бурную реку и скалы. Пушки и зарядные ящики поднимали на канатах. На рассвете Суворов атаковал крупнейшее сборище разбойников. «С великой храбростью» ударили в штыки гренадёры. Не задерживая полетели на врага казаки и драгуны. Артиллеристы не зря пронесли сквозь недоступные места 16 пушек и сохранили сухим порох.

Противник стоял насмерть. Жестокий бой шел несколько часов. Урочище Керменчик стало могилой тысяч злодеев. Но дело было не окончено. В 14 верстах далее было сосредоточено ещё одно вражье воинство. Дав отряду двухчасовой отдых, Суворов форсированным маршем достиг противника и с ходу атаковал. «Храбрость, стремлённый удар и неутомимость донского войска не могу довольно выхвалить... как и прочего её императорского величества подвизавшегося воинства», – доложил полководец.

Вооруженного противника не осталось. Милосердие Александра Васильевича не переменилось даже в отношении к «ворам». Все сдавшиеся – 200 человек – были отпущены на свободу. По данным разведки, простиравшейся у Суворова до Ирана, не тронутые его экспедицией разбойники сжигали дома, «бежали в леса и горы» (Д II.252–256). Изведав силу полководца, местные вожди смогли оценить его доброту. Племена, приславшие в знак покорности белые знамена, получили покровительство России. Захваченные ими пленные, в том числе из верных России ногайцев, были возвращены. Начальство требовало репрессий: Суворов уклонился от карательных акций, заявив, что «операция в глубокую осень войскам вредна!» Он обласкал разноплеменных вождей и старшин, подружился с достойнейшими из них.

Предгорья Главного Кавказского хребта стали на время спокойными. Турция должна была признать реку Кубань своей границей с Россией на Северо-Западном Кавказе. Из рук императрицы полководец получил орден Святого князя Владимира – и вновь, как он писал 10 декабря 1784 г. Потёмкину, изнывал год «в деревне при некоторых войсках». Возможность немного отвлечься от службы во время командования Владимирской дивизией заставила его в 1784 г. заметить ещё одну любовную связь жены. Родившегося 4 августа сына Аркадия Суворов с трудом признавал своим. Жену он отправил в Москву, горячо любимую дочь Наташу окончательно определил в Смольный институт.

Страдая без серьёзного дела, Суворов просил у Потёмкина команду хоть на Камчатке! «Служу я, милостивый государь, – писал генерал высоко ценившему его князю Потёмкину, – больше 40 лет и почти 60-летний; одно моё желание, чтоб кончить высочайшую службу с

оружием в руках. Долговременное моё бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; проводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетелях; я лгу, как (никогда не лгавший) Эпаминонд, бегаю, как Цезарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид. Не разумея изгибов лести... часто негоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей. Был счастлив потому, что повелевал счастьем. Успокойте дух невинного перед вами!.. Исторгните меня из праздности... в роскоши жить не могу!» (Д II.272).

Всесильный Потемкин помог: с производством в чин генерал-аншефа Александра Васильевича направили на юг, в Екатеринославскую армию. В короткий срок Суворов сделал для процветания Новороссии – так называлась освобожденная от власти турок и татар земля на Юге России, от Кубани до Бессарабии, – больше, чем другие начальники успевали за десятилетия. Он заботился о солдатах и учил войска, которым предстояло вскоре защитить южный рубеж государства. Он строил: храмы и города, крепости и порты. Он переселял сюда купцов, ремесленников и крестьян, которые получали свободу от налогов и защиту военной администрации.

Когда Екатерина Великая с австрийским императором Иосифом II путешествовала на Юг России, в Новороссию и Крым, она увидела не игрушечные «потемкинские деревни». Эту легенду придумали и подленько запустили в XVIII в. враги России и завистники светлейшего князя Потёмкина. А расцвели и сделали популярной русские, полюбившие клеветать на свою страну в XIX в. Иноземцев можно понять: взору императрицы и сопровождающих её лиц на месте Дикого поля вдруг предстал цветущий, густо населённый край, лучшая в мире армия и новый Черноморский флот с базами в Севастополе, Таганроге и Херсоне.

Суворов в 1787 г. с гордостью принимал Екатерину в Екатеринославском (!) крае и лично показывал здесь свои достижения. У него не было сомнений, что русская армия и новорожденный флот могут всё это надёжно защитить.

Глава 8 Ордер баталии

Ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом! Ад бы нас здесь поглотил.

Крепость Кинбурн и военно-морской порт Херсон находились в ведении Суворова, когда Турция очертя голову бросилась в войну с Россией и Австрией в 1787 г. Её правительство усугубило своё несчастье, избрав Кинбурн-Херсонский район направлением главного удара. Здесь турки могли многократно превзойти русских силой. Их крепость и порт Очаков были в ясную погоду видны из Кинбурна. Мощный флот Оттоманской Порты господствовал на волнах, с трех сторон омывавших Кинбурнскую косу, которая запирала устье Днепра. Внезапный штурм – Кинбурн и Херсон с недостроенными русскими кораблями взяты – открыт путь вдоль Днепра в сердце Южной России! Замысел одним ударом разрезать Новороссию и затем отвоевать её западную часть учитывал всё, кроме наличия в фокусе боевых действий Суворова. Качественные изменения, внесённые им в моральное состояние и боевую подготовку русских войск, турецким шпионам не были видны.

Александр Васильевич был осведомлён о деталях подготовки турок к войне, в том числе о сомнениях на её счёт султана в Стамбуле. 9 августа 1787 г. он рапортовал правившему на Юге России Потёмкину, что выдвигается к Кинбурну (Д II.273). Здесь, по его расчёту, турки должны были нанести удар, успех которого означал бы победу сторонников войны в Оттоманской Порте. Здесь турок следовало разбить так, чтобы принести странам скорейший мир.

Суворов не знал об объявлении войны, когда 20 августа турецкая эскадра атаковала в море фрегат «Скорый» и бот «Битюг»⁷³. Командовавшие кораблями капитан-лейтенант Обольянинов и лейтенант Кузнецов не дали себя потопить. Поражая турок ответным огнём, они пытались уклониться к Херсону. Турецкие линкоры, фрегаты и канонерки заградили путь. Тогда «Скорый» и «Битюг», действия которых привели Суворова в восторг, ринулись прямо на врага, разнесли попавшихся на пути турок всем имевшимся огнём, обратили в бегство и с победой проследовали в Херсон. Потёмкин, получив от Суворова рапорт об их подвиге и планах кампании, официально «препоручил» Александру Васильевичу «бдение о Кинбурне и Херсоне».

Суворов очень надеялся, что турки «станут драться... и храбрость выкажут – мы с ними славно позабавимся, с теми, кто ещё уцелеет!» Надежды его сбывались: неприятель собрал к Кинбурну эскадру в 50 выпелов, включая 3 линкора и 6 фрегатов. Русский флот, правда, не пришёл, – хотя флотилия контр-адмирала Мордвинова, стоящая в Глубокой бухте, была видна из крепости. Но суворовские войска вполне верили в себя. Александр Васильевич своевременно нарастил силы и тщательно расставил артиллерию. Атака турецкой эскадры на Кинбурн 14 сентября обошлась врагу взорванным линейным кораблем и поврежденным фрегатом. «Как взорвало турецкий корабль, вдруг из него оказался в облаках прегордый паша, поклонился Кинбурну и упал стремглав назад», – шутил в письме Суворов.

На следующий день, во время второй атаки, к кораблям Суворова присоединилась галера «Десна» из эскадры Мордвинова. Её командир де Ломбард потом чуть не угодил за такое своеволие под суд. Но в бою он заставил весь сонм турок отступить и преследовал их до Очакова. «Шевалье Ломбард, – писал Суворов о подвиге удалца, – атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей два часа с половиной и, по учинении варварскому флоту знатного вреда, этот герой стоит ныне благополучно под Кинбурнскими стенами. Сам и один он ранен в ухо пулей».

«Нежелательно, чтоб турки ушли!» – говорил Александр Васильевич, заманивая врага на решающее сражение. Он даже не сильно тронул два пробных десанта турок на Кинбурнскую косу. Осмелев, 1 октября 1787 г. противник нанес главный удар. Шестьсот пушек изрыгали на россиян ядра и бомбы. Пять тысяч янычар – ударные силы турок⁷⁴ – во главе с французскими инструкторами высадились на косу и умело окопались, построив в считанные часы пятнадцать укрепленных линий!

Суворов молился в храме: было празднование Покрова Пресвятой Богородицы. Гонцов, докладывавших о высадке турок, отсылал – «пусть все вылезут!» После литургии он велел служить молебен «на победу и одоление врагов». Все солдаты и офицеры готовились с чистым сердцем умереть, но победить врага. Когда командующий вышел из храма, янычары приблизились к Кинбурну настолько, что их флот не мог стрелять.

Суворов позволил мусульманам закончить полуденный намаз. Только когда турки вплотную подступили к стенам крепости, грянули русские пушки, солдаты и казаки ударили холодным оружием. Солдаты были заранее приучены «к быстроте и сильному удару, не теряя огня по пустому». В первой линии шли, построившись в каре, Орловский и Шлиссельбургский пехотные полки. За ними в интервале, оставленном для перекрёстного огня артиллерии, наступал Козловский полк. Фланги защищали два легкоконных эскадрона Павлоградского и Мариупольского полков и донские казачьи полки Орлова, Исаева и Сычева.

⁷³ Боевые действия на Кинбурнской косе и Днепровском лимане описаны: Д II.278–329; П 167–251.

⁷⁴ Ровно столько, сколько Суворов предсказал ещё 24 августа: «Где бы высадке турецкой на сухой путь не быть, верьте, что обыкновенная не превзойдёт 5000»; русской же пехоты на косе 1,5 тыс. – более чем достаточно для победы: «мы дрались часто с варварами один против десяти» (Д II.282).

Началось сражение небывалое: в нём с обеих сторон не было малодушных! «Кто боится Бога – неприятеля не боится», – говорил Суворов. Противники были в том едины. «Какие же молодцы! – воскликнул Александр Васильевич. – С такими я ещё не дрался! Летят больше на холодное оружие». «Басурман сильно поразили штыками и копьями, кололи до их ложементов. Тут они нахрабро сразились. При жестокой пальбе нам надлежало... идти через рвы, валы и рогатки, чем далее, тем теснее. Неверные их с великой храбростью защищали. Отличный Орловский полк весьма поредел. Вторая линия вступила в бой сквозь первую линию. Уже мои осилили половину ложементов – и ослабли. Я велел ударить двум легкоконным эскадронам: турки бросились на саблях, их сломили и нас всех опрокинули, отобрали от нас все ложементы назад».

Суворов отдаёт должное доблести противника. «Неприятельское корабельное войско, какого я лучше у них не видал, преследовало наших с полным духом». Командующий сам ринулся в бой во главе Шлиссельбургского полка. Лошади его оторвало голову. Суворов получил в бок заряд картечи, поднялся и вновь повёл солдат в атаку. Русские ворвались в ложементы – но пушки турецкого флота косили их «с полувыстрела». «Головы наши летали, – писал Суворов. – Пехота отступила... мы потеряли пушки. Бог дал мне крепость: я не сомневался».

Турки продолжали наращивать силы десанта. Их корабли приблизились к косе вплотную, расстреливая русских картечью. Две парусно-гребные шебеки, имевшие на борту по две дюжины пушек, подошли настолько близко, что были потоплены русской полевой артиллерией. Меткими выстрелами из крепости были потоплены две турецкие канонерские лодки. Появись флотилия Мордвинова, считал Суворов, и битва была бы выиграна легко. Но русские фрегаты, базу которых защищал Кинбурн, так и не появились. Один де Ломбард на «Десне» ринулся в неприятельский флот, смешал его и часть обратил в бегство.

Пушкари Кинбурна потопили уже пять кораблей врага. Солнце было на закате. Суворов ввёл в бой последний резерв: часть гарнизона крепости и лёгкий батальон Муромских солдат. Сражаясь насмерть, янычары потеряли все 15 укрепленных линий. «Уже басурман знатная часть была в воде... – писал Суворов, – они опять в рубку, и то было их последнее стремление. Прострелена моя рука. Я истекаю кровью». «Турки убралась на узкий язык мыса», но их корабли не бросили десант, а подошли вплотную и «стреляли вдоль нас по косе ещё больше». Русские пушки не отстали и ударили картечью во врага, сгрудившегося на узкой стрелке косы длиной в сто сажен. Кавалерия бросилась в атаку «по кучам неприятельских трупов». «Победа полная!» К полуночи вытесненные с косы янычары были уже по горло в воде.

«Осталось нашим только достреливать варваров вконец... Я кончил истребление». Суворов велел оставить в живых 500 беспомощных янычар и на рассвете позволил забрать их на турецкие шлюпки. Двенадцать лет спустя Бонапарт, воюя в 1799 г. с такими же турками, прикажет – тоже на берегу моря – расстрелять 4 тыс. пленных, которым была обещана жизнь. Суворов считал отношение к поверженному врагу верным признаком наличия или отсутствия добродетели, без которой «нет ни славы, ни чести», нет самой победы. Его победа была несомненной. «Урон наш, по столь продолжительному сражению, особенно холодным оружием, оказался посредственный»: 138 убитых и 300 раненых, «из них тяжело – до 40 человек» (Д П.316–319).

В письме «Любезной Суворочке» – дочери в Смольный институт – из Кинбурнского ада он писал: «У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцевали, то я с балету вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили с театра». Но чтобы девочка не волновалась – уверил, что уже объезжал днепровский лиман верхом: «Как же весело на Чёрном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики... Прости, мой друг Наташа; я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту “За Веру и Верность”. Вот каков твой папенька за доброе сердце!»

Кинбурнское сражение сам командующий назвал адом. Но – необходимым. Ход войны

был сломлен. Русское правительство пришло в восторг, войска ринулись в наступление. Императрица, поколебавшись (ведь ей пришлось обойти многих «старших» генералов), пожаловала Суворова высшим российским орденом Андрея Первозванного «За веру и верность».

В ответ на её сомнения Потёмкин писал: «Кто, матушка, может иметь такую львиную храбрость? Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатилетний, которому ещё надобно сделать свою репутацию!» Среди Андреевских кавалеров «сколько таких, в ком нет ни веры, ни верности? И сколько таких, в ком ни службы, ни храбрости? Награждение орденом достойного – ордену честь. Я начинаю с себя – отдайте ему мой!»⁷⁵ Потёмкин поддержал весь поданный Суворовым список отличившихся. Все герои Кинбурна были награждены.

Турецкие флотоводцы и очаковские беи, обещавшие не слишком расположенному к войне султану скорую победу в Днепровском лимане, не могли отступить. В ночь на 16 июля 1788 г. командующий флотом Османской империи капудан-паша Газы Хасан повёл эскадру в лиман, где укрывалась русская флотилия. На мелководье лишённые манёвра турецкие линкоры были атакованы гребными кораблями контр-адмирала Карла Нассау. 17-го 70-пушечный флагман и 60-пушечный линкор спустили флаги; капудан-паша едва спасся на шлюпке. В ночь на 18-е турецкая эскадра попыталась покинуть лиман, но нарвалась на огонь скрытно построенного Суворовым блокфорта. Турки встали на якорь и приняли бой. На рассвете в него включилась гребная флотилия Нассау. Ещё 5 турецких кораблей было взорвано, 1 фрегат взят на абордаж.

Остатки османского флота ретировались от Очакова, но были добиты Севастопольской эскадрой контр-адмирала Войновича у мыса Фидониси. Султан отсек головы одиннадцати военачальникам и выставил их напоказ в Стамбуле. Русские военные, которые «купались в чаю, пока мы купались в крови», и придворные шаркуны в Петербурге облегченно вздохнули: надобность в Суворове отпала. Впереди маячили лёгкие победы и щедрые награды!

То, что против России сложилась европейская коалиция, придворных и саму Екатерину Великую не беспокоило. Англия требовала от России примириться с Турцией без территориальных изменений. Пруссия предложила Порте военный союз и сговорилась против России с Польшей. Швеция во время празднования в Петербурге победы в Днепровском лимане атаковала нашу границу в Финляндии. Началась война, казавшаяся незначашей. Никто не подсчитал, сколько войск будет оттянуто с турецкого фронта на войну со шведами и на западную границу против угрозы пруссаков. Австрия, на военные силы которой в Петербурге весьма надеялись, оказалась слабым союзником. Единственной её силой, проявившей себя на войне, оказался приданный русским корпус саксонского принца Кобурга.

* * *

При жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит визирь!.. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее.

В 1789 г. русские и австрийские войска на юге были ослаблены и рассредоточены. А великого полководца, лечившего кинбурнские раны и ещё одно ранение, полученное под Очаковым, позабыли. Потёмкин даже не включил Суворова в список генералов действующих армий. Но не со зла. Когда Александр Васильевич поехал в Петербург жаловаться самой Екатерине II, светлейший князь его обласкал и... упек во вторую армию, в прикрытие, дав под команду 7-тысячную дивизию: пускай держит связь с

⁷⁵ Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. М., 1992. С. 126–127.

союзниками-австрийцами подальше от главных сражений.

Только турки, которым в этой войне не везло фатально, решили нагрянуть именно на австрийцев! Саксонский принц Кобург, узнав, что на него движется 30-тысячная армия Осман-паши, просил Суворова помочь: «Дабы неприятеля, столь накопившегося, опровергнуть в дерзком его намерении».

Суворов действовал на разведанной им местности, чётко представляя силы неприятеля и заранее разработав схемы наиболее выгодных боевых построений. Принятое построение дивизии в одно большое каре он считал губительным, заменив его строем полковых каре, наступающих в шахматном порядке, с кавалерией в резерве и лёгкой конницей, предназначенной только для преследования, в тылу. Генерал-аншеф отменил пикеты, патрули и фланкёров, которые бессмысленно гибли под лавинами турок. Его резервы стояли внутри каре, а разведку проводил сам командир каре или младший офицер, выезжавший для обзора противника: в случае опасности такие «смельчаки» могли «отступить крупным галопом».

«Наступление, ярость, ужас! – так Суворов характеризовал стиль предстоящей кампании. – Исключить слово ретирада!» Тактическая разведка неважна – командир сам должен быть впереди и оценивать обстановку. Цели боевых действий должны быть стратегическими. Видение полководца простирается в глубину неприятеля, к его главным силам. «Сведения о неприятеле получают... через надёжных агентов. Надо уметь бить, а не царапать!» «Не развлекаться мелкими стычками, наносить сильные удары, проходить массами через дефиле, атаковать стремительно, бить с быстротой» – таковы были установки, сформулированные Александром Васильевичем по прибытии к войскам и чётко выполненные им в кампании 1789 г. (Д II.519).

Хладнокровие, предвидение и точный анализ деталей Суворов показывал в рапортах Потёмкину. Но полководец не отрицал и быстро сложившуюся вокруг его новых побед легенду. Зная, что за ней стоит, мы можем насладиться легендой в полной мере.

Сквозь непогоду и вздувшиеся реки русские прилетели на помощь австрийцам стремительно, как на крыльях. Принц удивился. Захотел встретиться с Суворовым для выработки плана – и удивился ещё больше. Ему отвечали, что генерал занят, потом – что молится, затем – что спит! Тем временем русские отдохнули и построили переправу через реку, за которой стояли турки.

Кобург получил от Суворова записку: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами; среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами». Чтобы австрийцы не колебались, высчитывая численное превосходство неприятеля, полководец отписал: «Говорят, что турок перед нами тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят дальше; жаль, что они не все вместе, – лучше бы было покончить с ними разом».

Позже Суворова спрашивали, почему он не захотел встретиться с Кобургом? «Нельзя было, – отвечал полководец, – он умный, он храбрый, да ведь он тактик, а у меня был план не тактический. Мы заспорили бы... а неприятель решил бы спор тем, что разбил бы нас. Вместо того – Ура! С нами Бог! И спорить было некогда!»

Плечом к плечу русские и австрийцы форсировали две реки, сбили турецкие заслоны. Построились в каре, оцетинились штыками, катили пушки в боевых порядках. Яростные атаки турецкой кавалерии отражались огнём, прорвавшиеся всадники гибли на штыках. «Шли мы по телам турецким, – писал Суворов, – на 2-х верстах более часу».

Турки засели в лесу, но союзники обошли его с двух сторон. Неприятель бежал к главным укрепленным позициям. Оттуда ударили пушки – русская артиллерия «принудила почти всюду их к глубокому молчанию». Суворов опрокинул слабейшее левое крыло турок и обрушился на правое: окопы взяли в штыки. В каменных укреплениях монастыря св. Самуила турки бились насмерть, но были сокрушены тяжёлой артиллерией; последние смельчаки взорвали себя на пороховых складах.

Основная масса турок бежала стремглав, погибая под саблями союзной конницы. Врага не стало, русские и австрийцы потеряли убитыми человек по 15, ранеными больше чем по

60. Интересно, что Суворов с 1780-х гг. точно различает в документах тяжело и легко раненных, получая соответствующий доклад от своей медицинской службы. Тяжело раненные в то время вполне могли умереть – и полководец следил за их лечением сам, зная даже характер ран. Турки потеряли 15 знамён, все пушки и 100 человек пленными. Всего 1,5 тыс. их погибло – прекрасный образец суворовского человеколюбия! В отличие от Кинбурна, противнику было куда бежать – и полководец постарался, чтобы бегство велось врассыпную. 30-тысячная армия Осман-паши испарилась без ужасных человеческих жертв.

Донесение Суворова было кратким: «21 июля 1789 году. Фокшаны. Мы здесь одержали победу!» «Невозможно довольно превознести похвалами... мужество, храбрость и расторопность всего союзнического войска», – написал он в подробном рапорте. «Наша маленькая армия жила по-братски и соревновалась в доблести», – хвалил он союзников в другом письме. «Сего месяца 21-го дня турки понесли большой урон, взято восемь пушек, двенадцать знамён и лагерь. Солдаты получили хорошую добычу, урон с нашей стороны весьма мал», – сообщил Екатерине II Потёмкин. Австрийский император прислал Суворову бриллиантовую табакерку в подарок и письмо с благодарностью за его «геройские подвиги» (Д II.522, 523, 525, 527; П 293, 313).

Теперь главное было «Пользоваться победою!» – то есть немедленно наступать, писал Суворов командующему русской армией Н. В. Репнину. «Отвечаю за успех, если меры будут наступательные. Оборонительные же? Визирь придет!» (П 295).

Но ему и Кобургу приказали... отступить на прежние позиции. И визирь (главный турецкий правитель), у которого разведка Суворова в августе насчитывала 30-тысячное войско (Д II.528), в сентябре нагрянул на австрийцев с 90-100-тысячной армией⁷⁶.

– Спасите нас! – призвал принц Кобург.

– Иду! – ответил Суворов.

Ночь, гроза, непролазная грязь, сорванный бурной рекой мост не замедлили похода «чудо-богатырей». «Слава Богу! Русские! Мы спасены!» – радостно кричали австрийцы 11 сентября 1789 г. Суворов разведкал позиции неприятеля у Рымника и предложил немедля двинуться на врага двумя колоннами: «На походе, встретившись с басурманами, их бить!» Перед рекой Рымной, «построившись ордером баталии, вмиг перейдя Рымну, идти храбро, атаковать... всех встречающихся варваров лагеря. Один за другим. До конца... Боже, пособи!.. Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня». Для быстрого прохождения пушек через «рытвины» генерал-аншеф приказал заготовить фашинник, для стремительного форсирования рек – привезти к ним понтоны (Д II. 534).

– Турок вчетверо больше! – ужаснулся Кобург. Вместе русских и австрийцев насчитывалось 18 тысяч.

– Все же не столько, чтобы заслонить нам солнце, – с усмешкой отвечал Суворов. И пояснил: – При таком неравенстве сил только быстрая атака обещает успех!

Видя колебания австрийцев, он пригрозил, что пойдет и победит один. Великий визирь Хасан-паша Дженазе не верил, что страшный русский полководец жив. «Суворов убит в Кинбурне!» – говорил он, уверяя к тому же, что для русских немислимо успеть на помощь австрийцам. Визирь пил кофе в роскошном шатре, когда ему доложили: «Суворов здесь и уже сражается!»

Ужас охватил турок. Их первая линия была «опровергнута с великим уроном», пока главные силы ещё не опомнились. Союзники подступали ко второй линии, построившись в необычный шахматный порядок, причем под углом друг к другу. «Удивить – победить», – говорил Суворов. Просто «принц Кобург имел путь длиннее, выстроил свои каре в линию, перейдя Рымну... немного позже меня, – объяснил Александр Васильевич причину построения армии под углом в реляции Потёмкину, – отчего после вышел род исходящего прямоугольника с интервалом».

⁷⁶ См. диспозицию сражения при Рымнике, рапорт и подробную реляцию: Д II.534–536.

Страшно смотреть на приложенный к реляции план сражения. Оно охватило колоссальное пространство, на котором 15 батальонов русской пехоты, 12 эскадронов карабинер и два полка казаков выглядят крохотными, а разрывы между ними, и особенно с австрийцами, огромны.

Русские шли на помощь австрийцам более суток, с полуночи на 9-е до утра 10 сентября, «в великий дождь с бурей», заночевав в ожидании, пока сапёры загатают 5 вёрст непроходимой грязи, прямо в поле. После днёвки в австрийском лагере они выступили к Рымне «на закате солнца» 10 сентября. «Ночь была приятная, небо украшено звёздами, шли в великой тишине, – писал Суворов, – ...кончили переправу на рассвете».

Визирь справедливо сомневался, что противник появился на его стороне вздувшейся от дождей реки с крутыми берегами. Но Суворов недаром ездил на разведку лично. Посланные им вперёд сапёры навели переправы через ручьи и реку, сровняв лопатами крутизну её берегов. До первого лагеря турок было ещё 7 вёрст марша в строю по «густым высоким бурьянам и кукурузным полям». Исползуй Суворов большое каре – оно было бы прорвано бешеными атаками турок. Батальонные каре держали строй, поражая неприятеля перекрестным огнём.

«Погода была приятная, – писал Суворов. – Солнечные лучи сияли весь этот день». До заката, когда кончилась битва, союзным войскам предстояло пройти с боем по пересечённой местности более 20 км: 7 вёрст на юг и затем вдвое больше на восток. Турки превосходили их мобильностью. До 40 тыс. у них составляла кавалерия. Даже янычары и арабы, сражавшиеся пешими, прибывали к месту боя и удирали на конях, на образец драгун. При всей стремительности атаки Суворова турки дважды успевали отвести назад свои батареи. Только наступление «на полном марше» позволяло угнаться за противником и везде бить его до полного сосредоточения.

«Полный марш» широким шагом от рассвета до заката требовал сверхчеловеческого напряжения сил пехоты. Кавалерия, раз за разом врубавшаяся в толпы неприятеля, опрокидывавшая его конницу и преследовавшая её несколько вёрст, утомилась не меньше. Тяжелые лошади карабинер не могли вынести такой нагрузки. И Суворов в разгар сражения ухитрялся давать войскам отдых! Один раз он «отдыхал с войском более получаса в поле при колодцах». Воистину его твёрдость духа в окружении бесчисленных турок превосходила воображение!

Пока Кобург с отчаянной храбростью отражал бешеные атаки, Александр Васильевич ударил по самой важной позиции визиря, где турки сосредоточились под прикрытием сильных батарей. Сквозь ядра и картечь неудержимо стремились русские каре на батареи, которые то и дело умолкали, накрываемые залпами молодцов-пушкарей.

«При сильном наступлении, – писал Суворов, – неприятель от пальбы и штыков знатно погибал!» Прицельная стрельба «без приказа», то есть не залпами, велась егерями, поставленными внутри каре гренадёр и мушкетёров. Там же, под защитой товарищей, находились резервы. За двумя линиями каре, временами разворачивавшимися в одну, отдыхала на шагу конница. В самом жестоком бою Суворов отводил в резерв то один, то другой конный полк.

Косая атака на прикрытые пушками позиции визиря завершилась победой вовремя. Окруженный сонмами турок принц Кобург сражался из последних сил, австрийцы по-русски ходили в штыковую! Герой Фокшан венгр Карачай семь раз врубался со своей конницей в орды турок, тщетно пытаясь удержать соединение между порядками союзных войск. Затем вместо 20 тыс. турок на полки Кобурга обрушились свежие 40 тыс. Принц не мог устоять...

Но Суворов велел передать: «Бояться нечего, я все вижу». И австрийцы, свято веря в «генерала Вперёд!», стояли как вкопанные, пока подоспевшие россияне не соединились с ними в один фронт. Войска перестроились в наступлении, артиллерия с ходу подавила батареи врага.

«Пространная страшная линия» союзников, полыхая пушечным и мушкетным огнем, дружно атаковала последнюю линию визиря: окопы и вал, где засели отборные янычары.

«Вся та линия в редком мужестве сама себя превзошла». Но Кинбурнский «ад» не повторился; Суворов запомнил, как в конце сражения на косе, после залпа артиллерии, дело решила конница. «С крыльев кавалерии, от наших каре, как и от соседних австрийских», ударили пушки. «Турецкие пушки умолкли, пострадавшее несказано от нашей пальбы их множественное войско, пехота и конница, пришло в колебание». В этот момент сквозь интервалы в пехотных каре на окопы полетела кавалерия! Турки опомнились уже под саблями разъяренных русских карабинер, драгун и гусар Карачая. «Мало пленных, – писал Суворов, – пощады не давали; и хотя их несколько сот, большая часть смертельно раненых».

Визирь, потеряв левое и правое крыло армии, имел ещё крупные резервы. Но паника уже заразила их. «Каре, эскадроны и лёгкие войска», пройдя через лес, вышли на огромное, в 6 вёрст поле и «обратили свою дирекцию на юг, за неверными в погоню». Великий визирь «поднимал Коран и увещевал им бегущих возобновить сражение, но они его слушать не хотели, отвечая, что стоять не могут».

Бегство огромной армии являло собой потрясающее зрелище. Ни пальба по своим из пушек, ни разрушенный по приказу визиря мост не останавливали обезумевшую толпу. Часть турок сражалась, часть – поджигала склады и повозки с боеприпасами, от взрывов которых союзники несли потери, но большинство просто спасалось. К закату союзники заняли брошенные турецкие лагеря и прекратили преследование. Турки потеряли убитыми лишь 6 тыс. человек, 80 пушек и 50 знамён (из них 31 взяли русские)⁷⁷. Но армии визиря больше не было.

Первый отчёт Суворова о великой победе при Рымнике был лаконичен: «При жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит визирь!.. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее». У русских из 7042 участников битвы (не считая штаба)⁷⁸ было убито 45, тяжело ранено 29 и легко – 104 человека; «австрийский урон немногим превосходит наш», – констатировал Суворов после тщательного подсчёта. Визирь умер от горя. Его солдат было больше затоптано и потоплено в бегстве, чем пало в бою. Суворов представил к наградам героев битвы. Потёмкин удивился их количеству. «Где меньше войска, там больше храбрых», – объяснил полководец (П 328)⁷⁹.

Замолчать славу победителя главного сражения войны было уже нельзя. В Петербурге гремели салюты. Екатерина Великая пожаловала Суворову титул графа Рымникского и «целую телегу с бриллиантами»: драгоценные знаки Андреевского ордена, шпагу «Победителю визиря», алмазный эполет, перстень... А главное – высший боевой орден Георгия I степени. Австрийцы сделали «генерала Вперёд!» графом Священной Римской империи. «Графиня двух империй, любезная Наташа-Суворочка! – писал растроганный генерал любимой дочери. – Вот каков твой папенька за доброе сердце. Право, чуть от радости не умер!» (П 319).

* * *

Сие исполнить свойственно лишь храброму и непобедимому российскому войску!

Однако война продолжалась. В победоносном наступлении русские войска встретили препятствие неодолимое – Измаил. Эта «крепость без слабых мест» (Д II.617), укрепленная

⁷⁷ По реляции Потёмкина Екатерине II (Д II.540). Суворов сначала насчитал 10 тыс. убитых. Турки считали свой урон в 60 тыс. (Д II.553).

⁷⁸ Ведомость о числе участников битвы по подразделениям: Д II.542.

⁷⁹ Список представленных к наградам героев Фокшан и Рымника: Д II.559. С. 497–502.

отличными инженерами – французами и немцами – оборонялась 35-тысячным фанатично настроенным гарнизоном. Осада Измаила меньшей по численности русской армией велась плохо. Генералы уже решили отступить, когда для определения, стоит ли продолжать осаду, вызвали Суворова (Д П.612). 2 декабря 1790 г. решающее подкрепление явилось к русским полкам из обледенелой степи в лице двух всадников на казачьих лошадаках. Это были Суворов и его ординарец Иван.

Увидав их, армия поняла, что Измаил будет взят «сразу, приступом». Суворов ещё не произнес ни слова, как судьба крепости была солдатами решена. В день своего приезда полководец осмотрел местность, придвинул полки к Измаилу, приказал доставить продовольствие голодным войскам и начать заготовку штурмовых средств⁸⁰. Непрístupную твердыню, сообщил Александр Васильевич начальству, возьмем, пожалуй, дней через пять.

«Глазомер! – говаривал он в таких случаях. – Сие есть быстрый обзор всех предметов для примерного определения числа и величины их... Увидел неприятельский лагерь, местоположение – и поздравил себя с победой!» Это была не похвальба. Накормленные, бодрые войска, тренируясь брать специально возведенное подобие укреплений Измаила, знали, что Суворов «решил овладеть этой крепостью, либо погибнуть под её стенами». Слов «отступление», «ретирада», утверждал полководец, он не знал «во всю мою жизнь, как не знал и оборонительной войны».

Диспозиция Суворова на штурм Измаила была необыкновенно, чрезвычайно для его приказов подробна (Д П.620–621. С. 528–535). Перед штурмом войска закладывали 4 батареи по 10 полевых орудий с укрытыми от огня ходами сообщения. Прикрывающие строительство батальоны должны были, сменяясь, лежать строем каре, с полковыми орудиями и конными резервами. Перед штурмом с полуночи до 6 утра все батареи и 8 бомбардирских кораблей, подойдя «в самую ближнюю дистанцию», вели огонь по определённым точкам укреплений.

На штурм русские войска шли со всех сторон крепости, пятью колоннами на суше и тремя десантами с Дуная, на паромах, шлюпках и баркасах. В голове каждой колонны с её командирами шли стрелки и рабочие со всем необходимым инструментом для прокладки войскам дороги в зависимости от разведанных укреплений. Каждой колонне были точно обозначены цели начала штурма и дальнейшего продвижения. Тыл колонн охраняли кавалерийские резервы. Они должны были войти в город, когда передовые стрелки и сапёры откроют ворота, а пехота будет драться на укреплениях.

Суворов предвидел, что жесточайший бой начнётся в городе, после взятия валов, бастионов и пороховых складов. «Всему войску строжайше запрещается, – приказал он, – взойдя на вал, никому внутрь города не бросаться и быть в порядке строя». Потеряв строй, солдаты лишались своего главного преимущества и потонули бы в толпах турок. Наступление в город от каждой колонны начинал, строго по приказу, один батальон. При атаке в город следовало «крайне беречься, чтобы нигде не зажечь, не сделать пожара» и избежать взрыва скрытых пороховых складов. «Христиан и обезоруженных отнюдь не лишать жизни, разумея то же о женщинах и детях!»

В дополнении к диспозиции Суворов приказал каждой колонне, помимо конного, иметь по два и три батальона резерва. «Обоз поставить в вагенбурге, за четыре версты, в закрытом месте». То есть и лагерь русский должен быть защищён при любом повороте событий. Из войск, первоначально оставленных для его охраны, Суворов сформировал шестую колонну, выделив ей точные цели атаки. Масса офицеров, бывших без команд, и даже придворные рвались в бой. Суворов, приказывая командирам быть впереди, понимал, что они понесут потери, и распределил волонтёров во все колонны.

Перед самым штурмом, в темноте, начальники колонн должны были «с присутствием духа» разведать пути до крепостного рва. Солдаты ждали штурма в 300 сажнях от рва лёжа.

⁸⁰ Подробнейший рапорт Суворова о взятии Измаила: Д П.637. С. 543–577.

Для согласования времени атаки всем командирам следовало сверить «карманные часы» – это был первый в истории приказ такого рода. Общий сигнал к атаке давался ракетами. Для того чтобы ракеты не испугали турок, их следовало пускать перед рассветом из разных мест каждую ночь. Но за 15 минут до сигнала колонны и десанты могли начать скрытное выдвижение, для этого и нужны были точные часы. «Хотя всю ночь употребить на внушение мужества», – приказывал Суворов, но атаку следовало начать тихо.

Победа любой ценой была полководцу противоестественна. «Солдат дорог! – говорил он. – Мне солдат дороже себя». И неприятель, хотя басурман – тоже человек. На военном совете было решено «приступить к штурму неотлагательно». Однако, всегда «соблюдая долг человечества», Суворов позволял туркам сложить оружие, «дабы отвратить кровопролитие и жестокость» (Д II.623). Предложение почетной капитуляции от 7 декабря он сопроводил доступным каждому объявлением:

«Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войском сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи – и воля; первые мои выстрелы – уже неволя; штурм – смерть. Что оставляю вам на рассмотрение»⁸¹.

История сохранила гордый ответ турок: «Скорее Дунай остановится, и небо падет на землю, чем сдастся Измаил!» Срок ультиматума вышел. Утром 9 декабря состоялся военный совет. Генералы «все единогласно, видя невозможность по позднему годовому времени продолжить осаду и почитая постыдным победоносному Её императорского величества оружию отойти от крепости, положили быть приступу».

На военном совете Суворов не зря «требовал от каждого их мнения». Постыдным отступление считал он сам – другие русские генералы и фельдмаршалы отступали многократно. В данном случае ситуация была на стороне Александра Васильевича. Австрия, запуганная Пруссией, позорно вышла из войны с Портой. Суворов и его «шеф» Потёмкин внимательно следили за процессом австрийской измены, но помешать предательству не могли. Европейские державы объединились, чтобы лишить Россию её завоеваний на юге. Пруссия, Франция, Англия и Голландия поддерживали турок, требуя от русских передать «дело мира» в их руки.

Как обычно, единственными верными союзниками России оставались её армия и флот. В августе из войны была выбита Швеция; на Чёрном море адмирал Ушаков потопил турецкий флот. В сентябре 40-тысячная турецкая армия была разбита на Кубани. В октябре русским сдались на Дунае крепости Килия, Тульча и Исакча. В ноябре всё нижнее течение Дуная было в наших руках, кроме крепости Измаил. Суворов понимал, что желание Екатерины II и Потёмкина взять Измаил не означало утверждения России на Дунае. Это был лишь способ заставить турок пойти на мир, оставив за Россией Крым, Кубань, Очаков и земли до Днестра.

Александр Васильевич в письмах, в том числе Потёмкину, предлагал другой способ воздействия на Турцию: перейти Дунай, объявить манифестом свободу Болгарии и наступать на Стамбул, пока мир не будет подписан. Это, при его искусстве полководца, требовало меньше жертв, чем штурм такой мощной крепости, как Измаил. Даже с помощью осадной артиллерии, которой он не располагал, обезвредить вкопанные в землю бастионы за короткий срок было нельзя. Наступать с 30 тыс. против 35, имея половину войска нерегулярных казаков, значило в лучшем случае понести огромные потери. Суворов не мог позволить массе вооруженных турок выйти из города в свой обезлюженный тыл, сделать им «золотой мост» для сокращения жертв. Битва с храбрыми людьми, которым некуда отступать, предстояла кровавая. Всё, что мог сделать полководец, – организовать невозможный по нормам военной науки штурм так, чтобы уменьшить русские потери.

⁸¹ А. В. Суворов. Письма. С. 609 (комментарий).

10 декабря 1790 г. «по восходе солнца с флотилии, с острова и с четырёх батарей... открылась по крепости канонада и продолжалась непрерывно до тех пор, когда войска пошли на приступ». К ночи турецкие пушки совсем перестали отвечать. В 5.30 утра 11 декабря колонны и десант в густом тумане двинулись на штурм.

«Храбрые воины! – гласил приказ Суворова войскам, созвучный речи древнего русского воителя, неустрашимого князя Святослава. – Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам надлежит не сражение, которое бы в нашей воле состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании, и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою!»

При приближении русских готовые к штурму турки ударили картечью и залпами с бастионов и вала. Пока егеря отвечали на огонь, линейная пехота с офицерами впереди спустилась в ров, приставила лестницы и взошла на вал. Заняли валы и бастионы и десантники с Дуная. Отразив вылазки и контратаки турок, русские с подкреплением резервов к 11 часам заняли весь периметр укреплений. В открытые ими ворота вошла кавалерия и полевая артиллерия. Гусары Воронежского и карабинеры Северского полков, «спешившись и отобрав ружья и патронницы от убитых, вступили тотчас в сражение».

Главным оружием везде был штык – им солдаты сомкнутыми рядами очищали город. «Мужество начальников, ревность и расторопность штаб и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат, – рапортовал Суворов, – одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами... Таким образом совершена победа. Крепость Измаильская столь укрепленная, столь обширная и казавшаяся неприятелю непобедимой, взята страшным для него оружием российских штыков!»

История ещё не знала сражения столь жаркого и победы столь полной, как взятие Измаила 11 декабря 1790 г. «Нет крепче крепости, нет отчаянней обороны, как Измаил, павший пред... кровопролитным штурмом» (Д II.629). Почти все генералы и офицеры получили раны. Но Суворов доказал, что с русскими «чудо-богатырями» «самый кровопролитный штурм стоит меньше, чем осада». Русские потеряли убитыми до 2 тыс., ранеными – свыше 2,5 тыс. (Д II.631, 637) – в мирное время в армии больше умирало в год от болезней.

Турки стояли насмерть. Из 35 тыс. вооружённых противников (неприятель насчитывал у себя 40 тыс., но Суворов счёл это преувеличением) 1 человек бежал, 26 тыс. было убито, 9 тыс. взято в плен. И воистину поразительно миру было узнать, что, сражаясь, как львы, суворовские солдаты великодушно щадили обезоруженных врагов. Они спасли жизнь тысячам женщин и детей, многие из которых участвовали в сражении, спасли 4285 мирных молдаван, 1400 армян, 135 евреев и некоторое число татар Измаила. После битвы они были «вновь в город введены в их жилища».

Несмотря на ярость схватки, приказ Суворова «обезоруженных отнюдь не лишать жизни» был выполнен. Турки, засевшие в «мечети, двух каменных ханах и в казематной каменной батарее», прислали парламентёров и сдались. Их было более 4250. Ещё больше было взято в плен мелкими группами. Почти все пленные были изранены, «назавтра до двух тысяч от ран померло». «Более тысячи» Суворов оставил местным жителям на «пропитание» и лишь 6 тыс. отправил в Бендеры.

Русские войска взяли в Измаиле богатую добычу. Было захвачено 345 знамён, 265 орудий, «большой пороховой погреб и разные снаряды». Львиную часть рапорта Суворова составляет описание подвигов генералов, офицеров и сержантов, представленных им к наградам (солдат полководец наградил сам).

«Невозможно превознести довольно похвалой мужество, твёрдость и храбрость всех чинов и всех войск, в этом деле подвизавшихся. Нигде более выразиться не могло присутствие духа начальников, расторопность и твёрдость штаб и обер-офицеров,

послушание, устройство и храбрость солдат!» В тяжелейших условиях, при разгроме превосходящих сил неприятеля, засевавшего в прочной твердыне, они «сохранили всюду порядок. Сие исполнить свойственно лишь храброму и непобедимому российскому войску!» – завершил Суворов свой рапорт. И он был прав. В то время даже враги и завистники России признали, что в Европе нет армии, способной на такой подвиг⁸².

Победитель имел уже все высшие российские ордена. Как о лучшей награде, он просил о достойном воздаянии героям штурма Измаила. Чтобы наградить его, императрица велела выбить для войск медаль в память штурма Измаила. Александр Васильевич стал подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, где полковником была сама государыня. Правда, таких подполковников было уже 10. Фельдмаршальский чин, о котором мечтал Суворов, он не получил...

Глава 9 Наука побеждать

Шаг назад – смерть. Всякая стрельба кончается штыками.

Однако придворные завистники не дремали. Торжество великой победы в столице Российской империи прошло без Суворова. Под предлогом «осмотра» Финляндии он был удален из Петербурга в дикое захолустье. И... вскоре привез оттуда подробный план укрепления шведской границы! Не растерялась и императрица Екатерина – издала рескрипт: «Повелеваем прилагаемые Вами укрепления построить под ведением Вашим...»⁸³

«Государева служба мне здесь несказанно тяжела, (но) по святости усердия невероятно успешна», – писал Суворов. О бурных событиях в Европе, о завершении войны с Турцией он узнавал теперь из немецких, австрийских, французских и польских газет. Но: «дело в движении!» Он получил под команду больше войск, чем имел под Измаилом, и лично отвечал за их благополучие. «Солдаты мрут» – значит надо исправить всё, начиная с гигиены, питания и кончая госпиталями. «За нерадение в точном соблюдении солдатского здоровья, – объявил Суворов, – начальник строго наказан будет!» «Медицинские чины, от высшего до низшего, имеют право каждый день мне доносить на небрежущих солдатское здоровье разного звания начальников».

В полтора года Финляндия наполнилась мощнейшими каменными крепостями, укрепленными портами военного флота, четырьмя каналами для передвижения русских судов минуя шведские воды, сетью полевых укреплений... «Очень красивы, крепки и прочны! – радовался на свои постройки Суворов. – ...Нет ничего красивее и прочнее этих пограничных крепостей». В каждой из них высился новый православный храм, наполнявший духовной силой защитников русских рубежей.

В Финляндии, писал Суворов, «я не отдыхал и в праздники имел мои работные часы». Он не только обучал солдат «Науке побеждать», но даже командовал флотом и проводил морские маневры! Он составил долгосрочные планы на случай оборонительной и наступательной войн в Финляндии с тонким научным анализом возможных ситуаций и прогнозами, сбывшимися через десятилетия, когда здесь воевал его лучший ученик, князь Багратион. Словом, даже в захолустье полководец дал придворным завистникам повод злобствовать. И, хотя временами говорил об отставке, грозился «бежать от мира в деревню», – утверждал, что вопреки «стоглавой скотине» – царскому двору – у него хватит сил «на другие пятьдесят лет службы».

Из Финляндии полководца вырвали опасные события на других рубежах. Польша

⁸² Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. С. 197.

⁸³ О службе полководца в Финляндии: Д Ш.1-174; П 364–422.

кипела – «Польские дела не требуют графа Суворова!» – написала императрица. Поддержав короля Станислава Понятовского, Россия и Пруссия ввели в страну свои войска и... договорились о втором разделе Речи Посполитой. Но зашевелилась военная машина Турции – в конце 1792 г. пришлось послать Александра Васильевича командующим войсками на пограничных землях Юга России: в Екатеринославской губернии, Крыму и «во вновь приобретённой области» между Бугом и Днестром.

Слух об этом назначении быстро дошел до Стамбула и, по словам русского посланника, изрядно отдалил возможность войны. А Суворов воспользовался случаем укрепить армию и всю военную систему Северо-Западного Причерноморья. Он заложил первые камни знаменитых в будущем городов Одессы и Тирасполя, возвел множество крепостей, расширил Севастопольский порт⁸⁴.

Судьба, однако, снова вела его в Польшу, поднявшую освободительное восстание против России, Австрии, Пруссии и своего короля Станислава Понятовского. Поляки на сей раз были отлично подготовлены в военном деле. Их армия упорно училась 20 лет. Под командой Тадеуша Костюшко и иных отличных генералов польские регулярные войска вынудили полки Австрии и Пруссии отступать с захваченной ими земли. Русский 12-тысячный гарнизон в Варшаве, призванный поддерживать польского короля, был предательски атакован в ночь на 7 апреля во время пасхального богослужения и с большими потерями пробился из города. К августу повстанцы, совершая смелые рейды по тылам карательных армий, заставили армию прусского короля Фридриха-Вильгельма II и русский корпус Ферзена уйти от Варшавы. Корпус Репнина был принуждён к отступлению в Литве, австрийский генерал Гарнонкурт – изгнан из Люблинского воеводства.

Конечно, силы сторон были неравны. В самой Польше царил разлад. Завоевателям требовалось лишь время для переброски новых дивизий, чтобы залить страну кровью. Спасти жизнь и честь восставших поляков могло лишь чудо. И оно явилось в лице Суворова⁸⁵. Фельдмаршал Румянцев, возглавив войска на Юге России, поручил ему поддержать прусскую армию в Польше и русский корпус в Литве, не дав, впрочем, армии: «Ваше имя одно... подействует на дух неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи». Прекрасно обученные Александром Васильевичем войска остались на границе для защиты от турок. 14 августа Суворов ринулся из Немирова в Польшу всего с 2 полками и 2 батальонами, собирая по пути разрозненные отряды и сколачивая из них войско.

Впоследствии Екатерина Великая заявила: «Я послала две армии в Польшу – одну действительную, другую – Суворова». Легендарные молниеносные переходы делались полководцем с командами, которые он присоединял в пути. Для их обучения своей «победительной» тактике Александр Васильевич издал развёрнутый приказ о боевой подготовке применительно к борьбе с мятежниками в полях, лесах, болотах, на узких улицах и пр. (Д Ш.359).

«Во всяком случае сражаться холодным оружием, – приказывал генерал-аншеф. – Действительный выстрел ружья от 60-ти до 80-ти шагов (43–57 м при уставном шаге в аршин. – *Авт.*): если линия или часть её в движении на этой дистанции, то стрельба напрасна, а ударить быстро вперёд в штыки».

Пехота обучалась атаковать, при строжайшем, постоянно тренируемом соблюдении строя, в каре, колоннах и линиях, перестраиваясь применительно к противнику и местности. Все решения о построении и выборе направления атаки принимал командир подразделения. Он «при начале боя не ожидает никакого повеления от высшего командира, не имеет времени ни о чём докладывать и только его о произошедшем извещает».

«Во время атаки, – требовал Суворов, – все командные слова подтверждать

⁸⁴ Устроительная деятельность на Юге России в 1792–1794 гг.: Д Ш.175–353; П 423–503.

⁸⁵ Польская кампания 1794 г.: Д Ш.354–428; П 465–503.

громогласно взводным командирам. Когда же “ура”, тогда взводные командиры в кавалерии – “руби!”, в пехоте и казаках – “коли!” (приказывают) громогласно». Генерал-аншеф строго требовал краткости и ясности команд, без возможности их двоякого толкования. Он сам рекомендовал такие команды (вдобавок к уставным), приказав немедленно снимать командиров, не способных чётко отдавать приказы.

В линиях Суворов рекомендовал старые три шеренги. Изначально линии предназначались для залпового, «батального» огня. Генерал-аншеф его признавал при условии, что стрельба ведётся прицельно, чему солдат следовало учиться. Против турок, добавлял он, залпа вообще «употреблять не должно».

В огневом бою первую линию Суворов запретил ставить на колени. Это придавало строю статичность. Вместо этого он приказал скашивать шеренги «так, чтобы второй и третьей шеренги солдат имел свой приклад у правого плеча своего предстоящего». Главное – «ни в каких построениях и в выравнивании фронта не пятиться назад. Шаг назад – смерть. Всякая стрельба кончается штыками».

В каре, как и на войне с турками, залпового огня вообще не было – только прицельный огонь с фасов и от стоящих внутри егерей. Суворов объяснил, почему «каре никогда не стоит на месте!» Это строй наступления. Солдаты могут загнуть линию в каре, например, чтобы защитить свою слабую конницу от сильной кавалерии противника, но наступление должны продолжать.

Колонна ещё более предназначена к движению. В ней солдаты сразу «берут штык по-офицерски» (то есть опустив правую руку, держащую ружьё под приклад). Пехоте и кавалерии Суворов рекомендовал выдвигаться для атаки, особенно в узких местах, колоннами взводов, полудивизионов, батальонов и эскадронов. Так сразу можно было атаковать «неприятельские иррегулярные толпы», которые «идут слепо вперёд на картечь».

В регулярном сражении колонны можно спешно развернуть в линию без интервалов, «дабы каким интервалом неприятель не воспользовался». Или свести в 2 линии каре с интервалами, в шахматном порядке, как лучше всего против турок. Полевые укрепления берутся штыками каре, крепости – «колоннами на штыках».

Атаки не должны быть безумными: «На неприятеля начинать атаку всегда со слабой его стороны!» – требовал Суворов. Но – с целью уничтожения главных сил. У поляков сильнейшей была кавалерия. Поэтому «главное правило: неприятельская кавалерия сбита, пехота его пропала». Против польской кавалерии, стоявшей обычно на флангах, следовало использовать сильный кавалерийский фланг (слабый же замкнуть в каре пехоты).

На требования Суворова к регулярной кавалерии историки обращали мало внимания, ошибочно считая её неким приложением к «царице полей» пехоте. Но генерал-аншеф полагал регулярную конницу всё пробивающим тараном. Его требования к конной атаке сомкнутым строем, в одну линию, стремительным карьером, были чрезвычайно высоки.

«Наша кавалерия, – приказывал Суворов, – когда опровергнет неприятельскую и встретит позади её линию пехоты, без малейшей остановки должна её прорубить», даже если за ней стоит третья неприятельская линия! «Когда, проколов неприятельскую линию пехоты, повстречались со скачущей на неё неприятельской конницей, то всю её так же поспешно атаковать и прокалывать! Так делать и с иными линиями».

При атаке русской пехоты на польскую, увидав, что за ней в резерве есть конница, русская кавалерия должна, на всём скаку проскакав через свою пехоту, «сколько успеет в карьере кончить неприятельской пехоты» и «врубиться в неприятельскую конницу». Кавалерия должна «проворно на карьере» прорубать даже густую толпу неприятелей и, не теряя темпа, «построив свою линию», срубать всё позади неё.

Такое кажется фантастикой сегодня и казалось сказкой современникам полководца. Считалось, что кавалерия не может пробить плотный пехотный строй, не разбитый артиллерией. При Бородино и Ватерлоо огромная масса тяжелой кавалерии Наполеона не сумела прорвать каре русской гвардии и англичан. У Суворова эскадроны должны были «прокалывать» всё!

Генерал-аншеф требовал, чтобы на учениях «кавалерия, приученная к крестной рубке (на обе стороны. – *Авт.*), проезжала насквозь на саблях другую линию кавалерии, или спешенной, или пехоты, под пальбой этих последних, дабы кони приучены были к огню и дыму, как и к блеску холодного оружия, а седок к стремям и поводьям».

Конница брала батареи и незамкнутые с тыла полевые укрепления. Только там, где кони действительно не могли пройти, на штурм шла пехота в штыки. Конница добивала неприятеля, организуя преследование так, чтобы он ни в коем случае не мог отдышаться и построиться вновь, сделав первое его побиевание напрасным. Пехота должна была как можно скорее, не теряя строя, следовать за кавалерией, чтобы при необходимости поддержать её.

Даже иррегулярные казаки, появившись у неприятеля в тылу, могли вызвать у него «большое замешательство». Именно атакой с тыла следовало брать защищённые пушками мосты, плотины, тесные выходы из леса или ущелья. Вообще «всякое дефиле, ограждённое пушками», следовало «атаковать в крайности, а лучше обходить и отрезать». Неприятеля, оказавшегося в тылу у русских, следовало не опасаться, а быстро разбить частью резерва или второй линии, сообразно его силам.

Атаковать неприятеля, даже занявшего в малом числе неукреплённую деревню, Суворов приказывал неожиданно, на рассвете или ночью, в идеале предварительно окружив. Впрочем, «сюрприз – нечаянное нападение – ...у искусного военачальника бывает днём».

Помимо частых строевых упражнений пехоты и конницы, приказ обязывал учиться экономить заряды, чтобы сохранять имевшиеся в подсумке боеприпасы на три дня и в атаке всегда иметь пулю в стволе. Суворов вовсе не запрещал стрелять, как поверхностно толкуют его требования историки. Он требовал целиться и попадать.

«Исправная стрельба в мишень, – гласит отданный в Польше приказ, – великой важности: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патронов. Здесь коннице лучше стрелять на скаку!»

«Приказ сей да будет читан всем нижним чинам!» – передал в войска генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, прекрасный военный, верный помощник Суворова при взятии Измаила и спасении Польши. «Правила на всякое приуготовление и на случай сражения от его сиятельства господина главнокомандующего предписаны. Должно их затвердить всем господам штаб и обер-офицерам и внушить нижним чинам и рядовым, чтоб каждый знал твёрдо ему предписанное».

Так, прямо на марше, из разрозненных отрядов, батальонов, эскадронов и полков формировались непобедимые «чудо-богатыри». Они учились на ходу, с примкнутыми штыками и повешенными через плечо подсумками с патронами. «Легко в ученье – тяжело в походе, – гласил приказ, – тяжело в ученье – легко в походе».

От себя Потёмкин раскрыл один пункт приказа – о достойном поведении солдат в чужой стране. Суворов писал: «В поражениях сдающимся в плен давать пощаду. Во всех селениях вообще, где неприятель обороняться будет, естественно должно его кончить в домах и строениях. Крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операциях есть наивреднейший! Иное дело – штурм крепости. Там, по овладении, с разрешения, сколько-то времени законная добыча, подобно тому, что до неприятельского лагеря, по его овладении».

Павел Сергеевич счёл, что в стране, где одни встречают русских хлебом-солью, а другие в них стреляют, надо донести до солдат эту мысль яснее.

«Строжайше рекомендую всем господам полковым и батальонным начальникам внушить и толковать нижним чинам и рядовым, – написал он, – чтобы нигде при переходе местечек, деревень и корчем ни малейшего разорения не делать. К продовольствию войск съестное будет взято по учреждению. И если выше сего сказано, чтоб мстительно наказывать военных поляков и вооружённых обывателей, то напротив того, пребывающих спокойно щадить и нимало не обидеть, чтобы не ожесточить сердца народа и притом не заслужить порочного названия грабителей».

Бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски!

К сражению 6 сентября 1794 г. с 16-тысячным корпусом генерала Сераковского Суворов имел уже около 13 тыс. солдат, включая обозных и кашеваров. «Сей мятежнический корпус, – отметил Александр Васильевич уважительно, – состоял из лучших их войск, знатной части старых коронной гвардии и иных полков, исправно обученных», при 28 пушках⁸⁶.

Сераковский умело расположил войска, имея за спиной каменный Крупчицкий монастырь, на флангах – лесистые возвышенности, а перед фронтом – прикрытую пятью батареями топь. Суворов атаковал под шквалом картечи через болото: час длился этот убийственный переход. Но с полководцем в первых рядах солдаты прошли сквозь огонь, ударили в штыки, с флангов налетела обошедшая поляков конница.

Тем не менее Сераковский сумел выдержать десятичасовое сражение и спасти часть своего корпуса. Только через два дня, под Брестом, Суворов настиг и в труднейшей местности наголову разбил вызывающего восхищение противника. Сераковский и его товарищ Понятовский, потеряв войско, знамёна и 28 пушек, ушли с 4 офицерами и не более 70 здоровыми солдатами. «Помогать раненым полякам!» – приказал Суворов на скаку, спеша догнать и разбить ещё не сложившие оружие части повстанцев. «Следующие два дня, – отметил он в рапорте, – пехота и казаки стреляли и кололи не сдающихся, скрытых в лесах и топких местах».

Сдавшихся и обещавших «жить в своих домах спокойно» Суворов отпускал. Разбив ещё один корпус повстанцев, полководец 6 октября объединил под своим командованием уже 25 тыс. солдат и поспешил спасать Варшаву, не дожидаясь ни пруссаков, ни австрийцев. «К содействиям на пруссаков надежды нет, – писал он командующему в Польше Репнину, – австрийцы малосильны» (Д Ш.402).

Суворову предстояло повторить в Польше подвиг штурма Измаила. Польские отряды со всей страны сбегались к столице, намереваясь дать здесь решительный бой. Александр Васильевич получил от Румянцева право командовать войсками в Польше, но официально командующим был назначен Репнин. Приказы Суворова выполнялись плохо, а ему, памятуя недавние подвиги поляков, приходилось ещё и тщательно охранять свои тылы.

Тем не менее уже 15 октября он был под Варшавой, разгромив 5020 мятежников при селе Кобылка. Несмотря на помощь из Варшавы, с 5-часового сражения в лесу противник не ушёл: «неприятель весь погиб или взят в плен». Русским досталось знамя и 9 пушек. В плен было взято 850 поляков, в том числе 6 штаб- и 44 обер-офицера (Д Ш.400, 404).

Мощно укрепленное предместье Варшавы Прагу обороняла 26-тысячная армия, «почти все регулярные». С вооружёнными обывателями число мятежников достигало 30 тыс.⁸⁷ На трёх линиях укреплений они расположили 104 пушки, в том числе много крупнокалиберных. Суворов, присоединив к своему корпусу под командой Потёмкина корпуса Ферзена и Дерфельдена, смог собрать при 86 полевых орудиях, как подсчитали историки, 28–30 тыс. солдат, в их числе 12 тыс. кавалерии.

Однако так ли это? Вся польскую кампанию Александр Васильевич действовал чрезвычайно осмотрительно. Прага была укреплена прекрасно, как показала визуальная разведка, проведённая с генералами и штаб-офицерами 18 октября (при этом 1 человек его свиты был убит и 2 ранены. – Д Ш. 402, 403). Вокруг русских войск, стянутых Суворовым к Праге с окрестных воеводств, продолжался мятеж. Жители Варшавы поддерживали бунтовщиков, собранных на восточном берегу Вислы в Праге, только продовольствием, но

⁸⁶ Подробные репортажи о сражениях при Крупчицах и Бресте Литовском: Д Ш. 372, 378.

⁸⁷ Ср. рапорты и подробную репликацию Румянцеву о штурме Праги: Д Ш. 408, 408а, 423.

при малейшей неудаче русских могли умножить их ряды многократно.

Александр Васильевич не указывал в рапортах численность своих войск, но детально перечислил состав 8 колонн, участвовавших в штурме, и их резервов. Это 37 батальонов и 2 полка пехоты: в сумме 41 батальон, в среднем по 850 (1 тыс.) солдат и офицеров, то есть уже 34 850 (41 тыс.) бойцов (без учёта солдат и сержантов полкового хозяйства). Плюс 70 эскадронов регулярной кавалерии, в среднем 120–150 человек, всего 8400–10 500 клинков. И ровно 2680 казаков. Получается 45 930–48 030 (52 080–54 180) человек, не считая массы волонтеров, приехавших к Суворову из разных мест (даже из Петербурга), и полагая артиллеристов включёнными в численный состав полков.

13 эскадронов Кинбурнских и Смоленских драгун (1560–1950 палашей и карабинов), согласно рапорту Суворова, были спешены. К ним следует присоединить 9 эскадронов Переяславских и Елисаветградских конных егерей, успешно сражавшихся и в пешем строю (1080–1350). Значит, Суворов задействовал в решительном штурме Пражских укреплений до 35 (41) тыс. пехоты при поддержке до 3300 спешенных конников с карабинами, не считая кавалерии, которая, согласно диспозиции, должна была ворваться на улицы, когда пехота откроет ей ворота.

Штатная численность строевых бойцов полка (с артиллеристами) превышала 1,5 тыс. человек, а на практике была меньше. Общее число суворовских солдат могло быть меньше на несколько тысяч. Но в документах польской кампании Александр Васильевич не отмечал значительной некомплектности подразделений. Снижать численность его войск с 46–48 тыс. до 30 нет оснований. Львиную их долю, штатно 38 тыс., реально около 35 тыс., он устремил на штурм Праги, обеспечив наступающим не только качественное, но и численное превосходство. «Польша требовала массивного удара», – вспоминал он в 1800 г., незадолго до смерти (П 684. С. 386).

Целую неделю солдаты учились работать со штурмовыми орудиями и лазать по широкому, на двоих в ряд, лестницам, «как под Измаилом». Они прикрывали плетнями волчьи ямы, забрасывали ров фашинами, приставляли лестницы к деревьям и т. п. Особую тренировку «стрелять по головам», прикрывая штурмующих от вражеского огня, проходили егеря (Д III.398). Впрочем, стрельбе в скрытого противника егеря у Суворова учились с самого начала кампании.

В двух диспозициях на штурм, объявленных каждому солдату, Александр Васильевич учёл опыт взятия Измаила (Д III.405, 406). Впереди шли добровольцы-«охотники», с ними рабочие со штурмовыми приспособлениями. С одной стороны колонны двигались сапёры с шанцевым инструментом, с другой – меткие стрелки. Вооружены были все: «у рабочих ружья через плечо на погонном ремне». До команды «Ура!» все должны были идти молча, без выстрела. «Подожли ко рву, – ни секунды не медля бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы! Охотники, стреляй врага по головам! Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? – Штык в вал, лезь по нему, другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Став на вал, опрокидывай штыком неприятеля – и мгновенно стройся за валом».

Полководец не сомневался в победе. Но во что бы то ни стало хотел спасти от разрушения столицу Польши и избавить от ужасов войны её жителей. Потому, помимо указаний на победительный штурм, диспозиция требовала «стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать!»

В дополнение к главной диспозиции Александр Васильевич приказал солдатам выучить польские слова: «згода» (мир, сдавайся) и «отручь бронь» (положи оружие). «Которые положат оружие – тех отделить: вольность, паспорта! Которые же нет – ...бить, кончать в час!.. Строго напоминаю: операцию вести быстро, удар холодным оружием, догонять, бить... принуждать к сдаче. Дотоле не отдыхать, пока все мятежники взяты не будут».

Войска сбили вражеские пикеты и придвинулись к крепости 22 ноября. В тот же день

генералы ещё раз обозрели укрепления мятежников, а в ночь были построены три батареи по 16, 22 и 48 орудий. «Батареи были построены только для того, чтобы отвлечь неприятеля от ожидания приступа». На рассвете 23-го все батареи открыли огонь, «на который мятежники отвечали живо, но с весьма малым для нас уроном». Под гром пушек генералы распределили войска по штурмовым колоннам. В 3 часа пополудни 24 октября они выступили из лагерей. Перед рассветом, в 5 утра, была пущена сигнальная ракета. Штурм начался.

В отличие от штурма Измаила колонны наносили удар в разное время. Одна выступила гораздо раньше других, чтобы обойти Прагу и атаковать её с нижнего течения Вислы, через лес и протоку. Четыре колонны ударили сразу, по ракете, а ещё две взяли паузу, дожидаясь, когда первые прорвут передовые укрепления и мятежники стянут силы к ним.

Польская оборона была хорошо продумана. Подходы к каждой из трёх линий обороны были закрыты волчьими ямами и рвами. Огонь с валов и бастионов многократно перекрывался. Однако замедлить стремительное наступление русских солдат не могло ничто. Вражеские валы были преодолены, батареи одна за другой были захвачены.

Польская кавалерия была готова к контрударам. Но русские принимали её на штыки, не замедляя наступления. Два эскадрона Киевского конно-егерского полка, «перескакав через ров» (!), добились конницу мятежников. Драгуны спешивались, но основная часть кавалерии пролетела укрепления на полном скаку: резервы пехоты в нескольких местах разрыли валы и засыпали рвы. По открытой дороге в город вошла артиллерия.

Суворов ставил задачей первым делом прорваться через набитую мятежниками Прагу и захватить мост через Вислу, чтобы бой не перекинулся в Варшаву. Перед штурмом он был болен от опасений за город. Напрасно! Русские солдаты всего за три часа прошли сквозь огонь и неодолимые преграды, взяли мост, разоружили мятежников и спасли столицу Польши.

Спасти удалось и немалую часть засевших в Праге мятежников. Из всего их сонма убито было около 12 тыс., 10 тыс. попало в плен, 2 тыс. конных ускакали врассыпную, остальные разбежались по домам. Русские потеряли до 300 человек убитыми и до 500 ранеными. Уже к 27 октября Суворов пленных рассортировал. 3 генерала, до 500 штаб и обер-офицеров и до 4 тыс. регулярных рядовых он отправил к Румянцеву в Киев, вместе со 101 трофейной пушкой. Более 6 тыс. ополченцев и вооружённых обывателей отпустил по домам, равно как 313 освобождённых им пруссаков и 63 австрийцев (Д III.408а, 414).

Равный доблестью величайшим в истории полководцам, Суворов всех превзошел милосердием. Варшавскому магистрату он предложил не капитулировать, а «дружески условиться» о мире – и полностью отказался от контрибуции. «Обыватели в их особах и имениях ничем повреждены и оскорблены не будут!» – твёрдо обещал Александр Васильевич. Всем польским воинам была дарована свобода с сохранением у офицеров оружия.

Магистрат, просивший русских скорее вступить в город, от имени горожан поднес Суворову табакерку с лаврами из бриллиантов и надписью: «Варшава своему избавителю». «На самом берегу, при переходе моста, – рапортовал Суворов Румянцеву, – магистрат и всё мещанство, выйдя на встречу победителям с хлебом и солью, поднесли городские ключи. Берег, улицы, площади все были усыпаны народом, повсюду кричали: “Виват Екатерина!”» Магистрат вернул Суворову до 1400 томившихся в польском плену русских, военных и чиновников. Восставшие возвращались в столицу «целыми бригадами, батальонами, эскадронами и ротами, слагая оружие»⁸⁸.

Суворов с огромным облегчением подчеркивал, что операция завершилась «без кровопролития». Вся его кампания, из которой он исключал 29 дней ожидания войск и приказов в Бресте, длилась 44 дня (Д III.425).

«Виват, великая Екатерина! – рапортовал Суворов Румянцеву 8 ноября 1794 г. – Всё

⁸⁸ Дружеские переговоры с варшавским магистратом: Д III.409, 411, 412, 425.

кончено, сиятельнейший граф! Польша обезоружена» (Д Ш.427).

13 ноября он представил Румянцеву «Окончательный журнал» действий по разоружению Польши. «Огромное ополчение польских войск и всего народа возмущившегося силы низложены до конца, – гордо писал Суворов. – Сия дерзновенная рать, противоборствовавшая целое лето с шумом важности, ныне победоносными ее императорского величества войсками, мне вверенными, разрушена, обезоружена, обращена в ничто. Блистательное взятие Праги и истребление тут при штурме и на баталии знатнейших мятежников армии потрясло до основания все их силы. Покорение Варшавы привело их в состояние невозможности противиться победителям. Неутомимая погоня вслед за ними отправленных войск довершила последнее их уничтожение!»

После взятия Варшавы в Польше оставалось 30 тыс. мятежников. 4 ноября их было уже 20 тыс. А через 10 дней энергичными действиями суворовских войск все они были «развезены» или сложили оружие перед победителями. Солдаты и офицеры были сразу отпущены по домам. Военачальники, давшие обещание не воевать против России, могли остаться в Польше или получить паспорта на выезд за границу.

«Так кампания кончена! – рапортовал Суворов. – Везде спокойно, войск польских больше не существует, только его величеству королю оставлено гвардии 600 пехоты и 400 кавалерии. Сверх того в Варшаве 300 полицейских солдат» (Д Ш.431).

Полководец с января по октябрь 1795 г. управлял Польшей, не допуская ущемления достоинства страны и народа (Д Ш.429–513). Со всеми поляками он велел «поступать весьма ласково и дружелюбно» (Д Ш.419, ср. 415, 418). Царский двор был обозлен кротостью и бескорыстием Суворова, но вынужден хоть на время спрятать ядовитые жала. «Ура! Фельдмаршал Суворов! – поздравила Александра Васильевича императрица. – Вы знаете, что я без очереди не произвожу в чины. Не могу обидеть старшего; но вы сами произвели себя фельдмаршалом!»

* * *

За учёного трех неучёных дают.

Суворов был счастлив, обойдя в чинах многих соперников. На грудь ему летели ордена разных государств. Слава полководца была неоспорима по всей Европе. Но фельдмаршал не обольщался прочностью своего положения. Он помнил, как после взятия Измаила был осыпан милостями и отправлен в ссылку, имея одну, зато драгоценнейшую награду – саблю турецкого главнокомандующего, подаренную ему солдатами.

«У меня семь ран, – говорил Суворов, – две получены на войне и пять – при дворе». В другом рассказе, относящемся к более позднему времени, его слова звучат иначе. «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, и пять при дворе. Все последние раны – смертельные».

Раздел Польши 24 октября 1795 г., через неделю после отзыва оттуда Суворова, уничтожение её государственности зачеркнули добродейства полководца полякам. Польша была поделена между Австрией и Пруссией, а белорусские и украинские земли отошли к России. Литву поделили Россия и Пруссия. Ненависть поляков несправедливо обрушилась на Суворова. Генерал Ян Домбровский, Александром Васильевичем «уволенный с паспортом в поместье в Саксонию», в 1797 г. создал под началом генерала Бонапарта два польских легиона в Италии. Легионы служили французам разменной монетой: то распускались, то призывались вновь как пушечное мясо (а в конце, концов были отправлены воевать с неграми и вымерли от болезней на Сан-Доминго). Столкнувшись с ними – и разгромив – в Итальянском походе, Суворов был огорчен несправедливым к себе отношением и тем, что офицеры нарушили слово не воевать против России.

Восшествие на престол нового императора Павла I (1796–1801), поклонника военной системы пруссаков, умножило раны старого солдата, когда он завершал величайшее творение военной мысли – «Науку побеждать». Труд этот он создавал всю жизнь, но в виде

книги в наставление каждому солдату написал, как считают историки, в 1796 г. в Тульчине. В этом маленьком городке на берегу Южного Буга располагалась штаб-квартира командующего Юго-Западной армией фельдмаршала Суворова.

Спокойная жизнь, комфортабельное квартирование в замке графини Потоцкой, на этот раз, кажется, не раздражали Александра Васильевича. Свободный от мелочной опеки и придинок двора, он наслаждался возможностью основательно обучать войска и писать книгу с тактико-строевым «Учением разводным» для командиров и «Разговором» с солдатами.

В тот век война была увлекательной игрой знати, когда генералы с упоением строили «системы» и выписывали тома об «эволюциях», исполняемых безмозглыми механизмами армий. Суворов увидел простого солдата и сказал: вот источник победы! Великий полководец повторил древнюю истину. Однако суворовские «чудо-богатыри» превзошли подвиги древних. Даром ли Александр Васильевич всегда отдавал им лавры своих побед?!

В Европе до появления французской революционной армии, сломавшей старую тактику и стратегию полководцев-шахматистов, воевали замуштрованные до потери самосознания и наряженные как игрушки «зольдатики». В крепостной России Суворов предпочел прослыть чудачком, чтобы открыто сказать: солдат – личность! Какова сила личности, самосознания, разума и веры солдата – такова мощь армии.

Количество, хитрости организации и расстановки войск, даже их вооружение – не столь важны по сравнению с главным. Нравственное чувство сильнее стихий и неприятельских полчищ. Среди старых и новых, простых и сложных военных систем есть только одна подлинная: «Наука побеждать!» Даже в определении цели военных действий Суворову трудно было найти понимание у современников. Вместо увлекательной игры по занятию крепостей и прочих «стратегических пунктов и линий» он требовал незамедлительно уничтожить неприятельскую армию, лишая противника способности к сопротивлению и связывая ему руки искренним милосердием.

Можно ли было говорить о пробуждении и развитии личности согнанных в российскую армию крепостных?! При каждом случае, получая под командование то один полк, то другой, то дивизию, то корпус, то армию, Суворов лично и через прошедших его школу офицеров десятилетиями создавал нового русского солдата. Его система не была официально признана. Но «Наука побеждать» ходила в списках или заучивалась командирами наизусть, для постоянного повторения солдатам.

Нужно было успеть научить солдата главному – «в чём ему для побеждения неприятеля необходимая нужда». При этом требовалось учить «без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим». Было необходимо, чтобы солдаты своё дело «и без изнурения подробно изучать могли, так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило». Наконец, «солдат любит учение лишь коротко и с толком». Потому говорить с солдатами надо было их языком. Это и сделал Суворов. Послушаем его. И, после того, что мы уже прочли о развитии мысли военачальника, поймём всю глубину его слов.

Разговор с солдатами их языком.

Атака. Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко. Пуля обмишуются, а штык не обмишуются. Пуля – дура, а штык – молодец!..

Береги пулю в дуле! Трое наскочат – первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!

В атаке не задерживай!..

Мы стреляем прицельно. У нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда.

Фитиль на картечь – бросься на картечь: летит сверх головы. Пушки твои, люди твои, вали на месте, гони, коли! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать, они такие же люди.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом! – Церковь

Бога молит. Кто остался жив – тому честь и слава!..

Обывателя не обижай: он нас кормит и поит. Солдат не разбойник...

В баталии полевой три атаки:

(1) В крыло, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом? – Это не мудрено, солдат проберется и болотом! Тяжело через реку – без моста не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь.

(2) Атака в средину невыгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе самих сожмут.

(3) Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армией заходить тяжело.

Баталия в поле: линией против регулярных, каре против басурман... Есть безбожные, ветренные, сумасбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них – то надобно их бить колоннами же!

Помни: отрезывать! Тут сподручнее коннице. В Праге отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость – для того атаковали колоннами.

Штурм или валовой приступ. Ломи через засеку, бросай плетни через волчьи ямы! Быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы!

Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам! Колонны, лети через стены на вал, скальвай! На валу вытягивай линию! Караул к пороховым погребам! Отворяй ворота коннице!

Неприятель бежит в город – его пушки обороти по нему. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо! Недосуг за этим ходить. Приказ – спускайся в город, режь неприятеля на улицах! Конница, руби! В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь главный караул. Расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам!

Неприятель сдался? – Пощада!..

Три воинские искусства. Первое – глазомер, как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить. Второе – быстрота... Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст... Вдруг мы на него, как снег на голову! Закружится у него голова! Атакуй, с чем пришел, чем Бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят братцы!..

Третье – натиск. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет: у неприятеля те же руки. Да русского штыка не знает!

Вытяни линию – тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линию – выдвигание из закрытого или тесного места – коли, пехота, в штыки!.. Обыкновенно конница врывается прежде, пехота за ней бежит. Только везде строй!.. В окончательной победе: конница, руби, гони! Конница займётся – пехота не отстанет. В двух шеренгах сила, в трех – полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает!..

Солдат дорог. Береги здоровье! Чисти желудок, коли засорился. Голод – лучшее лекарство. Кто не бережет людей – офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки; да и самому палочки, кто себя не бережет!.. В горячке ничего не ешь, хоть до двенадцати дней. А пей солдатский квас: то и лекарство. А в лихорадке не пей, не ешь. Штраф – за что себя не берег?!

Богадельни: первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третий день её братец гроб к себе тащит. Один умирает, а десять товарищей хлебают его смертный дых... Хоть без лазарета и вовсе быть нельзя. Тут не надобно жалеть денег на лекарства, коли есть где купить сверх своих, и на прочие выгоды без прихотей.

Да все это неважно! Мы умеем себя беречь. Где умирает от ста один человек, а у нас и от пятисот в месяц меньше умирает. Здоровому – воздух, еда, питье. Больному же – воздух, питье!

Богатыри! Неприятель от нас дрожит.

Да есть неприятель больше и богадельни: проклятая немогузнайка, намёка,

загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежлинка, бестолковка, кличка... От немогузнайки много, много беды! За немогузнайку офицеру арест...

Солдату надлежит быть здоровым, храбрым, твердым, решительным, правдивым, благочестивым. Молись Богу! От него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, он нам генерал!

Ученье свет, неученье тьма. Дело мастера боится. И крестьянин – не умеет сохой владеть – хлеб не родится. За учёного трех неучёных дают. Нам мало трех, давай нам шесть! Давай нам десять на одного! Всех побьем, повалим, в полон возьмем!..

Вот, братцы, воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!

По окончании этого разговора фельдмаршал сам командует: К паролю!.. На караул!.. Потом громогласно говорит:

Субординация – послушание. Экзерциция – обучение. Дисциплина. Ордер воинский – порядок воинский. Чистота. Здоровье. Опрятность. Бодрость. Смелость. Храбрость. Победа! Слава, слава, слава!

Глава 10 Противостояние

Я забывал себя, когда дело шло о пользе моего Отечества.

На окраине Новгородской губернии, среди Боровицких лесов, лежит сельцо Кончанское. Здесь по воле императора Павла I должен кончить свои дни дряхлый старик, отставной фельдмаршал Суворов. Болит его израненное тело, отнимается левый бок. На одну ногу натягивает он сапог, на другую, распухшую от старой раны, надевает домашнюю туфлю. В будни ходит по селу в одном белье, разве в церковь накинёт простой камзол, а по воскресеньям – солдатскую егерскую куртку и каску.

Носить фельдмаршальский мундир старику запрещено⁸⁹. На большие праздники ходит он в храм молиться в мундире со споротым золотым шитьем. Но при орденах! И на клиросе поет – басом! Во все глаза смотрят деревенские мальчишки: сверкает их барин камнем драгоценным, как солнышко... А ведь не похож на грозного полководца, да и живет не по барски. Встает за два часа до рассвета, обливается холодной водой, целый день трудится. Владения обустроивает, деревенских судит-мирит, читает, пишет. Отдыхает с крестьянами на завалинке, слушает сельские новости, а то с детишками играет.

Чудно деревенским: чем такой добрый барин самого царя допёк? А допёк, видать, знатно: сослан – раз, вокруг села пристав из Петербурга шныряет – два, в гости к соседям не пускают – три. Кто приедет в Кончанское – тотчас хватают и куда-то волокут!

В одиночестве живет Суворов, только ординарец Прохор при нем. Боевых офицеров, что демонстративно вышли в отставку с фельдмаршалом, император в крепость упёк. С любимой дочерью Наташей и внучонком Александром едва дали время проститься. Сына Аркадия старик уже благословил послужить Отечеству. Отставных солдат-ветеранов отпустил от греха. Один против императора стоит – и в победе своей уверен. Ведь не раз уже бывал в опале: «Не разумея изгибов лести и искательств... часто негоден».

Суворов живет спокойно, зато в Петербурге император Павел места себе не находит. Все перечитывает отчёты надзирателей за Суворовым да письма его перехваченные,

⁸⁹ О повседневной жизни Суворова в ссылке мы знаем из донесений его надзирателя. См., напр.: П С. 693–694.

выдумывает разные досаждения... Где там! Суворов ничего на земле не боится – ему за державу обидно. Как начал Павел I русскую армию на прусский лад ломать – так и нашла коса на камень. Говорят, император изволил выразиться, что «солдат есть механизм, артикулом предусмотренный», как в прусской армии.

«Русские прусских всегда бивали, чего ж тут перенять!?» – сказал Суворов. Император велел переодеть суворовских «чудо-богатырей» в кургузую немецкую форму с кукольными париками и прочей «дрянью». «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец – природный русак!» – отказался фельдмаршал переделывать екатерининских орлов в прусских куриц.

Устав гатчинских войск, которыми при жизни матери играл Павел I, был подражанием прусскому. Руководством в обучении служил «Опыт воинского искусства» – плохой перевод «Тактики или дисциплины по новым прусским правилам», изданной в Пруссии ещё в 1760 г. «Этот опыт найден в углу развалин древнего замка, на пергаменте, изъеденном мышами, – отозвался Суворов о книжке, в которую Павел I верил, как в Святое Писание, – свидетельствован Штенвером, Линдером (прускими советниками Павла. – *Авт.*) и переведён на немо-российский язык» (Д Ш.595).

Возражать помазаннику Божию, осмеивать его, – как это стало возможным для Суворова, искренне любившего монархию? Но иначе он не мог. Больше некому было постоять за честь армии.

6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая, и новый император вступил на престол. При чтении письма об этом из Петербурга Румянцева хватил удар, от которого фельдмаршал уже не оправился. В армии осталась одна живая легенда – Суворов. В середине ноября он перебрался из своей ставки в Тульчино в село Тимановку, но продолжал учить войска в поле и на специально построенных укреплениях так, будто поход на разбиение французов был делом решённым. Императрица договорилась удалить революционную заразу с тела Европы совместно с Австрией и Англией. Кандидатура Суворова на пост командующего 60-тысячной русской армией была утверждена; роспись его полков составлена. Но... Павел I отказался от этого союза, и приготовления Александра Васильевича остались втуне.

Уже 29 ноября Военная коллегия предписала немедля ввести в действие спешно изданные ею уставы «о полевой пехотной службе» и «полевой кавалерийской службе». Распорядился об этом Николай Иванович Салтыков, воспитатель Павла I, которого новый монарх мгновенно произвёл в фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии. Уставы, родившиеся из прилежного чтения старых немецких книг и практики гатчинских вахтпарадов, возмутили Суворова до глубины души.

Они были переполнены глупостями. Например, у унтер-офицеров отняли ружья: теперь они должны были красиво салютовать алебардами. В полку стало на 100 штыков меньше – а ведь у Суворова и офицеры шли в атаку с ружьями. Уставы не оставляли места для инициативы. Их составители старались регламентировать всё, что способно было изобрести прусское воображение. Одна глава была посвящена тому, как генералам обедать в поле. Суворову как фельдмаршалу непременно полагалось «иметь стол на 10 кувертов (столовых наборов на человека. – *Авт.*) без десерта, да другой для офицеров на 6 кувертов». Другая глава предписывала, как начальствующим лицам передвигаться в походе. Суворова обязывали иметь «карету цугом, две фуры, четыре повозки; число же верховых и вьючных лошадей не ограничивается», – гласил пехотный устав. Судя по нему, Александр Васильевич всю жизнь ходил в походы как младший офицер: «субалтерн-офицерам не иметь повозок, но по вьючной и верховой лошади»⁹⁰.

Благоглупости начальства сами по себе никогда не страшили армию. Она всегда умела

⁹⁰ Воинский устав о полевой пехотной службе 1796 г.: Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 года. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17588. Гл. XXI, XXVI.

обращать их в свою пользу или спускать на тормозах. Но уставы били по главным достижениям Суворова, сделавшим его солдата непобедимым. Они уничтожали гибкость командования применительно к обстановке. Их составители предписывали только линейное построение в три шеренги, не ведая ни о каре, ни о колоннах, ни о рассыпном строе егерей. Устав был ориентирован лишь на стрельбу, без действия штыком. Причём стрельбу не только «наступательную», но и... «отступную!»

Большим массам пехоты держать этот строй было нелегко даже на плацу, поэтому устав снизил число шагов в минуту до 75, а размер шага – до $\frac{3}{4}$ аршина, вместо суворовского аршина и полутора аршин. «Шаг мой уменьшен в три четверти, – констатировал полководец, – и так (в наступлении) на неприятеля вместо сорока – тридцать верст».

Уставы и масса указов Павла I были пронизаны крайним недоверием к командирам всех уровней. В первые же дни царствования он уничтожил Генеральный штаб и власть главнокомандующих армиями, за ними – генералов, полковников, майоров и даже капитанов. Даже разрешить капитану брак или перевести прапорщика в другую роту можно было лишь указом императора (точнее, его секретарей). Великой российской армией Павел собирался управлять из кабинета, как своим Гатчинским отрядом. Суворов, имевший при «матушке-императрице» полную военную, хозяйственную и кадровую власть, в том числе право производства в чины до полковника, с лишением его всех прав смириться не мог.

Дивизии были упразднены, их генералов заменяли безответственные за организацию войск инспекторы (любого чина).

Особенно сильные удары император нанёс по полковникам и полкам. У генералов он отменил «дежурства» – штабы, у полковников – канцелярии, особенно необходимые для чёткого управления в военное время. Император полагал, что там люди укрываются от службы! И при этом требовал ежемесячных отчётов по всем мелочам армейского и полкового хозяйства...

Овечные славы названия полков отменялись. Теперь их (а также батальоны, эскадроны и роты) следовало именовать по фамилиям шефов и командиров. В прусской армии, где шефы полков не менялись по 20–30 лет, это проходило. У нас же Томский мушкетёрский полк за 30 месяцев сменил 6 шефов, а Муромский за месяц – 5 шефов... При этом возможности шефа были ограничены по сравнению со старым командиром полка, а права подчинённого ему полковника превратились почти в ничто.

Павел I в каждой инициативе подчинённых, начиная с фельдмаршалов, видел только злоупотребление. Даже начальник его военно-походной канцелярии граф Ростопчин был наделён (в 1797 г.) одним правом: докладывать государю и передавать его повеления. Но меньше всего император доверял солдатам. Строй полка по новому уставу должны были обрамлять две отдельные от батальонов карательные флигель-роты, придуманные пруссаками, чтобы хоть как-то направлять в бою сброд своих нанятых или насильно завербованных солдат. Русских солдат, прежде пользовавшихся относительной свободой на постое, предписывалось загнать под охрану в казармы.

Воинов уставы и указы императора превращали в игрушечных солдатиков, обязанных лишь механически маршировать и палить в белый свет по команде. Павел I выступил против единообразного «мужицкого» обмундирования, в котором побеждала армия его матери. В войска вернулись косы и смазанные жиром, напудренные парики. Штаны и гетры делались узенькими, чтобы туго обтягивать ноги. Каждый полк должен был теперь иметь свои цвета формы, часто самых замысловатых оттенков и сочетаний.

Большинство «нововведений» Павла в Западной Европе и России давно проходили; они даже в Пруссии были позавчерашним днём. Неудивительно, что самый передовой военный мыслитель и полководец XVIII в. принял их как прямое оскорбление своего и всей армии достоинства.

Я тот же, дух не потерял!

Павел не способен был этого понять. «Поздравляю с Новым годом и зову приехать к Москве к коронации, если тебе можно, – писал император Суворову 15 декабря. – Прощай, не забывай старых друзей. Павел». И приписка: «Приведи своих в мой порядок пожалуйста» (Д III.575). Полагая, что фельдмаршал всё беспрекословно выполнит, Павел 17 декабря распорядился назначить его шефом Суздальского полка. Но 20-го действие этого указа остановил (Д III.576, 577). События развивались стремительно.

29-го Суворов доложил, что будет проводить реформирование своих полков по новым Павловским штатам. И в тот же день написал душераздирающее письмо своему другу Хвостову о неприятии павловских реформ. «Обширность России, далеко от зрения государя, того дозволить не может», и позорно, и опасно... Французы взяли лучшее от нас, мы теряем, они бьют немцев, от скуки будут бить русских, как немцев! Я далеко зашёл, но подозрение – мать премудрости» (Д III.580, 581). Суворов сразу увидел в павловских реформах Аустерлиц и пожар Москвы 1812 г...

По поводу кавалерийского устава он 30 декабря написал, что по нему гусары «эскадронную службу забудут. О казаках ничего не сказано: слышно, что они пойдут на Дон и пр., их службу забудут; уподобятся крестьянам» (Д III.583). 2 января – «буря мыслей»: потеря Украины, захват Лифляндии Пруссией, «претензия шведов» на Прибалтику, реванш Турции. Русские войска уходят в глубь страны. У князя Волконского было 60 тыс., остался полк. «Солдаты, сколько не веселю, унылы». Фельдмаршалов без заслуг полно (Павел I пожаловал этим чином сразу семерых). Власти у Суворова как у подполковника. «Со дня на день умираю» (Д III.583).

Предчувствия Суворова были верны. Именно 2 января император отчитал Суворова за самовольную посылку в Петербург адъютанта и приказал ему распустить штаб (Д III.584). 3 января, еще не получив этого рескрипта, Суворов иронически пишет о прусских порядках: «можно подумать, этом победит заяц Александра Македонского!.. Русские прусских всегда бивали, что же тут перенять?» (Д III.585). 5 января, когда император вновь звал полководца в Москву, Суворов написал: «Москва мне гроб. Все здесь мои приятели без пристрастия судят, что лучший ныне случай мне отойти от службы». На следующий день добавил, что новые порядки принял бы только на прусской службе, но служить может только России (Д III.586–587, 607).

11 января Суворов пишет мысленную речь к императору: «Сколь же строго, государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю службу!» Перечислив права, отнятые у главнокомандующего Павлом I, добавил: «Оставил ты мне, государь, только власть высочайшего указа за 1762 год», то есть право покинуть службу. А что ещё делать при такой форме и порядках? «Нет вшивее пруссаков: в караульном помещении и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их убор вонью своей вам подарит обморок. Мы от гадости были чисты. А первая доука ныне солдат – штиблеты, гной ногам. Карейные казармы, где ночью запираются будут – тюрьма. В слезах: мы немцы!»

В тот же день Суворов подал прошение о годовом отпуске в имение, сославшись на раны и увечья. На следующий день уточнил, что ушёл бы, даже если бы царь сохранил его права: «не русские преобразования!» 19 января Павел I, уже пославший Суворову несколько выговоров (как посмел отпустить офицера в Москву и т. п.), в прошении об отпуске отказал. А 14 февраля сообщил Суворову через Ростопчина, что фельдмаршал 6 февраля от службы отставлен – по его (не найденному) прошению от 3 февраля. Однако письмо Ростопчина, видимо, доставлено адресату не было. 3 марта Суворов с группой преданных ему офицеров уехал в его имение Кобрин «в ожидании увольнения... которое по слуху уже и воспоследовало» (Д III. 591, 594, 601, 613).

Император счёл это опасным своеволием. Суворов был арестован и под конвоем доставлен в его новгородское имение, под гласный, то есть открытый, надзор. Ему не позволили даже взять с собой наградную шпагу и бант с бриллиантами от Екатерины II. Его

офицеры были заточены в Киевской крепости. Павел I арестовал Кобринское имение и приказывал задним числом взыскивать на Суворове разные суммы – хоть с Польской кампании. Попала бомба в ходе сражения в Крупчицкий монастырь – пусть платит командующий. Негодяи, решившие требовать денег на Суворове, находились. Но лишь третий назначенный Павлом дворянин согласился за полководцем следить. Двое – один даже не военный – отказали самому императору!

Вся Россия следила за этим поединком. Кто ещё мог «отнестись» к самодержцу с прошением об отставке: «так как войны нет и мне делать нечего!» Павел видел идеал полководца в короле Фридрихе Великом. Да «государь лучше Штейнвера (своего прусского учителя) не видел! – заметил Александр Васильевич. – Я лучше прусского покойного великого короля. Я, милостью Божьей, баталии не проигрывал!» (Д Ш.593). Летом 1797 г. Суворову было запрещено общаться с соседями. «Я тот же, дух не потерял», – написал он другу (П 571).

В том же году Державин, получив от князя Голицына упрёк, что он пишет оды только баловням судьбы, пустил по рукам «Оду на возвращение графа Зубова из Персии». Воздав должное генералу, которому Павел I не дал завершить славный поход, уволил в отставку и отдал под надзор в его имении, Гаврила Романович выразил восхищение россиян Суворовым:

Смотри, как в ясный день, как буре
Суворов твёрд, велик всегда!
Ступай за ним! – Небес в лазуре
Ещё горит его звезда.

Заставить Суворова признать нововведения стало для Павла I не просто желанием – форменным наваждением. Каждый шаг его и его подручных сопровождался отзовами офицеров и солдат сквозь зубы, что Суворов делал не так! Не выдержав, император предложил мировую и пригласил старика в Петербург. Ждал нетерпеливо: сославшись на «дряхлость», Александр Васильевич ехал не торопясь, проселочными дорогами. Но вот крестьянские лошадки доставили старика в столицу – и вскоре над Павлом I хохотала вся держава!

Выходкам Суворова не было числа. На параде, где войска маршировали, будто заводные игрушки, полководец прочёл молитву «Да будет воля твоя» и убежал с криком: «Не могу, брюхо болит!» Новая форма на нём не держалась, привешенная на заду шпага не выпускала его из кареты. Павловского генерала старик вопрошал: «Трудно ли сражаться на паркете?» Намеки императора о возвращении на службу не изволил понимать: так и уехал, испросив разрешения вернуться в деревню.

Оттуда направил Павлу I просьбу отпустить в монастырь, «где я намерен окончить краткие дни в службе Богу». «Пусть меня сделают главнокомандующим, дадут мне прежний мой штаб, развяжут мне руки... Тогда, пожалуй, пойду на службу. А нет – лучше назад в деревню. Пойду в монахи» (П 576, комм. с. 696–697).

* * *

В кабинете врут, а в поле бьют!

Уход в монастырь был естественным завершением земного пути великого полководца. Он создал и утвердил свою военную систему, уже всё доказал. Проведя год в тишине деревенской ссылки, изнемогающий от болезней и ран богобоязненный старик имел полное право думать только о своей душе. Но в Европе с 1792 г. бушевал его страшный враг – война. Революционная Франция, отразив наступление армий монархических государств, начала кровавый поход по континенту, навязывая либеральные ценности и грабительский

режим террором.

Суворов понимал, что никто, кроме него, не сможет остановить французов, совершивших вслед за ним революцию в военном деле на Западе. Выбора между личным спасением и долгом человеколюбия для старика не было. Противоречия с императором Павлом – идеалистом, представлявшим себе армию как совершенно особое, высшее сообщество, – были не так глубоки, чтобы они с фельдмаршалом не смогли понять друг друга. Это в глубине души чувствовал и Павел. Он не мог сам пойти на попятную. Но когда австрийцы взмолились, чтобы им в помощь прислали Суворова, обрадовался: «Вот каковы русские – везде пригождаются!»

«Граф Александр Васильевич! – воззвал император 4 февраля 1799 г., – теперь нам не время рассчитывать, виноватого Бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Моё дело на сие согласиться, а Ваше спасти их. Поспешайте приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть». В другом рескрипте от того же числа император, ссылаясь на «настоятельное желание Венского двора», поручал Суворову командование всеми союзными войсками в Италии, упомянув, что туда идут два русских корпуса (Д IV.1).

Суворов получил рескрипты с флигель-адъютантом 6 февраля. На сей раз он не медлил. «Тотчас упаду к стопам Вашего императорского величества!» – гласил ответ Павлу I. «Час собираться, другой – отправляться, – гласил первый приказ его победоносного похода в Италию. – Поездка четырьмя товарищами, я в повозке, а они в санях. Лошадей надобно 18, а не 24. Взять в дорогу денег 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтоб такую сумму поверил (то есть дал взаймы), потому что я еду не на шутку; я тут служил за дьячка, и пел басом, а теперь буду петь Марсом!» (П 591 и с. 703).

Судя по письмам, Суворов был практически разорён исками к его имуществу, которым потворствовал император. Он с огромным трудом наскребал денег, ведь предстоял дальний путь, и не только ему. Фельдмаршал со всей страны собрал в поход старых товарищей-офицеров. В зеленом, расшитом по швам бриллиантами мундире при всех орденах он устремился в Петербург и дальше на Запад, к русским корпусам и армиям союзников, чтобы не только остановить, но совершенно разбить французов и покончить с европейским многолетним кровопролитием...

«Веди войну по-своему, как умеешь!» – сказал фельдмаршалу император Павел I, 13 февраля дав в качестве высшей милости не полную власть главнокомандующего, а лишь право обращаться за подкреплениями лично к нему (Д IV.2). В будущем это неизбежно означало конфликт и опалу, ведь воевать, оглядываясь на Петербург, Суворов не мог. Общение полководца с российским, а затем с австрийскими императорами было трудным. Для победы ему нужна была полная власть. Но в рескрипте от 13 февраля говорилось, что Суворов будет «предводительствовать войсками под началом эрцгерцога Иосифа», видимо, российскими. Выезжая из Петербурга в Вену 17 февраля, Суворов писал, что назначен командовать именно ими, хотя рескрипт Павла I о подчинении ему русских войск в Италии появился только 1 марта (Д IV.3–5). Вопрос о назначении главнокомандующим всеми союзными войсками в Италии предстояло решать в Вене. А ведь требование «полную власть командующему» было выдвинуто Суворовым ещё в Кончанской ссылке!

В своём двухлетнем заточении Суворов неустанно следил за событиями мировой политики, которые определялись силой французского оружия. Поразительно, с какой ясностью видел он движения армий и флотов, тайные интриги кабинетов, предрекал судьбы государств и полководцев. Особенно тщательно, с картами и планами в руках, изучал он победные походы рождённых Французской революцией генералов с их новой армией, стратегией и тактикой. Изучал до тех пор, пока не стал точно предугадывать решения французов, которые повторили многие его открытия, но не постигли глубинного смысла войны, а потому неизбежно должны быть битыми.

И перед Суворовым встал вопрос: какой ценой?! Мы с вами знаем эту цену, как она

сложилась в реальной истории: 15 лет жесточайших войн, покорённый Мадрид, Вена и Берлин, сожжённая Москва, беспощадные «битвы народов», зверства регулярных войск и партизан, миллионы трупов. Суворов, как хирург, предпочитал действовать скальпелем, а не топором. Грядущих бедствий можно было избежать, вылечив в теле Европы одну точку – Париж, где с 1795 г. душила революцию продажная Директория. Именно там был руководящий центр прежде освободительных, а теперь грабительских армий, устрашавших монархическую Европу.

5 сентября 1798 г., за полгода до освобождения из ссылки, Суворов принял в Кончанском генерал-майора Прево де Люмиана. Это выходец из Южной Франции, прозванный Суворовым Иваном Ивановичем, служил под его началом в Финляндии. А теперь был послан императором, чтобы негласно узнать мнение фельдмаршала о военном положении в Европе. Суворов продиктовал ему на французском языке точный анализ военно-политической ситуации на континенте (П 578).

При явном перевесе Англии на море, фельдмаршал полагал необходимым взять операции на суше в руки России и Австрии. Выставив по 100 тыс. солдат, они освободят Европу за одну кампанию, «взяв за правила: 1. Только наступление. 2. Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие. 3. Не рассуждать – хороший глазомер. 4. Полная власть командиру. 5. Атаковать и бить противника в поле. 6. Не терять времени в осадах... Иногда действовать... блокадой, а всего лучше брать крепости штурмом, силой. Так меньше потерь. 7. Никогда не расплывать силы для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошёл, тем лучше: он приближается для того, чтобы быть битым. 8. ...С непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта... Никогда не перегружать себя бесплодными манёврами, контрмаршами и так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков... Никаких отсрочек, ложной предосторожности и зависти – кабинету и министерству показать голову Медузы».

Кабинет и министерство – правительства Австрии и Англии – в 1798 г. действительно kamenели от ужаса перед Францией, бившей их на континенте и высадившей армию в Египте. Российский император, в начале царствования отвергший план матери победить в союзе с ними Францию, склонился к их мольбам, когда Бонапарт, по пути в Египет, захватил Мальту и упразднил на острове власть рыцарского ордена, Великим магистром которого являлся Павел I. В союз просилась и обиженная французами Турция, против которой не надо было теперь держать наготове армию. Флот фельдмаршала не заботил – там был Фёдор Фёдорович Ушаков! Войску предстояло в одну кампанию разгромить неприятельские армии и стремительным ударом на Париж покончить с затянувшейся кровавой войной.

В Кончанском Суворов обдумывал наступление через Германию и Люксембург. Все войска, шедшие этим путём, были французами биты. Наконец-то Александр Васильевич встретил противника, достойного своего гения! «Народятся ещё Евгении и Мальборо, вослед Суворову и Кобургу!» – ободрял он Павла I, вспоминая австрийского полководца Евгения Савойского и английского герцога Мальборо, которые вместе разбили французов в 1706 г.

Назначение в Италию изменило план, но не цель похода: удар прямо на Париж. Фельдмаршал желал за одну кампанию покончить с порождённой революцией военщиной, которая, уже вкусив плода от грабежа соседей, грозила залить кровью всю Европу. Одно огорчало Суворова: «Бог в наказание за мои грехи послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его». Именно Бонапарт под лозунгом «Свободы, равенства и братства» завоевал и разграбил Италию. Александр Васильевич ценил его военный талант очень высоко. Но в победе над грабителем и убийцей не сомневался.

Не успев пересечь границ России, полководец детально спланировал удар из Северной Италии через французскую провинцию Дофине и г. Лион на Париж. О Дофине он говорил тогда с бежавшими от революции французами так детально, словно сам долго жил там!

Марш, марш, в штыки, ура!

«Ура!» – кричали австрийцы, 15 марта 1799 г. встречавшие легендарного «Генерала Вперед!» на улицах Вены. Император Франц I всё-таки сделал Суворова главнокомандующим и предоставил полную власть. На словах, любезно пожаловав чин генерал-фельдмаршала и осыпав дарами (П 593). «Я возлагаю на вас главное начальство над всеми действиями моей Итальянской армии, предоставляя вам и все сопряжённые с этим почести, и полную власть», – написал австрийский император Суворову⁹¹. А на деле обязал подробно докладывать обо всех планах себе и особенно своему главному военному совету – гофкригсрату – в Вене! Совет сразу предложил план операций, ограниченных рекой Аддой. Суворов перечеркнул план и приписал, что начнет военные действия переходом через Адду. А закончит – где будет угодно Богу. «В кабинете врут, а в поле бьют!» – отрезал Суворов.

Противостояние фельдмаршала военной косности старой Европы продолжалось и в Вене. От императора Франца и гофкригсрата полководцу ещё предстояло натерпеться. От австрийцев зависело снабжение его войск, их состав и даже... наличие топографических карт – ведь Генеральный штаб в России, с его картографическим отделом и службой разведки, был уничтожен Павлом I. Фельдмаршал ещё не раз вспомнит поговорку: «Трусливый друг опаснее врага, ибо врага опасаясь, а на друга опираешься».

Суворов и в Австрии, и в Северной Италии, дожидаясь подхода русских корпусов, не терял времени – прокладывал маршруты движения войск, просил адмирала Ушакова придвинуть флот в Адриатику, собирал старых боевых товарищей (даже вызвал из отставки славного кавалериста Карачая), знакомился с войсками и учил их воевать. Впереди себя он послал русских и вызвавших его доверие австрийских офицеров для ускоренного обучения союзников наступательному, особенно штыковому, бою развёрнутым строем и колоннами. Результаты учёбы он проверял сам.

Суворов ввёл у австрийцев свой шаг в аршин, в захождениях (когда одно крыло должно идти быстрее другого) – полтора аршина. Он допускал наступление в 2 линии, но рекомендовал «стремительную атаку» в одну хорошую линию с небольшим (в $\frac{1}{8}$ часть войска) резервом. Фельдмаршал требовал решительного сокращения обозов (русские вообще перешли с телег на вьючных лошадей), и самостоятельных действий артиллерии. «Конная артиллерия стреляет, смело наступая, совершенно независимо от направления линий». Приказал, кроме обычной пальбы плутонгами, выделить в каждом пехотном взводе по 4 стрелка: «Они вольны стрелять когда хотят, даже выбежать вперёд».

Замуштрованные, но в целом разумные и храбрые австрийские солдаты вскоре перестали удивляться постоянным, ежедневно по несколько раз проводимым сквозным атакам «пехоты на пехоту, кавалерии на кавалерию, кавалерии на пехоту, пехоты на кавалерию», пехоты на пушки. Команды, которые употреблял Суворов, были привычными, строевыми. Новая была одна: «Марш, марш, в штыки, ура!» Под крики «ура!» офицеры кричали: «Коли!»

В 80 сажнях от больших вражеских орудий – дистанция «хорошего картечного выстрела» – пехота должна была пробежать 15–30 сажень вперёд, «чтобы картечь летела сверх головы. То же самое начинать с 60 сажень или 180 шагов перед полковыми орудиями. Последние 60 шагов от неприятельского фронта, то есть расстояние верного ружейного выстрела, пробегают со штыками, колют, кричат: «Vivat Franz!», а обер- и унтер-офицеры: «Коли, коли!» Кавалерия обязана была пролетать опасные огневые черты карьером.

При тренировке одна часть войска стояла на месте, изображая обороняющихся. Она открывала действие пушками, с 60–80 шагов палила залпами – всё по русскому и австрийскому уставам. Но когда противник приближался на 30 шагов, стоящая армия сама

⁹¹ Подробно: Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 1. СПб., 1952.

бросалась в штыковую атаку! «Штык держать крепко, – приказывал Суворов, – правой рукой, а колоть с помощью левой», конников и пеших – по-разному. «При случае не мешает и прикладом в грудь или по голове».

Старые кавалеристы знали, что кавалерия, как бы ни стреляла, не может сдержать атаку вражеской конницы, стоя на месте. Единственный способ остановить и сломить врага – в любом случае атаковать строем в карьер. Новым в их обучении Суворовым стало начало быстрого аллюра перед чертой эффективного огня картечью. Для них стали внове большие, на целый день манёвры всех родов войск, в обстановке, предельно близкой к боевой. Суворов приказал не жалеть сил, но «беречь лошадей: человек лучше отдыхает».

Александр Васильевич не скрывал от союзников ни одного «тайнства» своей «Науки побеждать»⁹². «Быстрота и натиск – душа предстоящей войны, – учил Суворов австрийцев на немецком языке. – Бегущего неприятеля истребляет одно преследование. Победителю прилично великодушие».

«Когда неприятель бежит, – объяснял Суворов австрийцам, не раз бежавшим от французов, – то его провожают ружейным огнём. Он не стреляет, не прицеливается, не заряжает. Много неудобств спастись бегством! Когда же за ним штыки, то он ещё реже стреляет. А потому не останавливаться, а ускорять его бегство штыками!»

«Итальянская армия, – писал фельдмаршал, – обязана большей частью своих побед быстрому наступлению и сомкнутым атакам в штыки. А потому все господа генералы должны на каждой днёвке упражнять вверенные им войска в действиях такого рода».

Особое значение имела стремительность маршей. «В походе идти рядами, потому что для нижних чинов это легче и удобнее, – рекомендовал Суворов. – На каждую немецкую милю (7420 м. – *Авт.*) час отдыха. А если весь переход мили в 3½ до 5 (26–37 км. – *Авт.*), то подъём в 2 часа утра. Вьючные лошади с котлами и мясом посылаются вперёд, чтобы люди могли получить пищу, необходимую для поддержания их сил».

Только на расстоянии пушечного выстрела от неприятеля «солдаты берут ружья под приклад и идут в ногу, потому что это единственное средство наступать скоро». Строиться надо в 1000 шагах от неприятеля. На 300 шагах можно стрелять. В 200 шагах солдаты, идущие с музыкой и распущенными знамёнами, по команде «Марш-марш!» ускоряют шаг, а в 100 шагах – «бегом бросаются на неприятеля в штыки с криком «ура!» (виват!). Неприятеля надо колоть прямо в живот, а если который штыком не проколот – то прикладом его».

Во время учений, где неприятеля может обозначать забор или плетень, перед ним следует скомандовать «стой» и выровнять строй. «Быстрота равнения есть душа армии на местности пересечённой; надо упражнять в этом войска как можно чаще».

Обучая солдат, и командиры должны учиться. Прежде всего – «езде расчёт времени». Время надо беречь. «В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов. Будущие же предприятия определять вперёд за сутки или двое».

По мысли Суворова, абсолютно все должны понимать смысл своих действий. Свойственное старым армиям убеждение, что «я начальник – ты дурак», один командует, другой слепо подчиняется, следовало искоренить. Каждый, от генерала до солдата, должен знать о целях своего войска достаточно, чтобы принимать осмысленные решения в бою.

«Не довольно, – внушал Суворов, – чтобы одни главные начальники были извещены о плане действий. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине; даже унтер-офицеры и рядовые. **Каждый воин должен понимать свой маневр** (выделено мной. – *Авт.*). Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный: болтун и без того будет наказан. Вместе с планом должен быть

⁹² Подробные инструкции Суворова австрийским войскам: Д IV.16, 18–25.

приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды отмечать множество деревушек, а только главные и ближайšie места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторое понятие о возвышениях».

Суворов высоко ценил военную тайну. В документах Итальянской кампании он пишет о её сохранении достаточно. Но скрытость намерений от противника и неведение о них своих офицеров и солдат в том, что им предстоит исполнять, – две большие разницы. Сам он с первых же дней в Италии получал детальные сведения о военных силах французов, сначала только на севере, до Флоренции и Луки, а затем практически по всей стране. Едва войдя в Италию, он уже силой разума освободил её. Противопоставить этой неодолимой силе противник ничего не мог.

Глава 11 **Блицкриг в Италии**

Вооружитесь, народы Итальяские!

Прибыв в Италию 3 апреля 1799 г., Суворов принёс войскам веру в победу. Русские солдаты учили трудные словечки, коими французы просят прощенья, чтобы невзначай не прибить желающих сдаться. Офицеры, и так владевшие языками, усваивали главные идеи победоносной кампании.

Суворов вступил в Италию освободителем. 4 апреля в Вероне он издал воззвание к итальянскому народу: «Вооружитесь, народы Итальяские! Стремитесь к соединению под знамена, несомые на брань за Бога и Веру, и вы победоносно восторжествуете над враждебными сонмами. Для защиты Святой Религии, для восстановления вашего законного правительства, для возвращения собственности вашей сражается и проливает ныне кровь свою союзное воинство двух Августейших Монархов.

Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? Не доверяют ли они вашего разорения жестокостью военных поборов? И все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства. Свободы, которая повергает семейства в плачевную бедность, похищает у них сынов и против воинства вашего Государя, вашего возлюбленного отца, защитника Святой Религии, принуждает их сражаться!

Да облегчится скорбь ваша, народы Итальяские! Есть Бог вам покровительствующий, есть воинство вас защищающее. Смотрите на победоносных воинов вашего законного Государя! Смотрите на восстающие уже народы, одушевляемые желанием прекратить столь долговременную, кровавую брань! Смотрите на героев, от севера для спасения вашего пришедших!

Все зримые вами храбрые воины стремятся освободить Италию, и для вас не остается более опасностей. Куда только ступят они, там возобновлены будут законы, Вера и всеобщее спокойствие, коих вы тщетно желали в томлении под игом трехлетнего рабства. При власти грядущей и служители Божьих алтарей примут на себя священный сан свой и обретут возвращенную им собственность.

Но внимайте! Если бы кто из вас был столь вероломен, что подъял бы оружие против Августейшего Монарха, или другим способом старался содействовать намерениям французской республики, тот, несмотря ни на состояние, ни на род, ни на звание, расстрелян будет, и все имение его взыщется в казну.

Ваш разум, народы Итальяские, служит мне уверением, что убеждаясь в справедливости нашего дела, вы не навлечете на себя столь праведных наказаний; что напротив того, самыми опытами докажете свою верность и преданность к благотворительному и многолюбящему вас Государю» (Д IV.17).

Манифест Суворова, обращённый одновременно к национальной гордости, вере и бережливости, разуму и здравому смыслу итальянцев, подкреплённый силой и добротой русских войск, возымел действие. Жестоко ограбленные Бонапартом итальянцы, позабыв в

новых страданиях злодеяния своих прежних властителей, поднимались против французов. Русские, то хорошо снабжённые, то оставляемые гофкригсратом без необходимых припасов, не грабили: ослушников Суворов карал строго. «Впереди французы, – говорил он, – у них пропасть всего, только бы добраться!»

Суворов начал наступление, не дожидаясь прибытия в Италию всех русских войск (до 58 тыс.) и французского корпуса принца Конде (7 тыс.), который финансировался Павлом I в видах наведения порядка во Франции. Не мог он сосредоточить и 86-тысячную австрийскую армию 70-летнего генерал-фельдмаршала Михаэля Меласа, разбросанную гофкригсратом по разным «пунктам» в соответствии с устаревшей кордонной стратегией.

В Вене считали, что превосходящие численностью союзники будут планомерно теснить 58-тысячную французскую армию Шерера в Северной Италии, занимая «пункт» за «пунктом» от Вероны на запад и юг. Это означало рассредоточить войска и дожидаться удара талантливых французских генералов Массена с севера (64 тыс. в Швейцарии) и Макдональда с юга (38 тыс. в Южной и Средней Италии).

Суворов должен был увлечь тяжеловесную махину австрийской армии в стремительное наступление для разгрома главных сил противника. Первым было – обучить войска побеждать французов, ослаблявших фронт противника артиллерийским огнём и атакой рассыпным строем, ломавших его штыковой атакой колоннами и добивавших кавалерией. Вместе с тем – внушить австрийским офицерам и солдатам бодрость краткими, ясными приказами и «сильными речами», наброски которых Суворов сам писал австрийским командирам. Наконец – смешать австрийские войска с русскими, чтобы пример «чудо-богатырей» усилил всю армию (Д IV.30).

Чтобы достичь Парижа и завершить войну, фельдмаршалу требовалась высокая боеспособность всех союзников. Слава Суворова, его решительный настрой взбудрили австрийцев. Увлечь их передовые части к победе должен был авангард генерал-майора князя Петра Ивановича Багратиона. Взяв своего имени 6-й егерский полк, батальон гренадёр и полк казаков, князь Пётр ринулся в бой вместе с австрийским отрядом генерала Отта, под общим командованием генерал-фельдмаршал-лейтенанта Края. Воодушевлённые австрийцы позабыли гофкригсрат и желание их императора, «чтобы первые наступательные действия армии имели целью прикрытие собственных моих владений и постепенное удаление от них опасности неприятельского вторжения». Оборонительная, нерешительная, бесконечная и кровавая война всем осточертела. За месяц такого «прикрытия» австрийская армия платила жизнями 20 тыс. солдат!

Уж лучше Суворов с его безумным «Вперед!», чем верная гибель на месте, – решили генералы и солдаты императора Франца. Конечно, вперёд было не пройти: бурные реки неслись с гор поперек пути, французы стояли за ними неодолимой стеной. Но – пошли в наступление и сами себя не узнали! Вдруг генерал Край взял Брешию. Не без помощи князя Багратиона, конечно, но взял, пленив 1265 французов! «С нашей стороны убитых и раненых нет», – сообщал рапорт Суворова неслыханную в Австрии новость о результатах боя (Д IV.34). Взяты Кремона и Бергамо – австрийцы соревновались здесь в скорости с казаками.

Сам Мелас, затормозив в походе из-за погоды, получил выволочку на лающем немецком языке: «За хорошей погодой гоняются женщины, щёголи да ленивцы. Великий говорун... потеряет командование. Военные действия должны быть исполняемы неотлагательно, дабы не дать неприятелю времени оправиться; кто болен, пусть остаётся сзади. Италия должна быть освобождена от ига неверующих французов: всякой благомыслящий офицер должен жертвовать всем для достижения этой цели. Резонёры ни в какой армии не могут быть терпимы. Глазомер, быстрота!» (Д IV.35).

Среди австрийцев появились новые страхи: вместо посредственного генерала Шерера французы прислали в Италию славного победою в Германии генерала Моро. «И здесь вижу я перст Провидения! – возликовал Суворов. – Мало славы было бы разбить шарлатана!

Лавры, которые мы похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть»⁹³. Русские и австрийцы вместе ударили на крепкие позиции армии Моро за быстрой рекой Адда с обрывистыми, скалистыми берегами.

* * *

Адда – Рубикон. Мы перешли её на грудях неприятеля.

Фельдмаршал подоспел к реке раньше, чем хитроумный Моро успел перестроить оборонительные порядки, стянув свою 28-тысячную армию в центр со стокилометрового фронта. Французы спешили, но Багратион посадил полк егерей на лошадей казаков и ударил врага во фланг у городка Лекко. Русские с ходу прорвались к реке Адде, где Моро уже приказал взорвать мосты. Но французы обошли наступающих и бросились на них со всех сторон, забыв приказ Моро сосредоточиться на другом берегу в центре⁹⁴.

15 апреля в 8 часов утра знаменитое сражение при Адде началось атакой авангарда Багратиона на Лекко: он «ударил в неприятеля штыками перед форштадтом, исколол у него сот до семи». Огонь вражеских батарей из-за реки не успел нанести урона атакующим колоннам. Храбрые французы устремились в обход городка, чтобы отрезать русский авангард. Багратион успел развернуть войска и штыковой контратакой отбросил противника. Тот не унимался. После артиллерийской дуэли через Адду до 3 тыс. французов пошли в штыки. Такой отваги противника русские не видали давно. Егеря и гренадёры, покинув укрытия в городе и садах, с криками «ура» ринулись навстречу врагам, «и самое малое количество спаслось из тех бегством».

Командир французской дивизии генерал Серюрье вновь построил войска и лично повел их в атаку. Багратион отразил её, в упор расстреляв из пушек. Тогда неприятель, заняв стрелками и батареями возвышенности по обоим берегам Адды, открыл «прежестокую канонаду» и, «усмотрев малосилие князя Багратиона», бросил превосходящие силы в атаку сразу с двух направлений. Русские отбивались уже «внутри города», когда подоспели гренадёры генерал-майора Милорадовича, гнавшие на звуки канонады во всю прыть на обывательских подводах. Их атакой французские «два эскадрона, выехавшие в нашу пехоту, были поколоты почти до последнего человека».

Отбросив одну колонну противника за Адду, Багратион окружил и почти начисто выбил вторую. «Русские войска со свойственным мужеством поражали неприятеля жесточайше». «Этим кончилась кровавая победа, одержанная князем Багратионом», – рапортовал Суворов Павлу I. Французы бились насмерть. Серюрье из 7 тыс. «потерял на месте около 2 тыс., но пленных не более ста человек при одном офицере». У русских в 12-часовом бою было всего 135 убитых и 95 раненых, включая самого Багратиона. Князь Пётр отвлек на себя крупные силы, позволив союзникам сосредоточенным ударом прорвать центр крепкой позиции Моро на реке Адде.

Суворов предвидел, что Моро прикажет взорвать каменные мосты, и заранее снабдил войска понтонами (Д IV.41, 45). Ранним утром 16 апреля три полка казаков походного атамана Денисова с австрийским отрядом генерала Отта (5 батальонов пехоты и 2 эскадрона гусар) «тихо по наведённому ночью через реку Адду понтонному мосту» вышли в центр позиции Моро, где он успел сосредоточить 18 тыс. солдат. Союзники опрокинули 2-тысячный авангард французов, но были отброшены контратакой главных сил. Однако реку уже переходили 4 батальона и 4 эскадрона австрийского генерала Цопфа.

⁹³ Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. 1. С. 287. Впервые: Фукс Е. Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. Изд. 2-е. СПб., 1900. С. 36.

⁹⁴ Подробный доклад Павлу I о сражении на Адде и взятии Милана см.: Д IV.52.

«Генерал-квартирмейстер маркиз Шателер», которому Суворов не зря поручал учить австрийские войска атаке в штыки, «взяв 2 батальона гренадёр и 2 эскадрона гусар, с барабанным боем ударил на неприятеля холодным оружием, ворвался в его левое крыло, смял и жестоко поразил». За ними все австрийцы бросились в атаку, «поражали мужественно штыками и рубили саблями». Казаки «кололи везде со свойственной россиянам храбростью».

Вся первая линия французов была опрокинута. Но за ней в бой устремилась вторая. Сражение разгорелось с новой силой. Донские казаки, которых Суворов долго считал пригодными только к преследованию, с пиками атаковали не только регулярную кавалерию, но и пехоту. Отмечая этот поразивший его факт, фельдмаршал не упоминает своего участия в сражении. Действительно, Александр Васильевич не командовал. Ему достаточно было появиться на поле боя, чтобы дрогнувшие были австрийские войска вновь «бились хватски холодным оружием».

Бой шёл 12 часов «с великим кровопролитием». Французы, потеряв свыше 3 тыс. солдат и крепко увязнув в центре, были обойдены выше и ниже по течению реки. 2 тыс. их солдат, 79 офицеров и бригадный генерал попали в плен. «Главный генерал Моро был уже в гусарских руках, но спасся. Отбито 14 пушек и одно знамя, – докладывал Суворов. – С нашей стороны убито казаков 2, ранено 24; урон императорских королевских войск простирается за тысячу человек».

Ускакавший на лихом коне Моро не узнал, что при всей надёжности его позиции и героическом сопротивлении Адда была для Суворова лишь символическим Рубиконом – крохотной речушкой, которую перешёл Юлий Цезарь, начиная войну за Италию. И ещё одной тренировкой для войск перед решающими боями. Основная часть союзных сил не участвовала в сражении, поэтому они «отдыхали и упражнялись на месте баталии до утра». Не сомневаясь, что не задержится на рубеже Адды, Суворов ещё до битвы предписал своим войскам маршруты движения на Милан, и этот график был строго выдержан (Д IV.41, 44, 45, 48, 51).

* * *

Полная внезапность, которая нами применяется всюду, будет заключаться в скорости оценок значения времени, натиске.

17 апреля Милан восторженно приветствовал Суворова. «Окошки и улицы были усыпаны народом... Чистосердечная радость у каждого блестела на лице». Ломбардия была освобождена! Император Франц слал рескрипт за рескриптом, требуя ограничиться «обеспечением себя в завоеванных областях» и ни в коем случае не переходить реку По, за которой укрепился с 25-тысячной армией генерал Моро⁹⁵. Поздно! Суворов был уже дальше. Взята Тортонна – ключ ко всему Пьемонту (Д IV.54, 76).

Отличившийся при Тортоне «храбрый генерал-майор князь Багратион» занял город Нови с большими артиллерийскими запасами. Тем временем опытный генерал Розенберг поддался влиянию состоящего при нём и жаждущего подвигов великого князя Константина Павловича. Он начал переправу через реку По вблизи села Бассиньяно и вступил в бой с превосходящими силами противника, которому к тому же удалось испортить паром. Суворов рвался на выручку, но между ними Розенбергом находилась разлившаяся река Тонаро. Положение было опасно. Суворов приказал генералу «не теряя ни минуты» переправляться назад, «или под военный суд» (Д IV.84)!

Фельдмаршал боялся за Розенберга: «вчера ему было дурно, а сегодня не будет ли дурнее». «Вы, Бога ради! – написал он Багратиону в Нови, – сколько можно со всеми

⁹⁵ Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. 1. С. 305–306.

спешите», прихватив кавалерию Карачая (Д IV.85). В тот же день, 2 мая, главнокомандующий пожалел, что сорвал Багратиона с хорошей позиции. Розенберг, потеряв до 1200 убитыми, а среди раненых до 50 одних офицеров, сумел выйти из боя. Французы ужаснулись, увидав, что в отчаянном положении русские склонны умереть, но не сдаться. «Между прочим, – сообщил граф Рымникский князю Петру, – ваш приятель Милорадович колол штыками конницу, и иные последовали его примеру... У французов считают урон до 2 тыс., больше убитых, и у нас их 200 в плену... Вежливые французы сделали золотой мост (пропустили русских через реку. – *Авт.*), по которому оставалось переправлять Розенбергу сот пять» (Д IV.86).

Суворов никогда не скрывал неудач. В приказе союзным войскам он разобрал урок боя при Бассиньяно (Д IV.92). Розенберг, презрев приказ о сборе войск для больших операций, продолжил один переправу через По. Хуже того, он с небольшими силами поспешил атаковать неприятеля, «не рассчитав, что следующих войск позади через переправу едва один батальон часа через полтора переправиться мог». Французы, быстро выдвинув превосходящие силы от города Александрии, могли сбросить 5 русских батальонов и 200 казаков в реку. Но неосторожность Розенберга была ещё не бедой.

«Мужественный генерал-майор Милорадович, – писал Суворов в приказе, – отличившийся уже при Лекко, видя стремление опасности, взяв в руки знамя, ударил на штыки, поразил и поколол... неприятельскую пехоту и конницу и, рубя сам, сломал саблю; две лошади под ним ранено. Ему многие последовали... разные батальоны, переправившись, сзади соединялись. Сражение получило иной вид, уже неприятель отступал, россияне его храбро гнали и поражали, победа блистала».

И в этот момент Розенберг совершил ошибку непростительную: дал барабанами сигнал отступить! «Герои отступают, преследуемые неприятелем гораздо превосходнее их, и строятся у сигнала; начинается пальба с прибавлением из-за реки войск, на которой множество гибнет людей». В статичном бою первоначальная победа обращается в поражение!

Одновременно австрийский корпус, «стоявший напротив Казале для демонстраций, переправил на противный берег в близости неприятеля несколько пехотных рот, как на жертву». Наплавная переправа развалилась, французы окружили австрийцев, едва треть их спаслась.

Суворов, запрещавший войскам – для предотвращения бессмысленных потерь – даже вступать в перестрелки (Д IV.89), был разгневан. «Демонстрация, – объявил он войскам, – игра юно-военных. Обыкновенно они или пустые, утруждающие войска, или наносящие им вред». Распыление сил и боевые столкновения без цели нанесения сокрушительного удара он категорически запретил: «Иначе военный суд разбирать будет!»

Приказ поступил вовремя: опьянённые первыми победами командиры образумились. Сурово отчитанный Суворовым Розенберг остался на своём посту – и навсегда усвоил урок. Вскоре он отличится при Треббии, а осенью с малыми силами разобьёт в Альпах войска генерала Массена, «не задерживая» в атаке ни на секунду.

Суворов был не против инициативы командиров и демонстраций с целью обмана противника – он был против напрасных жертв. 5 мая фельдмаршал сам приказал одному подразделению: «Попробуйте переправиться через реку Танаро, стоя на месте, но отнюдь не переправляйтесь!.. Это приведёт неприятеля в замешательство». А для себя записал: «Всякий лучше на месте видит и сам себе решает» (Д IV.100, 101).

Судя по документам, Суворов издалека «видел» лучше, чем многие его подчинённые: где нужны будут паромы, куда надо заранее доставить продовольствие и снаряжение, где изменить место переправы из-за разлива реки. Командиры должны были своим кошельком отвечать, если их солдаты кого-то ограбят или даже покосят у итальянцев траву. За мародёрство Суворов взыскивал так, как будто смотрел из-за плеча каждого командира в Северной Италии. Он узнал, что у Розенберга «солдатские жёны, оставленные при тяжёлом обозе, находятся в самом трудном положении», и приказал забывшему об этом командиру

корпуса обеспечить их продуктами (Д IV.71, 96).

Итальянцы поднимались на французов, внемля суворовским призывам: «Покиньте знамена, опозоренные злодеяниями столь гнусными, присоединяйтесь к избавителям вашим, чтобы довершить великое дело возрождения Италии!» (Д IV.64). «Не надо пренебрегать ни манифестами, ни ласками», следует вооружать итальянцев, готовых сражаться за свою свободу, – писал Суворов. – Уже «вся страна охвачена восстанием, убивают комиссаров и других французских и итальянских захватчиков» (Д IV.116). «Даровав вольность тамошним храбрым народам, – твердил он австрийцам, – надлежало давно завоевать Швейцарию... учинить себя господином Рейна» (Д IV.123).

Как предвидел Суворов, итальянские крестьяне заняли крепость на горной дороге, по которой отступал Моро. Чтобы пробиться, французы вынуждены были прорубить в горе новую тропу! Армия революционного генерала Макдональда не могла выбраться из Южной Италии, чтобы напасть на союзников, – её смертельно допекали партизаны. Армии генерала Массена не удалось обрушиться на войско Суворова с гор: в Швейцарии её при поддержке местных жителей теснили австрийцы, а со стороны Италии перевал Сен-Готард был занят союзниками по приказу главнокомандующего.

5 мая Моро с 8-тысячным войском пытался контратаковать австрийцев у Маренго. Тщетно! На поле боя внезапно появился Багратион. Моро сам «вдруг был атакован, сломлен холодным ружьем, приведен в крайний беспорядок и пустился в бег». «Сражение началось в 9 часов утра и продолжалось до наступления ночи. Неприятель потерял одними убитыми 2500 человек, пленных до 200, в том числе 7 офицеров. Российских убито 26 человек, 1 офицер; ранено до 80 нижних чинов и 1 офицер» (Д IV.132. С. 100).

При Маренго действовали австрийские части, уже научившиеся побеждать. Но из Австрии шли подкрепления «необученные, чуждые действия штыка и сабли». Суворов просил Багратиона открыть им «тайнство побиения неприятеля холодным ружьем», приучить «к победительной атаке» и отучить от «ретирад» (Д IV.172). 11 мая, приказывая генералу Отту собрать войска в кулак, чтобы не дать соединиться армиям Моро и Макдональда, фельдмаршал писал: «Я хочу, чтобы войска, не вступая в бесполезную перестрелку с неприятелем, всегда без промедления действовали штыком, ибо многократный опыт показал, что противник никогда не выдерживает такого нападения. Точно так же кавалерия должна, отпустив поводья, врубаться саблями в ряды неприятеля» (Д IV.124).

Затем Суворов объявил войскам о победе графа Гадика над французами в горах Сен-Готарда: «Нападение произведено на центр позиции противника штыковой атакой и кавалерией. Враг, обращённый в паническое бегство, оставил на поле боя 600 человек убитыми, взято свыше 100 человек пленными. Выражаю своё полное удовлетворение применённым им способом атаки. По этому поводу обращаюсь ко всей армии с призывом во всех случаях и любых атаках поступать точно так же, а именно: не занимаясь долгой перестрелкой, со штыком в руке бросаться на врага и с конницей врезаться в ряды противника, будь то пехота или кавалерия». Вдобавок Суворов требовал сообщать численность противника в пехоте и кавалерии, его потери убитыми и пленными – и свои потери отдельно убитыми и ранеными (Д IV.154).

Наступление продолжалось. Союзники взяли Казале, Валенцу, Алессанрию, Феррару. Наконец, 15 мая их приветствовал столичный град Турин (Д IV.118–122, 128–130, 132, 134, 135). Северная Италия почти вся получила свободу. Но до торжества фельдмаршалу было теперь дальше, чем в начале кампании.

Вместо того чтобы бить армии, он занимал «пункты», как того требовал гофкригсрат, и распылял войска.

Согласно легенде, в Италии Суворов отпускал пленных генералов под честное слово – с обещанием скорой встречи в Париже. Но французских генералов, штаб и обер-офицеров принято было отпускать «под капитуляцию» до 22 апреля, а после фельдмаршал приказал держать их в плену (Д IV.53).

Блестящие победы не могли скрыть факта, что тщательно продуманный Суворовым

план боевых действий был под угрозой. Гофкригсрат не дремал: «Вдруг наши дальнейшие операции остановили “для утверждения завоеваний и приведения их в порядок”» – иронизировал фельдмаршал в реляции Павлу I (Д IV.163). Император Франц отбирал у него корпус за корпусом, дивизию за дивизией. Вместо того чтобы одновременно ударить по трём главным армиям французов, Суворов должен был с малым войском стараться самому не попасть в тиски!

«На шее моей Торгонский и Алессандрийский замки... Мантуя сначала главная моя цель, – писал Суворов многоопытному русскому послу в Вене Разумовскому 18 мая. – Но драгоценность её не стоила потери лучшего времени кампании... Недорубленный лес опять вырастает... Спасителя ради, не мешайте мне!» (Д IV.137).

«Кабинетный декрет разрушил порядок всех моих операций», – сообщил Суворов Разумовскому 27 мая. Выделенные в Италию подкрепления сокращены наполовину; создавать армию из итальянцев, как «это правило было у французов в быстрых их завоеваниях», запрещено, и итальянцы «вновь направят их флаг к французам». «Если операциями повелевает гофкригсрат, то во мне здесь нужды нет, и я ныне же желаю домой» (Д IV.167).

Тем не менее Суворов, внимательно отслеживая передвижения и пополнения французских войск в Италии и Франции (Д IV.159, 161), проверяя и оценивая достоверность разведанных (Д IV.160, 170), ещё мог победить неприятеля тщательным расчётом времени и стремительным манёвром. Фельдмаршал составил план разгрома французских армий поодиночке.

«В настоящее время я намереваюсь отрезать неприятеля, отступающего к Генуе, – писал Суворов об армии Моро, – и разбить его наголову». Утром 30 мая, оставив 38 тыс. солдат под командой генерала Кейма для осады Туринской цитадели, Суворов с меньшей частью войск выступил к Алессандрии. 100 км были пройдены за двое с половиной суток (Д IV.160, 173, 175). Здесь Суворов, стянув войска со всех сторон, 2 июня сконцентрировал 38,5 тыс. солдат для труднейшего броска через горы к Генуе.

Однако французы, на своё несчастье, обманули фельдмаршала. Крупное подкрепление из Франции получил не Моро, а Макдональд. Более того, от Генуи к нему на помощь выдвинулись дивизии Виктора и Гренье. По перехваченному и попавшему в руки Суворова письму французского генерала, Макдональд имел не более 17 тыс. солдат (Д IV.161). Но за сутки до выступления фельдмаршала к Алессандрии он внезапно перешёл в наступление с армией в 36 тыс.! Австрийские войска, разбросанные у разных городов и крепостей по великой мудрости гофкригсрата, были обречены.

* * *

Это сражение было самым жарким: вся река Треббия была в огне.

Суворову известия о поражениях австрийских генералов между Пармой и Моденой приходили уже на марше. Полагая, что армия Макдональда едва достигает 24 тыс. человек (Д IV.160, 177), фельдмаршал 2 июня выступил от Алессандрии с 22 тыс. русских и австрийских солдат. «Нам надлежит на них спешить, – передал Суворов Розенбергу приказ на марш. – Они сильны. С нами Бог!» (Д IV.176).

Оставленному у Алессандрии генералу Бельгарду фельдмаршал приказал направить в горы небольшие разъезды и усилить дальнейшее «разведывание» через агентов: «нужно иметь о неприятеле верные известия и на то денег не щадить». Было очевидно, что французские генералы действуют согласованно. Значит, войска из Генуи захотят выйти из-за скрывающих их гор и ударить Суворову в тыл, пока тот будет метаться по изрезанной реками равнине.

Французы всё прекрасно рассчитали. Но им был неизвестен расчёт времени, сделанный Суворовым на полях записки, в которой он – благодаря отлично поставленной революционерами дезинформации – неверно оценивал численность их армий (Д IV.170. С.

141. Примеч. 1). По нему получалось, что, выдвинувшись от Александрии, союзники надёжно успевают разбить Макдональда до того, как генуэзская армия появится у них в тылу. Мосты и переправы на реках По, Бормиде и Танаро были приведены в готовность. Тяжёлый обоз уведён в безопасное место. На марше Суворов не переставал внушать союзным войскам свою «Науку побеждать»:

«1-е. Неприятеля поражать холодным оружием, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается. Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланги ворваться.

2-е. В атаке не задерживать. Когда неприятель сколот, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтобы неприятель сдавался, о чём и в русские войска известить. Ничего не щадить, не взирая на труды; преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблен не будет.

3-е. Котлы и прочие легкие обозы чтобы были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, по разбитии его чтобы можно было каши варить, а впрочем, победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водкою. Кавалерия должна о фураже сама печься» (Д IV.178).

Стремительно наступая, делая в сутки по 45 км, союзные войска заражались уверенностью в совершенно неизбежной победе. Казакам, приказывая «взять армию в полон», Суворов велел объявить, что у Макдональда всего 21 тыс. солдат, «из которых только 7000 французов, прочие всякий сброд». Донцы должны были заучить и кричать в атаке «балезарм, пардон, жете ле зарм» (опусти оружие, сдавайся, бросай оружие), «с пленными быть милосердными», в то же время атаковать и рубить батареи, разрушать мосты в тылу врага, «примечать» вражеских генералов по свите «и около них кричать пардон, а если не сдаются – убивать».

Однако реальное положение было столь опасно, что, ободряя войска, Суворов тщательно готовил оборону и даже пути отступления. Молниеносный марш, в котором на последних десятках верст войска не шли, а почти бежали, едва привёл его вовремя к реке Тидоне, где разгорелось жесточайшее сражение.

Вечером 5 июня Суворову стало известно, что 19-тысячное войско Макдональда, стремительно атаковав корпус генерала Отта, не смогло разгромить, но лишь оттеснило 7 тыс. австрийцев за Тидону. К Отту подоспел с авангардом генерал-фельдмаршал Мелас. 6 июня дивизии Виктора, Сульма, Руска и польский легион Домбровского кинулись в атаку на 9,5 тыс. австрийцев. И – к своему величайшему изумлению, были отбиты. Макдональд вызвал из тыла дивизии Монришара и Оливье. Разъярённые французы и поляки сжали австрийцев с флангов. Разгром казался неизбежным.

Но тут на холме показалась знакомая полякам до слёз фигура сухонького старичка в нижнем солдатском белье, с красным крестиком святой Анны на шее. Оглядев поле сражения, фельдмаршал мгновенно атаковал оба фланга Макдональда конницей, с которой прилетел к полю сражения впереди своего авангарда. В реляции императору Павлу (Д IV.215) Суворов, как обычно, не упомянул своего участия в битве (мы знаем о нём по воспоминаниям участников). Все заслуги он отдавал подчинённым.

Казачьи полки Грекова и Поздеева ударили неприятеля в левый фланг, Семерникова и Молчанова – в правый. Австрийский генерал Фрейлих, перейдя с гренадёрским батальоном ров, ударил в штыки. За ним устремились ещё 5 батальонов Фрейлиха. Отбросив врага, они стали в линию на правом фланге войск Меласа. Ещё правее их вместе с казаками прикрыл драгунский полк Карачая. Левое крыло австрийцев укрепил драгунский полк Левенера. Авангард князя Багратиона, едва подойдя, вступил в линию союзников на правом фланге.

Напрасно Суворов, приказывая Розенбергу с русскими полками поспешить, призывал

идти даже «сквозь австрийские войска». Австрийцы, пройдя, как и русские, 20 вёрст, не мешкали – они почти бежали на помощь своим. Подходившие на подмогу войска не могли толком развернуться, но «скоро атаковали неприятеля более холодным оружием». «Храбрость, отважность и решимость войск, сражавшихся большею частью холодным ружьем, переменили вскоре вид сражения».

Даже князь Багратион предлагал подождать отсталых – «в ротах нет и 40 человек!» «Атакуй, с Богом! Ура!» – приказал князю Суворов. Князь Пётр наносил главный удар в левый фланг противника. Он сковал дивизию своего старого знакомого Домбровского с фронта и разбил ударом по флангу. Поляки беспорядочно отступили, открыв фланг французов, на которых и ринулся Багратион. Превосходящий силами неприятель стал слабеть, попятился, отступил в беспорядке, скрывшись за рекой Тидона. Под натиском 15-тысячного войска союзников французы к ночи отступили за Тидону.

Победители падали от усталости. Конники вели шатающихся коней в поводу. Но враг был отброшен по всему фронту. Он с трудом собрал свои рассеявшиеся дивизии у реки Треббия. Это было историческое место, где в древности полководец Ганнибал наголову разбил римлян. «Ганнибал... будет моим учителем! – сказал Суворов. – Хочу быть преемником его гения!»

Макдональд, усилившись двумя свежими дивизиями, надеялся дать сражение 8 июля, чтобы успеть привести в порядок потрепанные войска, а в идеале – дожидаться армии Моро из Генуи. Смертельно изнуренные маршами союзники, по его мнению, не могли атаковать без отдыха.

Утром 7 июня армия Суворова тремя колоннами форсировала Тидону. Неприятеля встретили только к 2 часам дня у Треббии, пройдя 15 км по местности, пересечённой множеством сухих или заполненных водой рвов и усыпанной густыми шелковичными рощами. Понтоны для переправ сапёры везли сразу за авангардом. Кавалерия двигалась дивизионами и атаковала наподобие римской, в две линии с интервалами, по шахматному (Д IV.193).

Хорошо отдохнувшая, пополненная новыми дивизиями до 32 тыс. солдат армия Макдональда стояла на месте. 22-тысячная армия союзников атаковала с марша, не дожидаясь сосредоточения войск. «Не употреблять команду “Стой!” – приказал Суворов. – Это не на ученье, а в сраженье». Пока остальные войска обходили «трудные места», «князь Багратион с 6-ю батальонами, Карачай с 4-мя эскадронами и казачьи полки Грекова и Поздеева быстро атаковали холодным ружьем» и опрокинули 7-тысячное левое крыло неприятеля. 500 французов погибло, 600 поляков, «при двух полковниках и адъютанте Домбровского», сдались в плен.

Чтобы отрезать князя Петра, Макдональд перебросил на левый фланг ещё две дивизии. «Тут неприятель усилился до 15000», но генерал от инфантерии «Розенберг с частью войск Повало-Швейковского, подкрепил... Багратиона». Вместе они сломали неприятеля. Французы оставили убитыми 800 человек, ещё 400 русские взяли в плен.

Вторая колонна русских войск под командой генерал-лейтенанта Ферстера «шла на неприятельский центр». Сломив сопротивление вражеской конницы, «Ферстер атаковал холодным оружием, опрокинул и сбил неприятеля через реку». Из 10 тыс. французов 400 были убиты, 50 попали в плен. Правый фланг Макдональда, яростно атакованный австрийцами Меласа, смог простоять только 1 час; он потерял 800 человек убитыми и 700 пленными.

Макдональд был отброшен за Треббию, но упорство молодого шотландца было огромно. На другой день утром он контратаковал. «Произошла, – по словам Суворова, – 3-я баталия... кровавее прежних». Пользуясь численным превосходством, «неприятель предупредил союзные войска в намерении перейти Треббию, и перешел через неё во всех пунктах, и атаковал все части армии... Прежде всех на правом фланге встретил штыками неприятеля генерал-майор князь Багратион... По сражении одного часа неприятель был прогнан за реку».

Перестроившись, Макдональд ударил вторично, «влево от... Багратиона». Русской службы генерал-майор Долгейм, увидав разворачивающуюся после форсирования реки колонну французов, «не дал неприятелю выстроиться и его батальоном ворвался» в самый центр французов, всю колонну «разорвал и опрокинул», хотя сам был ранен. «Генерал Розенберг атаковал неприятеля в линии, сломил и прогнал». Генерал-лейтенант Повало-Швейковский всеми силами поддерживал его контратаку.

Французы, по обыкновению, валили густыми массами. Русские местами были разрезаны и окружены. Гренадёрский полк А. Г. Розенберга отстреливался последними патронами с фронта и с тыла. Александр Васильевич показал старому товарищу, заикнувшемуся было об отступлении, на большой валун: «Андрей Григорьевич!.. Подымите этот камень. Не можете? А? Ну, так вот так же нельзя отступить русским! Ступайте, помилуй Бог, ступайте. Держитесь крепко! Бейте! Гоните! Мы – русские!»

– Неприятель силен... – сказал и князь Багратион.

– Коня! – крикнул Суворов. Он сам собрал и повел в атаку отступивших казаков и егерей. При отчаянном неравенстве сил русские ударили столь крепко, что неприятель принял их за свежее подкрепление и начал отход. «Это сражение было самым жарким: вся река Треббия была в огне, и только высокая храбрость нашей армии могла победить противника, дравшегося с отчаянным сопротивлением», – писал Суворов⁹⁶.

Французы уже потеряли 1100 человек убитыми, 660 пленными и 3 знамени. Но они всё ещё считали себя лучшими солдатами в мире – и вновь двинулись в атаку. Тогда «два раза прогнанный неприятель перешёл опять реку и атаковал левый фланг генерал-майора Далгейма, но... Багратион с авангардом и полк Розенберга обратились быстро к тому месту, совершенно разбили неприятеля, прогнали на ту сторону реки».

Прибывшие от Меласа эскадроны князя Лихтенштейна помогли центру русских отбросить врага. Затем лихие конники вернулись помочь Меласу, размышлявшему над ответом Суворова. «Куда отступать? – спрашивал педантичный старый вояка. – Нас обходят!» «В Пьяченцу», – отвечал фельдмаршал. Но ведь она была в точно в тылу французов!

Мелас сдерживал наступление французов через реку огнём «больших пушек». С возвращением конницы Лихтенштейна он решил. Развернув знамена, с музыкой, австрийцы двумя колоннами пехоты и 2 тыс. кавалерии пошли в наступление через реку. Хотя атака была отбита, её чрезвычайная храбрость травмировала чувствительные сердца французов. Когда такое дется, надо отступать, решил их военный совет. «Скоро догоняя, храбро поражать!» – приказал Суворов.

Французы утратили боевой дух. Битва была выиграна. Армия Макдональда потеряла половину состава: 6 тыс. убитыми и более 12 тыс. пленными, в их числе 4 генерала, 510 штаб- и обер-офицеров, много пушек и 7 знамён. Более 4 тыс. пленным были ранеными: Суворов приказал эвакуировать их в Кремону и лечить (Д IV.214).

В результате энергичного преследования армия французов разбежалась. Отборные части старых революционных войск, которыми Макдональд хотел прикрыть своё отступление, были истреблены: казаки «400 скололи», «в плен взята половина бригады, то есть около одной тысячи человек вместе с командующим и всеми офицерами» (Д IV.197, 215). Поляки перестали существовать как соединение: из 2 тыс. их осталось 300 человек. На следующий день после битвы сдалась Туринская цитадель. Французов в Италии охватила паника. У союзников было убито 900, ранено 4 тыс. человек, из них 680 и 2088 русских. Ранены были генералы Повало-Швейковский, Багратион и Дальгейм. Суворов в сложных условиях, при численном превосходстве неприятеля на треть, доказал, что его военная наука не имеет себе равных в Европе, что она годится не только для русского, но и для австрийского солдата.

⁹⁶ Подробно: Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. 1. С. 543–548.

Благодаря горячности французов Суворов мог отыграть потерянное на осадах крепостей время. Пленных генералов он вновь отпускал в Париж... Раненый при Треббии Макдональд был отозван именно туда. Страшный разгром не поставили в вину будущему маршалу Франции только потому, что и опытного Моро вскоре постигла та же участь. Не успев на подмогу Макдональду, тот был застигнут Суворовым во время опрометчивого наступления.

* * *

«Фортуна имеет голый затылок и на лбу длинные, висящие волосы, полёт ее молниеносен; не схвати за волосы – уже она не возвращается».

После Треббии австрийские войска остановились на отдых. Русские гнали и истребляли врага трое суток, до 11 июня, когда Суворов получил сведения о выдвигении с гор армии Моро. Несмотря на зажжённый ему «зелёный свет», осторожный француз не бросился на помощь армии Макдональда, но направился к Александрии, под которой фельдмаршал оставил армию Бельгарда. 12 июня, убедившись, что «Макдональд более чем разбит», Суворов поспешил к Бельгарду, чтобы «поставить неприятеля между двух огней» (Д IV.200, 201). 14-го он узнал, что хитроумный Моро отступил в горы (Д IV.213). Следовало готовить решительное наступление через Апеннины к Генуэзской Ривьере. Там оставалась французская армия, всё ещё угрожавшая Северной Италии. Оттуда нужно было вступить во Францию, чтобы не дать Директории времени собраться с силами и стремительным ударом покончить с войной на земле противника.

В этот переломный момент кампании император Франц запретил наступление: «О наступательном движении армии моей через Валис и Савойю во Францию теперь решительно и помышлять не должно... Также не могу никак дозволить, чтобы какие либо войска мои, впредь до особого моего предписания, употреблены были к освобождению Рима или Неаполя». Более того, он обязал Суворова не давать сражений врагу без разрешения из Вены!⁹⁷

На свой взгляд, австрийский император и его гофкригсрат действовали разумно. Союзным войскам в Северной Италии было предписано, не рискуя, взять ещё занятые французами крепости, чтобы закрепить завоевания Австрии. Просто австрийцы не предупредили Суворова и императора Павла I о своём намерении присвоить Северную Италию, которую русские пришли освободить! Русских хотели «в тёмную» использовать как орудие, которое затем легко выбросить. Так в конце концов и произошло.

Но это была не главная беда. Австрийцы, боясь французов, даже временами находясь в панике от излишне рискованных, на их взгляд, действий Суворова, которого спасало, по словам императора Франца, его «часто испытанное счастье», наивно полагали, что могут удержать свои завоевания и без русских, воюя осторожно и по правилам. В условиях, когда война вышла на качественно новый уровень, это означало неминуемый разгром.

Австрия могла избежать гибели, не мешая Суворову победно завершить его молниеносную кампанию. Это не стоило бы Францу ничего. Русские не были заинтересованы в завоеваниях на Западе. Император Павел мечтал лишь освободить от французов Мальту, чтобы восстановить там рыцарский орден. Правда, на освобождённых от французов греческих островах адмирал Ушаков поддержал республику, а Суворов видел Италию свободной, под властью её собственных монархов. Но даже русский идеализм австрийцы и англичане могли преодолеть, позволив Суворову победить Директорию и уничтожить европейскую войну. Ради этой святой цели фельдмаршал пожертвовал бы даже своими иллюзиями.

⁹⁷ Подробно: Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. 1. С. 590–594 и сл.

В условиях, когда австрийцы пресекали все попытки Суворова вооружать итальянцев, когда политические вопросы в Италии явно (а военные – тайно) были переданы Меласу, когда полководца больше чем на месяц, до 20-х чисел июля, заставили отказаться от наступательных действий, он ещё питал надежды, что ему дадут победить Францию и остановить войну.

Трудно себе представить, что пережил Суворов, когда стремительность освобождения Италии была перечёркнута, драгоценное время кампании терялось бездарно, а победа была поставлена под угрозу. «Я очень в здоровье слаб, – писал он 21 июня, – часто забываюсь и сомнительно, чтобы выдержал кампанию. Гофкригсрат во всё вмешивается. Если давать баталию, то должно в Вене доложиться... Привыкли битыми быть» (Д IV.225).

25 июня он подал Павлу I прошение об отзыве из Италии, если «безвластие моё... не переменится». «Честнее и прибыльнее воевать против французов, нежели против меня и общего блага», – написал он в тот же день Разумовскому, надеясь, что тот воздействует на «глупо-робкий кабинет», который неумолимо ведёт Австрию к разгрому. 27 июня он растолковал ему свои стратегические расхождения с союзниками подробно:

«Его Римско-Императорское Величество желает, чтобы, если мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену.

Военные обстоятельства мгновенно переменяются; поэтому для них нет никогда верного плана. Я и не мечтал быть на Тидоне и Треббии по следам Ганнибала... Фортуна имеет голый затылок и на лбу длинные, висящие волосы, полёт ее молниеносен; не схвати за волосы – уже она не возвращается... Не лучше ли одна кампания вместо десяти? И не лучше ли иметь цель направить со временем путь на Париж, чем остроумно ступенями преграждать дорогу к воротам Вены, для торжества покорения её французами?» (Д IV.243.)

Получив прошение Суворова, Павел I написал 12 июля письмо Францу I, прося венценосного брата урезонить гофкригсрат, ибо помехи Суворову могут привести к губительным последствиям для всех союзников (Д IV.233, 235). Но дело было не только в советниках Франца в Вене, а в потрясающей тупости его самого и всей австрийской военщины вместе. Даже служившие под началом Суворова генералы, вместо того чтобы молиться на него, завидовали и жаловались, что «счастливчик» воюет не по правилам, томит их быстрыми маршами и т. п.

2 июля Суворов, клавший все силы на любезную сердцам австрийцев осаду крепостей, представил Францу I план действий после их взятия. Союзная армия делилась на пять 20-тысячных частей. Две оставались, в угоду гофкригсрату, для обороны Северной Италии неведомо от кого. Одна очищала от французов Тоскану и Рим. Одна шла на Геную, а последняя, при поддержке флота Нельсона и Ушакова, – на Ниццу. Её движение должно было побудить французов скорее оставить Ривьеру. «Для восстановления религии, престолов и всеобщего спокойствия» в Италии следовало вооружить 59-тысячную армию Пьемонта, набрать 10 тыс. волонтеров в Венецианской области и Ломбардии (Д IV.246). Реакцию Франца I на такое предложение представить легко.

11 июля Суворов, тщательно готовивший поход с точки зрения его снабжения, доработал план. Теперь он считал возможным оставить в завоёванных областях минимум войск, а сводным отрядом русских (21 тыс.) ударить прямо на Ниццу (Д IV.247). По данным тщательно организованной им разведки действий Директории, особенно сбора военных сил в Дофине, французы не смогли бы преградить ему путь на Париж (Д IV.239, 279).

К этому моменту Суворов, видимо, отказался от мысли побудить эрцгерцога Карла, командовавшего австрийскими армиями в Германии и Швейцарии, перейти в решительное наступление. Десятки пламенных писем фельдмаршала ничего не изменили. Оставалось надеяться, что эрцгерцог станет преследовать и тем оттягивать на себя дивизии французов, которые побегут с захваченных ими земель спасать от Суворова Париж.

Тем временем фельдмаршал, быстро перебрасывая тяжелую артиллерию, брал

крепости одну за другой. 11 июля сдалась цитадель Алессандрии (Д IV.261, 262), 17 июля – Мантуи. Кардинал Руфо собрал на юге Италии освободительную армию, которую Суворов учил «Науке побеждать» (Д IV.260), и при поддержке союзного флота восстановил монархию в Неаполе (Д IV.277, 279). Флот Нельсона и Ушакова он уже задействовал в блокаде Ривьеры с моря. Его план наступления от 19 июля позволял минимизировать время и потери но, увы, подразумевал, что кампания на этом и закончится. Видимо, поэтому он был одобрен австрийским командующим Меласом:

«Ныне должны мы направлять все действия наши к тому, чтобы ещё до наступления зимы овладеть Варом, Ниццей и цепью Савойских гор. Когда же выпадет снег, то он приведет войска в совершенную безопасность, обеспечит их зимние квартиры, утвердит завоевания наши и доставит нам полную свободу сделать приготовления к будущей кампании.

Идти в Геную прямо через Нови, Акви, и проч., из Генуи в Ниццу через Савону, Финале, Лугано, значило бы начать продолжительную и сопряженную с величайшими жертвами горную войну. На уступах гор, возвышающихся параллельно, находятся выгоднейшие для неприятеля местоположения, из коих надлежало бы беспрестанно выгонять его. Опыт войны 1795 года достаточно показывал это.

Мое решительное мнение состоит в том, чтобы, в случае наступательных действий против Ривьеры, стремиться со всей силой к Ницце через Коль-ди-Тенде, принудить неприятеля к оставлению Ривьеры, а еще лучше отрезать его там до отступления»⁹⁸.

Суворов – и с ним мечтавший о зимних квартирах Мелас – в плане наступления в Ривьере отказались от штурма любых крепостей. Ударная армия шла прямо на Лазурный берег Франции через Тендский горный проход. «Если мы достигнем до Ниццы, то отрежем неприятелю отступление и можем всю армию его совершенно истребить». Остальные войска должны были лишь преследовать и пленять отходящих французов по берегу моря, по долине Треббии и через горы к Генуе. Для обеспечения внезапности манёвра армия не должна была делать никаких движений к Тендскому проходу, но беспрестанными демонстрациями показывать, что собирается наступать на Геную. О плане не должен был знать никто, кроме командующих корпусами и генерал-квартирмейстера.

Даже Нельсон, не говоря уж об Ушакове, поддержал план боевыми кораблями. Всё, чего союзникам не хватало для осуществления блестящего плана, это горных орудий и 5 тыс. мулов. Суворов немедля приказал то и другое собрать, но снабжение армии лежало на австрийцах...

20 июля фельдмаршал доложил Павлу I, что «труднейшая наша горная операция терпит двухнедельную остановку для собрания под провиант и горные туринские пушки 5000 мулов» (Д IV.279. С. 231). В тот же день он писал Меласу, что на приготовления осталось 10 дней – через 12 суток союзники займут Коль-ди-Тенде. Фельдмаршал «заклинал» генерала «употребить весь свой опыт и всю силу вашу, чтобы приготовления, необходимые для действия в Ривьере, совершенно окончены были в течение десяти дней. Быстрота – величайшее достоинство, медлительность – грех, непростительный за вредные последствия» (Д IV.282).

В подробной диспозиции к общему наступлению на Ривьеру Суворов отвёл русским войскам самый трудный маршрут похода через Нови на Геную. Австрийцам, Меласу и Краю, он оставил всю славу окружения неприятеля ударами через Акви и Тендский проход. «Когда неприятельские силы в Ривьере будут совершенно истреблены, то генерал-фельдцейхмейстер обратит своё внимание против Ниццы и приступит к осаде её» (Д

⁹⁸ Д IV.272. Перевод цит. по: *Богданович М. И.* Походы Суворова в Италии и Швейцарии. СПб., 1846. Приложение 4.

IV.288).

Точно в срок, 30 июля, к Суворову присоединился отдохнувший после взятия Мантуи корпус Края. Все необходимые для победы войска собрались и могли выступать. Но... им не хватало транспорта для необходимого в разорённой Ривьере продовольствия. Австрийцы, не говоря ни слова против плана, даже мулов собрать «не сумели».

* * *

Мрак ночи покрыл позор врагов, но слава победы, дарованная Всевышним... озарится навеки лучезарным немерцаемым счетом!

Операция Суворова по разгрому французов в Ривьере проваливалась, не начавшись. На помощь ему поспешил противник. Директория использовала полуторамесячную передышку, чтобы восстановить разваливающуюся армию. Назначенный в дни катастрофы при Треббии военный министр Бернадот обложил чрезвычайным налогом богатых и призвал в строй всех юношей от 20 до 25 лет. Он создал две новые армии – Рейнскую (в Германии) и Альпийскую (в Савойе), вдобавок к Дунайской, Гельветической (в Швейцарии) и Итальянской (на Ривьере). В последнюю были влиты пополнения и остатки разбитой армии Макдональда. 24 июля к Генуе прибыл новый командующий – сподвижник Бонапарта бригадный генерал Жубер. 29 июля ударные части его 45-тысячной армии перешли в наступление, которое в Париже считали решающим⁹⁹.

Суворов, собравший для наступления на Ривьеру более 64 тыс. солдат, мог создать численное превосходство над противником на любом участке фронта. Диспозицию от 1 августа фельдмаршал начал приказом передовым постам не вспугнуть неприятеля. «Держаться против слабых отрядов, но стараться захватывать пленных, а перед превосходящими силами отступать. Ибо никакого от армии подкрепления ожидать не должны, так как цель наша – выманить неприятеля на равнину» (Д IV.305). «Будь сам готов с Михаилом Андреевичем, и очень!» – лично просил Суворов Багратиона с Милорадовичем (Д IV.310). Действительно, именно им предстояло отразить главные удары французов в битве при Нови – и выиграть сражение.

В ночь на 4 августа 1799 г. французы не знали, что беспрепятственно дошли до города Нови потому, что противник специально отступил с их пути – и продолжал заманивать с боем. Ещё в темноте храбрец Край, накануне испросив разрешение Суворова, со своим корпусом атаковал противника в левый фланг. Фельдмаршал в восторге написал ему приказ по-немецки в стихах, хваля «героя Края» и командира его дивизии Беллегарда:

Да здравствует сабля и штык!
Никакого мерзкого отступления!
Первую линию уничтожить штыком, других опрокинуть!

Австрийцы, наступавшие, будто по старому учебнику, в две линии, были отброшены. «В 6 часов пополудни генерал-майор князь Багратион с вверенными ему передовыми войсками, – рапортовал Суворов Павлу I (Д IV.329), – атаковал неприятеля, расположившегося на горе за городом Нови, с неустрашимой храбростью. Неприятель, видя сильную в центр свой атаку, начал действовать правым своим крылом, дабы врезаться в левый фланг». Одновременно с контратакой французов по колоннам Багратиона ударили 14 батарей. Князь Петр начал отводить своё 5,7-тысячное войско из-под губительного огня, выделив для отражения фланговой атаки отряд генерал-майора Горчакова. Сам он с полком и двумя батальонами ударил в центр наступающего неприятеля. 30 передовых егерей под

⁹⁹ Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. II. СПб., 1857. С. 22–26.

командой штабс-капитана Львова попали под лавину неприятельской кавалерии, но отбились штыками, положив 20 французов, в том числе генерала Гаро и одного полковника. В этот момент пылкий Жубер, скакавший впереди войск на австрийцев, получил пулю в лоб.

Казалось, что французы спасены. «На расстоянии пяти вёрст было открытое поле, где неприятеля ожидали» главные силы Суворова: русский корпус Дерфельдена и австрийцы Меласа. Они были ещё далеко, может даже и не видны. Но уже исходя из общих представлений о силах союзников, наступать в погоне за Краем и Багратионом на равнину, выполняя предсмертный приказ Жубера, было самоубийством. Генерал Моро, оставшийся при Жубере в армии советником, принял командование и резко сменил направление: «он бросился с отчаянной отвагой в Нови, занял этот город и овладел всеми окрестными возвышениями, составляющими подошву Генуэзских гор, – с похвалой отметил Суворов. – На хребтах этих за сельскими каменными строениями и старыми замками расположил он свою артиллерию, которой картечный огонь, равно и ружейный, был почти неугасим».

Позиция Моро была столь неприступной, а оборона столь активной, что численное превосходство союзных войск (38 тыс. против 37) сошло на нет. Однако офицеры корпуса Дерфельдена, идущего на помощь Багратиону, не употребляли в бою команды «Стой!». «Невзирая на неумолкаемый гром пальбы, – с гордостью писал Суворов, – на этот град пуль и ядер, корпус вступил в сражение, все колонны построили фронт и наступали на неприятельскую линию». Страшный огонь «не поколебал неустрашимости наших войск, которые усиливались овладеть выгодными позициями неприятельскими».

Князь Горчаков с полком егерей и двумя батальонами гренадёр авангарда Багратиона был атакован колонной французов. На помощь ему пришёл с двумя полками генерал-лейтенант Ферстер. Моро бросил на них вторую колонну, но Дерфельден встретил её ещё двумя полками и батальоном Дальгейма. Видя, что русские наступают линиями, Моро, «непрестанно маневрируя то влево, то вправо, принуждал наши войска три раза переменять построения нашего фронта. Напоследок неприятель усилился против конца нашего левого фланга».

Свежие силы французов одновременно ударили во фланги Багратиона и Милорадовича. «Когда... Багратион поражал неприятеля, то из-за кустарников показалась густая колонна, которую он атаковал холодным оружием, расстроил и рассыпанную уже колот. Тогда два неприятельские гусарские эскадрона вышли на выручку. Сбитый неприятель подкреплён был второй колонной. К нашим войскам пришёл на помощь генерал от кавалерии Дерфельден с полками (имени) Розенберга, Тыртова, батальоном Далгейма и с левого фланга батальон Швейковского, полк Милорадовича и Молодо-Баденский, которые вступили в атаку. По ним открыт был жестокий из 20 пушек огонь, равно и ружейный; но, несмотря на то, колонна была сбита».

Рассеянных атакой Багратиона французов «подкрепил фронт неприятельский, засевший во рве, на плоском месте при горе. К нему наши войска приблизились. Тогда неприятель, собрав войска, усилил свой центр, который уже стenal от жестоких ударов Дерфельдена; подкрепление не подсобило».

Суворову пришлось бросить в бой резервы, французы были оттеснены, но главные позиции удержали. Почти на 3 часа фельдмаршал прекратил атаки. Затем начал наступление, на острие которого шли войска Багратиона. Они ворвались в Нови, выбили французов из города и пошли в штыки на его укрепления на высотах. В это время медлительный Мелас, увидав, что Моро собрал войска в центре и сильно ослабил фланг, двинулся на гору «и, придя вовремя, поража́л неприятеля в левый фланг с решительным успехом».

«Нападение от каждого и всех вообще, – писал Суворов императору, – началось с беспримерной решительностью и мужеством; неприятель был повсюду опрокинут... он выгнан был из выгоднейшей своей позиции, потерял свою артиллерию и обращён в бегство... Все соединенные войска... гнали его, брали в плен, разили за восемь вёрст и далее от Нови».

Отступление, начатое Моро в 18 часов, превратилось в повальное бегство. В

преследовании отличился авангард князя Багратиона, положивший 2 тыс. французов убитыми и взявший в плен 500 человек. Особенно настойчиво гнал неприятеля свежий корпус Розенберга, всё сражение простоявший в тылу за центром союзных войск.

«Таким образом, – завершил рапорт Суворов, – продолжалось 16 часов сражение упорнейшее, кровопролитнейшее и в летописях мира по выгодному положению неприятеля единственное. Мрак ночи покрыл позор врагов; но слава победы, дарованная Всевышним оружием твоему, Великий государь, озарится навеки лучезарным немерцаемым светом».

Безвозвратные потери противника, писал Суворов Павлу I, «по объявлению самих французов» превысили 20 тысяч. Это была цифра потерь всей 45-тысячной армии, свежие части которой вечером 4 и 5 августа пытались задержать преследователей. Силы противника в битве он оценивал «свыше 30 000», а точнее 37 тыс. (Д IV.312, 314, 321). Лучший исследователь Итальянской кампании Д. А. Милютин, сложив численность основных частей французов в сражении, насчитал у них 34 900 человек¹⁰⁰. Глазомер и данные разведки не подвели Суворова: с мелкими отрядами число противников достигало 37 тысяч.

Тем более странно сомневаться в знании полководцем численности собственной армии. «Все наши войска состояли из 38000 человек», – сказано в подробной реляции Павлу I, отправленной из штаба Суворова 14 августа, через 10 дней после сражения, когда все цифры были выверены (Д IV.329. С. 274). Зная, как строго Александр Васильевич относился к цифрам (предпочитая разведанные о численности противника преуменьшать), указанному им соотношению сил следует доверять.

Подсчёты Милютина, что группировка союзных войск в районе наступления французов составляла 64 700 человек, а к месту сражения Суворов стянул 51 400 человек, в том числе 9 тыс. не пригодившейся в горах кавалерии, говорят лишь о том, что полководец создал запас прочности. В идеале он хотел «нового, доверие войск имевшего и храбростью славившегося генерала Жубера» выманить на равнину и превосходящими силами традиционно окружить. Но победа над мудро окопавшимся в горах Моро стала плодом созданного Суворовым нового военного искусства.

Главную тяжесть штурма высот приняли на себя русские войска: авангард Багратиона и поддержавшие его гренадёры Милорадовича (9400), а затем корпус Дерфельдена (6100), то есть 15 600 человек или меньше, учитывая, что князь Пётр не мог активно использовать на изрезанных горных склонах свои 4 казачьих полка. Не развернувшись из колонн во фронт, действуя подобно французам, они понесли бы страшные потери от вражеского огня.

Именно линейные построения давали возможность наиболее эффективно использовать каждого солдата, умножать число своих действующих ружей и штыков против «сгущённых» толп варваров, в данном случае – революционных. Храбрые французы, выбросив вперёд рой стрелков, всегда ломали такие построения плотными колоннами. Но для стремительной атаки колонн у Нови местность была сложной, а русские успевали не только менять фронт, но поддерживали друг друга со скоростью и энергией, невиданной в других европейских армиях.

Суворов был с войсками, всегда в центре событий. Битву он начал личной разведкой перед боевыми порядками авангарда. Но о его существенных приказах в источниках ничего не сказано. Битва при Нови была в чистом виде победой его военной науки и его школы. Командиры, вплоть до штабс-капитана Львова с отрядом в 30 человек, принимали и исполняли решения мгновенно, в духе «Науки побеждать». Багратион, Милорадович, Горчаков и др. генералы по обстановке меняли направления ударов и помогали друг другу отражать бешеные контратаки французов.

Русские наступали в центре. Генералу Моро, чтобы не закрывать направления огня

¹⁰⁰ Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. II. СПб., 1857. С. 42 (подсчёт русских сил: с. 32–34). Позднейший историк, ссылаясь только на Милютина, взял откуда-то цифру 35,5 тыс. (Ростунов И. И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: Жизнь и полководческая деятельность. М., 1989. С. 421). В Интернете столь же безосновательно бытуют цифры 38 тыс. французов и 44 тыс. союзников.

своей артиллерии, приходилось бросать на них колонны с флангов. Ни он, ни командиры его дивизий не успевали согласовать своих действий с такой скоростью, как это делали русские, практически думавшие друг за друга. При превосходстве активно обороняющихся французов в числе, они нигде не успевали реализовать это превосходство: их везде били ещё до того, как они успевали объединять свои силы.

Сонмы австрийцев, клубившиеся справа и слева от поля сражения, были хорошо видны французам с высот. Моро, отбросив к утру Края и Беллегарда (о действиях которых в сражении до последней атаки ничего не известно) и напрасно ожидая наступления Меласа, слишком поздно догадался стянуть все войска в центр, против не великих числом, но почему-то неостановимых русских. Моро долго пытался их затормозить, серьёзно угрожая флангу. Время для лобовой атаки всей массой вниз по склону было упущено. Моро не смог собрать войска в колонны – он уже ввёл в бой все резервы, когда в центр его позиции ворвались полки Багратиона и Милорадовича.

Впрочем, хорошего французского генерала не стоит упрекать за то, что он не двинул все войска в общую атаку на наступающую кучку русских. Сохранялась опасность, что австрийцы всё-таки проснутся и, стоит ему покинуть удобнейшую позицию, атакуют с флангов. Бытующий 200 лет анекдот, что Суворов, чтобы сдвинуть Меласа, угрожал ему расстрелом, – чистый вымысел. В России не было смертной казни. Суворов, по его собственным словам, ни разу в жизни смертного приговора не подписывал...

Смысл его военного искусства состоял в сохранении жизней. Французы, храбро удерживавшие слишком сильную позицию, потеряли, согласно реляции Суворова императору, 7 тыс. убитыми и увезли с собой 5 тыс. раненых. Свыше 4 тыс. их солдат разбежалось. 4738 человек, в том числе 4 генерала и 84 офицера, попали в плен. Ещё три генерала были убиты. Историки любят увеличивать потери французов убитыми до 10 тысяч. Суворову это бы не понравилось. Он терпеть не мог лишнего кровопролития и ложных донесений.

В русской армии погибло, считая с преследованием, 353 человека (в том числе майор), ранено было 1554 человека (включая трёх генералов). В австрийской было убито 900 и ранено 3200 человек. Всего убитых 1253, раненых 4754, – чуть меньше, чем французов попало в плен!

Русские «чудо-богатыри» и австрийцы совершили невозможное: военная наука не позволяла так сбросить войска при взятии одной их сильнейших в мировой истории позиций, упорно защищаемых армией и полководцем, которые до встречи с Суворовым били всех противников.

Победа суворовской школы над Европой была полной.

Глава 12 **Орлы российские**

Лишний член в управлении войском.

Моро, потеряв больше половины войск, 39 пушек из 40 и почти весь командный состав, не имел сил даже поставить заставы на горных перевалах. Он немедленно распорядился об отводе войск к Ницце и эвакуации награбленного из Генуи морем.

Суворов вечером после победы, когда его войска по пятам преследовали противника, дал союзной армии приказ к общему наступлению на Ривьеру, согласно его диспозиции от 24 июля. Разгром главных сил французов позволял надеяться, что, выступив следующим утром, 5 августа, уже 6-го войска Розенберга и Дерфельдена будут в Генуе (Д IV.311).

Но 5 августа Суворову уже «всё было не мило». Австрийцы доложили, что, невзирая на его приказы, продовольствия и мулов для похода нет. Наступление откладывалось, как полагал Суворов, на несколько дней. Отвечал за обеспечение армии, а значит, и за этот откровенный саботаж барон Мелас, которому император Франц I доверил политические дела

в Италии¹⁰¹. В тот же день на Суворова обрушился рескрипт Франца I, подписанный 29 июля, до битвы при Нови, когда Вена была в ужасе от угрозы наступления французов. Император требовал во избежание больших потерь воздержаться от завоевания Ривьеры, оставить мысль о вторжении в Савойю и тем паче во Францию.

В приложенном к рескрипту предписании гофкригсрата Суворову предлагалось исключить корпус графа Кленау из плана наступления на Геную и отвести его для охраны края в Тоскану. Фельдмаршал знал, зачем это нужно. Австрийцы собирались разоружить антифранцузское ополчение итальянцев в Тоскане, как они уже сделали в Северной Италии, и оккупировать центральную часть полуострова, как ими был захвачен его север.

Фельдмаршал суть политики союзников прекрасно понимал. Он ещё перед походом в Италию говорил послу в Вене Разумовскому: «Если правительство австрийское станет действовать в пользу свою более чем в пользу общую, труды наши будут тщетны, даром прольется русская кровь и все пожертвования России будут напрасны». Восстанавливая после изгнания французов итальянские королевства, их войска и администрацию, Суворов сознавал, что действует против корыстных интересов Австрии. «Полная справедливость требует, – писал на этот счет император Франц, – чтобы значительные потери в людях, понесенные государством моим в продолжение почти одиннадцатилетней войны, вознаграждены были чужими областями, исторгнутыми у неприятеля».

То, что Австрия хочет захватить Италию, а Англия не желает видеть русских в Средиземном море, не веря (и совершенно напрасно) в их бескорыстие, было понятно. Но эти противоречия не должны были, по здравому рассуждению, проявиться до победы над очень сильным и крайне опасным противником – революционной Францией. Суворов не мог представить себе глубины безумия, порождаемого жадностью. Он прямо писал, что не направить ныне удар на Париж – значит самим мостить французам ступени к Вене! Отвергнуть союзников в Италии, оттолкнуть русских, – да Австрия «не с ума ли сошла»? Ведь это значит быть неизбежно поработенными французами! Что ж, Вена сделала свой выбор и пала под пушками Наполеона. Воистину прав был полководец, когда говорил, что вывеска дураков – гордость, а посредственных умов – подлость.

Фельдмаршал до последнего момента надеялся на возможность победного завершения кровопролитнейшей многолетней войны в Европе. Собрав в кулак русские корпуса, он все ещё планировал наступление во Францию, чтобы как минимум разгромить войска Директории, собиравшиеся для реванша в Италии. Но большая часть его войск, вся артиллерия, понтоны и снабжение были австрийскими. И гофкригсрат силился через голову фельдмаршала руководить ими из Вены! «Хотят править операциями за 100 вёрст, – жаловался Суворов в письме Ростопчину, но ещё не сдавался. – После Генуэзской операции буду просить об отставке формально и уеду отсюда. Более писать слабость не позволяет» (Д IV.314).

Францу I он ответил ядовито-вежливо, что корпус Клейнау, дабы обезопасить Тоскану от возвращения французов, должен не отступать на юг, а «теснить правое крыло неприятеля до Генуи, где его поражение закончит армия через Савойю». Он вернётся в Тоскану после победы. Хотя и это решение неразумно, «когда нам предстоит ещё упрочить за собой плоды вчерашней победы, то есть овладеть Ривьерой генуэзской и прикрыть границы Пьемонта покорением Ниццы... Для подобного предприятия необходимы немалые силы, по обширности берега морского и свойству горной страны. Я сам, как верный слуга, конечно желаю приобрести Ривьеру генуэзскую с крайним, по возможности, сбережением людей. Важнейшей выгодой вчерашней победы считаю именно то, что она облегчит трудности предстоящего нам предприятия и сохранит много крови. Равно и все доселе одержанные мною победы и завоевание столь обширной страны тем в особенности меня радуют, что не стоили армии значительных потерь». Отвергнув указания императора как устаревшие,

¹⁰¹ Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. II. СПб., 1857. С. 62.

Суворов решил подсластить пилюлю. Похоже, он даже солгал: «Я никогда не считал возможным в эту кампанию проникнуть в Савойю и во Францию, а только имел в виду упорядочить свои завоевания и доставить армии спокойные квартиры на зиму в западных горах и в пределах Пьемонта» (Д IV.313).

Указ австрийского императора, безумные предписания гофкригсрата, отсутствие продовольствия и транспорта не могли отвратить Суворова от удара на Савойю. Туда должен был отступить Моро, имевший свыше 20 тыс. солдат, там формировалась для вторжения в Италию армия генерала Шампионе (18 тыс., с дивизией Тюрро в Валисе – 26 тыс.). «Все известия подтверждают, – писал Суворов 6 августа, – что неприятель беспрестанно усиливается в Савойских долинах... После взятия Генуи и по вступлении в Савойю мы тотчас обратимся всеми силами к защите Пьемонта» (Д IV.315).

Но заставить австрийцев следовать его плану Суворов не мог. Уже на следующий день, 7 августа, фельдмаршал сообщил начальнику военно-походной канцелярии Павла I в Петербург, что лишён возможности управлять войсками – все получают приказы от гофкригсрата. «Я столько духом изнурён, что насилу говорю. Лишний член в управлении войском... Сколько ни мужаюсь, но вижу, что должен скоро в каком ни есть хуторе или гробе убежища искать» (Д IV.319).

В тот же день Суворов доложил Павлу I о следствиях нарушения принципа «пользоваться победой». Благодаря промедлению союзников «неприятель, побитый при Нови... усиливается со стороны Савойи и уже чинит поиски на наши туринские посты... в намерении с обеих сторон совокупного на нас наступления». Одновременно из Швейцарии, где Гельветическая армия генерала Массена (65 тыс.) два месяца не испытывала беспокойств от 78 тыс. солдат эрцгерцога Карла, неприятель «отворил себе проход в Ламбардию», сбив австрийцев с альпийских перевалов. «Обстоятельства эти и неготовность транспортных мулов заставили отложить экспедицию на Ривьеру. Армия станет в Асти, между Туринном и Алессандрией» (Д IV.316). Можно представить гнев Суворова, вынужденного союзниками к отводу войск и «подлой обороне» от врага, собирающегося атаковать с трёх сторон!

Сдача перевалов Сен-Готард и Сен-Бернар открывала французам тыл союзной армии, защищённый только 13 тыс. солдат бестолкового генерала Гадика, которого Суворов давно просил сменить. Разумеется, и с этими силами предгорья Альп можно было удержать. 7 августа фельдмаршал попытался отвратить Гадика от дурной стратегии распыления армии по кордонам, объясняя, что большой подмоги ему не выделит: «Главная армия соединяется 9/20 числа при Асти на случай комбинированного нападения неприятеля... Армия должна иметь все силы свои в готовности для отражения неприятеля или для отхода, а потому можно отрядить в распоряжение ваше к Милану только от четырёх до пяти тысяч человек» (Д IV.318).

Тем не менее фельдмаршал оттянул свою 67-тысячную армию назад, к Асти, а к Милану двинул 10-тысячный корпус храброго генерала Края. Однако французы, выполнявшие старый план 4 августа «произвести общую атаку со всех сторон», получив вести о разгроме при Нови, предпочли не спускаться с перевалов (Д IV.317, 320). Уверившись в этом, Суворов 11 августа вернул Края назад (Д IV.322), а Гадику преподал курс оборонительного (!) искусства:

«Обязан обратить внимание Ваше на ту военную истину, что кордонная линия всегда может быть опрокинута: неприятель по своему произволу устремляет силы на один пункт, между тем как обороняющийся, оставаясь ещё в неизвестности, имеет свои силы рассеянными. По этой причине с неудовольствием вижу я раздробление корпуса Вашего, без сомнения, довольно значительного... Из числа 13000 человек остаются при Вас... только два батальона. Я желал бы, все пути и тропинки заняты были не для того, чтобы защищать каждую из них, но чтобы только наблюдать. Для этого достаточны одни лёгкие войска. Главные же силы должно держать в совокупности, чтобы выждать на каком-нибудь пункте нападения неприятельского, или идти к нему навстречу и отрезать его. Таким

образом войска выигрывают время и успеют раскрыть намерения неприятеля прежде, чем он нападет» (Д IV.323).

12 августа, предлагая барону Краю выделить небольшую часть войск для прикрытия Милана, Суворов советовал в обороне «стараться получать достоверные сведения о движениях противника, узнавать точнее о направлениях и силе наступающих и отступающих колонн неприятельских и в особенности об именах их начальников. Ни одного поста не должно считать крепостью. Нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю. Напротив, в том и состоит военное искусство, чтобы во время отступить без потери. Упорное же сопротивление для удержания иного поста стоило бы сильной потери, между тем впоследствии пришлось бы всё-таки уступить пост превосходному неприятелю... Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже самого поста» (Д IV.324).

К «величайшей осторожности» призывал Суворов и графа Кленау, при 9-тысячном корпусе которого состоял полк донских казаков. Ободряемый фельдмаршалом, граф вёл наступление вдоль моря на Геную, несмотря на запрет из Вены, угрозу Ломбардии, отвод союзных войск к Асти и то, что «операция против Ривьеры остановлена на некоторое время». 7, 13 и 16 августа, когда корпус Кленау, взяв несколько крепостей, подошёл к Генуе, оставалась надежда, что австрийцы возьмут город и восстановят в нём «строжайший порядок» без серьёзного сопротивления и потерь (Д IV.318, 325, 328, 330). Лишь в конце месяца посланный Францем I генерал Фрелих настиг графа и отобрал половину солдат, а казаков отослал к Суворову. Остатки корпуса были атакованы французами и с большими потерями отступили (Д IV.341).

В день, когда Суворов рекомендовал графу Кленау принять капитуляцию Генуи и обеспечить в городе «безопасность собственности» обывателей, все его планы в Италии были уничтожены рескриптом Франца I, подписанным 6-го и доставленным 16 августа. К нему прилагался рескрипт Павла I от 21 июля¹⁰². Два императора приказывали главнокомандующему «поспешно» вывести русские войска из Италии в Швейцарию и соединиться там с корпусом Римского-Корсакова, который вступил в Альпы в начале августа.

Павел I, ничего не сообщая Суворову, провёл об этом переговоры с Австрией и Англией. Их задачей было удалить русских из Средиземноморья. В идеале это давало возможность уничтожить армию Суворова во время осенней войны в горах, без снабжения и снаряжения, против превосходящих сил французов и швейцарских революционеров. Как минимум русские были бы связаны и обескровлены этой войной. В любом случае бассейн Средиземного моря оставался на разграбление англичан и австрийцев.

Союзников особенно радовало, что виновником спланированного ими поражения русских становился, как командующий, сам Суворов, страшно раздражавший их своей непобедимостью. Павел I, лично одобрявший этот коварный план, был обманут обещанием совместного с союзниками наступления на Францию. Он предложил фельдмаршалу «привести в действие план наступления во Францию через Франш-Конте, составляя армией вашей центр, имея правым флангом эрцгерцога Карла, а левым австрийскую армию в Италии, и предоставив им, по мере движений ваших, следовать вперёд или оставаться на месте».

О том, что наступать придётся из Швейцарии, занятой сильной французской армией во главе с талантливым генералом Массена, Павел I не думал. Что нельзя организовать вторжение во Францию с гор, через которые армия не получит снабжения, он не понимал. Император не мог даже осознать, как губительно наступать в центре, под ударами Рейнской армии с севера, Савойской и Итальянской с юга, Массена и швейцарцев с тыла, при

¹⁰² Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. II. СПб., 1857. С. 108–109, 147.

«бесстыдно» стоящих на месте союзниках (Д IV.344). Франц I в своём рескрипте вновь запретил наступление в Ривьеру – это при Суворове – а без него австрийцы тем более не стали бы беспокоить французов. Как изволил выразиться Франц I, за положение в Италии можно больше не опасаться.

Получив императорские рескрипты, Суворов мгновенно оценил трагичность распоряжений, причём в первую очередь для союзников. В следующем году Бонапарт, с невеликими войсками, одним ударом вышвырнет австрийцев из Италии, а Моро добьёт их на Рейне. Неразумные союзники потеряют оплаченные большой кровью завоевания, Австрия утратит значение великой державы, а Англия – всякое влияние на континенте. Лишь остров Мальта, как мечтал Павел I, вернётся под власть рыцарского ордена, а на Ионическом море сохранится созданная победами Ушакова Республика семи островов...

Допустить такое развитие событий Суворов не мог. Он отказался подчиняться императорским рескриптам. Ведь на «поспешном исполнении предположенного движения в Швейцарию» настаивал Франц I, а Павел I просил его осуществить безумный план, «коль скоро возможно будет». Это «возможно» фельдмаршал лояльно к своему монарху истолковал как карт-бланш на завершение войны в Италии в течение ещё двух месяцев (Д IV.337).

17 августа Суворов прямо написал Францу I: «Я имею глубокое убеждение, что с потерей Италии нет возможности завоевать Швейцарию, а потому из этой страны можно отделить только часть сил в пользу Швейцарии, когда они сделаются для Италии ненужными». Ослабить союзные войска в Италии можно лишь после «совершенного поражения неприятеля в графстве Ниццком и Савоие и наступлении позднего времени года, когда действия в горах уже становятся невозможными». Это произойдёт через пару месяцев, «в продолжение которых и в Швейцарии война может принять лучший оборот с прибытием туда значительного подкрепления из российских войск».

Суворов подчеркнул, что нельзя вдруг отделить русские войска от австрийской армии, на которой лежит всё снабжение. «Ни один из корпусов императорских российских войск, находящихся в Италии и Швейцарии, не снаряжён таким образом, чтобы мог действовать отдельно» от австрийцев. Он просил, «чтобы российские войска, назначенные в Швейцарию, снабжены были необходимыми запасами, амуницией, орудиями, зарядами, патронами, понтонами, с потребной прислугой и упряжью, а также надлежащим числом офицеров генерал-квартирмейстерского штаба». Без этого выступление в Швейцарию невозможно (Д IV.332).

* * *

Меня отсюда гонят в Швейцарию, чтобы там уничтожить.

Однако союзников волновал не успех боевых действий, а скорейшее удаление русских войск с политической карты Европы. 18 августа Суворов «получил известие, крайне удивившее его»: эрцгерцог Карл приказал «поспешно» вывести австрийские войска в Баварию, бросив в Швейцарии вступивший туда корпус Римского-Корсакова. Стало ясным, почему, имея превосходящие силы (78 тыс. против 65 тыс. французов) и три месяца ничего не делая, австрийцы умоляли Павла I прислать в Швейцарию русских. Те стали заложниками, спасая которых Суворов не пойдёт, а полетит из Италии.

«Печальные следствия для Германии и Италии, неизбежные с этой переменой, должны быть очевидны для опытного военачальника», – написал эрцгерцогу фельдмаршал, всё ещё не веря в решение австрийцев поставить русских под удар. «Они сопряжены будут с неминуемым вредом для общего дела и просто немислимы» (Д IV.344). Суворов настойчиво просил эрцгерцога отметить его приказ.

Сам он не мог и помыслить бросить австрийцев одних против гидры революции, «изблёвывающей» против Италии всё новых и новых солдат. «Мы били на Адде 20000, на

Тидоне – Треббии 30000, при Нови 40000, а ныне в горах или из гор имеем против себя уже 50000¹⁰³. Павшие головы гидры сугубо возрождаются!» А ведь «пленных одних при мне 60000» (Д IV.335, 339)! Пока не взята крепость Тортонна в тылу союзных войск и не уничтожена армия, собранная французами для её деблокады, сообщил он Павлу I 20 августа, «все завоевания подвергаются явной опасности» (Д IV.337).

В это время Суворов был «уже неделю в горячке, больше от яда венской политики, но – на ногах и служу!» (Д IV.338, 340). 23 августа он написал Павлу I, что получил «сокрушительное известие: эрцгерцог Карл выступил из Швейцарии», оставив с 24-тысячным корпусом генерал-лейтенанта Римского-Корсакова всего 21 тыс. австрийцев генерала Готце. Перед этим эрцгерцог «спал больше 3-х месяцев по указу» гофкригсрата (Д IV.346). Теперь он «всё снова перепортил к гибели Европы. Не ручаюсь, как пройду через горло сильного неприятеля только с 12000» (Д IV.348).

Суворову почти не с кем было спешить на помощь Корсакову. В его распоряжении находился только 12-тысячный корпус Дерфельдена. 6-тысячный корпус Розенберга Павел I распорядился отправить в Южную Италию и оттуда на Мальту. По требованию Франца I войска Дерфельдена должны были заменить в Швейцарии корпус генерала Гадика, «а мне одному со свитой прибыть к Корсакову на моём Буцефале» (Д IV.338). Конечно, и один Суворов стоил армии. Но ему предстояло пробиться через закрепившиеся в Альпах французские войска. 24 августа фельдмаршал получил одобрение Павла I на уже принятое им решение: забрать в Швейцарию корпус Розенберга, отправив на Мальту 3 батальона князя Волконского в качестве десантных войск флота Ушакова (Д IV.350).

То, что Суворов оттягивал выступление в Швейцарию, не означало, что он не готовился к походу. До 23 августа он просил, а после – настойчиво требовал у ответственных за снабжение австрийцев всё необходимое (Д IV.347, 353, 363). Армия, получив чёткую диспозицию, должна была 28 и 29-го двинуться в путь двумя колоннами (Д IV.352, 357). За день до выступления Суворов сердечно поблагодарил австрийские войска, от генералов до рядовых. «Никогда не забуду храбрых австрийцев, – сказал он в обращении к Итальянской армии, – которые почтили меня своей доверенностью и любовью, воинов победоносных, сделавших и меня победителем» (Д IV.366).

Фельдмаршал вёл войска к Альпам, когда французы решились деблокировать Тортону. Мелас просил Суворова о помощи – тот «тотчас возвратился» и оставался у Тортонны двое суток до её капитуляции 31 августа. Сражения не произошло. Французы, храбро наступавшие на австрийцев тремя колоннами, встретили на марше к Нови батальон гренадёр генерал-майора князя Волконского и моментально скрылись в горах. Потерянное время Суворов навёрстывал затем «форсированным маршем и отказом от всех днёвок» (Д IV.367–369, 375).

Австрийцы его энергично подгоняли. 1 сентября, на марше, Суворов узнал, что эрцгерцог Карл «решил без промедления присоединить к себе войска генерала Готце». Это означало не просто поставить 40 тыс. русских (24 тыс. Римского-Корсакова и 16 тыс. Суворова, за вычетом непригодной в горах кавалерии) под удар 70 тыс. французов. Готце занимал позиции в горах южнее Римского-Корсакова; сдача их означала, что Суворову надо пробиваться на помощь к своим вдвое дольше. Фельдмаршал потребовал от Франца I выполнить его обещание и оставить Готце. Эрцгерцогу он написал, что «вывод императорских войск, численностью в 21000 человек» невозможен «без принесения полностью в жертву Швейцарии» (Д IV.374, 375).

На обход Альп с востока, через австрийские владения, по дорогам снабжения союзных войск в Швейцарии, времени у Суворова не оставалось. 25 августа он решил идти на помощь Римскому-Корсакову напрямую, через перевал Сен-Бернар (Д IV.354). Но в тот же день

¹⁰³ Подсчёт Суворова. По подсчёту лучшего историка Итальянского похода, Моро, Шампионе и Тюрро имели 51 тыс. (Милютин Д. А. История войны 1799 года... Т. II. С. 84).

известил русского и австрийских командующих в Швейцарии, что 19 сентября атакует французов через Сен-Готард, выходя в тыл правого фланга армии Массена. Оба перевала были в руках противника. Австрийцы их сдали и уже месяц не удосуживались отбить. Но дело ещё можно было спасти. Талантливый французский генерал Массена с его превосходящими силами по плану фельдмаршала был бы разбит соединённым ударом Корсакова, Готце и неожиданно грянувшего с горных вершин Суворова. Приказы были разосланы – требовалась лишь быстрота маневра. Гофкригсрат сделал все, чтобы сорвать сроки выступления русских на помощь русским.

Посылая Суворова в горы, гофкригсрат даже не дал ему «обстоятельного сведения о расположении находящейся в Швейцарии союзной армии». Опираясь на разведанные, фельдмаршал послал Римскому-Корсакову, Готце и стоявшему южнее его Линкену наброски плана действий. Суворов особо просил их поделиться «известиями о силе и положении союзных российско-австрийских войск, о силе и распределении неприятельских. Так же желал бы я, – добавил он, – чтобы они сообщили мне свои сведения о местных затруднениях и способах края для военных действий и мнения о том, как именно удобнее будет» сражаться. «Только тогда я буду иметь возможность решить свой план атаки и назначить для того в точности день и час».

Для общего наступления Суворов просил командующих помнить о четырёх вещах. Первое – «держат по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать самую атаку безуспешной». Второе – тщательно разведать «стоящего перед собой неприятеля и настоящую силу его». Третье – ежедневно извещать друг друга о своих действиях через курьеров. Наконец – усердно упражнять войска «в действии холодным оружием, то есть штыками и саблями, в три линии: этому способу действия мы исключительно обязаны столь многими и притом мало стоившими нам победами». Для обучения австрийцев выделялись «сведущие в том деле» офицеры Римского-Корсакова (Д IV.355).

Для сосредоточения войск перед броском в Швейцарию Суворов избрал городок Таверно между озёрами Комо и Ларго-Маджоре. Русские пришли туда строго по плану, 4 сентября, пройдя 8-дневный маршрут за 6 дней. Из 1439 заказанных согласно диспозиции от 26 августа мулов «здесь не нашёл я ни одного мула и даже не имею известий о том, когда придут они», – сообщил Суворов Францу I. – Таким образом, поспешность нашего похода осталась бесплодной, решительные выгоды быстроты и стремительности нападения потеряны».

Суворова не удовлетворяло сознание, что он сделал всё от него зависящее, «чтобы преодолеть все препятствия» (Д IV.378). Без вьючных мулов нельзя было перевезти 25 горных пушек, взятых им в Павии вместо полковых и орудий «главной артиллерии» (отправленных в Австрию), боеприпасы и 4-дневный запас продовольствия (в дополнение к 3-дневному запасу в солдатских котомках). Составляя в Таверно на основании присланных из Швейцарии данных план общего наступления (Д IV.373, 383), фельдмаршал предвидел, что по взятии Сен-Готарда оставленные для его обороны австрийские войска не смогут удержать коммуникации с Италией. Провезти обозы будет невозможно.

Значит, войска должны иметь с собой минимум для выживания в диких горах.

Только через 4 дня, 8 сентября, Суворов смог добыть 650 мулов – меньше половины необходимого. Австрийцы в великой мудрости своей наняли их для доставки грузов только до предгорий. Для 400 мулов фельдмаршал сумел «заклучить новое соглашение на их использование» в Швейцарии. Не теряя времени, его солдаты начали шить вьюки на казачьих лошадях (Д IV.379). Казаков, кроме двух полков, Суворов вынужден был отправить назад с бесполезными в горах обозами.

В эти дни острейшего нервного напряжения Суворов превзошёл самого себя в поразительной силе предвидения. Из пяти мостов, который русским предстояло преодолеть после взятия перевала Сен-Готард, он отдельно указал в диспозиции именно Чёртов, «Тейфельсбрюке», к которому специально следовало послать передовые части, чтобы, «если

бы он от неприятеля был испорчен, тотчас из крыш ближайших строений выправить». Так и произошло; остальные мосты русские успели взять неповреждёнными.

Замысел наступления через Сен-Готард учитывал, что позиции французов в Швейцарии протянулись на север именно от него. Восточнее отдельными группами стояли с юга на север австрийцы Готце, общим числом 21 тысяча. Дальше на северо-запад, за Цюрихским озером, располагался вдоль р. Лиммат до её впадения в р. Аре 24-тысячный корпус Римского-Корсакова. Против него, за р. Лиммат, 40 тыс. французов генерала Массена занимали крепкую позицию на горном хребте, уперев свой левый фланг в бурную р. Аре, а правый – в гору Альбис. Дальше на юг, против Готце, стояла дивизия генерала Сульта (11,5 тыс.). Южнее до Сен-Готарда кантоны Унтервальд и Ури контролировала дивизия Лекурба (12 тыс.). Всего в Швейцарии (с другими отрядами) находилось 60 тыс. французов; ещё более 10 тыс. главнокомандующий Массена держал в Южной Германии.

В диспозиции Швейцарского похода Суворов, как обычно, критично отнёсся к сведениям о числе неприятелей, преуменьшив их до 58 тыс. Союзные силы он, ободряя австрийцев, преувеличил с 59 до 74 тыс. (в том числе своё войско – с 16 до 20 тыс.). «Ныне вопрос, – писал генералам фельдмаршал, – каким образом этими тремя силами (его, Готце и Римского-Корсакова) для освобождения прежде Малых кантонов (в горах на юге. – *Авт.*), а потом, в продолжении, после первого успеха, действовать сообразнее к занятию всей Швейцарии?» Само расположение неприятеля давало ответ.

Обойти Сен-Готард без единого выстрела можно было с востока, но тогда пришлось бы пересечь четыре горных хребта, а дивизия Лекурба оказывалась на фланге и в тылу суворовских войск. Напротив, наступая прямо на Лекурба и с боями продвигаясь через все неприятельские позиции от левого фланга к центру французов, русские везде имели численный перевес. Суворов ещё по Крыму и Кавказу знал особенности горной войны. Лекурб не мог держать войска вместе – они не смогли бы длительное время получать снабжение. Три его бригады были разбросаны на большом, труднопроходимом пространстве у Сен-Готарда, Альтдорфа и Глариса. При атаке позиций Массена прямо во фланг переброска французами подкреплений была максимально затруднена. Суворов мог координировать фланговый удар с атакой Римского-Корсакова и Готце по фронту, чтобы сгрести в кучу и уничтожить армию Массена. Ему легко было, не опасаясь за фланги и тыл, концентрировать свои силы и для прямого удара, и для обходов.

Обходы Суворов полагал главным способом наступления в горах. Общая мысль его диспозиции, если отбросить названия боевых частей и географических пунктов, состояла в том, что главные с точки зрения противника силы русских, храбро наступая в лоб, выделяли часть войск для одного или двух тактических обходов и побеждали с минимумом потерь. Тем временем противник, концентрирующий войска для их отражения, глубоко обходился одним или двумя крупными отрядами, захватывающими его стратегические коммуникации и открывающими путь армии. Уничтожение противника, всегда имеющего возможность разбежаться по горам, не входило в задачу наступающих войск. Без приказа никто не должен был преследовать карабкающихся по кручам и прячущихся в ущельях неприятелей.

Целью армии Суворова было как можно быстрее пройти, разбив правый фланг французов в пыль, до их центра, соединиться с австрийцами Готце и по обоим берегам Люцернского озера выйти во фланг и глубокий тыл главных сил Массена, скованных наступлением Римского-Корсакова по фронту. Координация сил и действий была крайне важна. Суворов составил точный график движения своих войск и требовал того же расчёта от Готце.

На следующий после составления диспозиции день, 9 сентября, он дополнительно снабдил своих командиров правилами движения колонн и ведения боевых действий в горах, где тропы могут быть такими узкими, что не протиснется «порожня лошадь», а тем более мул с вьюком (Д IV.382). Пушки – главное огневое средство в горах – Суворов запретил ставить «при голове, ни позади колонны, ибо, будучи впереди, они мешать могут маршу, сзади же, в случае востребования их, не скоро пройти им удобно».

Горные пушки фельдмаршал распределил по одной на 1–2 батальона плюс 2 орудия на дивизию. Авангард князя Багратиона из 8 батальонов имел всего 5 пушек, ибо первым должен был карабкаться по горам. Дивизии Швейковского, Ферстера и Розенберга имели по 8 батальонов и по 6 орудий. Дивизионной колонне Суворов предписал такой порядок движения: «25 казаков (в узком месте они отводились в тыл. – *Авт.*), 20 пионеров, 1 батальон пехоты егерей или гренадёр, 1 пушка со снарядами, 3 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 пушки запасные. За сим 10 мулов с ружейными патронами». Затем казачьи лошади и мулы с провиантом под охраной 1 батальона пехоты и 100 казаков, «распределённых впереди, в середине и сзади». «Дивизионным колоннам сколько возможно быть сомкнутыми и избегать растяжения, – приказал Суворов. – Между колоннами же следует иметь двести шагов расстояния».

Враг будет занимать высоты. Для их атаки надо посылать на вершину по всей ширине склона роту или взвод, «прочие же батальоны в ста шагах следуют». Атакующие должны использовать укрытия для отдыха. «Одной стрельбой никаким возвышением овладеть невозможно, ибо стоящий на нём неприятель весьма мало вредим... напротив же того стрельба с вышины вниз гораздо прицельнее. Поэтому стараться как можно скорее достигнуть вершины, чтобы не находиться долго под выстрелами».

Атака передовыми стрелками может быть успешной, но «одной только твёрдой и непоколебимой подпорой колонны можно придать мужества и храбрости врознь рассеянным стрелкам». Если они не могут пройти, «то должна колонна, не сделав ни одного выстрела, с великим стремлением достигнуть вершины горы и штыками на неприятеля ударить». Естественный испуг противника обеспечит слабость его обороны.

«Само собой разумеется, – добавил Суворов, – что не следует на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами её обойти можно. Если неприятель умедлит овладеть возвышениями гор, то должно на оные поспешно влезть и над неприятелем сверху штыками и выстрелами действовать». Рекомендации Суворова были выполнены его войсками в Швейцарском походе, но обстоятельства сложились так, что их поражение стало неминуемым.

10 сентября 1799 г. для перехода через Альпы не хватало ничего, но Суворов спешил в горы, не имея других возможностей. Время для совместных действий с войсками Римского-Корсакова и австрийцами было безбожно упущено. Император Франц I и его гофкригсрат занимали уже откровенно враждебную позицию по отношению к союзнику. На словах Суворов всё ещё был главнокомандующим, на деле ему не дали ни одного генерала и офицера, которых он знал и просил в свой генерал-квартирмейстерский штаб. А ведь всё снабжение русских в Швейцарии должно было лежать на австрийцах. Вместо них Суворову дали подполковника Вейротера – того самого, что всемирно прославится в 1805 г., тщательно составив диспозицию к поражению русской и австрийской армии при Аустерлице (Д IV.361).

11 сентября Суворов был вынужден написать генералу Готце, что не согласен с приказом эрцгерцога Карла о переводе его корпуса в Германию и будет настаивать на исполнении диспозиции Швейцарского похода (Д IV.385). Без участия этих сил выполнить поставленные задачи было нельзя. 12 сентября фельдмаршал послал Римскому-Корсакову и Готце ободряющее предписание, поощряя их инициативу в предстоящих боевых действиях. «Я обязан только напомнить вам, – писал Суворов, – что ни одно препятствие не следует считать слишком большим, никакое сопротивление слишком значительным; нужно неуклонно идти к цели, стремясь с величайшим самопожертвованием к достижению поставленной перед нами задачи, ради которой мы объединились. Ничто не должно устрашать нас, и мы должны быть убеждены в том, что только решительность и стремительный натиск решают дело. То и другое здесь тем более необходимы, что малейшее промедление даёт противнику средства оказать сопротивление, а нам создаёт новые препятствия, которые будут ежечасно увеличиваться в связи с трудностями доставки провианта в этой стране без дорог» (Д IV.387).

Суворов писал весьма бодро, но не был уверен в том, что австрийцы из Швейцарии не убегут. В Италии, откуда они столь усердно изгоняли Суворова, против австрийцев уже начались восстания. «Выступление войск вашего императорского величества, – 9 сентября рапортовал он Павлу I, – произвело там крайнее уныние» (Д IV.381). Итальянцы, которые с помощью отряда русских под командой подполковника Цукато восстановили королевскую власть в Неаполитанском королевстве и взяли для «своего законного государя» Рим (Д IV.269, 327, 328), австрийцами насильно разоружались. Итальянские солдаты и офицеры не желали служить у австрийцев даже в крайней нужде. Всё дело, объяснял Суворов императору Францу I, «в том духе армии, который свидетельствует об их объединённости» (Д IV.385). Русские офицеры, помогавшие итальянцам, покидали страну, чтобы неучастием в австрийских захватах «спасти в глазах итальянского народа честь русского мундира». Моряки Фёдора Фёдоровича Ушакова ужаснулись учинённой англичанами резне пленных в Неаполе. Они силой «исторгали невинные жертвы из рук убийц» – бывших союзников. Разрыв стал неизбежен.

Потеряв в ожидании продовольствия и транспорта ещё два дня, Суворов, карабкаясь по крутым горам к Сен-Готарду, припоминал (и по-своему интерпретировал) двестишестидесятилетнего великого Ломоносова:

Великодушный лев злодея низвергает;
Но хищный волк его лежащего терзает.

Полководец боялся уже не за честь мундира – опасности подвергнута была сама слава русского оружия. «Хоть ничего на свете не боюсь, скажу – в опасности от перевеса Массена мало пособят мои войска отсюда, и поздно... Поспешность нашего (итальянского) похода осталась бесплодной; решительные выгоды быстроты и стремительности нападения потеряны». «Меня отсюда гонят в Швейцарию, чтобы там уничтожить» (Д IV.520; П 684).

* * *

Я был отрезан и окружен.

Войска не должны были знать о суворовских опасениях. Впереди, неумолимо приближаясь с каждым долгим и трудным переходом, высился неприступный перевал Сен-Готард. Его отбил у австрийцев лучший французский горный генерал Лекурб. Обход перевала мог не удался, наступление в лоб было самоубийственным. Суворов использовал оба приёма вместе, чтобы, наступая тремя колоннами корпуса Дерфельдена по всему склону горы, сковать обороняющихся и дать авангарду Багратиона обойти перевал по скалам¹⁰⁴. Тем временем корпус генерала Розенберга, согласно общей диспозиции похода, обходил Лекурба далеко справа, поднимался в горы вдоль истоков Рейна и атаковал французов в тыл.

Две атаки русских на перевал 13 сентября 1799 г. были отбиты. Суворов приказал начать третью, когда над французами показались в поднебесье солдаты Багратиона. Взобраться, упираясь в скалы лишь штыками, на главный Альпийский хребет – невозможно! Знаток войн фон Клаузевиц назвал взлет багратионовских орлов «самым изумительным из подвигов за все время похода Суворова». Французы обомлели и ударились в бегство.

Лекурб, стремительно приведя на юг вторую бригаду, довёл численность своих войск до 8 тысяч. Он попытался остановить русских у горной деревни Госпиталь. Но был выбит оттуда и получил известие, что Розенберг спустился с гор у него за спиной, успев разнести штыковым ударом весь французский арьергард. Дважды отрезанный, Лекурб потерял обоз с

¹⁰⁴ Д IV.384, 386 (диспозиции к атаке Сен-Готарда от 10 и 12 сентября), 400 (реляция Павлу I о походе в Швейцарию от 3 октября).

продовольствием и патронами. Но не сдался! Сбросив в реку Рейс пушки, французы ночью сами вскарабкались на голые неприступные скалы хребта Бетцберг – и к утру снова твердо стояли на дороге армии Суворова.

14 сентября русским предстояло пройти ещё две неодолимые теснины: Урненскую дыру и Чёртов мост. Другой дороги, как через туннель длиной 80 и шириной всего 4 шага, в Альпах не было. С одной стороны – отвесные скалы, с другой – обрыв метров 150 в реку Рейс. Дыру французы заткнули пушкой и вдобавок сильно палили из ружей. Суворовские мушкетёры полезли вверх, а егеря вниз по скалам. Верхние успели вперёд: узрев их над головой, французы бросились бежать, сталкивая друг друга в реку, и большей частью потонули.

Но меньше чем в полукилометре был пресловутый Чёртов мост над бездной ущелья. Дорога здесь переходила на другой берег реки и была вырезана в нем наподобие полочки: простреливалась она навывлет. Сообразительные французы как раз разрушали мост, когда на них налетели гренадёры. Немногим удалось скрыться – но середину моста они успели проломить! Засев на противоположном берегу, французы поливали русских метким огнем. В этот момент запоздавшие к Урненской дыре егеря, перейдя реку вброд, стали вылезать на скалы с французской стороны и включились в перестрелку. Огонь неприятеля ослабел. Слабонервные стали даже отходить. А гренадёры нашли, как рекомендовал Суворов ещё в диспозиции от 8 сентября, какие-то постройки, раскатали их по бревнышку и поволокли к провалу над ущельем. Связали бревна офицерскими поясами – и готов штурмовой мостик.

Как суворовские солдаты перешли Чёртов мост – знают все. А вот о том, что Суворов не понадеялся на удачу и загодя послал молодого генерала Каменского в далёкий обход по скалам, по следам Лекурба – упоминают редко. Каменский ударил французам в тыл сразу, как наши стали переходить через мост. Победа «малой кровью» была обеспечена весьма тщательно.

Чёртов отличился среди других мостов проломом, сделанным французами. Дальше по ущелью было ещё четыре моста, которые русские оседлали раньше, чем неприятель начал всерьез портить архитектуру. Дорога так и сновала с одной стороны реки на другую. Кстати – солдаты-плотники залатали швейцарцам Чёртов мост на совесть. «Русский на все пригоден! – восклицал Суворов. – Помилуй Бог, на всё! У других этого нет, а у нас есть!»

Под деревней Амшегом мост был деревянный. Французы подожгли его, когда Милорадович уже вёл своих гренадёр в штыковую. Успели, по горящим перекладам перебежали, отогнали врага от берега. Только в узкой долине у Альтдорфа Лекурб собрал 15 сентября силы для нового боя. И снова Милорадович ударил в штыки. Французы рассеялись, сбросив свои склады с припасами – у русских как раз кончалось продовольствие.

Пробились! Но куда? За Альтдорфом дорога обрывалась в Люцернское озеро. Через него – только вплавь. Но суда французы отогнали. Австрийские штабисты скрыли от Суворова факт отсутствия дорог по берегу. Генерал Линкен, стоявший на левом фланге австрийских войск, на которого Суворов возложил обязанность поддержки и снабжения наступающих русских (Д IV.355), не подавал о себе вестей. От главных сил генерала Готце, которые обязаны были наступать через Гларис на Швиц и соединиться с русскими у Люцернского озера, не было ни слуху ни духу. А из-за гор, где находился корпус Римского-Корсакова, уже второй день слышалась канонада. Следовало любой ценой спешить на помощь своим.

В 5 утра 16 сентября Суворов приказал двигаться труднейшей, зато кратчайшей тропой по Шахенской долине – и прямо через стену хребта Роспток. 20-тысячная армия карабкалась цепочкой по кручам, в дождь и туман. Авангард преодолел хребет за 12 часов. Переход всех войск и транспортных мулов занял 60 часов. Сам Суворов с содроганием вспоминал «дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие грома, льющие дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с вершин низвергавшихся».

Семидесятилетний старик, истерзанный душевно, одолевал трудности наравне с солдатами своей армии. А ведь у Александра Васильевича десятилетиями не прекращались

«головные и грудные боли», он сам себе «напоминал скелет или тень, витающую в воздушном пространстве». Он сражался со смертью год за годом. И на труднейшем пути через Росшток ободрял солдат шутками!

Между тем авангард Багратиона спустился в Муттенскую долину, окружил и пленил имевшихся там французов. Труднее пришлось Розенбергу, прикрывавшему тыл от бешеных атак Лекурба. Он разбил французов так, что заставил отказаться от преследования. А потом его солдатам пришлось карабкаться по разбитой тропе вслед остальным войскам...

Сосредоточение армии в долине продолжалось с 16 до 17 сентября, а мулы с продовольствием и боеприпасами прибыли только 19-го. Семидневный запас продуктов подходил к концу. Помощи от австрийцев не было. 18-го Суворов, перестав надеяться на австрийцев, поручил трудное дело прокормления войск русским офицерам, выделив для этого 3 тыс. червонцев из армейской казны (Д IV.388).

В долине русские узнали, что опоздали. 14–15 сентября Массена наголову разбил и заставил отступить корпус Римского-Корсакова. Русские потеряли 5891 человека, из них пленными 4 генерала, 150 штаб- и обер-офицеров и 4 тыс. нижних чинов (Д IV.414, 452, 453). Одновременно дивизия Сульта почти истребила австрийцев Готце, отбросив их остатки за Рейн; Готце и его начальник штаба погибли. Два других австрийских генерала, Линкен и Елачич, отступили за Рейн всего перед одной бригадой Молитора (4 тыс. солдат) из дивизии Лекурба!

Суворов отдавал должное военному искусству Массена, сделавшему то, что он сам совершил бы на его месте. Но прекрасно понимал, что успех французов обеспечен австрийцами. Спешный вывод войск эрцгерцога Карла из Швейцарии и задержка вступления туда армии Суворова более чем на неделю саботажем снабжения выглядели теперь не глупостью. Это было предательство. Фельдмаршал остался в горах без еды и боеприпасов, один на один с подавляющими силами французов: «Неприятель, благодаря перевесу в силах, добился блестящих успехов. Я был отрезан и окружен» (Д IV.520; П 684). Массена обещал вскоре пленить фельдмаршала!

* * *

Горжусь, что я русский.

В Муттенской долине 18 сентября 1799 г. состоялся военный совет. Фельдмаршал встретил генералов в мундире при всех орденах. Он говорил, казалось, сам с собою. Князь Пётр Иванович Багратион пересказал нам эту речь:

«— Теперь идти нам вперед на Швиц невозможно. У Массена свыше шестидесяти тысяч, а у нас нет и полных двадцати. Идти назад – стыд!.. Русские и я никогда не отступали! Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей на пищу, а менее того боевых артиллерийских снарядов и патронов. Перед нами враг сильный, возгордившийся победою...

Победою, устроенной коварной изменой!.. Нет, это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, разумное, рассчитанное предательство русских, столько крови своей проливших за спасение Австрии.

Помощи теперь нам ждать не от кого. Одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых... Мы на краю пропасти... Но мы русские! Спасите, спасите честь и достояние России и её самодержца!

С этими словами Суворов пал на колени. Генералы остолбенели. Охваченные единым чувством, они велели говорить за всех старейшему – Вилиму Христофоровичу Дерфельдену:

– Отец наш Александр Васильевич! – вскричал старый соратник Суворова. – Мы видим теперь и знаем, что нам предстоит. Но ведь и ты знаешь нас... Всё перенесем и не посраим русского оружия! А если падём, то умрём со славою!

– Мы русские! Клянемся в том пред всеильным Богом! – перекрестились генералы.

– Надеюсь! Рад! – воскликнул Суворов. – Помилуй Бог, мы русские! Благодарю, спасибо! Разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством будет! Победа! С Богом!»

«О, я не забуду до смерти моей этой минуты! – вспоминал князь Багратион. – ...У меня происходило необычайное, никогда не бывавшее волнение в крови... я был... в состоянии восторженном, в таком, что, если бы явилась тьма-тьмушая врагов, я готов бы был с ними сразиться... То же было и со всеми». Генералы передали свое воодушевление полкам. «Одна лишь сила воли русского человека, – утверждал Багратион, – с любовью к Отечеству и Александру Васильевичу могла перенести всю эту пагубную напасть»¹⁰⁵.

Воодушевление и решимость войск были важной частью победы Суворова в Альпах¹⁰⁶. Но в основе её лежал один не душевный порыв, как часто изображают в литературе, а строгое военное искусство. Суворов не мог покинуть Муттенскую долину, не закупив у местного населения продуктов, запас которых как раз здесь и кончился. Хуже обстояло с боеприпасами, хотя часть пороха удалось отбить у французов. Особой проблемой была износившаяся, не согревающая солдат форма и развалившаяся, не приспособленная для действий в горах обувь. Их солдаты умели чинить, но для этого в боевых действиях нужна была хоть небольшая пауза.

Суворов сумел дать её войскам. Он всегда умел выкроить солдатам время для отдыха. В Альпах он был возможен только в долине, где имелось жильё и было относительно тепло, несмотря на длившиеся весь поход проливные дожди, в горах со снегом. Отдых дивизии получали в разное время: Суворов скомбинировал боевые действия так, чтобы при их непрерывности у всех частей были днёвки в долинах.

На военном совете было решено пробиваться в Австрию кратчайшим путём, на восток, через Гларис. Путь туда преграждал храбрый бригадный генерал Молитор, будущий маршал Франции. Выбив австрийцев с Глариса, он, нимало не беспокоясь за свой тыл, развернулся к ним спиной и выдвинулся на запад, в Клентале. Эта долина лежала на северо-восток от позиции Суворова, за горой Брагель. На северо-запад, по Муттенской долине, дивизия ещё одного будущего маршала, Мортье, закрывала русским путь на Швиц. От Швица расходились редкие в Швейцарии дороги, в том числе на северо-восток. Логичным казалось пробиваться через него. Но дороги давали французам возможность быстро перебросить их превосходящие силы и атаковать Суворова со всех сторон.

Массена (тоже будущий маршал, как все, прошедшие школу Суворова), деморализовав Римского-Корсакова и австрийцев, стягивал силы к Муттентале со всех сторон, желая предупредить любое движение Суворова. Даже за спиной его, в Альтдорфе, получил подкрепления Лекурб (впоследствии только из-за политических взглядов всего лишь граф империи и пэр Франции). Массена не исключал, что Суворов изберёт более удобный и стратегически выгодный путь назад. На любом пути вперёд русские были бы атакованы с двух сторон.

Чтобы вывести армию из Швейцарии, Суворову надо было бить врага с фронта и тыла, «в хвост и гриву». Так он и поступил, вначале дезориентировав французов, а затем разгромив их ещё не битых генералов. 18 сентября он отправил через гору Брагель австрийскую бригаду Ауфенберга, обозначив для французов направление своего движения. Ауфенберг шёл с армией Суворова весь поход, хорошо показав себя ещё при штурме Сен-Готарда. На следующий день за ним двинулся авангард Багратиона.

«19-го, – рапортовал Суворов Павлу I, – генерал-майор князь Багратион выступил из

¹⁰⁵ *Старков Я. М.* Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 212–218.

¹⁰⁶ О выходе армии из окружения: А. В. Суворов. Документы. Т. IV. № 400, 520.

Мутенталя с его авангардом пополуночи в 7 часов чрез горы к местечку Гларису. Дойдя до деревни Кленталь, нашел он там сражающегося с французами императоро-королевской службы генерал-майора Ауфенберга. Князь Багратион тотчас послал полк егерский Миллера 3-го и 100 пеших казаков влево по дороге, дабы взять у неприятеля тыл, поручив оных в команду случившемуся тут подполковнику графу Цукато. Два же батальона гренадёрских... отрядил также влево от горы, а остальные два батальона... построил прямо по дороге, сам же он с полком егерским имени его пошел вправо. Неприятель, имевший тогда превосходнейшее число войск, распределился на четыре колонны, произведя наступательный ружейной огонь.

Он (Багратион. – *Авт.*) тогда выслал передовых стрелков егерей и приказал начать перестрелку. Сам, подаваясь вперед, взял гораздо у неприятеля правый его фланг, потом, нимало не мешкав, закричал ура, ударил штыками и в ту же минуту опрокинул первые его две колонны, побил и поколол на месте более 79 человек, в плен взял полкового командира, 3-х офицеров и 162 человека рядовых, прочих обратил в бегство и гнал до самого озера, Сейруте называемого (оз. Рутен. – *Авт.*), где по причине узкого пути многие бросались в воду, так что потонуло более 200 французов. Невзирая на приближение ночи, преследовал он остальных, поражая беспрестанно по дороге штыками, и гнал до тех пор, пока не прибыл генерал-майор князь Горчаков с частью войск, им командуемых (полком дивизии Розенберга. – *Авт.*). Потом принял он влево к горе, держась небольшого возвышения, где в рассуждении ночи расположился лагерем вблизи от неприятеля.

20-го поутру рано неприятель, как был встревожен ружейными выстрелами посланных патрулей, то в ту же минуту отвечал сильным ружейным же залпом. Тогда авангард, соединившись с первой дивизией генерал-лейтенанта Швейковского, вступил снова в дело. Неприятель, сколько не противился, пользуясь неприступным местоположением и присовокупленными к оному укреплениями, был опрокинут. При сём сражении командовавший батальоном полка имени князя Багратиона майор Брауерт убит. Сражение сие продолжалось до 10 часов пополудни, и во время ночи генерал-майор князь Багратион занял передовые пикеты и расположился лагерем».

Путь на Гларис был открыт. Молитор вместе с прибывшей к нему на помощь бригадой Газана (в литературе бригады обоих генералов напрасно именуются дивизиями) был отброшен на север. 21-го Багратион и дивизия Повало-Швейковского расположились на отдых в селениях Нетшталле и Гларисе. 23 сентября к ним подошли через Брагель оборванные и голодные солдаты Розенберга, за два дня нанесшие 15-тысячному войску Массена такие удары, что противник отказался от преследования русских.

* * *

Русский штык прорвался сквозь Альпы.

Корпус Розенберга, отразив атаку французов при Альтдорфе, пришёл в Муттенскую долину через Росшток 17 сентября и остановился на отдых. Лишь утром 19 сентября французы, накопившись в Швице, двинулись на него силами дивизии Мортье. 8 тыс. французов с утра завели перестрелку, а в 14 часов пошли в атаку против 7 тыс. русских. Мортье действовал осторожно, выдвинув впереди авангарда стрелков. Передовые егеря полка Кашкина и казаки Денисова и Курнакова заманили французский авангард к главным силам. При поддержке мушкетёрского полка Ребиндера неприятель был смят.

Мортье уверился, что разведка силы русского арьергарда, и двинул в бой «по косограм с обоих флангов» свои главные силы. Французские колонны храбро пошли вперед и были внезапно контратакованы свежими мушкетёрскими полками Ферстера, Милорадовича и Велецкого. Сбив врага штыками, русские гнали его 6 вёрст, нигде не позволяя остановиться и закрепиться. Французы потеряли 500 человек убитыми, 70 пленными, до тысячи ранеными, около сотни их потонуло в реке. Казаки «вброд и вплавь»

форсировали реку Муттен и гнали бегущих по горам и лесам до Швица. «Ночь пресекла сие сражение» и войска Розенберга заняли прежние позиции.

Наутро взбешённый неудачей Массена атаковал всеми силами (15 тыс.) «с большой стремительностью». Французы устремились в бой колоннами с неистовой яростью. Это решение пылкого полководца было предугадано Розенбергом ещё с вечера. Генерал-майор Вилецкий с одним батальоном его полка был выдвинут вперёд, чтобы вместе с пикетами боевого охранения заманить французов под удар главных сил. «Вилецкий, выполняя в точности ему приказанное, с передовыми пикетами и его батальоном, отстреливаясь, отступает к левому флангу и заманивает неприятеля за собой в ровную долину к устроенным там в боевом порядке нашим силам», развёрнутым в две линии. Дав залп, русские пошли в штыковую атаку. Опрокинутого врага преследовали и поражали бегом. Некоторые батальоны второй линии опередили первую. Французы побросали пушки, на дороге случился затор.

Гренадёрам особенно приглянулся офицер на великолепном коне, в роскошном мундире и сияющих золотом эполетах. Решили взять живьем, пробились сквозь строй врага, уж схватили за шиворот – ан, не повезло! Француз вывернулся, только коня потерял. Эполет сорвали – пленные признали потом, что с самого Массена. В полном беспорядке французы бежали из Муттенской долины. Пытались закрепиться у моста – только ещё несколько пушек потеряли. Наконец одни казаки могли угнаться за бегущим во все лопатки врагом. Пленные сказали, что генерал Массена удрал аж за Швиц. «День и ночь мы били врага в хвост и гриву, брали у него пушки и бросали в пропасти за неимением транспортов. Враг потерял в 4 раза больше нас. Мы везде проходили с победой», – писал Суворов.

Французов вновь, как при Нови, побили, как мальчишек, не обучившихся сражаться строем. Для опрокидывания их пылающих энтузиазмом, но нестройных колонн Розенберг использовал один левый фланг. Давать регулярное сражение всем корпусом он не мог – у него просто не было зарядов для ружей. Чтобы пылкий Массена не наделал новых глупостей, Розенберг послал швейцарцам в Швиц приказ заготовить продовольствие на 12 тыс. русских, которые вступят в город завтра, 21 сентября. А сам той же ночью спокойно двинулся через горы в Гларис. Французы весь день окапывались, готовясь защищать Швиц до последней капли крови.

Лишь 22 сентября Массена произвёл рекогносцировку: от русских в долине не было ни слуху, ни духу. В принципе, оставив в долине пушки, он ещё мог их догнать. Суворов должен был пробиваться на восток через Нефельс и Молис, преодолевая сопротивление бригад Молитора и Газана, затем дивизии Сульта. Но, по размышлению, Массена оставил идею остановить руками катящийся с горы огромный валун. Лавры освободителя Швейцарии он завоевал; они лучше смотрелись на голове, чем на могильной плите. Пока Массена размышлял, чтобы так ничего и не предпринять, аррьергард Розенберга шёл через гору Брагель в снег, заметавший дорогу, более суток, с холодной ночёвкой, зато с множеством трофеев и пленными, включая генерала Ла Кура Гюйо.

Суворов высоко оценил победы Розенберга: «Потеря неприятельская при Альтдорфе и в два дня при Мутентале простирается убитыми: 1 генерал да разных чинов свыше 4000. Пленено: генерал-майор Ле Кур, полковников 3, штаб и обер-офицеров 37, нижних чинов 2778, пушек отбито 10, один единорог и знамя». Русские, включая авангард Багратиона и корпус Дерфельтена, потеряли убитыми 22 офицера и 639 солдат, ранено было 17 штаб-офицеров, 35 обер-офицеров и 1317 нижних чинов.

Большинство раненых, в том числе Багратион и Горчаков, горели желанием сражаться. Лишь 800 тяжело раненных Суворов оставил в домах швейцарцев, вместе с ранеными французами, которые не перенесли бы пути по горам. Он очень беспокоился, чтобы «вероломцы» французы отпустили этих раненых по выздоровлению, приняв предложенный им негласный обмен. Мало кто обращал внимание, что войска Суворова тащили с собой по горам 2,4 тыс. пленных французов, которых, при остром недостатке продовольствия, надо было кормить. Александр Васильевич не мог допустить, чтобы почти 4,5 тыс. русских, в

основном из корпуса Римского-Корсакова, оставались в плену. Он до конца жизни просил и требовал их обменять или выкупить, указывая саботирующему обмен гофкригсрату, что в Италии под его командой было пленено 80 тыс. французов (Д IV.413, 452, 453, 462–464, 518). Уже после смерти Суворова Бонапарт с почётом вернул русских пленных, заново их обмундировал и вооружив.

В ночь на 24 сентября 1799 г. русская армия двинулась от Глариса по маршруту, который французы не могли себе даже представить. Обходя все силы противника, Суворов повёл войска на юг, через уходящий в небо заснеженный хребет Паникс. Милорадович возглавил авангард. Багратион прикрывал этот беспримерный переход. Снег был очень глубок. По словам фельдмаршала, «на каждом шаге в сём царстве ужаса зияющие пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти». Идти по тропе можно было только по одному. С вершины, куда ни глянь, виделись лишь заснеженные горы и долины Граубюндена и Тироля. Не было видно ни тропинки, ни следа человеческого жилья. Не было ни одного куста или выступающей скалы, чтобы служить ориентиром.

Не было у русской армии и проводников. Но все помнили слова Суворова: «Где пройдёт олень – там пройдёт и русский солдат. Где олень не пройдёт, и там русский солдат пройдёт». К ночи перевалить Паникс успел только авангард и идущий с ним вьючный обоз. Армия заночевала на вершине. После дождя и снега ударил мороз. Одежда обледенела. Дров и укрытий не было. Продукты, даже отбитые у французов, все вышли. Поднявшийся ветер валил с ног. Особенно трудно было раненым, не захотевшим остаться с врачами и офицером переводчиком на милость французов внизу, в долине. Сказывалась потеря крови. Как ни старались товарищи отогреть их своими телами, люди замерзали. Тяжко пришлось старикам-ветеранам, бывшим с Суворовым ещё в Кинбурнском аду, под Фокшанами, Рымником и Измаилом.

Многие потом описывали бессмертный Швейцарский поход – но почти никто не захотел вспоминать ужас ночевки на Паниксе. Двести человек и почти все вьючные животные погибли. Горные пушки, которые русские тащили до сих пор, пришлось сбросить в пропасть. Арьергард Багратиона отбивался у Глариса от наседавших французов без них. Патроны тоже кончались, так что больше действовали штыком. Едва получив вести о приближении противника, князь Пётр атаковал его и разгромил.

«24-го весь корпус выступил из Нейталя чрез Гларис к Винтенбергу, – рапортовал Суворов Павлу I. – Князь Багратион, с частью войск, им командуемых, составлял арьергард, которого оставшийся позади неприятель вознамерился преследовать. Не доходя местечка Швандена, он извещается в таком его (генерала Мелитора. – *Авт.*) замысле чрез полковника Сычова и посылает немедленно один батальон егерей полка его имени чрез реку влево занять возвышение, а егерский полк Миллера 3-го под командой подполковника графа Цукато и другой батальон его полка оставил пред местечком Шванденом, выстроив в линию 4 батальона гренадёрских. Пройдя помянутое местечко, вскоре потом неприятель был встречен. В 7 часов утра началось сражение и продолжалось до 8-ми вечера. Неприятель имел тогда более 5000 и сражался весьма упорно, но быстрым отражением был опрокинут и прогнан до самого местечка Глариса, поражаемый жестоко штыками. Его побито более 150, в плен взято 3 офицера и 35 рядовых. Напоследок князь Багратион взял путь к назначенному лагерному месту, куда неприятель преследовать его более уже не осмелился. И так во всё сие время неприятельский урон простирается убитыми 510 человек, ранеными и здоровыми в плен взято 367 человек». Русских было 2 тыс., французов, по разному счёту, 5 или 7 тыс. Арьергард держал позицию всю ночь. Только наутро Багратион сам двинулся через перевал.

Спуск с Паникса оказался опаснее подъема. На противоположном склоне сильный ветер сдул снег в лощины, обнажив гладкий слой льда. Вдобавок разразилась метель. Сорвавшиеся солдаты разбивались о зловещие торчащие острые скалы. Только увидав погибающего товарища, можно было определить предательское место на тропе – и стараться найти другой путь, возможно, столь же смертельный. Солдаты пытались спускаться по заснеженным скатам в вырезанные по всему хребту лощины. Но и там дорога была не легче.

В лощинах неслись с горы ледяные потоки воды чуть не по колено глубиной. Обувь изнашивалась почти у всех – у офицеров в особенности. Вода катила вниз тяжелые камни, устоять, едва она поднималась выше колен, ни у кого не было сил. Люди были ослаблены голодом и холодом.

Выбирались опять на ледяные скаты и, положившись на русский «авось», стремглав летели вниз, вспарывая лед штыками. И тут офицерам с их шпагами приходилось труднее. Но босые генералы – Багратион, Милорадович, Розенберг, Дерфельден, Повало-Швейковский, Ферстер, Каменский – вели свои войска в бой со стихией столь же твёрдо, как командовали в сражениях. Суворов, всю дорогу бодрившийся и шутивший с солдатами, на спуске с Паникса ослаб. Два дюжих казака держали его вместе с лошадьёю с двух сторон. «Пустите меня, пустите! Я сам пойду!» – повторял временами фельдмаршал. Но казаки держали крепко и лишь иногда приговаривали: «Сиди!» Суворов повиновался.

Тепло, хлеб, мясо и водка ожидали воинов внизу. Армия имела множество больных и раненых. Все были истощены, оборваны и в большинстве босы. Но ни люди, ни природа так и не смогли изыскать преграды для суворовских солдат. Они прошли везде и сделали невозможное – историей.

«Все сии победы пребудут новым вечным памятником неукротимой храбрости российского войска», – оценил этот подвиг Александр Васильевич. Массена признал, что с радостью отдал бы все свои победы за один Швейцарский поход Суворова. Австрийцам, как ни странно, надеявшимся после всего случившегося на сохранение союза с русскими, было с презрением отказано. Указом императора Павла I русские войска, собравшись под командой Суворова в городе Линдау, выходили из объединения с «цесарцами». В Аугсбурге они принимали восторженные приветствия как победители.

«Я уж не знаю, что вам дать: вы поставили себя выше всяких наград», – писал Суворову Павел I. Нареченный князем Италийским, граф Суворов-Рымникский был удостоен воинских почестей, «отдаваемых особе его императорского величества». Вскоре войска торжественным парадом отдавали честь генералиссимусу Суворову. «Ставя вас на высшую степень почестей, – сообщал император, – уверен, что возвожу на неё первого полководца нашего и всех веков». На следующий день Павел подписал рескрипт о разрыве союза с Австрией и возвращении русских войск домой.

«Ура! Виват, генералиссимус!» – раздавалось на всем пути Суворова по Германии и Чехии. Даже французы, отпущенные им на родину, старались запомнить каждое слово великого полководца. Генерал Ле Кур, которому Суворов сорвал с куста розу в подарок супруге, хранил цветок всю жизнь как драгоценность. А Наполеон, считавший величайшим полководцем мира самого себя, старательно избегал упоминания о Суворове.

Историки затрудняются найти в веках подобие Швейцарскому походу 1799 г. «Выбери себе героя, – отвечает на это сам Александр Васильевич, – догоняй его, обгони его! Мой герой Цезарь. Альпы за нами и Бог перед нами! Орлы Российские облетели орлов Римских!»

Заключение

«Здесь лежит Суворов»

Редкий из выдающихся полководцев России, не сподобившихся принять смерть на поле боя, умирал во славе и почестях. Кончина величайшего из них подтверждает правило. Пока разболевшийся после Швейцарского похода Суворов возвращался в Петербург, придворная интрига сделала свое дело.

Император Павел I был разгневан на генералиссимуса за нарушение его пруссаческих уставов. Императора страшно раздражала любая мелочь; он не поленился даже прислать Суворову строгий выговор за содержание в итальянской армии дежурного генерала (Д IV.522)! Сооружение памятника полководцу было остановлено, торжественная встреча в столице – не только отменена, но запрещена. Въехать в Петербург Суворову приказали после наступления темноты, появляться в Зимнем дворце запретили.

Александр Васильевич, у которого открылись старые раны, прощался с боевыми товарищами в удаленном от центра домике своего родственника Хвостова. В 1 час 35 минут пополудни 6 мая 1800 г. сердце его остановилось. «Он с такой же твёрдостью встретил смерть, как и много раз встречал в сражениях, – написал старый друг генералиссимуса поэт Державин. – Кажется, под оружием она его коснуться не смела» (Д IV.523).

Власти запретили сообщать о смерти Суворова. Даже газета «Санкт-Петербургские ведомости», печатавшая объявления о мельчайших событиях жизни Северной столицы, обошла кончину генералиссимуса молчанием.

Похороны состоялись 12 мая в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Гвардия на них не была допущена. «За гробом, – по воспоминанию очевидца, – шли три жалкие батальона... Зато жители столицы заполнили все улицы, по которым везли его тело, и воздавали честь великому гению России». «При провозе гроба сквозь ворота, – рассказывает современник, – когда некоторым показалось, что он по тесноте не пройдёт, известно слово солдата, сказавшего: “Не бось! Пройдёт! Везде проходил!”»

Ощущение ветерана, что Суворов жив, было точным. На плите над своей могилой Александр Васильевич приказал высечь всего три слова: «Здесь лежит Суворов». Прочитав их, всякий понимает, что бессмертный дух полководца всегда остаётся с Россией, защищая её в самые трудные часы.

Несмотря на интриги Двора, невзирая на потрясающую глупость правителей и продолжавшийся развал русской армии, любимые ученики Александра Васильевича – Багратион, Милорадович, Раевский, Платов – осуществили его мечту, разгромив Наполеона, освободив Европу и победно войдя в Париж. Орден Суворова, учрежденный в 1942 г., вручается офицерам и генералам, проявившим воинское искусство на службе Отечеству.

После Суворова можно было плохо воевать. Можно было проиграть Аустерлиц, сдать французам Смоленск и Москву, ещё и получить за это награды. Можно было объяснять поражения в Крымской, Первой мировой и Великой Отечественной войне не бездарным командованием, не отношением к солдатам и офицерам как к исполнительным механизмам, не отсутствием «доброй совести», не провалом боевой подготовки и разведки, а различными хитрыми внешними обстоятельствами.

Однако после Суворова, побеждавшего всегда, быстро и малой кровью, какие бы оправдания ни выдумывали себе бездарные предводители, русской армии стыдно было плохо воевать, стыдно отступать, стыдно оставлять без защиты мирное население. Именно Суворов возродил и ввёл в военное дело эту важнейшую нравственную черту – стыд как часть «добродетели, без которой нет ни славы, ни чести». Весь XIX и XX вв. Александра Васильевича старательно изображали чудаком и простецом. Но – чудо – его нравственный пример столетиями ободрял именно умных и человеколюбивых. Суворов своим примером, как при жизни, продолжал строго укорять лживых «немогузнаек», позорящих имя солдата, офицера и генерала.

Наука Суворова, его искреннее человеколюбие и глубокая вера в людей, далеко опередившие его время, остаются основой передового военного искусства. Пусть даже не усвоенного теми, кто порождает и питает самого страшного врага Александра Васильевича – войну. Пока этот зверь, соединяющий худшие черты цивилизации, не добит, дух Суворова будет освящать победы России любовью к человеку и жертвенностью на благо человечности.

Иллюстрации

Генералиссимус А. В. Суворов. Неизвестный художник

В. И. Суворова – супруга А. В. Суворова. Художник В. Домашов

Портрет Натальи Александровны («Суворочки»), дочери А. В. Суворова. Неизвестный художник

П. А. Румянцев-Задунайский. Неизвестный художник

Взятие войсками А. В. Суворова и П. А. Румянцева крепости Кольберг в ходе Семилетней войны в 1761 г. Художник А. Е. Коцебу

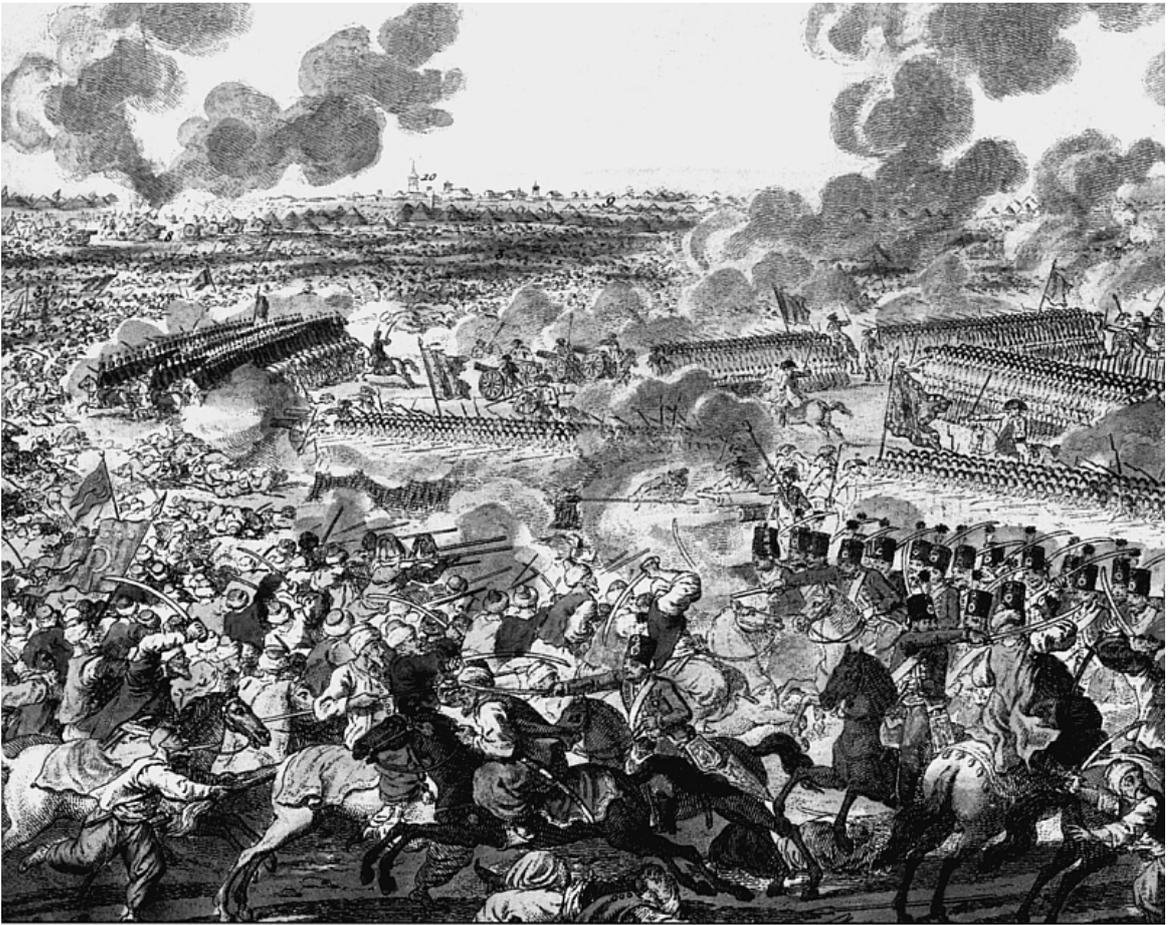
Штурм Очакова 6 декабря 1788 г. Художник Я. Суходольский

Памятник А. В. Суворову в Измаиле

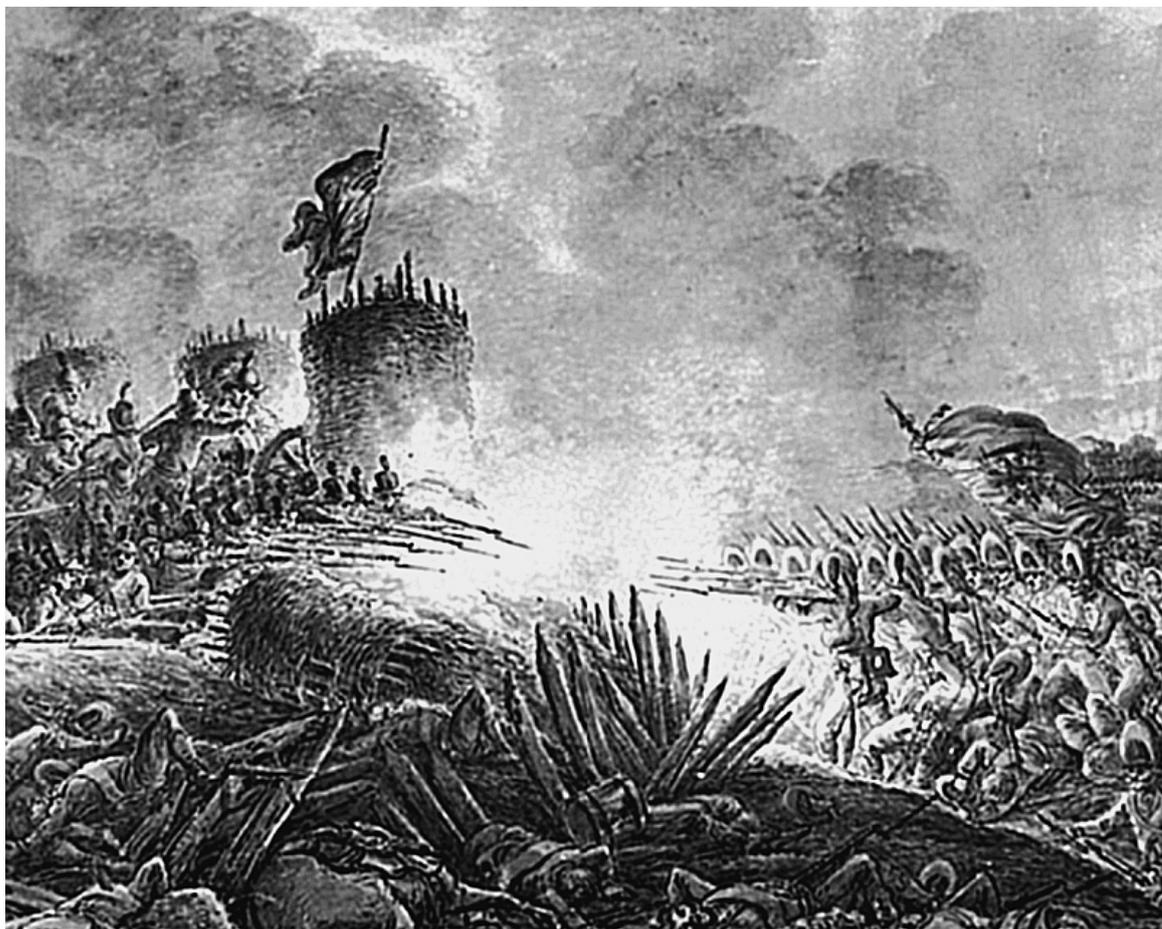
Сражение у Кинбурна. Неизвестный художник

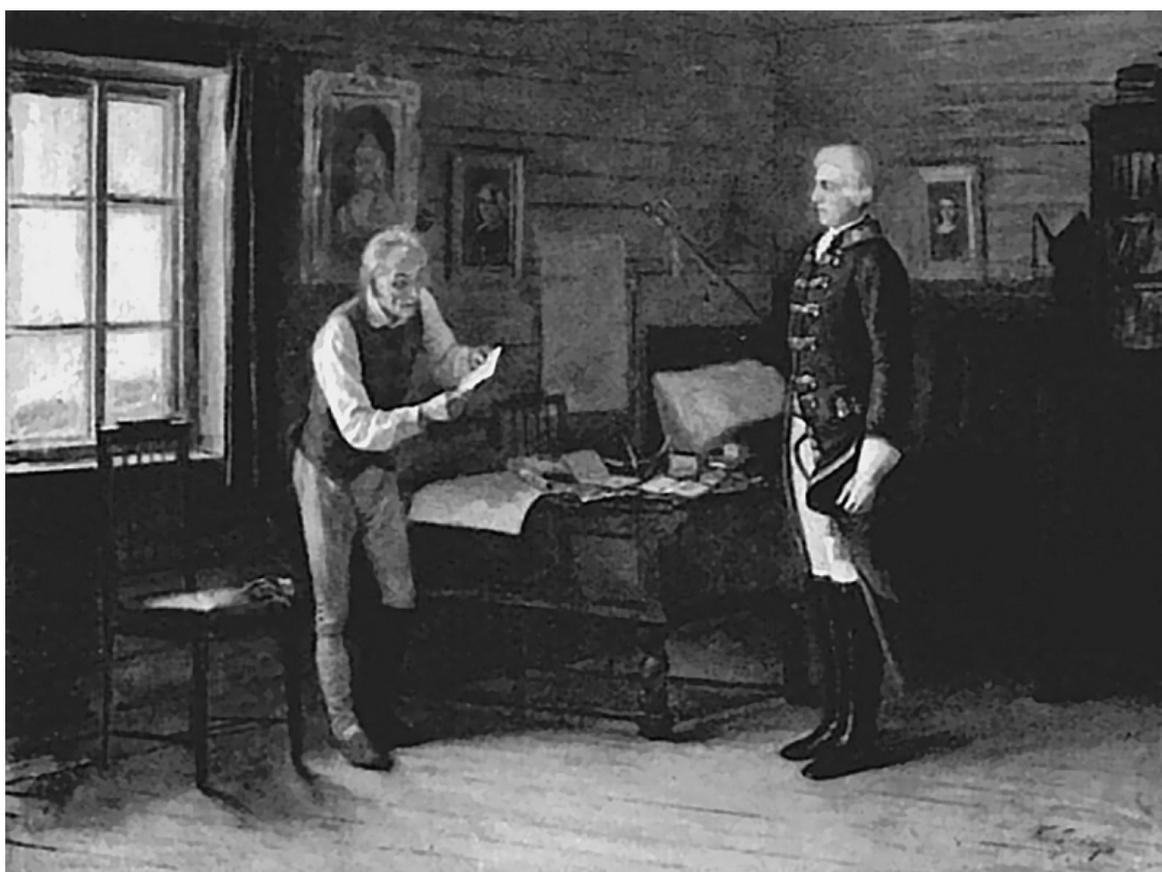
Победа при Рымнике. Художник Х. Г. Шютц

Комендант г. Уральска полковник Симонов передает пленного Пугачева Суворову. Неизвестный художник

Взятие А. В. Суворовым Праги в 1794 г. Художник А. О. Орловский

Суворов в ссылке получает приказ императора возглавить русскую армию против Наполеона. Художник П. Геллер

Отъезд А. В. Суворова из села Кончанского в поход в 1799 г. Художник Н. А. Шабунин

Дом-музей А. В. Суворова в Кончанском-Суворовском

Памятник А. В. Суворову в Кончанском-Суворовском

Сражение на р. Адде. Художник Н. Скиавонетти

Торжественная встреча Суворова в Милане в апреле 1792 года. Художник А. И. Шарлемань

Переход Суворова через Альпы в 1799 г. Художник В. И. Суриков

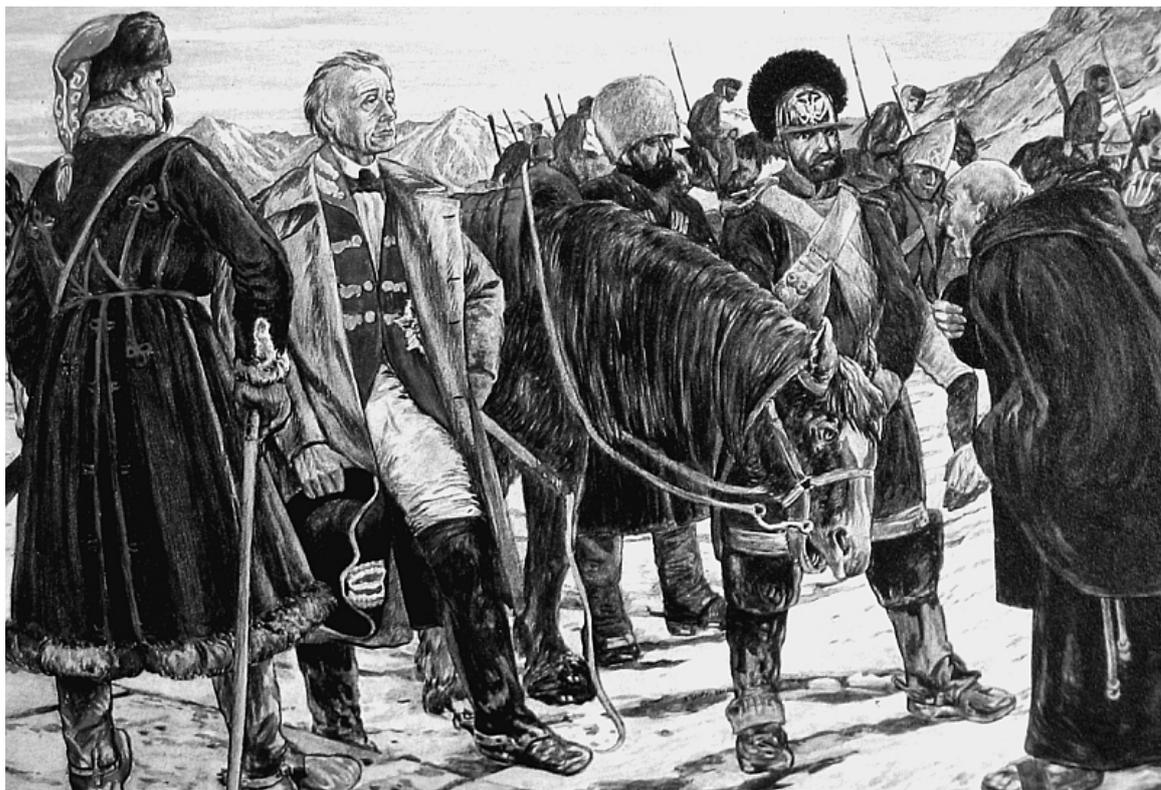
Переход через Альпы русских войск под командованием Суворова. Художник Р. Кер Пормер

Переход войск Суворова через Сен-Готард 13 сентября 1799 г. Художник А. Е. Коцебу

Фельдмаршал А. В. Суворов на вершине Сен-Готарда 13 сентября 1799 г. Художник А. И. Шарлемань

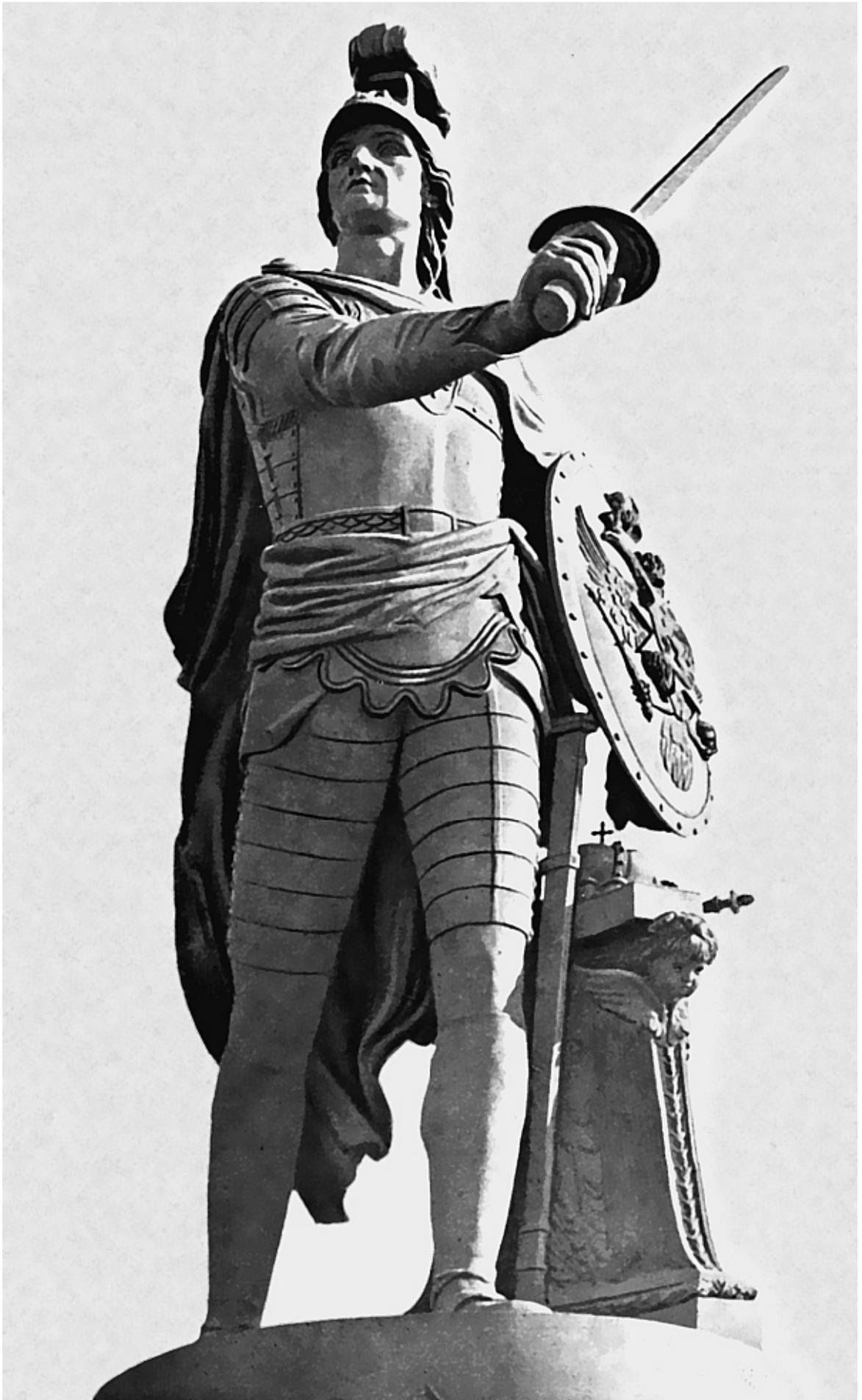
Встреча Суворова с настоятелем монастыря Сен-Готарда. Художник Г.-Б. Виланд

Памятник А. В. Суворову на перевале Сен-Готард

Изображения полководцев Румянцева, Потемкина и Суворова на памятнике «Тысячелетие России»

Памятник А. В. Суворову в Санкт-Петербурге

Надгробие на могиле А. В. Суворова в Александро-Невской лавре

